

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Б.А.СЕРЕБРЕННИКОВ

РОЛЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ФАКТОРА
В ЯЗЫКЕ
ЯЗЫК
И МЫШЛЕНИЕ

Ответственный редактор
член-корреспондент В.М. СОЛНЦЕВ

МОСКВА
"НАУКА"
1988

ББК 81
С 32

Рецензенты

доктора филологических наук *А.Д. Швейцер, В.Г. Гак*

Серебренников Б.А.

С 32 Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. —
М.: Наука, 1988. — 242 с.

ISBN 5-02-010878-2

О роли человека в существовании, функционировании и развитии языка существует обширная литература, тем не менее многие аспекты этой проблемы продолжают оставаться дискуссионными и требуют дальнейшего исследования. Данная работа представляет фундаментальное исследование сложной комплексной проблемы, охватывающей функционирование языка на всех уровнях. Она является логическим продолжением коллективного труда "Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира" (М., 1987).

С $\frac{4602000000154}{042(02)-88}$ 346-88-Н

ББК81

There is a voluminous literature on the role of a man in existing, functioning and development of the language, nevertheless many aspects of this problem remain open to question and demand a further study. The present work is a fundamental study of the complex problem including the language functioning on all levels. It is a logical continuation of the collective work "Role of the human factor in language. Language and the world picture" (Moscow, 1987).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография "Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление" представляет собой органическое продолжение предыдущего труда "Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира" (М., 1987), в котором, в частности, разрабатывалась тема создания языкового инвентаря (главным образом в области лексики). Этой теме посвящены начальные разделы новой предлагаемой читателю работы: "Роль грамматического строя в отображении языковой картины мира", "Процессы заимствования и взаимовлияния в языках", а также в известной мере специфический раздел "Процессы, происходящие в языке, но не имеющие непосредственного отношения к отображению картины мира". Все эти процессы развертываются в сфере, где действуют специфические законы, которые так или иначе на эти процессы воздействуют.

Однако приведение этих сведений было явно недостаточно для полноты изложения темы "Роль человеческого фактора в языке". Общеизвестно, что язык тесно связан с мышлением, хотя и не совпадает с ним полностью, как это пытались утверждать некоторые ученые, в частности марристы. Необходимо было показать сложный характер человеческого мышления во всей совокупности его различных типов и точнее определить роль так называемого словесного мышления.

Особого внимания заслуживает раздел "Общественное и индивидуальное сознание. Проблема субъективного и объективного в языке". Выяснение этой проблемы особенно важно, поскольку субъективное играет огромную роль в познании явлений и процессов мира, окружающего человека. Философы не всегда уделяют этой проблеме должного внимания.

В языке с достаточной очевидностью проявляются некоторые категории марксистской диалектики, поэтому необходимо было осветить проблему противоречий в языке, поскольку в существующей лингвистической литературе этому вопросу уделяется недостаточно внимания. Примеров противоречий в языке приводится мало, и их сущность часто не объясняется с достаточной ясностью. Особое значение здесь имеют разделы, поясняющие сущность непреодоленных и преодоленных противоречий.

Последователи Н.Я. Марра обычно пытались устранить в языкознании проблему имманентных законов развития языка. Как извест-

но, Н.Я. Марр утверждал, что любое изменение в языке отражает изменения в человеческом обществе. Утверждение о том, что в языке могут быть изменения, не зависящие от изменений в человеческом обществе, без каких-либо колебаний квалифицировалось как нечто противоречащее марксизму. Нет никакого сомнения в том, что борьба против имманентных законов развития языка отражает вульгарно социологическое представление о законах развития языка. Можно утверждать, в отдельных случаях на язык может оказать известное влияние история народа, и в то же время признавать имманентные законы развития языка. За примерами далеко ходить не надо. Давно, например, доказано, что звуковой комплекс может измениться, но значение остаться старым, ср. др.-сканд. *in* и совр. норв. *i* с тем же значением. Словесный знак также не стремится к абсолютно точному описанию обозначаемого им предмета, ср. рус. *медведь*, т.е. 'тот, кто ест мед'. Но ведь медведь не только питается медом. Эти особенности языка отражают имманентные законы изменения словесного знака, которые сами по себе не зависят от изменений, происходящих в человеческом обществе. Такие изменения в языке, как ассимиляции, также не зависят от каких-либо изменений в человеческом обществе. Поэтому отрицание имманентных законов развития языка не имеет под собой абсолютно никакой почвы, оно отражает полное непонимание того, что в действительности происходит в языках. Таким образом, этот труд имеет двойную направленность. С одной стороны, в нем выражено стремление представить некоторые процессы и явления языка в новом свете, с другой — освободить советское языкознание от пережитков марризма, которые, к сожалению, в отдельных случаях еще имеют место.

При создании этой монографии были широко использованы грамматические очерки различных языков, содержащиеся в труде Института языкознания АН СССР "Языки народов СССР", а также очерки языков, созданные отечественными и зарубежными языковедами.

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ В ОТОБРАЖЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Слова сами по себе не составляют языка. Язык практически существует в предложениях. Предложение не может быть построено, если оно не выражает определенных связей между входящими в состав данного предложения словами.

Исследовать роль грамматического строя в создании языковой картины мира — значит определить, что выражают грамматические формативы и какое отношение это выражение имеет к созданию языковой картины мира. Представление о грамматическом строе языка нередко ассоциируется с определенным набором языковых средств, выражающих отношения между словами. Но такое представление не совсем верно.

Грамматика имеет два назначения. Она располагает 1) средствами, указывающими на отношения между словами, и 2) средствами, которые выражают свойства различных предметов и явлений. К последним относятся, например, различные словообразовательные суффиксы прилагательных и существительных, а также глаголов. Известное исключение составляют залогообразующие суффиксы, которые могут выражать определенные отношения. Если слова могут называть отдельные предметы, признаки, действия, например *голова, нога, черный, зеленый, делать, есть* и т.д., то словообразовательные суффиксы выражают признаки, объединяющие некоторое множество предметов или признаков в определенные категории.

По сути дела, словообразованием должна была бы заниматься не грамматика, а лексикология и даже не столько лексикология, сколько типология, поскольку в данном случае исследователь имеет дело с лексическими типами слов.

Таким образом все формативы, с которыми имеет дело грамматика, можно разделить на две категории: 1) формативы, не выражающие отношений между словами и 2) формативы, выражающие отношения между словами.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМАТИВЫ,
НЕ ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СЛОВАМИ

Имя существительное

Существуют тысячи языков и диалектов. Совершенно невозможно учесть все возможные типы слов, которые способно выделить человеческое сознание. Однако с полным основанием можно предполагать, что количество основных типов конечно и вполне определено. Это дает возможность выделить словообразовательные типы, обладающие наибольшей частотностью.

Существительные с уменьшительным значением. Этот тип существительных в различных языках имеет довольно широкое распространение, ср. фин. *saare-ke* 'островок', *mure-ke* 'крошечка', эрзя-морд. *пенч-ке* 'ложечка', *вир-не* 'лесочек', нен. *харда-ко* 'домик', алб. *lul-ke* 'цветочек', афг. *топо-кай* 'ружьишко', *had-укай* 'косточка', тур. *kapi-cik* 'дверка', фин. *lammi-kko* 'прудик', рус. *води-ца*, *блин-чик*, *уточ-ка*, лат. *gald-inš* 'столик', *maj-ina* 'домик', *up-ite* 'речка', коми-зыр. *нянь-тор* 'хлебец', *йёв-тор* 'молочко', *яй-тор* 'мясо', болг. *пет-ле* 'петушок', *град-че* 'городок', *моми-че* 'девушка', венг. *ma-dár-ka* 'птичка', *háza-czka* 'домик' и т.д.

На базе уменьшительности часто развивается ласкательное значение, ср. нен. *тэкоце* 'олешек', рус. *девушка*, *дядюшка*, *братец*, *дубок*. В некоторых языках, например в литовском, наблюдается явный плеоназм суффиксов, имеющих уменьшительно-ласкательное значение. В нем употребляются по меньшей мере шесть суффиксов: *-elis/-ele*, *-ytisj-yte*, *-utis/-ute*, *-(i)ukas*, *-užis/-uže*, *-uželis/-užele*; ср. лит. *namas* 'дом'—*nam-elis* 'домик', *motina* 'мать'—*motin-ele* 'матушка', *brolis* 'брат'—*brol-ytis* 'братец', *vaikas* 'дитя'—*vaik-utis* 'дитяtko', *vejas* 'ветер'—*vej-užis* 'ветерок', *levas* 'отец'—*tev-uželis* 'батюшка' и т.п. [Орвидене 1975, 236].

Существительные, называющие действия. Довольно распространенный словообразовательный тип в различных языках, ср. рус. *блуждание*, *замечание*, *восклицание*, *делание*, *приготовление*, *бритие*, *развитие*, *вклейка*, *варка* и т.д.; алт. *сог-ыш* 'битва', кирг. *уч-уш* 'полет', тат. *сам-у* 'торговля', каз. *бар-у* 'хождение', кирг. *башкар-уу* 'управление', як. *ат-ыы* 'торговля', фин. *ääntä-minen* 'произношение', *kehittä-minen* 'развитие', эст. *laul-mine* 'пение', *külva-mine* 'посев', *loot-us* 'надежда', *muut-us* 'изменение', луг.-мар. *тунем-маш* 'изучение', *туред-маш* 'стрижка', *кучедал-маш* 'борьба', эрзя-морд. *налксе-ма* 'игра', *леде-ма* 'косьба', болг. *косит-ба* 'косьба', *почив-ка* 'отдых', *ходе-не* 'ходьба', венг. *vâr-âs* 'ожидание', *kér-és* 'просьба' и т.д.

Имена существительные, обозначающие качество предмета. Ср. фин. *korke-us* 'высота', *terve-ys* 'здоровье', лит. *ger-umas* 'доброта', лит. *bagat-iba* 'богатство', эрзя-морд. *паро-чи* 'доброта', алб. *bardhe-si* 'белизна', *buku-ri* 'красота', нем. *Schön-heit* 'красота', каб. *кIыфIагъ* 'темнота', коми-зыр. *немьд-лун* 'темнота', тат. *карачы-лык* 'темнота', эст. *suur-us* 'величина', *vaes-us* 'беднота', *ilud-us* 'красота', осет. *растд-зинад* 'правота', венг. *szép-ség* 'красота' и т.д.

Звукоподражательные имена существительные: фин. *hulina* 'шум, гул', *hal-ina* 'шум, гам, волнение', *jur-inä* 'грохот', *paikk-ina* 'треск, грохот, гул', тур. *gürül-tü* 'шум', аз. *гыч-ырты* 'скрежет', туркм. *ваг-ырды* 'шум' и т.д.

Существительные, обозначающие предназначение. Русскому языку этот словообразовательный тип не свойствен, но во многих других языках он встречается, ср. коми-зыр. *шыд-öс* 'крупа, нечто предназначенное для супа' (*шыд-суп*), *пурт-öс* 'ножны, нечто, предназначенное для ножа' (*пурт-нож*), каб. *жылапхэ* 'семена' (для посева), эрзя-морд. *кеть-кс* 'браслет' (предназначенный для руки), эвенк. *инап-тун* 'кольцо' (нечто, предназначенное для пальца) и т.д.

Название орудий действия. Ср. осет. *кæрд-æн* 'ножницы', монг. *чимк-ур* 'щипцы', эвенк. *ули-вун* 'весло', фин. *uist-in* 'блесна', коми-зыр. *кур-ан* 'грабли', *сын-ан* 'гребень', тув. *зы-ки* 'весло', каз. *тар-ак* 'гребень', тат. *сыз-гыч* 'линейка', *ач-кыч* 'ключ', тур. *bis-ak* 'нож' и т.д.

Собирательные имена существительные имеют довольно широкое распространение, ср. фин. *nuori-so* 'молодежь', *laiva-sto* 'флот', алб. *bredhi-shte* 'ельник', рус. *сосняк*, *березняк*, *ивняк*, эвенк. *дяг-даг* 'сосняк', лит. *augal-ija* 'растительность', *saly-nas* 'архипелаг', *kariuomene* 'войско', болг. *бук-ак* 'заросли бамбука', *орл-як* 'стая птиц', эст. *laeva-stik* 'флот' (некоторое количество судов), *kiuis-ik* 'сосняк', тат. *нарат-лык* 'сосняк', *каен-лык* 'березняк', чув. *хуран-сар* 'березняк'; венг. *paraszi-sag* 'крестьянство' и т.д. Иногда суффикс собирательной множественности присоединяется только к словам, называющим определенным видом предметов. Так в марийском языке при помощи суф.-эр (*орф.-ер*) от имен существительных образуются слова данного же грамматического разряда с собирательным значением, которые выражают понятия рощи, леса, состоящих из определенных пород деревьев или кустарников: *кожер* 'ельник' от *кож* 'ель', *нёлпер* 'ольховник' от *нёлпö* 'ольха', *пистер* 'липняк, липовая роща' от *писте* 'липа', *пунчер* 'сосновый бор' от *пүнчö* 'сосна', *шертнер* 'ивняк' от *шертне* 'верба' [СМЯ 1964, 74—75].

Нередко значение уменьшительности сопровождается определенным оценочным значением, значением пренебрежения, ср. рус. *замар-ашка*, *дом-ишко*, *шуб-енка*, *баб-енка* и т.д.

Широко используются уменьшительные слова и в целях экспрессии, ср. рус. *выпить пив-ка*, *заработать деньжишек*, *мужичка бы тебе найти*, *ружьишко пихонькое* и т.д.

Иногда слово может утрачивать присущее ему уменьшительное значение и уже воспринимается как обыкновенное слово, ср. рус. *солн-це*, фр. *sol-eil* 'солнце' из *soliculum* 'солнышко', чув. *камрйк* 'уголь' (из *уголек*), фин. *hevo-nen* 'лошадь' (из *лошадка*) и т.д.

Имена деятеля, а также слова, обозначающие название профессии. Этот тип слов также имеет довольно широкое распространение, ср. арм. *jahac-ran* 'мельник', *vors-ord* 'охотник', мар. *ечы-зе* 'лыжник', чув. *тимёр-çё* 'кузнец', тат. *балык-чы* 'рыбак', эвенк. *алагу-мни* 'учитель', *олому-мни* 'рыбак', алб. *mësu-es* 'учитель', *punë-tor* 'рабочий', тур. *av-si* 'охотник', *моні*: *мор-ч* 'конюх', *умш-ач* 'чтец',

эрзя-морд. *соки-ця* 'пахарь', коми-зыр. *уджал-ысь* 'рабочий', фин. *tuu-jä* 'продавец', *kut-oja* 'ткач', каб. *тхаклуэ* 'писатель', лат. *galdnieks* 'столяр', болг. *огн-яр* 'кочегар', *бръсн-ар* 'парикмахер' и т.п.

В некоторых языках наблюдается явный плеоназм суффиксов при образовании существительных, обозначающих профессию, ср. рус. *сы-щик*, *журнал-ист*, *сортир-овщик*, *врат-арь*, *пиль-щик*, афг. *хар-бун* 'погонщик ослов', *хидлмат-гар* 'слуга', *дуккан-дар* 'лавочник', *багэй-вала* 'извозчик', лит. *tarbau-tojas* 'служащий', *kirp-ejas* 'парикмахер', *vežkaj* 'извозчик', эст. *tööti-taja* 'трудоющийся', *opet-aja* 'учитель', *kal-ur* 'рыбак', *lent-ur* 'летчик', осет. *фысс-аг* 'писатель', венг. *hal-ász* 'рыбак' и т.д.

Иногда в существительном, обозначающем деятеля, имеется оценочное значение, ср. рус. *брод-яга*, *бедн-яга*, *вор-юга*, *жадн-юга*, *чын-уша*, *попрошай-ка*, *плак-са*, *растер-яха*, *тих-оня*.

Существительные, обозначающие место действия, вместилище'. ср. лтш. *mazga-tava* 'прачечная', *cep-tuva* 'пекарня', каб. *джэдэ-ц* 'птичник', *шэ-ц* 'конюшня', лит. *ligon-ine* 'больница', *mokyk-la* 'школа', фин. *ravinto-la* 'ресторан, столовая', афг. *гу-джал* 'коровник', *межа-тун* 'муравейник', арм. *hivando-noc* 'больница', *эвенк. инмэ-рук* 'игольник' (вместилище для игл), осет. *хца-дон* 'кошелек' (т.е. вместилище для денег), каб. *джэжэ-ц* 'птичник', лит. *arkl-ide* 'конюшня', тур. *saman-lik* 'сарай для соломы', рус. *пепельница*, *перечница*, эст. *haig-la* 'больница', *suvi-la* 'летняя дача', болг. *лет-ище* 'аэродром', *читал-ище* 'библиотека', *пристан-ище* 'пристань, гавань', осет. *хи-най-ан* 'купальня', фин. *lato-mo* 'наборная', *vali-mo* 'литейная'; венг. *nyomat-da* 'типография' и т.д.

Существительные, выражающие совместную деятельность. Ср. таг. *авыл-даш* 'односельчанин', аз. *јул-даш* 'товарищ, попутчик', чув. *пай-танг* 'состоящий в совместном пае', каб. *ныбжэ-гзу* 'сверстник, друг', *лэжэ-гзу* 'сотрудник' и т.п.

К более редким словообразовательным типам относятся: имена существительные, обозначающие обилие чего-либо, ср. арм. *kar-ut* 'место, где много камней', каб. *удзы-цлэ* 'место, густо заросшее травой', др.-тюрк *сув-лак* 'место, обильное водой', *ав-лак* 'место, обильное дичью' и т.д.

Суффикс *-гат/-нгэт/-нгот* в эвенкийском языке образует имена существительные со значением лица, которое должно кем-то стать: *асин-гат* 'невеста' (та, которая должна стать женой) от *аси* 'женщина', *бээнгэт* 'жених' (тот, который должен стать мужем) от *бэ* 'мужчина'. При помощи суф. *-ты* образованы некоторые имена существительные — названия людей или животных по употребляемой ими пищи: *моты* 'лось' (древоед) от *мо* 'дерево'; *хомоты* 'медведь*' от *хомо* 'ветки, кусты'; *илеты* 'людоед' от *илэ* 'человек' [Константинова, Лебедева 1953, 16]. Суф. *-ран/-рэн/-рон* присоединяется к названиям предметов и образует имена существительные со значением "ненастоящих" предметов: *пуртаран* 'ненастоящий нож' от *пурта* 'нож', *пэктырэвурэн* 'ненастоящее ружье' от *пэктырэвун* 'ружье'

В латышском языке имеется суф. *-jena*, образующий название поля, где было что-то посеяно: *rug-lena* 'поле, где росла рожь'.

Имя прилагательное

Имена прилагательные, так же как и имена существительные, образуют различные словообразовательные типы:

Уменьшительные прилагательные. Прилагательные этого типа обычно обозначают ослабленное качество, ср. коми-зыр. **омӧл-ук** 'плохонький', **уль-гӧм** 'сыроватый', чув. **шыв-ак** 'водянистый', тур. **dar-sa** 'узковатый', тат. **ал-су** 'розоватый', узб. **кок-иш** 'голубоватый', эрзя-морд. **ашо-ла** 'беловатый', удм. **вож-мыт** 'зеленоватый', удм. **сьод-алэс** 'темноватый', фин. **lyhyeh-kö** 'коротковатый', калм. **шар-втр** 'желтоватый', муу-хн 'плохонький', каб. **хужыгуэ** 'беловатый', луг.-мар. **ош-алге** 'беловатый', эст. **puna-kas** 'красноватый', **vana-ldane** 'староватый', **must-jas** 'черноватый', осет. **сырх-бын** 'красноватый', **тар-бын** 'темноватый', **сау-гомау** 'черноватый', **урс-гомау** 'беловатый' и т.д.

Прилагательные, указывающие на отношение к материалу. Ср. осет. **фист-ын** 'шерстяной', **гӕн-ын** 'льняной', фин. **kivi-nen** 'каменный' и т.д.

Прилагательные, обозначающие обилие качества: коми-зыр. **ошк-ӧсь** 'полный медведей', **шыр-ӧс** 'изобилующий мышами', монг. **уула-рхог** 'гористый', чув. **шав-лак** 'шумливый', **туратлй-мас** 'ветвистый', каб. **ины-шхуэ** 'большущий', лтш. **kalna-jus** 'гористый', **kaul-ains** 'кости-стый', фин. **kala-isa** 'рыбный', **tapli-kas** 'пятнистый', эст. **ande-kas** 'одаренный', осет. **цӕх-дӕжын** 'соленый' и т.д.

Прилагательные, указывающие на местонахождение или принадлежность к определенному времени: коми-зыр. **кар-са** 'городской', **сикт-са** 'деревенский', **вӧр-са** 'находящийся в лесу', луг.-мар. **ялы-се** 'деревенский', **ола-се** 'городской', **чодра-се** 'лесной', **кӧргы-сӧ** 'внутренний', ног. **тыс-кы** 'наружный', кирг. **баш-кы** 'начальный', фин. **mae-ilinen** 'расположенный на холме', чув. **ял-ти** 'находящийся в деревне', эрзя-морд. **веле-нь** 'относящийся к деревне', **ошо-нь** 'относящийся к городу*' и т.д.

Любопытно отметить, что прилагательные с этими суффиксами могут иметь значение 'относящийся к определенному промежутку времени', ср. коми-зыр. **ар-ся лун** 'осенний день', **тӧв-ся рыт** 'зимний вечер', **рыт-ся уж** 'вечерняя работа' [СКЯ 1955, 172]; луг.-мар. **шыжым-се** 'осенний', **телым-се** 'зимний', **йудым-сӧ** 'ночной' [Галкин 1964, 52]; як. **саас-кы** 'весенний', ног. **кыыс-кы** 'зимний', тув. **час-кы** 'весенний', узб. **ёз-гу** 'летний', аз. **ахшам-кы** 'вечерний', тур. **sabah-ki** 'утренний', шор. **кыш-кы** 'зимний', чув. **сур-ки** 'весенний', фин. **aamu-llinen** 'утренний', **illa-llinen** 'вечерний', **päivä-llinen** 'дневной', **talve-llinen** 'зимний', **yöllinen** 'ночной' [Хакулинен 1953, 141], чув. **сур-хи** 'весенний', эрзя-морд. **кизо-нь** 'летний' и т.д.

Прилагательные могут выражать сходство или подобие, ср. чув. **сана-шкал** 'подобный тебе', тур. **çocuk-su** 'похожий на ребенка', фин. **kettu-mainen** 'похожий на лису', нен. **нибя-раха** 'подобный игле' и т.д.

Прилагательные, выражающие склонность к чему-либо: рус. **драч-ливый**, **сон-ливый**, **ворч-ливый**, **стыд-ливый**, тат. **сугыш-чан** 'драчливый', кирг. **оорук-чан** 'болезненный'.

Выражение множественного числа

Множественное число в различных языках мира может обозначаться по-разному.

В китайском и японском языках множественное число предметов чаще всего никакими языковыми средствами не выражается. Исключения составляют личные местоимения и одушевленные имена существительные. Довольно редко употребляется показатель мн. числа и в корейском языке.

В некоторых папуасских языках, например в маринд, кате, имена, обозначающие неодушевленные предметы, вообще не имеют категории числа и сопровождаются глаголом в форме ед. числа [Леонтьев 1974, 64].

В эрзя-мордовском языке в основном склонении окончание мн. числа выражается только в именительном падеже. В косвенных падежах мн. числа оно полностью отсутствует.

В убыхском языке категория числа выражается в существительных недостаточно четко — в формах эргатива притяжательности и указательности, причем в отличие от других абхазо-адыгских языков в убыхском формы ед. и мн. числа выражаются не посредством специального морфологического элемента, а путем противопоставления форм аффиксов эргативного падежа, притяжательности и указательности. Другие формы существительного не содержат в себе указаний на число, т.е. они нейтральны [Кумахов 1967, 694].

Есть языки, имеющие только одно стандартное окончание мн. числа. Таковы, например, испанский, португальский, удмуртский, кабардино-черкесский языки: исп. *pueblo* 'народ' — *pueblos* 'народы', порт. *ovo* 'народ' — *ovo-s* 'народы', удм. *бусы* 'поле' — *бусы-ос* 'поля', каб.-черк. *унэ* 'дом' — *унэ-хэр* 'дома' и т.п. В финском языке два окончания мн. числа *-i* и *-/-*. Окончание *-i* употребляется только в косвенных падежах мн. числа.

Вариации суффиксов мн. числа иногда обусловлены фонетическими причинами. Например, в бурятском языке суффикс мн. числа *-гууд* употребляется после основ на заднеязычный *-н*, окончание *-нууд* — после основ на гласные, на *ь, ч, ш, щ, ж, л, р*. Значительное количество вариантов суффикса мн. числа в башкирском языке также обусловлено фонетическими причинами: *кыз* 'девушка' — *кыззар* 'девушки', *тас* 'камень' — *тастар* 'камни'.

Окончания мн. числа могут иметь также семантические различия. Множественное число в эвенкийском языке выражается посредством афф. *-л* и *-р*. В словах с основами, оканчивающимися на *-н*, показателем мн. числа может быть также афф. *-сал*. Выражение мн. числа посредством афф. *-сал* связано обычно с подчеркиванием множественности предметов, сочетающейся с оттенком собирательности [Константинова 1964, 42].

Многие языки обладают довольно большим количеством окончаний мн. числа. Современный албанский язык использует девять различных окончаний мн. числа. Наблюдаются случаи гипертрофического обозначения числа. В лакском языке, например, формантов мн. числа около 40 [Муркелинский 1967, 491]. В уэльском

языке употребляется 33 окончания мн. числа. Нередко присоединение окончания мн. числа сопровождается изменением корневого гласного: *gair* 'слово' — *geiriau* 'слова' [Vinay, Thomas 1953, 23, 24].

Большим количеством вариантов мн. числа отличаются языки, различающие именные классы.

Для арабского языка характерны формы так называемого ломаного мн. числа: *баб* 'дверь' — *абубабун* 'двери', *талиб* 'студент' — *туллабун* 'студенты', *илм* 'наука' — *улум* 'науки'; *харб* 'война' — *хуруб* 'войны' и т.д. Количество типов ломаного мн. числа тоже значительно.

В древних языках, а также в некоторых современных известно двойственное число. В ряде папуасских языков имя имеет формы даже тройственного числа: ава *iyap* 'собака', *iyatare* 'две собаки', *iyataro* 'три собаки', *iyamari* 'много собак' [Леонтьев 1974, 60].

Факты из истории различных языков показывают, что суффиксы абстрактной множественности возникли относительно поздно. Абстрактной множественности предшествовало понятие так называемой собирательной множественности.

Именные классы

Некоторые языки различают именные классы, например мужской, женский и средний роды в индоевропейских языках. Количество родов, или именных классов, в разных языках неодинаково. Кроме того, именные классы могут иметь свою специфику.

В картвельских языках категорию рода "замещала категория грамматических классов человека (личности) и вещи, прослеживаемая в окаменелых префиксах именных основ и в префиксах производных отыменных и отглагольных основ (причастия и имя действия — с реинтерпретацией функции, но с сохранением основного значения: категория "кто" и категория "что"), а также в отдельных глаголах" [Чикобава 1967, 19].

Очень необычно деление имен на классы в папуасских языках. Язык асамат различает пять классов: 1) "стоящие" предметы — узкие и высокие, например деревья или люди; 2) "сидящие" предметы — столь же высокие, сколь широкие, вроде дома, а также... женщины; 3) "лежащие" предметы — широкие и низкие. Сюда относятся, например, упавшие деревья, мелкие животные, особенно пресмыкающиеся, а также... только что вставшее из-за горизонта солнце или луна, 4) "плавающие" предметы: рыбы, лодки и сами реки, 5) "летающие" предметы, т.е. предметы, находящиеся выше обычного направления взгляда: птицы, насекомые, предметы, висящие наверху или лежащие в том месте, которое мы называли бы "антресолями" [Леонтьев 1974, 66].

Африканские языки обладают также довольно большим количеством классов. Существительные делятся на классы в зависимости от логической соотнесенности обозначаемого понятия (предметные классы, класс людей, класс животных, класс деревьев и др.), от относительной величины обозначаемых предметов (уве-

личительные и уменьшительные классы), а также от отношений, связанных с количественной характеристикой (классы со значением единичности, собирательности, непарности парных предметов). Особую группу составляют локативные классы, определяющие взаимоотношение двух предметов в пространстве [Мячина 1960].

Нетрудно заметить, что классы в африканских языках могут выражать не только признаки, но и отношения.

Нас в данном случае интересуют прежде всего классы имен существительных, основанные на признаках. Первый класс в языке суахили объединяет существительные, обозначающие людей, третий класс объединяет названия деревьев — и вообще растений, а также предметов, сделанных из дерева, пятый класс объединяет названия плодов, частей тела и некоторые **другие** имена, седьмой класс объединяет слова, обозначающие неодушевленные предметы, девятый класс включает названия животных, а также большую группу слов, обозначающих понятия, связанные с домашним бытом, семьей. К этому же классу относится большое число заимствованных слов с самой разнообразной семантикой. 11-й класс включает названия предметов, взятых как один из множества, 13-й класс объединяет существительные с абстрактным значением, 15-й класс объединяет существительные со значением действия, 16-й, 17- и 18-й классы не имеют постоянного состава имен существительных [Мячина 1960, 21,22,23].

Есть языки, в которых наблюдается гипертрофия именных классов. А.А. Леонтьев сообщает о папуасских языках, имеющих 30 классов [1974, 67]. По некоторым сведениям, в 'насиои их свыше 40, что отражается в согласовании с прилагательным, числительным и т.п. Это классы мужчин, женщин, крупных животных, птиц, **рыб**, плодов, групп людей, домов и т.д. [Там же].

Именные классы существовали и в **протоуральском** языке, но там они выражались довольно необычным способом. Во всех современных уральских языках обнаруживается довольно большое количество суффиксов, обозначающих многократное действие. Возникает вопрос, для чего уральскому праязыку понадобилось такое излишество многократных суффиксов. Выясняется далее, что все эти многократные и уменьшительные суффиксы явились результатом переосмысления суффиксов, имеющих значение собирательной множественности. С большей или меньшей достоверностью можно выделить десять суффиксов собирательной множественности: **-a(-ÿa)**, **-ч'**, **-и(-ÿ)**, **-к(-кк)**, **-л**, **-м**, **-н**, **-р**, **-с'**, **-т**. Можно предполагать, что каждый из этих собирательных суффиксов имел какое-то специфическое значение, а это могло возникнуть только в том случае, если в уральском праязыке существовали классы собирательной множественности. Следовательно, классное деление имен существительных в уральском праязыке было представлено только в суффиксах собирательной множественности.

Во всех языках, имеющих классное деление имен существительных, наблюдается процесс разрушения их систем. Роды в ряде индоевропейских языков исчезли (иранские языки, армянский,

английский), в балтийских языках исчез средний род. Почти совершенно исчез средний род в албанском. Противоположный процесс происходит в новогреческом языке, где средний род вытесняет мужской и женский. Род в русском языке, и особенно средний, не поддается никакому логическому обоснованию. В некоторых кавказских языках классные показатели в именах существительных не проявляются. Признаки разрушения системы классных показателей наблюдаются также в африканских языках.

Что касается познавательной ценности классных показателей, то она относительно невелика. Иногда классные показатели обозначают реальные свойства предметов, например принадлежность к естественному мужскому или женскому полу, неодушевленным предметам, но часто эти признаки совершенно непригодны для научной классификации имен существительных (сидячие, лежащие, плавающие, продолговатые и круглые предметы).

Категория принадлежности

Категория принадлежности выражается тем или иным способом во всех языках мира. Способы ее выражения довольно разнообразны, в том числе окончанием род. падежа. Этой способностью также обладают его семантические аналоги — аналитические конструкции, изафетные конструкции, так называемый *status constructus* и даже простое соположение двух имен существительных.

Средством выражения категории принадлежности может быть также местный падеж.

Универсальным средством выражения категории принадлежности являются притяжательные местоимения. Во многих языках мира широко распространены притяжательные суффиксы. В кабардино-черкесском языке лично-притяжательные формы образуются от чистой основы имен существительных прибавлением префиксальных морфем для 1-, 2-и 3-го лица обоих чисел, например *си унэ* 'мой дом', *уи унэ* 'твой дом' и *унэ* 'его дом' и т.д. В якутском языке личное местоимение может употребляться в роли притяжательного: *мин атым* 'моя лошадь'.

Наблюдаются случаи гипертрофического выражения принадлежности. Отношение принадлежности в языке суахили выражается при помощи притяжательной частицы *-a*. В результате слияния этой частицы с местоименными префиксами различных классов образуется много различных показателей принадлежности.

1 - <i>wa</i>	9 - <i>ya</i>	4 - <i>ya</i>	15 - <i>kwa</i>
2 - <i>wa</i>	10 - <i>za</i>	7 - <i>cha</i>	16 - <i>kwa</i>
3 - <i>wa</i>	\\ - <i>wa</i>	8 - <i>ya</i>	17 - <i>mva</i>

Категория определенности

Категория определенности во многих языках мира находит языковое выражение. Чаще всего она выражается артиклем, который может быть препозитивным или постпозитивным. В **артиклевой** функции иногда используется притяжательный суффикс 3-го лица (монгольские **языки, язык коми**).

В некоторых языках артиклевую функцию имеет винительный падеж. Суффикс вин. падежа в этих случаях указывает, что объект действия является определенным. В языках, не имеющих артикля, определенность чаще всего устанавливается контекстом или специальными показателями (например, в китайском языке).

Категория лица

Обычным и повсеместно распространенным способом выражения категории лица являются местоимения.

Категорию лица также выражают личные окончания. Однако существуют языки, в которых личные окончания отсутствуют.

Обозначение способов протекания действия (вид и акционсарт)

Обозначение способов протекания действия представляет важнейшую коммуникативную необходимость. Можно без всякого преувеличения сказать, что в мире нет ни одного языка, в котором указанная необходимость так или иначе не осуществлялась. Даже в случае отсутствия специальных показателей способ протекания действия может определяться **контекстом**. Роль контекста можно показать на примерах из татарского языка. **Фатыйма укып бетерде. Ана бик озак кул чаптылар** 'Фатима кончила читать. Ей долго аплодировали'. Наречие *озак* 'долго' показывает, что действие, выраженное формой *чаптылар*, было длительным. **Улквнне бөтен лагер Поляков турында сөйләде** 'В этот день весь лагерь говорил о Полякове'. Словосочетание **бөтен лагерь** 'весь лагерь' показывает, что о Полякове говорил не один человек, а многие. **Бу жәйне алар кәтүдә очәуләп йврдәләр** 'Этим летом они пасли стадо втроем'. Словосочетание **бу жәйне** 'этим летом' говорит о том, что срок пастбы был длительным. Следовательно, само действие было многократным. **Ул бешен кешедән кубрэк эчте, бешен кешедән кубрэк жырады, кубрэк көлде** 'Он больше всех пил, больше всех пел и больше всех смеялся', т.е. *кубрэк* 'больше всех' сообщает, что пили, пели и смеялись многие, и он был исполнителем всех этих действий, которые совершались многократно.

Контекст может также указывать на законченность действия. Ср. тат. **Хәлим жылыштан туңып, ачыгып кайтты Бишмәтен, бурген салып атты, кугэргэн кулларын учак у тына тыкты** 'Халим вернулся с собрания замерзший и проголодавшийся. Снял бешмет, шапку, а посиневшие от холода руки протянул к огню'. Предложение 'Халим возвращался с собрания замерзший и проголодавшийся, снимал бешмет, шапку и посиневшие от холода руки протягивал

к огню' было бы совершенно бессмысленным, поскольку повторяемость действий, определенная их типизация была бы логически не оправданной. *Уф ардым, — диде ул елмаен 'Ох устала, — сказала она, улыбаясь'. Наличие длительного действия или состояния здесь также было бы бессмысленным ('Ох уставала'), поскольку говорящий в данном случае хочет выразить состояние, которое уже наступило. Контекст может определять характер действия и в других языках, ср. луг-мар.: Батальон ятыр жап чодра дене ошкыльо 'Батальон долго шел по дремучему лесу'. Ятыр жап 'длгое время' показывает на длительность действия. Эрзя-морд Сон вансь менелеть лангс, вансь ковонть лангс 'Она смотрела на небо, на луну'. Перевод 'Она посмотрела на небо, посмотрела на луну' в данном случае был бы бессмысленным.*

Развитию вида как грамматической категории в сильной степени препятствует именно наличие контекстуальных условий, когда характер протекания действия, его длительность или законченность сравнительно легко определяются из общего текста сообщаемого. Этим и объясняется тот весьма показательный факт, что во многих языках категория совершенного и несовершенного вида вообще не развита.

Но в большинстве случаев языки располагают особыми средствами для выражения различных способов протекания действия. Например, в русском языке находят регулярное выражение **совершенный** и **несовершенный в и ды**.

"Категория вида обозначает, что действие, выраженное глаголом, представляется: а) в его течении, в процессе **совершения**. а- тем самым в длительности или повторяемости, например: *жить, петь, работать, ходить, читать*; б) как ограниченное, сосредоточенное в каком-либо пределе совершения — будет ли это момент возникновения, начала действия или же момент его завершения, его результат, например: *запеть, кончить, побежать, пропеть, прийти, узнать, уйти*.

Глаголы, обозначающие длительное или повторяемое действие, называются глаголами несовершенного вида; глаголы, обозначающие действие в какой-либо момент его совершения, действие в его пределе, в его результате, называются глаголами совершенного вида" [ГРЯ 1952, 420].

"Самое основное в семантическом содержании видов, — замечает А.В. Бондарко, — заключается в том, что совершенный вид выражает действие в его целостности, но не в процессе его протекания, тогда как несовершенный вид, не обладая признаком целостности действия, может выражать действие как процесс" [Бондарко 1971, 17].

В русском языке виды глагола образуются разными способами. Наиболее распространенный способ — образование совершенного вида посредством приставок: *писать—написать, сеять—засеять, звать—назвать* и т.д.

Некоторые бесприставочные глаголы несовершенного вида образуют совершенный вид посредством суф. -ну-: *брызгать—брызнуть, чихать—чихнуть* и т.д.

Несовершенный вид глагола может быть образован посредством суф. *-ыва (-ива-), -ва-, -а-, -и-*: *написать—написывать, разбить—разбивать, выпустить—выпускать, обличить—обличать, впускать—впустить* и т.д.

В грузинском языке совершенный вид может образовываться также при помощи приставок, например: *ga-vida* 'вышел', *sa-vida* 'ушел' и т.д.

"Несовершенный вид в осетинском языке выражается или отсутствием у глагола какой-либо приставки, или посредством суффикса *-цӕй*. Совершенный вид выражается при помощи приставки" [ГОЯ 1963, 237].

В китайском языке значения видов могут выражать результативные и результативно-направленные глаголы при помощи особых суффиксов, например: *mo dao* 'нащупать', *xiū hǎo* 'отремонтировать', *zō-shang* 'взойти'. Форма, образуемая суф. *-le*, указывает, что действие имело место в прошлом (время) и что оно завершено (вид), например: *ta lai le* 'он пришел'. Значение длежащего действия может быть выражено при помощи суф. *-guo, -zhe* и *zai* [Горелов 1974, 26—31].

В таитянском языке существуют определители видо-временного плана, или служебные слова, придающие глаголу видовое значение. Определитель *ua* выражает законченное, завершённое действие, *te-ra* выражает значение несовершенного действия, *i(na)* выражает значение однократного совершенного действия [Аракин 1981, 53, 54].

В тайском языке несовершенный вид выражается отсутствием видовых показателей. Служебное слово *лэу* придает глаголу значение совершенного вида (*пом кин лэу 'я поел'*) [Морев и др. 1961, 74].

Категория глагольных видов в монгольских языках образуется аналитическим и синтетическим способами. Аналитический способ образования глагольных видов заключается в сочетании основного глагола, употребленного в деепричастной форме, с вспомогательным глаголом как модификатором значения основного глагола. Все сочетания глаголов — основного и вспомогательного выражают характер протекания действия, результат его — завершенность и незавершенность, его проявление в начале, в развитии и конце. Глаголами-модификаторами могут выступать: *суух* 'сидеть', *авах* 'брать', *хэвтэх* 'лежать', *дуусах* 'кончатся', *эхлэх* 'начинать', *явах* 'ходить', *ирэх* 'приходить', ср. *бичиж суув* 'писал', *оож авлаа* 'сшил', *татаж авьзг* 'выдернул', *ууж дуусав* 'выпил', *ирж явлаа* 'приходил', *горч ирэв* 'вышел'. Синтетический способ заключается в присоединении к основе глагола глагольных суффиксов, например: *ган ка-лз-ах* 'колебаться', *долги-л-ох* 'выплескиваться', *зур-ь-их* 'нарисовать' [Тодаева 1951, 114—121].

Эти способы образования глагольных видов существуют также в тюркских и в некоторых восточных финно-угорских языках, ср. тат. *сызгырып жибэрдём* 'свистнул', *ашап бетердём* 'съел', чув. *сунсе ларчэ* 'потух', каз. *окып шыкты* 'прочитал' и т.д.;

мар. *шууын пышен сгнил, савырнен шогала* повернулся, удм. *лобъыса вуиз* 'прилетел', *куртчысабасътӱз* 'укусил' и т.д.

В корейском языке три вида: завершённый, длительный и многократный. Формы завершённого и длительного видов образуются сочетанием формы соединительного причастия с соответствующим служебным глаголом [Мазур 1960, 78].

Для создания видовых значений широко используются вспомогательные глаголы в новоиндийских языках. Для выражения законченности действия в хинди могут употребляться глаголы: *чукна* 'оканчиваться', *джана* 'уходить', *дэна* 'давать', *чхорна* 'оставлять', *дална* 'бросать', *утхна* 'вставать', *ана* 'приходить', *лэна* 'брат', *рахна* 'класть', *парна* 'падать' [Баранников 1959, 1286, 1287]; ср. *лаут джана* 'возвратиться', *дэ чхорна* 'отдать' и т.д. Так называемые дуративные, или длительные, глаголы образуются с помощью вспомогательного глагола *рахна* 'пребывать': *мӱй бол раха ху* 'я говорю' (длительно, без перерыва) [Там же].

Во многих языках мира видовые значения могут выражаться путем использования специализированных в видовом отношении глагольных времен. Ярким примером такого использования может служить имперфект в латинском языке. Имперфект в латинском языке всегда обозначал длительное действие (лат. *laudabam* 'я хвалил'). Это значение сохраняется и в имперфектах современных романских языков, ср. исп. *me levantaba* 'я вставал', рум. *vorbeam* 'я говорил', *lucram* 'я работал' и т.д.

Таким же свойством обладал имперфект в древнегреческом, ирландском и в древнеиндийском.

Определенная видовая направленность также характерна для албанского и новогреческого имперфекта.

Почти во всех современных индийских языках (хинди, урду, бенгали, синдхи, пенджаби, маратхи, гуджарати и т.д.) различается прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное. В цыганском языке форма прошедшего совершенного времени обозначает действие или состояние прошедшее и законченное. Формы прошедшего несовершенного времени обозначают длительное действие или состояние в прошлом, совершавшееся несколько раз [Вентцель 1966, 642]. В кабардинском языке различается прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное [Шагиров 1967, 174]. Прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное имеются в грузинском, мингрельском и армянском языках.

Хорошо прослеживается связь глагольных времен с видовым значением в болгарском языке. Аорист в болгарском языке обозначает действие, совершенное до момента высказывания. Прошедшее несовершенное время (имперфект) обозначает действие, не оконченное к моменту речи в прошлом. Совершенное прошедшее время и прошедшее длительное различаются в белуджском языке. В таджикском языке глагол в форме простого прошедшего указывает на факт совершения действия в прошлом. Глагол в форме прошедшего длительного времени выражает длительное и многократное действие

в прошлом [Керимова 1966, 223]. То же явление наблюдается в персидском языке. Прошедшее длительное существует в курдском языке. Талышский язык различает два длительных прошедших времени — прошедшее длительное 1-е и прошедшее длительное 2-е. Глагол в форме прошедшего длительного 1-го означает обычное многократное действие в прошлом. Глагол в форме прошедшего длительного 2-го обозначает длительное действие в прошлом без оттенка обычности [Пирейко 1966, 311]. В молдавском языке семантическая дифференциация некоторых временных форм также используется для выражения временных значений. Так, простое прошедшее выражает в основном мгновенное действие, в то время как сложное прошедшее передает длительное или повторяемое действие [Корлэ-тяну 1966, 545]

Аорист (прошедшее совершенное) в армянском языке означает только совершенное действие. Существует также прошедшее несовершенное время (*эрум ей 'я писал'*).

В эвенкийском языке прошедшее время изъявительного наклонения указывает, что действие уже совершилось [Константинова, Лебедева, 1953, 150]. Наряду с ним существует прошедшее многократное. Прошедшее многократное время глагола изъявительного наклонения указывает, что действие многократно повторялось [Там же, 151].

Прошедшее незавершенное и прошедшее завершенное различается также в ительменском языке [Володин, Жукова 1968, 340]. Прошедшее 1-е в алеутском языке означает завершенное действие [Меновщиков 1968, 398].

Прошедшее совершенное время в чеченском языке обозначает действие, завершившееся в прошлом, а прошедшее несовершенное употребляется для обозначения длительного или обычно повторяющегося действия. Времена этого типа также различаются в ингушском языке.

Времена с видовым значением имеются в татском языке. Простое прошедшее время в татском языке обозначает законченное однократное действие. Прошедшее многократное время может употребляться для обозначения действия, многократно повторявшегося в далеком прошлом [Гринберг 1966, 293]. Прошедшее длительное обозначает действие, длившееся в определенный момент в прошедшем времени [Там же, 294]. В афганском языке различается три прошедших времени: прошедшее несовершенного вида, прошедшее совершенного вида и прошедшее многократное время.

Специализированные в видовом отношении глагольные времена существуют в абхазском языке. Прошедшее несовершенное обозначает действие, протекавшее в прошлом в виде длительных или многократных актов [ГАЯ 1968, 167]. Форма прошедшего неопределенного времени указывает на завершенное действие и используется чаще всего при повествовании [Там же]. Употребление аориста связано с выражением завершенности действия [Там же, 108]. Инфинитивное образование давно прошедшего времени на *хьов* употребляется для выражения длительного времени [Там же, 109].

Прошедшее совершенное существует в маньчжурском языке, ср. *ала-ха* 'сказал' [Пашков 1963, 36]. Прошедшее совершенное и несовершенное различает современный ассирийский язык [Церетели 1964, 53].

Лакский язык различает прошедшее незаконченное [Муркелинский 1967, 499]. В даргинском языке различается прошедшее совершенное и несовершенное [Там же, 517]. То же самое явление наблюдается в лезгинском языке [Мейланова 1967, 517] и различаются в агульском [Магометов 1967, 562]. Прошедшее несовершенное существует в рутульском языке [Джейранишвили 1967, 584]. Б.Б. Талибов отмечает прошедшее длительное в цахурском языке [1966, 1967, 602]. Прошедшее длительное время имеется в курдском языке [Бакаев 1966, 271].

В литовском языке существует так называемое прошедшее время многократного вида (*dirbdavau* 'я обыкновенно делал*').

В арабском языке существует прошедшее длительное время, образованное из формы прошедшего времени вспомогательного глагола *кана* 'быть' и формы настояще-будущего времени основного (значимого) глагола [Ковалев, Шарбатов 1969, 513].

2-е прошедшее, или перфект, в марийском языке также способно выражать длительное действие: *Мый ушкалым чодраш нанга-енам, пуйм руэнам* 'Я корову в лес водил, дрова рубил'; *Тидым нерген мый лудынам* 'Я об этом читал'.

Во многих языках мира выражаются различные более частные особенности протекания действия, которые составляют так называемый **акционсарт**, в отличие от видов.

Довольно часто в различных языках мира действие многократное противопоставляется действию однократному. Многократное действие: *эрзя-морд. кант-л-емс* 'носить неоднократно', *як-сь-емс* 'останавливаться часто', *сёрма-л-емс* 'часто писать', *васт-н-емс* 'встречать неоднократно', *мокша-морд. веш-енд-емс* 'искать многократно', коми-зыр. *мун-лы-ны* 'ходить часто', *босьт-л-ыны* 'часто возвращаться', *пот-ыл-ыны* 'выходить многократно', луг-мар. *колт-ыл-аш* 'посылать часто', *лукт-ед-ылыш* 'вытаскивать', фин. *astuskella* 'похаживать', *halkoa* 'раскалывать', *hyppelhtiä* 'попрыгивать', эст. *kõne lema* 'говорить часто', *mõitiskelma* 'обдумывать', норв.-саам *addašit* 'раздавать', венг. *döföl* 'толкать', *эвенк. гирку-кта-ми* 'ходить много раз, бродить'.

В некоторых языках многократное действие может иметь еще более дробную характеристику.

В **якутском** языке существуют так называемые формы раздельной кратности. Они образуют такую повторяемость действия, при которой каждый повторяющийся элемент действия получает некоторую самостоятельность (*дьалкы-лдьый* 'мерно и энергично плескаться' [ГСЯЛЯ 1982, 300]). В **якутском** языке существуют также формы учащенной кратности. Под учащенной кратностью понимается ускоренная повторяемость движения или его элементов, например *малахаччый* 'делать быстрые резкие движения' [Там же, 301]. Форма замедленности показывает, что действие или динамический образ,

выражаемые основой глагола, проявляется в медленном темпе, например *айба-арый* 'широко раскидываться в медленном движении' [Там же, 302].

Подобные видовые оттенки существуют также в эскимосском языке. Ускоренный вид обозначает действие, совершающееся быстрым или ускоренным темпом. Глаголы замедленного вида обозначают действие, совершающееся замедленным или тихим темпом [Меновщиков 1960, 278]. В эскимосском языке существует вид слабого протекания действия.

Много способов протекания глагольного действия выражается в чукотском языке: вид длительной непрерывности (постоянности); вид прерывности **длительного** действия; вид изредка совершающегося действия; вид очередности обоюдного совершения, например *кут-дейтык 'вставать'* (поочередно); вид массовости действия, например *пылкэтръук* 'тонуть' (о множестве); вид ускоренности действия; вид постепенности действия выражает постоянность совершения данного действия; вид интенсивности действия; вид ослабленности, прерывистости данного действия выражает прерывистость действия с оттенком ослабленности; вид начала действия; вид завершенности действия; вид предельной полноты действия, например *тау-амэчаты-к* 'совершенно скрываться'; вид неполноты действия: *мэч-вири-к* 'спускаться немного'; вид частичности действия: *чик-эймэв-ык* 'приближаться слегка'; вид ограниченности действия: *эм-пирик* 'только брат' [Скорик 1977, 199].

Глагол может иметь и более одного маркированного вида. Иногда в нем сочетаются два и даже три видовых аффикса, обозначающих различные оттенки протекающего действия. Обычно в глаголе может одновременно выражаться такая разносторонняя видовая характеристика:

- 1) ускоренность и непрерывная длительность действия,
- 2) ускоренность и прерывистость длительности действия,
- 3) непрерывная длительность и массовость действия,
- 4) начало непрерывной длительности действия,
- 5) начало постепенного завершения действия [Там же, 201].

Довольно подробно различные оттенки действия выражаются в ненецком языке. Длительность характеризует непрерывное действие. Образуется эта форма при помощи суф. *-мба (-ба -на)*; ср. *пире(сь)* 'сварить', *пиреба(сь)* или *пиремба(сь)* 'варить' [Терещенко 1965, 902]. Форма множественного действия выражает повторность, многократность действия, совершение его многими лицами или переход на многие предметы. Показателем его является *-р*. При образовании данной формы наблюдается ряд изменений в звуковом составе глагольной основы: *тэмда(сь)* 'купить', *тэмдорць* 'покупать'. Форма множественного прерывистого действия служит для обозначения повторного действия, происходящего с перерывами. Показателем его является суф. *-нга*: *тёре(сь)* 'крикнуть', *тёренг(ась)* 'то вскрикивать временами, то замолкать'. Форма обычного действия употребляется в тех случаях, когда речь идет о действиях, совершающихся обычно. Показателем ее является суф. *-сеты (-зеты,*

-цеты): хангурцеты 'он обычно **болеет**'. Форма несовершенного действия выражает наиболее общее значение несовершенности действия, она выражается суф. *-нго, -н(а), -д(а), -т(а)*.

Некоторые языки, например эвенкийский, обнаруживают необычайно подробную детализацию различных способов протекания действия.

Структурно аспектуальные формы эвенкийского глагола образуют следующую серию пар:

	<i>дав-а-д-дай</i> 'ловить'
	<i>дав-а-л-дай</i> 'начать ловить'
	<i>дав-от-дай</i> 'ловить обычно'
	<i>дав-у-т-тай</i> 'держать'
	<i>дав-гара-дай</i> 'ловить не раз'
	<i>дав-кат-тай</i> 'ловить многих'
<i>дав-дай</i> '(из)ловить' —	<i>дав-а-дан-дай</i> 'ловить с перерывом, медленно'
	<i>дав-ван-дай</i> 'ловить изредка'
	<i>дав-у-с-тай</i> 'ловить много раз'
	<i>дав-а-на-дай</i> 'пойти ловить'
	<i>дав-а-нас-тай</i> '(с)ходить поймать мгновенно'
	<i>дав-а-малчи-дай</i> 'ловить быстро'
	<i>дав-а-м-дай</i> 'хотеть ловить'
	<i>дав-а-мал-дай</i> 'захотеть ловить'
	<i>дав-а-счи-дай</i> 'пытаться ловить'
	<i>дав-сан би-дэй</i> 'сделать вид, что ловишь'

[Роббек 1982, 17].

Формально может быть также выражена интенсивность совершаемого действия. Суф. *-щэ* в кабардинском языке вносит в глаголы значение чрезмерности и избыточности действия: *кIутэ-щэ-н* 'продвинуться слишком', *щысы-щэ-н* 'сидеть **слишком** долго' [ГКЧЛЯ 1970, 182]. В якутском языке существует так называемый ускорительный вид, выражающий действие, совершаемое ускоренно: *хаам-пахтаа* 'шагай быстрее' [ГСЯЛЯ 1982, 278]. Значение интенсивности действия имеет глагольный суф. *-тта, -ттä* в финском языке. По своему значению слова с этим суффиксом лишь немногим отличаются от коренных слов, представляя собой их соответствия с более интенсивным значением [Хакулинен 1953, 254]; ср. фин. *ehdättää* 'ринуться, поспешить', *ennättää* 'успевать, настигать' и т.д.

В коми-зырянском языке существует особый глагольный суф. *-ав-, -ал-*, обозначающий рассредоточенное глагольное действие. Рассредоточенность глагольного действия может иметь место при следующих условиях: 1) при наличии множественности субъектов действия и их пространственной рассредоточенности, например: *Му вылö вод-ал-існы еджыд бобувьяс* 'На землю ложились белые бабочки', 2) при наличии множественности субъектов действия и направленности их действий на разные объекты, например: *Кадысь кадö шыбл-ал-існы югыд ракетаяс* 'Время от времени пускали яркие ракеты', 3) при единственном числе субъекта, но направленности

его действия на разные объекты, например: *Ме лэптали гирая* 'Я поднимал гири'.

Так называемый дистрибутивный и многократный виды в коми-зырянском языке связаны общностью происхождения. Элемент *-л-*, содержащийся в показателе дистрибутивного вида, является по-видимому, наиболее древней формой многократного суффикса.

В языке коми существует рефлексивный вид. Рефлексивный вид характеризует действие, завершившееся в относительно короткий период времени, после которого вновь наступает возврат к первоначальному состоянию, которое предшествовало этому действию, ср.: *Мыччысьліс вавылас сӧмын лолыштны* 'Показался на поверхности воды, чтобы вздохнуть'. Суф. *-лы* в форме *мыччысьлык* показывает, что человек появился на поверхности воды на очень короткое время, чтобы вздохнуть, и нырнул под воду снова. Интересно отметить, что такое же значение есть и в мансийском языке: *квалыглаңко ве* 'встать и снова лечь' [Ромбандеева 1966, 354]. То же значение обнаруживается в селькупском языке: *patauytugo* 'нырнуть и вынырнуть' [Кузнецова и др., 1980, 228—229].

Довольно часто выражается однократное действие. Ср. фин. *huoahtaa* 'вздохнуть', *kiskaltaa* 'рвануть', *kirkaista* 'крикнуть', коми-зыр. *рез-ӧбт-ны* 'брызнуть', *кыз-ӧкт-ыны* 'кашлянуть', удм. *бышк-алт-ыны* 'быстро ударить, полоснуть', эст. *seisatama* 'внезапно остановиться', луг-мар. *шук-ал-аш* 'толкнуть', *пу-ал-аш* 'дунуть' и т.д.

Транслативные глаголы означают переход в определенное качество. Ср. аз. *аз-ал* 'уменьшаться', *бош-ал-* 'пустеть', узб. *муз-ла-* 'леденеть', кирг. *арык-та-* 'зудеть', чув. *ват-ал-* 'стареть', луг-мар. *тошт-ем-аш* 'стареть', *из-ем-аш* 'становиться маленьким', *шем-ем-аш* 'чернеть', коми-зыр. *из-мы-ны* 'каменеть', *том-мы-ны* 'молодеть', удм. *урод-мы-ны* 'похудеть', узыр-мы-ны 'разбогатеть', *вож-ект-ыны* 'зеленеть, становиться зеленым', *горд-экт-ыны* 'покраснеть', *сӧдд-экт-ыны* 'почернеть, потемнеть', *ляб-зӧ-ыны* 'ослабеть', *вузь-ыны* 'отсыреть' и т.д., эрзя-морд. *валдо-м-омс* 'стать светлым', *чувто-м-омс* 'одеревенеть', манс. *монь-м-уӧкве* 'уменьшаться', *пирся-м-кве* 'стареть', фин. *huononee-* 'ухудшаться', *kuhlenee-* 'охлаждаться', венг. *kamenu-ed-ik-* 'делаться твердым', *szerül-* 'хорошеть', *rövidül-* 'укорачиваться', эст. *are-ne-ma* 'развиваться', *kuju-ne-ma* 'образовываться', *kaive-ne-ma* 'расширяться', *tuge-ve-ne-ma* 'усиливаться', як. *ыыр-аа-* 'тяжелеть', *сон-оо-* 'толстеть', *харан-ар-* 'темнеть', *хара-тый-* 'почернеть', эрзя-морд. *берянь-гадо-мс* 'худеть', *оргал-гадо-мс* 'заболеть', *беря-кадо-мс* 'ухудшиться'.

Начинательные глаголы в некоторых языках также могут иметь особый показатель, ср. нен. *пись-ла-сь* 'засмеяться', *марна-л-ць* 'затрещать', эрзя-морд. *чара-зеве-мс* 'завертеться', мокша-морд. *лака-зеве-мс* 'закипеть', коми-зыр. *лэб-зӧ-ыны* 'полететь'.

В некоторых языках имеет место выражение малой меры действия. Наиболее четко это прослеживается в языке коми. Средством ее выражения является глагольный суф. *-ышт*. Понятие малой меры является в известной степени относительным — от мгновенности и до довольно значительного объема "относительной" маломерности

действия", ср. коми *вӧръз-ышт-ыны* 'шевелинуться', *мал-ышт-ыны* 'ощупать', *рипъял-ышт-ны* 'слабо мерцать', *пӧль—ышт-ны* 'слегка дуть (о ветре)'.
Действие малой меры может выражать глагольный суф. *-ылаа* в якутском языке: *ой-уолаа-* 'попрыгивать', *поскакивать*, *сот-уолаа* 'тереть слегка', *ыт-ылааа* 'постреливать' и т.д. [ГСЯЛЯ 1982, 286].

В селькупском языке также имеются суффиксы, обозначающие малую меру действия, ср. *qattartuqo* 'слегка ударить' [Кузнецова и др. 1980, 230—231].

Необычные способы протекания действия отмечаются в папуасских языках, например, действие совершенное в пользу какого-то другого лица: *асмат aw- 'жарить'* — *aw-tan-* 'жарить для кого-л.', напрасное действие, действие, которое кто-то собирается совершить и т.д. — подробнее см. [Леонтьев 1974, 60].

Как говорилось выше, влияние контекста нередко приводит к тому, что видовые показатели не получают достаточно широкого развития и не выражают полностью все видовые оттенки. Нередки случаи, когда возникают специальные глагольные суффиксы для выражения таких характеристик глагольного действия, как мгновенность, многократность и т.д., однако эти показатели распространяются не на все глаголы, а только на сравнительно небольшую группу. Так, например, в марийском языке есть суф. *-ал\-л-*, выражающий однократное действие, и суф. *-ышт*, выражающий многократное действие, однако эти суффиксы могут присоединяться к весьма ограниченному числу глагольных основ.

Наклонения

Наклонением называется грамматическая категория, выражающая отношение действия или состояния к действительности. Трудность трактовки категории наклонения состоит в том, что оно тесно связано с временем, но эта связь имеет специфические особенности. Все косвенные наклонения можно разбить на две группы.

Есть наклонения, тесно связанные с планом будущего. Обычно это те наклонения, которые выражают желание, просьбу, побуждение, намерение, предположение и т.д. Выражаемые этими наклонениями действия фактически нереальные, т.е. в данный момент не происходящие. Говорящий только предполагает или желает, чтобы в близком или далеком будущем они осуществились: *сядь рядом, пойдем и послушаем, я должен это сделать, чтоб ты лопнул, приду, если прикажешь* и т.д.

Есть наклонения, связанные с уже осуществившимся действием, но говорящий не совсем уверен, что оно осуществилось, поскольку он сам не был очевидцем. Наглядным примером в этом отношении может быть наклонение неочевидности в тюркских языках, ср. тат.: *Борын заманда булган, ди, бер кеше, анын булган, ди, вч улы* 'Был в древние времена, рассказывают, один человек и было у него, говорят, три сына' (из татарской сказки). Говорящий сам не является очевидцем данного факта и сообщает о нем со слов

других. В его высказывании есть некоторый оттенок неуверенности. Эта же неуверенность может быть выражена и в греческом языке: **"εἶπεν, ὅτι γράφει"** 'Он говорил, что он пишет' — неуверенность выражена формой опатива.

В различных языках мира наклонений немного. Наиболее распространенными являются условное и желательное.

Из косвенных наклонений в русском языке употребительно только повелительное. Ни конъюнктива, ни опатива в русском языке нет. Это объясняется тем, что значения различных наклонений в русском языке могут быть выражены при помощи модальных слов и частиц.

Модальные частицы неоднородны по своему значению. Одни из них выражают волеизъявления говорящего, другие выражают отношение к действительности или к сообщению о каких-либо фактах. Модально-волевые частицы обычно употребляются при глаголе-сказуемом, привнося в значение сказуемого оттенок желательности, повелительности, возможности, долженствования. Очень употребительна приглагольная частица *бы*, которая в одних случаях привносит в значение сказуемого оттенок желательности, в других указывает на долженствование (*ехать бы, шагать бы*). Препозитивная частица *ну* может **придавать высказыванию** различные модальные оттенки, в частности оттенок побуждения к действию (*А ну, нажимай*). Частица *-ка* выражает побуждение, совет, смягченное требование (*Скажи-ка дядя*). Модальные частицы *давай, дай-ка, давайте* выражают побуждение к действию (*дай-ка я погляжу*).

В группу модальных частиц, выражающих отношение к действительности, входят разнородные по своему значению частицы — утвердительные, отрицательные, вопросительные, обозначающие субъективную передачу чужой речи; частицы, выражающие отношение к достоверности высказываемого; сравнительные частицы, ср.: *Ларец с секретом; Так он и без замка. Да, дерзкий человек!* К частицам, обозначающим субъективную передачу чужой речи, относятся употребляемые обычно только в разговорной речи частицы **де, дескать, мол** и нек. др. К модальным частицам, выражающим отношение к достоверности высказываемого, относятся частицы, устанавливающие, действительно ли, достоверно ли явление, о котором говорилось в предложении. Таковы, например, *авось, вряд ли, едва ли, едва ли не, пожалуй, чай, чуть ли не*. Употребление будущего времени в русском языке также способно передать различные модальные оттенки, поскольку таковые очень часто содержатся в значении будущего времени [ГРЯ 1952, 643—644, 648]. Для конъюнктива в русском языке нет соответствующей формы; в некоторых случаях (в главных предложениях, что бывает довольно редко) он переводится будущим временем, например **ἴωμεν** 'пойдем', повелительным наклонением, например **μὴ ποιήσης** 'не делай'; в других случаях (в придаточных предложениях, в которых он по большей части употребляется) он переводится русским условным и изъявительным наклонением.

Для оптатива в русском языке нет соответствующей формы. В главных предложениях он служит для выражения желания и переводится оборотом 'о если бы' с прошедшим временем (т.е. 'о если' с условным наклонением); в соединении с частицей *äv* он служит для выражения возможности и переводится условным наклонением или оптативом 'могу' с неопределенной формой (как латинский *conjunctivus optativus*). В придаточных предложениях оптатив без частицы *äv* переводится условным и изъявительным наклонением. В соединении с частицей *äv* он переводится так же, как и в глагольных предложениях [Соболевский 1948, 85].

Сходное положение наблюдается и в языке коми, в котором кроме изъявительного наклонения существует только **повелительное** и условное. Различные модальные оттенки могут выражаться разными способами, например: *Кьлӧдам став лэдзӧм вӧрсӧ* 'Сплавим весь заготовленный лес'. Желание выражено формой настоящего-будущего времени изъявительного наклонения: *Мед олас коми йӧз!* 'Да здравствует коми народ!' Желание выражено формой будущего времени и модальной частицей *мед*.

В латинском языке, где исчез древний оптатив и остался один конъюнктив, функции оптатива принял на себя конъюнктив. В латинском языке выделяется так называемый *conjunctivus optativus*, или сослагательное желание. Он употребляется для выражения желания, чтобы что-либо случилось или не случилось в будущем, в настоящем или прошедшем. Например: *Di tibi dent, quaeque optes* (Плавт) 'Да дадут тебе боги все, что ты желаешь' [Соболевский 1948, 194—195].

Вообще значения конъюнктива и оптатива в индоевропейском языке были, по-видимому, очень близки. В индоевропейском языке существовали три наклонения — индикатив, конъюнктив и оптатив. Значение конъюнктива во всех языках, где он сохранился, варьируется. В некоторых контекстах он выражает нечто желаемое, служит также для выражения побуждения, в других он выражает действие, которое должно произойти. Конъюнктив употребляется в вопросительных предложениях, когда спрашивают о том, что должно произойти: лат. *quid agam* 'что мне делать?' По-видимому, общим значением конъюнктива было действие, хотя и не происходящее в действительности, но ожидаемое. Этим объясняется то, что в латинском, кельтских и — в отдельных случаях — в греческом конъюнктив получил значение будущего времени [Савченко 1974, 291].

Оптатив имеет два различных значения. С одной стороны, он выражает нечто желаемое, с другой, оптатив выражает действие возможное. Таким образом, значение оптатива сходно со значением конъюнктива. Различие состояло, по-видимому, в том, что конъюнктив выражал **большую** степень вероятности, чем оптатив [Там же, 293]. Этим объясняется и тот факт, что в различных языках мира он встречается значительно чаще. Конъюнктив либо совершенно отсутствует, либо встречается крайне редко.

Отличительной особенностью протоуральского языка была крайняя скудость наклонений: кроме повелительного и изъявительного

существовало некоторое подобие желательного, или возможностного, наклонения, которое сохранилось в марийском, финском, венгерском и отчасти в саамском и мордовских языках.

Исследование материалов старых и новых тюркских языков приводит к выводу, что в тюркском праязыке существовало по меньшей мере шесть отдельных разновидностей оптатива: 1) оптатив на *-гай*, 2) оптатив на *-ай*, 3) оптатив на *-асы*, 4) оптатив на *-а*, 5) оптатив на *-са* и 6) оптатив на *-сар*.

Те же наклонения, но обнаруживающие некоторые вариации значения, встречаются в различных языках мира. В чувашском языке **ссть** особая форма, указывающая на возможность или невозможность совершения действия. Форма эта образуется прибавлением к основе глагола афф. *-ай(-ей)* [МГЧЯ 1957, 183]. Отрицательные формы этих глаголов отличаются известным постоянством и устойчивостью форм спряжения и значения. Что касается утвердительных форм их, то они являются довольно капризными. Значение их несколько видоизменяется в зависимости от формы. Они обозначают не только возможность действия, но иногда и быстроту и неожиданность его, желательность и прочее [Там же, 184].

В якутском языке выделяется утвердительное наклонение. Основное модальное значение глаголов данного наклонения состоит в том, что ими на основе определенных примет, признаков или оценки и обобщения конкретной ситуации говорящим лицом утверждается несомненная уверенность в совершении действия, должно иметь место после момента речи [ГСЯЛЯ 1982, 328].

В ненецком языке существует предположительное наклонение, используемое для выражения действий, в отношении которых можно выразить только предположение, но не уверенность. Поэтому на русский язык эти формы переводятся с помощью таких слов, как: *кажется, будто бы, оказывается, видать, словно, по-видимому, должно быть, наверное* и т.п. [Терещенко 1947, 222].

Желательное наклонение в мордовских языках можно было бы уподобить оптативу других языков, но оно отличается от обычного оптатива тем, что передает желаемое, но неисполнившееся действие, ср.: *Авазо кирдиксэлизе пейдеманзо, ды курстанзо менсь палыця чевенть лангс* 'Мать хотела было удержаться от смеха, но смешинка слетела с ее уст прямо на огонек лучины' [ГМЯ 1980, 299]. Точнее это наклонение прерванного намерения.

Условно-сослагательное наклонение в мордовских языках выражает нереальное действие, которое мыслится условием для другого нереального действия в прошлом, например: *Уляндерявлить тон ломань — пелензэ царствам максвия теть* 'Был бы ты человеком, полцарства тебе отдал бы' [Там же, 298]. В мордовских языках существует также особо выделенное побудительное наклонение. Им выражается побуждение к совершению действия. По сравнению с повелительным наклонением значение это менее категорично, ср. *кундазо* 'пусть он поймет' [Там же, 296].

В эвенкийском языке существует побудительно-предостерегательное наклонение, выражающее побудительное действие с оттенком

предостережения. Наклонение вероятности в эвенкийском языке выражает вероятное действие с оттенком предостережения.

В удмуртском языке существует наклонение притворного действия: *лыдземьяськыны* 'притворяться читающим, делать вид, что читаешь' (*лыдзъяны* 'читать*'), *ужамьяськыны* 'притворяться работающим, делать вид, что работаешь' [ГСУЯ 1962, 231].

В ненецком языке существует особое наклонение аудитив. Чаще всего аудитив служит для выражения действий, устанавливаемых лишь на основании их слухового восприятия. Так, например, можно не увидеть пришедшего, но заключить о его приходе по шуму шагов, звуку голоса. Можно не увидеть собаки, но услышать ее лай и заключить, что она здесь. Можно не увидеть падения дерева, но узнать о нем на основании услышанного треска и т.д. [Терешенко 1947, 224].

В албанском языке выделяется адмиратив. Модальные значения адмиратива можно определить как выражение: 1) положительных эмоций говорящего (приятное удивление, радость, удовлетворение от неожиданного сообщения), 2) отрицательных эмоций (неприятное удивление, досада, неудовольствие, раздражение от сообщенного), 3) неуверенности, сомнения в каком-то факте, действии, сообщении, недоверия к сообщенному или совершенному факту и т.д. [Эйнтрей 1982, 111—112].

В тюркских и многих угро-финских и самодийских языках встречается наклонение неочевидности. Оно употребляется обычно в тех случаях, когда сам говорящий не был очевидцем действия, ср. тат.: *Сецеллзре авырып үлгәннәр. Ул ялгыз калган* 'Сестры умерли от болезней. Он остался один'. Говорящий рассказывает об этих событиях со слов других, поэтому он употребляет в данном случае формы перфекта, которые, помимо перфектного значения, способны также выражать наклонение неочевидности. Этой же особенностью обладает перфект в языке коми, марийском и удмуртском, ср. коми: *Запискаын висътавсис, мый ёти том воралысь кыйёма ошкёс, ошкыс сійёс курччалёма* 'В записке говорилось, что молодой охотник охотился на медведя. Медведь его искусал'.

Значение неочевидности, возникающее обычно на базе перфектного значения, встречается и в других языках. Использование перфекта в этом значении не чуждо финскому и эстонскому языкам. На базе перфекта возникло пересказочное наклонение в болгарском языке. Перфект в таджикском языке может также применяться для выражения неочевидного действия. Значение прошедшего неочевидного может иметь и перфект в албанском языке. Отмечены случаи употребления его в этом значении и аварском языке [Саидов 1967, 795].

Характеризуя различные случаи употребления грузинского перфекта (результативного настоящего), Б.Т. Руденко отмечает, что этим временем пользуются для передачи событий, совершившихся некогда [Руденко 1940, 241, 242].

Своеобразное выражение наклонение неочевидности находит также в латышском и эстонском языках — оно называется пересказочным,

ср. лтш. *Viņš brīvi runā jot angļiski* 'Говорят, что он свободно говорит по-английски'; *Viņš esot bijis Romā* 'Говорят, что он был в Риме'; эст. *Vend kirjutavat kirja* 'Брат будто бы (или якобы) пишет письмо*.

Наклонение вероятности II в эвенкийском языке выражает значение предположения, что действие не было совершено, или неуверенности в том, что действие совершено, недоумение в отношении совершенного действия. Наклонение вероятности III имеет значение вероятного действия, совершаемого обычно: *Нунган долболтоно-тыкин клубулэ нгэнэргун* 'Он, наверное, каждый вечер ходит в клуб' [Константинова, Лебедева 1953, 167].

В абхазском языке есть призрачное наклонение, выражающее призрачность явления, то, что мерещится, мнится, представляется [ГАЯ 1968, 122].

Наклонения чаще всего образуются на базе глагольных времен изъявительного наклонения, значения которых способствуют развитию модальных значений. Довольно показательна в этом значении история различных форм сослагательного наклонения в грузинском языке. Сослагательное первое в этом языке произошло от форм прошедшего несовершенного [Котинова 1960, 4], сослагательное второе восходит к формам аориста [Там же, 5]. Касаясь истории сослагательного наклонения в мокша-мордовском языке, Д. В. Бубрих отмечал, что в мокшанском языке это наклонение совсем не отличается от второго прошедшего времени. Сослагательное наклонение возникает из прошедшего времени в очень многих языках. Так обстоит дело и в русском языке. Формы вроде *гре́л бы, устал бы* возникли из сочетания причастий **на-л-** и форм прошедшего времени *быть* — *был, бы* и т.д. [Бубрих 1953, 100].

Прошедшее длительное время в персидском языке, помимо основного своего значения, может выражать нереальность действия [Расторгуева 1953, 639].

Использование прошедшего времени для выражения модальных значений объяснить нетрудно. Действие, относящееся к плану прошлого, в настоящее время не является реальным. Это обстоятельство могло послужить основой для развития модальных значений, ср. использование прошедших времен для выражения условного наклонения, например рус. *я взял бы*, кат. *portaria* 'я носил бы'. В валлийском и корнском языках имперфект соответствует по значению ирландскому условному наклонению [Льюис, Педерсен 1954, 322].

Существует мнение, что конъюнктив развился на базе футурального значения индикатива [Bassols de Clement 1948, 406—407].

Модальные значения могут возникнуть в результате переосмысления значения многократного действия. Пытаясь объяснить происхождение суффиксов возможностного сослагательного наклонения в финском языке, Д. В. Бубрих писал по этому поводу следующее: **"Не** может вызвать сомнений, что возможностное и сослагательное наклонение — это по происхождению изъявительное наклонение на

-*ne* и -*ise* как глаголы видовой направленности. В возможном наклонении перед нами по происхождению настоящее время глаголов на -*ne*, а в сослагательном прошедшее время на -*ise*” [1955, 42].

Суффикс многократного действия -*кшне* в мокша-мордовском языке также имеет модальное значение.

Многократное действие представляет собой действие, совершающееся не в полную меру, отдельными актами. Нетрудно отсюда перекинуть мост к понятию возможности совершения действия или намерения совершить действие, осуществляющееся при определенных условиях. Таким образом, открывается возможность переосмысления значения многократного действия или действия малой меры в модальное значение.

Совершенно необычные наклонения существуют в папуасских языках.

В ряде языков Нагорья, замечает А.А. Леонтьев, имеются наклонения, обозначающие различные степени информированности говорящего о действии, например, в хули *na-ya* 'он ел' (я это видел, но воспринимал это как-то иначе, например, слышал, как он жевал); *na-yi-da* 'он ел' (и объедки налицо); *na-yi-ya* 'он ел' (объедки были, но их убрали). Есть еще предположительное наклонение (он ел, и остались какие-то косвенные свидетельства этого) и определенное наклонение (он ел, так как не мог не есть). В таирора налицо "аволинционалис" — наклонение, обозначающее действие, которое почему-либо не устраивает говорящего, и он не хочет, чтобы оно совершалось [Леонтьев 1974, 63].

Формы косвенных наклонений в различных языках не обладают особой устойчивостью. Чаще всего они сливаются между собой или исчезают. В латинском языке конъюнктив и оптатив объединились в одном наклонении со значением нормальности действия, при этом возобладали в нем формальные признаки конъюнктива. То же самое произошло в германских языках [Савченко 1974, 315]. Индоевропейские формы императива в славянском исчезли, но оптатив получил значение императива. Конъюнктив не сохранился. В балтийских языках утрачены индоевропейские формы наклонений и медиа [Там же, 316—317]. Славянское условное наклонение объединяет в себе функции утраченных конъюнктива и оптатива [Panzer 1967, 294].

В процессе исторического развития условное (конъюнктив) и желательное (оптатив) наклонения в осетинском языке стали перекрещиваться семантически: одно и то же значение выражалось и формами условного, и формами желательного наклонения. Это повлекло за собой их формальное слияние (например, в прошедшем времени). Процесс слияния исторического оптатива и конъюнктива еще не закончился [ГОЯ 1963, 249]. В современном эстонском и ливском языках это наклонение полностью исчезло. По наблюдениям П.А. Аристэ [Ariste 1967], в водском языке оно встречается нечасто, а в некоторых местностях, а также в городах полностью исчезло. В ингерманландском диалекте финского языка

оно только сохранилось в глаголе *line-*. В вепском и карельском языках наклонение возможности встречается редко [Tauli 1966, 157].

Формы настоящего времени конъюнктива, за немногими исключениями, исчезли в большинстве немецких диалектов [Martin 1954, 63].

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМАТИВЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЛОВАМИ

Формативы этого типа довольно резко отличаются от формативов, лежащих в основе классификации имен существительных, прилагательных и глаголов по признакам.

Возникает большой и интересный теоретический вопрос, в какой мере различные отношения зависят от признаков предметов и явлений и определяются ими.

В языкознании с давних пор установилось мнение, что так называемые грамматические значения обладают значительно большей степенью абстрактности по сравнению с значениями лексическими. А.А. Шахматов писал по этому поводу: "Реальные значения слов каждого языка так же разнообразны, как разнообразны представления, возникающие в мышлении в результате знакомства с внешним миром. Формальные значения слов, напротив, ограничиваются вообще немногочисленными категориями" [1952, 267].

Вообще само положение о том, будто свойства вещей создаются их отношениями, абсолютно неверно. У классиков марксизма на этот счет есть определенные высказывания: "...свойства данной вещи не возникают из отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении" [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 67].

Важность категории отношения в системе материалистической диалектики неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс писал, что "о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать" [т. 33, с. 67]. В. И. Ленин отмечал: "Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному... бывает самим собою и другим" [т. 29, с. 124]. Но когда заявляют, что язык есть имманентный объект, который не дан нам в непосредственном чувственном опыте, то ошибочность такой точки зрения заключается в том, что она фактически провозглашает онтологическую равноценность вещей и отношений, принципиальную неприменимость к ним критерия первичности и производства (вторичности) [Мельничук 1970, 61].

Наконец, существует взгляд, полностью уподобляющий грамматику геометрии. Согласно этому мнению, грамматика дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова, лишённые какой-либо конкретности. Она дает правила для составления предложений, имея в виду не конкретные предложения, а вообще всякие предложения. Абстрагируясь от частного и конкретного как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменения слов в предложениях, и строит из него грамматические законы. Подобно геометрии,

грамматика рассматривает не конкретные отношения конкретных предметов, а отношения вообще, лишенные всякой конкретности. Иными словами, грамматика — это царство абстрактных отношений. Подобный взгляд в свое время был оценен критически.

”**Грамматика** далеко не всегда относится с бесстрастным геометрическим равнодушием к конкретной природе слов, т.е. к его лексической семантике. Известно, что в русском языке (как и во многих других) ряд словообразовательных суффиксов соединяется со словами определенной семантики. Например, суффиксы *-еныш* и *-енок (-онок)* соединяются только с основами имен существительных, обозначающих животных (*гусеныш, утеныш, змееныш; козленок, орленок, волчонок, галчонок* и т.д.). В соответствии с подобной дифференциацией словообразовательных суффиксов в русском языке имеются, с одной стороны, *клубника, земляника, черника...* с другой стороны, *телятина, козлятина, курятина, медвежatina*, но невозможны образования вроде *клубнятина* или *козляника*. Грамматическая категория вида в русском глаголе может получать различное выражение в зависимости от лексической семантики. Так, глаголы несовершенного вида, обозначающие процессы действия или состояния, не связанные с результатом или отдельными моментами их течения, не имеют соответствующих образований совершенного вида (непарные глаголы *бездействовать, отсутствовать, присутствовать, содержать, соответствовать, стоять*)... Группа бесприставочных **глаголов**, обозначающих движение, имеет двоякие образования несовершенного вида — кратный и некратный — *бежать и бежать, бродить и брести, возить и везти, водить и вести, ездить и ехать* и пр. Еще отчетливее зависимость грамматических правил от лексической (конкретной) семантики слов проступает в языках, проводящих деление знаменательных слов по многочисленным классам: включение слов в тот или иной класс, характеризующийся особыми парадигмами, проводится только на основе семантических признаков.

Все подобные примеры, число которых можно было бы бесконечно увеличить, свидетельствуют о том, что геометрическое определение природы грамматики нельзя признать исчерпывающим и универсальным” [Звегинцев 1962, ПО].

Вследствие широко распространенного у нас нечеткого понимания природы грамматики **В.А.** Звегинцев не замечает, что он фактически говорит здесь не о грамматике, а о лексике, так как приведенные им слова не выражают никаких отношений.

Необходимо отметить, что на протяжении десятков лет критика структурализма ведется в одном и том же плане. Она всегда отталкивается от недопустимости примата отношений, провозглашения независимости их от вещей.

Прежде чем говорить об отношениях, необходимо разобраться, какие отношения существуют вообще и чем отличаются те отношения, с которыми имеет дело грамматика, от всех других отношений, в которые вступают вещи окружающего нас мира.

Классики марксизма, рассматривая отношения, имеют в виду

прежде всего отношения вещей. К. Маркс писал: *"Способность вещи есть... нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только... в ее отношении к другим вещам"* [т. 26/III, с. 143]. "... свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком **отношении**" [т. 23, с. 67]. И здесь К. Маркс имеет в виду вещи, а не что-либо другое.

Заметим, что критики структурализма, применяя в основном правильные философские формулы, не совсем верно подходят к явлениям языка. Многие из них исходят из того, что отношения между вещами это то же, что и отношения между словами. Философские работы, посвященные категориям вещи, свойства и отношения, не дают никакого ответа на поставленный нами вопрос.

Различных отношений существует великое множество. Можно говорить о синтагматических и парадигматических отношениях, отношениях генетических, отношениях принадлежности, отношении между предметами, отношении части к целому, отношении признака к предмету, причинно-следственных отношениях, семейных, дипломатических отношениях, отношениях между полами, классовых отношениях, отношениях правовых, количественных, отношениях между звуком и значением, ассоциированных отношениях, торговых отношениях и т.д.

Отношения между вещами в очень сильной степени зависят от свойств самих вещей. Существует, например, определенное отношение между видом растения или животного и окружающей средой. Определенные виды животных и растений могут существовать только в определенных районах земного шара. Это отношение зависит от определенной физической принадлежности данного растения или животного к определенной среде. Человек может вступать во многие отношения с другими людьми, но количество и характер этих отношений во многом будет зависеть от качеств данного человека. Отношения не могут существовать сами по себе. Они могут быть только отношениями между вещами. Если вещь вступает в какие угодно отношения и отношения абсолютно индифферентны к самим вещам, то это значит, что сами вещи лишены какой-либо качественной определенности.

Как уже указывалось выше, классики марксизма, говоря об отношениях, имели в виду отношения вещей. Грамматических отношений специально они не рассматривали. А эти отношения могут иметь свою специфику.

Надо помнить, что примат свойств вещей и в этих случаях является определяющим. Возьмем для примера такое отношение, как отношение субъекта к объекту. Совершенно очевидно, что оно может существовать только в том случае, если глагол переходный. Установление обусловленности отношения здесь настолько очевидно, что даже не требует специальных исследований.

Если взять такое пространственное отношение, как местоположение одного предмета внутри другого, то такое отношение зависит только от одного свойства — размеров, обеспечивающих

возможность вмещать один предмет в другой. Если это условие соблюдено, то вы можете помещать внутри одного предмета любой другой, наделенный какими угодно качествами. Все эти качества при соблюдении указанного условия не будут оказывать абсолютно никакого влияния на качество названного отношения.

Такое пространственное отношение, как положение предмета между двумя предметами или среди других предметов, будет еще более абстрактным. Здесь отношение будет очень мало зависеть от качества самих предметов.

Буквально то же можно сказать и о таком пространственном отношении, как движение от предмета. Здесь такое качество предмета, как его размер, не играет сколько-нибудь значительной роли.

Человек может вступать в самые различные отношения с другими людьми и предметами окружающего мира. Он может вступать в брачные отношения, завязывать торговые отношения, может стать владельцем имущества, получить какие-либо права, стать членом партии, научного общества, сберкассы, акционерного общества, заключить с кем-либо договор, стать должником кого-нибудь. Все эти разные отношения могут быть выражены одним и тем же языковым способом типа: *глава семьи, владелец дома, арендатор дома, член партии, член научного общества, член сберкассы* и т.д. Отсюда можно сделать один, весьма важный вывод — отношения между словами в языке более абстрактны по сравнению с реальными отношениями, существующими между отдельными вещами.

Языковые отношения обладают огромной инклюзивной особенностью, т.е. они могут включать в себя, покрывать собой огромное количество самых разных жизненных отношений.

Падежные формативы и их семантические аналогии как наиболее показательный пример выражения отношений между словами

Отношения между словами познаются человеком в жизненной практике. Многократное повторение определенных отношений создает в голове человека так называемую категорию опыта. По существу это понятийная категория, которая может найти выражение в языке. Каким способом эта категория может быть изображена в языке, зависит от лингвокреативного мышления. Лингвокреативное мышление может произвести выбор средств выражения, оно может определить семантический объем категории, особенности ее сочетаемости и т.д. Многое здесь будет определяться также имманентными законами лингвистического знака. Все это можно легко понять при анализе конкретных примеров.

Обычно принято делить падежи на две группы — так называемые **субъектно-объектные** падежи, куда входят именительный, родительный, дательный и винительный, и падежи местные, объединяющие самые различные падежи, имеющие пространственные значения.

Необходимо отметить, что такое разделение оправдано только с функциональной точки зрения. Что касается вопроса о происхождении этих падежей, то здесь какие-либо разграничительные линии произвести трудно, так как субъектно-объектные падежи могут происходить от косвенных. Так, например, родительный падеж в тюркских, а также в финно-угорских языках, по всей видимости, произошел от инструктива, в индоевропейских языках он в какой-то мере ведет свое происхождение от аблатива. В языке коми он отчасти происходит от инструктива и частично от аблатива. Дательный падеж, как показывает история различных языков, почти как правило, развивается на базе развития значения направительного падежа. Есть факты, указывающие на возможность возникновения винительного падежа на базе значения направительного падежа, ср. лат. *Romain ire* 'идти в Рим', др.-инд. *gramam gaččhati* 'идет в деревню'. В одном из диалектов языка коми окончание винительного падежа совпадает с окончанием дательного падежа, возникшего на базе значения направительного.

В связи с этими предварительными замечаниями полезно произвести обзор различных субъектно-объектных и местных (пространственных) падежей в широком масштабе.

Именительный падеж. Именительный падеж, как правило, не имеет никаких особых падежных окончаний. Правда, основа слова может иметь различные наращения, но эти наращения обычно не имеют характера особых падежных суффиксов.

Во многих языках мира именительный падеж обычно выступает как субъект действия.

Исключение в этом отношении может представлять встречающаяся в некоторых языках мира эргативная конструкция. Подлежащее в эргативном падеже обычно встречается в тех случаях, когда глагол является переходным, ср. груз. *kačma sahli aašena* 'человек построил дом', каб. *цлалэм письмо итхащ* 'парень написал письмо', авар. *хъаравулас склад цлунула* 'сторож охраняет склад', лезг. *бубади ктаб къачуна* 'отец взял книгу' и т.д.

Многие лингвисты пришли к выводу, что эргативная конструкция предложения не может быть приравнена к номинативной конструкции и имеет совершенно особую сущность.

При номинативном строе языка именительный падеж не зависит от семантики глагола. Наоборот, в эргативной конструкции падеж подлежащего зависит от семантики глагола. Глагол в эргативной конструкции управляет падежами главных членов предложения, т.е. эргативным и абсолютным падежом, в котором всегда стоит прямое дополнение.

Именительный и винительный падежи в эргативной конструкции отсутствуют. Субъект, направляя действие на объект, уже получает содержание активного деятеля.

Эргативный падеж подлежащего переходного предложения отличается активное участие субъекта в им совершаемом действии. Объект в эргативной конструкции пассивен. Фактически выделяются две разновидности субъекта — субъект действия и субъект состояния.

Следует при этом заметить, что под субъектом состояния понимается прямое дополнение. Эти две разновидности субъекта в номинативном предложении не различаются.

В структуре эргативного предложения выделяется ведущее значение не грамматической категории, а логической. Грамматическая форма обуславливает разновидности выступающего в них субъекта. Субъект оказывается также зависимым, как и объект.

В синтаксисе переходного глагола субъект перестает быть главным членом. Синтаксическая роль субъекта в эргативной конструкции понижена. Переходный глагол согласуется лишь с ближайшим объектом.

Следует, однако, заметить, что такое понимание сущности эргативной конструкции несколько не разрешает некоторых серьезных противоречий.

Во-первых, появление в различных языках эргативной конструкции. Многие утверждают, что основной причиной образования эргативной конструкции в различных языках является наличие переходных глаголов. Эргативная конструкция предложения превращается в одно из средств выражения переходности. Так, например, Г.А. Климов, характеризуя эргативный строй, утверждает, что доминирующим в структурном механизме эргативного строя можно считать лексикализацию главных основ по принципу **переходности/непереходности** [1973, 3—4]. Предложение в любом языке мира по существу представляет развертывание различных признаков предмета, о котором идет повествование. Глагол — это процессуальный признак. Если глагол сочетается с прямым дополнением, то становится абсолютно ясно, что этот глагол переходный. Переходный глагол здесь уже достаточно охарактеризован, и эргативный падеж в данном случае не нужен. Он становится совершенно лишним. Поэтому во многих языках мира существуют переходные глаголы, но сами эти языки не имеют эргативного падежа.

Во-вторых, неформленность винительного падежа также не является показателем эргативности, так как переходные глаголы могут сочетаться с формальным винительным падежом, ср. рус. *читаю книгу, потерял шапку* и т.п. Вместе с тем есть языки, в которых винительный падеж отсутствует, например английский, но тем не менее переходные глаголы в этих языках существуют.

В-третьих, утверждают, что в эргативной конструкции эргатив обладает особой активностью. Но это утверждение даже не имеет достаточных логических оснований. Разве в **неэргативной** конструкции абсолютный (точнее именительный) падеж не может быть активным, ср. рус. *Конь бежит очень быстро; Отец мой работает изо всех сил*. В эргативных языках в этих случаях именительный, или абсолютный, падеж не может быть заменен эргативным. Как же все это связать с понятием активности?

Предтечей эргативной конструкции была номинативная конструкция типа *Мальчик ест яблоко*. **Лингвотехническое** неудобство этой конструкции состояло в том, что ни падеж субъекта действия, ни падеж объекта действия не были оформлены. Их функции

определялись местоположением. В языке возникла необходимость более точно их обозначить. Чтобы точнее обозначить объект действия в глагол был включен показатель объекта. Однако дистантный способ обозначения объекта все же не исключал необходимости более точного обозначения субъекта действия. В результате действия этой тенденции возник особый падеж — эргатив.

Может опять-таки показаться, что в различных языках мира существует необычайное разнообразие падежей с самыми различными значениями. Но в действительности это не так. В языках мира встречаются падежи, обладающие наибольшей частотностью употребления. Эти падежи можно было бы назвать основными падежами. Падежи с необычными значениями встречаются сравнительно редко.

Родительный падеж. Существует во многих языках мира. Основная функция — выражение принадлежности. На базе этого основного значения обычно развиваются все его другие значения.

Наиболее простой способ выражения принадлежности — простое соположение двух имен существительных, не имеющих никаких специальных показателей, ср. манс. [jā wata], хант. [johan хохәң] 'берег реки' (**букв.** 'река **берег**'), брет. *penn an dragon* 'голова дракона' (**букв.** 'голова дракон*'), валл. *capten y Hong* 'капитан корабля' (**букв.** 'капитан **корабль**'), др.-евр. *ban adam* 'сын человека' (**букв.** 'сын человека'), индонез. *rumah bapek* 'сын отца' и т.д.

Такой способ выражения, по-видимому, отражает глубокую древность, когда притяжательные отношения понимались еще как пространственные и близость предмета символизировала какие-то его близкие отношения с другими предметами, и мало эффективен. Чаще всего два имени образуют так называемую изафетную конструкцию, когда они формально объединяются связующими элементами.

История различных языков наглядно показывает, что способ прямого соположения часто заменяется различными показателями род. падежа. Такими показателями могут быть даже частицы.

В современном еврейском языке появилась так называемая *nota genitivi*, в арамейском языке роль показателя род. падежа стало играть указательно-относительное местоимение *di*: араб. *abuhi di malka* 'отец царя' (**букв.** 'отец его, который **царя**') [Дьяконов 1967, 393].

Сочетание типа *status constructus* существовало и в египетском языке. Однако наряду с этим способом в египетском языке употреблялся так называемый косвенный, или опосредствованный, родительный падеж. Косвенный родительный падеж образовывался с помощью особой частицы род. падежа — *n(i)*.

Особенно наглядно процесс распада *status constructus* в современных арабских диалектах. Отношение род. падежа выражается в живых говорах простым контактом предыдущего определяемого с последующим определением. Например, *bayt al mal* 'дом денег' (т.е. казначейство). Однако наряду с этим простейшим средством выработалось и другое (более сложное, но и более четкое): опре-

деляемое, обязательно снабженное артиклем, соединяется с определением посредством слова, обозначающего имущество; особенно распространены *mata*, *mta* (Магриб), *ta* перед согласными и *te* перед гласными (Мальта), *beta* (Египет), *taba* (Сирия); особо *mal* (Месопотамия), *hagg* (Аравия), *hona* (Судан): *is-stamparija ta gvern* 'правительственная типография'.

В Марокко для этой же цели пользуются еще относительным местоимением *di* или *d*, иногда в распространенной форме *dial*, например, *sura dial blad* или *sura dial l-blad* 'план города' [Юшманов 1938, 31].

В современном амхарском языке возможна **конструкция**, напоминающая **древнесемитский** status constructus, например, *feres bet* 'лошадь дом' = 'конюшня'. Обычно же род. падеж предваряется относительным местоимением, который становится как бы предлогом, например, *na-nagus bet* 'царя дом' = 'дворец' [Юшманов 1959, 20].

В языке тигринья принадлежность может выражаться, как в древнесемитских языках, путем непосредственного соположения двух имен существительных, например *biet feres* 'конюшня' (букв. 'дом лошади'), *gual Gebru* 'дочь Ибру' (Джебраила) и т.д. Вместе с тем существует другой способ выражения этих отношений посредством слова *nay* (первоначально 'вещь'), например *gual nay Gebru* 'дочь Джебраила' [Rossini 1940, 106].

В современном яванском языке значение принадлежности может выражаться простым соположением двух существительных, например *otah bapak* 'дом отца' [Теселкин 1961, 37], но оно может выражаться и **суф.-е**, например *otah-e bapak* 'дом отца' [Там же, 38].

Рассматривая способы выражения род. падежа в пехлевийском и ранненовоперсидском, П. Хорн указывает на способ простого соположения двух имен существительных, когда управляемое (substantivum rectum) находится перед управляющим (substantivum regens), например *Eren xudai* 'властитель Ирана'. Следует при этом иметь в виду, что в древнеперсидском был род. падеж. Очевидно, способ простого соположения установился после исчезновения древнеперсидского родительного падежа. Ярким доказательством невыразительности способа простого соположения является возникновение в пехлевийском языке и окончательное развитие в новоперсидском языке так называемой **изафетной конструкции**.

Сущность этой конструкции состоит в том, что управляемое и управляющее связываются между собой посредством так называемой **идафы** *i*, развившейся из относительного местоимения *nua* 'который', ср. совр. **перс.** *kisvar-i Iran* 'страна Ирана, страна, которая Ирана'. Роль идафы в данном случае совершенно аналогична *d* в арамейском и сирийском, которое также восходит к относительному местоимению со значением 'который' [Horn 1901, 108].

В кабардинском языке отношение принадлежности может быть выражено простым сопоставлением двух имен существительных, например *унагъуэ мылчку* 'имущество семьи', *къуажэ цӀалэгъвалэ* 'молодежь села'. Маловыразительность этой конструкции была при-

чиной появления своеобразной изафетной конструкции, передающей эти отношения более четко, ср. *унагъуэм и мыльку* 'имущество семьи' (букв. 'семья ее имущество'), *къуажэм и ц'алэгъуалэ* 'молодежь села'.

Форма родительного падежа может возникнуть на основании переосмысления значения относительного прилагательного. Таким путем возник, например, родительный падеж в маратхи [Bloch 1919, 207].

Относительное прилагательное и родительный падеж имеют точки соприкосновения в семантическом плане, поскольку они оба могут выражать идею принадлежности, ср. фин. *Karjalan joet* 'реки Карелии' и *karjalainen* 'карельский', т.е. 'принадлежащий к Карелии'.

Д.В. Бубрих предполагает, что родительный падеж в финском языке произошел от локатива. Ход ответвления генетива понятен: *isän tab* означало сначала 'дом у отца', а потом стало означать 'дом отца'. Идея связи вещей по месту дала начало связи вещей по принадлежности [Бубрих 1955, 12—13]. Следует заметить, что и комитатив также предполагает связь предметов по месту, ср. *отец с плугом, дом с окнами*. На основании этих конструкций могли возникнуть в отдельных языках конструкции с родительным падежом, типа *плуг отца и окна дома*. По-видимому, таким путем возник родительный падеж в тюркских и угрофинских языках.

Некоторые исследователи связывали суфф. род. п. *-нь* в мордовских языках с суффиксом относительного прилагательного *-нь* на том основании, что в мордовском и марийском языках относительные прилагательные и родительный падеж имеют одинаковые суффиксы; ср. *эрзя-морд. кевень* 'камня' и 'каменный', г.-мар. *пун* 'деревя' и 'деревянный'.

Родительный падеж может возникнуть в результате переосмысления отложительного падежа, или аблатива. Таким, например, является по происхождению родительный падеж на *о* в славянских и балтийских языках.

В языках аналитического строя значения родительного падежа могут выражаться предложными конструкциями. Чаще всего в таких конструкциях фигурирует предлог, имеющий значение 'от' или 'из', ср. *van* в голландском, *fun* в идиш, *de* в романских языках, *af* в норвежском, *of* в английском, *min* в арабском и т.д.

В различных языках мира для выражения функции родительного падежа широко используются частицы, ср. *вьет. sach cua sinhvien* 'книги студента'.

Дательный падеж. Как показывает история различных языков, дательный падеж чаще всего возникает в результате переосмысления значения направительного падежа, ср. тат. *урман-га* 'в лес', но *кыз-га* 'девушке', аз. *амбара* 'в амбар', но *сэта* 'на часы', мар. *чодралан* 'к лесу', но *йолташлан* 'товарищу' и т.д.

Возможно также происхождение окончания дательного падежа из послелога, ср. *эрзя-морд. кудо-нень* 'дому', где в окончании *-нень* скрыт послелог *тэн* 'к'.

Основное значение дательного падежа — значение косвенного

объекта, но в некоторых языках дательный падеж может иметь несколько значений. Дательный падеж в корейском языке характеризуется следующими значениями: 1) значение косвенного объекта, предмета, на который направлено действие (дательный направления); 2) значение места действия или местопребывания, местонахождения, места обнаружения чего-либо (дательный места); 3) значение времени (дательный времени); 4) значение причины (дательный причины) [Мазур 1962, 40].

В грузинском языке дательный падеж имеет значение винительного. В кавказских языках дательный падеж также употребляется вместо именительного, когда в роли сказуемого выступает глагол чувственного восприятия. Основной грамматической чертой, присущей глаголам *verba sentiendi* в этих языках, является постановка субъекта в дательном падеже в отличие от глаголов переходных (с субъектом в им. и эрг. падежах) и непереходных (с субъектом в им. падеже). Ср. груз. *Bavšvs deda h-u-qvars* 'Ребенок любит свою мать' (букв. 'Ребенку любитса **мать**'). Аналогичное построение предложения при инверсивных глаголах наблюдается почти во всех иберийско-кавказских языках с развитой системой склонения [Гецадзе 1979, 107—108].

В некоторых языках наблюдается тенденция к слиянию дательного падежа с родительным. Так, например, уже в древнеболгарском языке принадлежность предмета могла выражаться и родительным и дательным падежом [Meuser 1920, 71]. Затем дательный падеж, особенно дательный приглагольный, все чаще и чаще стал выражаться аналитической конструкцией с предлогом *на*. Поскольку дательный падеж мог вообще заменять родительный, то конструкция с предлогом *на* совершенно вытеснила родительный падеж [Там же]; ср. совр. болг. *Цель и задачи на историческата граматика*.

В современном румынском языке формы дательного и родительного также совпадают, например: *domn* 'господин' — *domn* 'господина' или 'господину', *casa* 'дом' — *case* 'дома' или 'дому'. Исторически форма *domn* восходит к латинской форме дат. п. ед. ч. *dominus* [Rothe 1957, 64], а форма *case* — к латинской форме дат. п. ед. ч. *casae* [Там же, 98]. Совпадение форм родительного и дательного падежей наблюдается также в албанском языке, например *mali* 'горы' и 'горе', *shoku* 'товарища' и 'к товарищу'. Исторически форма **родительного-дательного** падежа современного албанского языка восходит к дательному падежу [Barič 1959, 26].

Винительный падеж. Существуют языки, в которых винительный падеж не имеет специального форматива. Его функции определяются порядком слов, ср. англ. / *take the key* 'Я беру ключ', болг. *Майката дава хляб на детето* 'Мать дает хлеб ребенку', осет. *Гал дон аназы* 'Вол (бык) воду пьет', фр. *Nous avons pris une chambre* 'Мы взяли комнату', индонез. *sayu tembeka pinta* 'Я открываю дверь', **вьет.** *toi ru con* 'Я баюкаю ребенка' и т.д.

С лингвистической точки зрения такое положение, по-видимому, не является особенно удобным. В ряде языков появляется показатель

винительного падежа, если он приобретает особое значение. Так, например, в тюркских языках и абсолютном большинстве угро-финских языков особый показатель винительного падежа появляется обычно в тех случаях, когда винительный падеж обозначает определенный объект, ср. тат. *Без бу кызны күрдек* 'Мы видели эту девушку', эрзя-морд. *Сон нолдызе лишменть* 'Он отпустил лошадь' (мне известную), удм. *Коля тон та газетъесыз люкыли* 'Коля, ты распредели эти газеты'.

Нечто подобное наблюдается также в монгольских, новоиндийских и иранских языках.

В истории различных языков винительный падеж довольно неустойчив. Древний винительный падеж во многих языках исчез. Так, например, винительный падеж на *-т*, свойственный некогда древнеиндийскому, исчез во всех новоиндийских языках. Исчез древний винительный падеж в семитских языках, характерный для латинского языка винительный падеж на *-т* исчез в романских языках. Нет никаких следов древнеперсидского и авестийского винительного падежа в современных иранских языках. По-видимому, в древности не было специального винительного падежа в финно-угорских и тюркских языках.

Основная причина такой неустойчивости заключается в том, что винительный падеж достаточно надежно выражен порядком слов. Именно такая позиция винительного предохраняет его от смешения с именительным. Дополнительное его обозначение становится как бы лишним. Этим объясняется также тот примечательный факт, что показатели винительного падежа часто имеют непадежные значения.

Некогда присущий древнееврейскому языку специальный винительный падеж с окончанием *-а* исчез, но позднее эта утрата была частично восполнена. Если винительный падеж относится к неопределенному имени существительному, то он не имел специального окончания. Если же существительное, выступающее в функции винительного, было определенным, то перед ним появлялась особая частица *eth*, так называемая *nota accusativi* [Klima, Segert 1956, 83].

Аналогичное положение существовало и в сирийском языке. Винительный падеж, выражающий неопределенный объект действия, не имел никакого окончания. Если объект действия был определенным, то перед ним употреблялся предлог [Brockelmann 1968, 115].

Винительный падеж, выражающий функцию определенного объекта действия, получил в амхарском языке специальное окончание *-n*, например: *beth-h- n ayebu* 'Дом твой видел я', т.е. 'Я видел твой дом' [Юшманов 1959, 26].

В древнеперсидском языке некогда существовал винительный падеж. Позднее древняя система падежей стала разрушаться. В среднеперсидском она полностью утратилась.

Однако форма винительного падежа, полностью совпавшая с формой именительного, не стала универсальным средством выражения объекта действия. По-видимому, порядок слов в предложении ока-

зался недостаточным. Но здесь опять-таки стали развиваться показатели непадежных значений. В современном персидском языке винительный падеж иногда выражается послелогом *-ra*. По мнению многих исследователей, этот послелог указывает на определенный объект.

Иногда показатель винительного падежа *-ra* выступает в роли дополнительного средства, выделения прямого объекта. В языке белуджей винительный падеж совпал с именительным. В случаях, когда возникает необходимость в выделении объекта действия или нужно избежать смешения, в роли винительного употребляется косвенный падеж с частицей *-ra* [Geiger 1901, 239].

Есть языки, в которых винительный падеж имеет тотальное оформление и употребляется во всех случаях. К таким языкам принадлежат японский, русский, чеченский и др.

В некоторых языках показатель прямого объекта глагольного действия может быть выражен дистантным способом, ср. абх. [s-ab at' šə i-i-goyt] 'Мой отец лошадь берет' (букв. 'мой отец лошадь ее он берет'). В данном случае объект *at'šə* 'лошадь' имеет повторение в виде показателя объекта в самой глагольной форме: первое *i* в *i-i-goyt* выступает показателем объекта, относящегося к классу не-человека.

Нечто подобное происходит и в палеоазиатских языках, ср. чук. *Гым-нан ты-нэля-гэа-н оргор эмнун-кы* 'Я оставил нарту в тундре'. Глагольная форма *ты-нэля-гэа-н* также представляет комплекс, состоящий из следующих частей: *т(ы)* — субъектный префикс 1-го лица глагола в прошедшем времени и *//* — объектный суффикс 3-го лица ед. числа. Таким образом, предложение 'Я оставил нарту в тундре' принимает вид: 'Я оставил ее нарту в тундре'.

Семантический объем винительного падежа в разных языках может быть неодинаков. В финском языке винительный падеж употребляется менее часто, чем в русском языке, поскольку он выражает действие, достигшее предела, ср. *Luin kirjaa* 'Я читал книгу'. Более узкую сферу употребления имеет винительный падеж также в эвенкийском языке, поскольку с ним конкурирует винительный неопределенный. В русском языке винительный падеж употребляется для выражения категории одушевленности, ср. *вижу стол*, но *вижу мужчину*. Основным стимулом ее возникновения явилась необходимость различения падежа действующего лица (именительного) и падежа объекта действия (винительного), после того как формы этих падежей совпали у основ мужского рода на *-о*, *-и*, *-і*. Возникновение необходимости в различении падежа объекта далее объясняется тем, что русский язык имеет свободный порядок слов. Это значит, что место, которое занимает слово, не содержит указания на его синтаксическую функцию. Так, например, в предложении *Мать любит дочь* слово *мать* является субъектом действия. Поскольку в этих двух функциях могли выступать только одушевленные имена существительные, то создание особого винительного падежа для одушевленных имен существительных муж.

рода (например: *Жена уважает мужа*) способствовало хотя бы частично устранению нежелательной омонимии форм именительного и винительного падежей [Виса" 1970, 117—118].

В испанском языке перед прямым дополнением, называющим лицо, употребляется предлог *a*, например: *Ayer Fernando encontro a su hermano* 'Вчера Фернандо встретил своего брата' [Виноградов 1965, 230].

В румынском языке винительный падеж существительных, обозначающих живые существа, обязательно имеет перед собой предлог *pe-*: *Eu vadpefratre* 'Я вижу брата' [РРС 1941, 385].

Пространственные падежи. Местный падеж. Довольно широко распространен в различных языках мира. Чаще всего он выражает местонахождение предмета **внутри другого** предмета, ср. эрзя-морд. *кудо-со* 'в доме', луг.-мар. *энэр-ыште* 'в реке', фин. *talo-ssa* 'в доме', коми-зыр. *керка-ын* 'в избе, в доме', венг. *város-ban* 'в городе', осет. *ком-ы* 'в ущелье', **тамил.** *витт-ил* 'в доме', тур. *ev-de* 'в доме', **эвенк.** *бира-ду* 'в реке', монг. *жил-д* 'в году', **манс.** *xan-n* 'в лодке', эст. *raata-tu-s* 'в книге' и т.д.

В некоторых языках существует местный падеж, означающий нахождение предмета на поверхности другого предмета, ср. венг. *lov-on* 'на лошади', фин. *talo-lla* 'на доме', осет. *зэхх-ыл* 'на земле'. В корейском языке местный падеж раскрывает значение места — конкретной пространственной характеристики, например: *Ури-нын пан-ес ир-ханда* 'Мы работаем в комнате' [Мазур 1962, 47].

В аварском языке существует местный падеж, который выражает преимущественно пребывание внутри предмета, **представляющего** собой собирательное единство (*росуль* 'в ауле'), или внутри какой-либо сплошной среды (*салуль* 'в песке', *льель* 'в воде') [Саидов 1967, 731]. По-видимому, такое же значение имеет так называемый вещественный падеж в чеченском языке. Вещественный падеж, отмечает А.Г. Мациев, выражает в основном свои значения — пребывание, нахождение, а также движение предмета внутри сплошной массы другого предмета (обычно жидкости) [1961, 579]. В аварском языке различается также местный падеж, обозначающий пребывание в предмете, имеющем внутри пустоту, которая может быть вместилищем для чего-либо, например: *roqob* 'в доме', *qanssinib* 'в сундуке' [Жирков 1936, 164].

Разновидностью местного падежа является так называемый пролатив, или продольный падеж, обозначающий движение вдоль чего-нибудь, ср. коми-зыр. *вөр-тш* 'в лесу', удм. *луд-эти* 'по полю'.

Эвенкийский язык различает так называемый направительно-продольный падеж. Имя существительное в направительно-продольном падеже имеет значение места или предмета, по краю которого, вдоль которого, над которым совершается действие: *Орон курек.ли хуктыдерен* 'Олень бежит вдоль ограды'; *Би дэтыкли даримасиним* 'Я объезжаю тундру по краю' [Константинова 1964, 59].

Направительный падеж. Основная функция направительного падежа — обозначение направления. Направительный падеж встречается во многих языках мира, ср. коми-зыр. *вөр-ö*, фин. *metseen*,

тат. *урман-га* 'в лес', осет. *ком-мӕ* 'в ущелье', эрзя-морд. *веле-с* 'в деревню', венг. *város-ba* 'в город', луг-мар. *чодра-шке* 'в лес', эст. *taja-ne* 'в дом', чеч. *юьрт-а* 'в село' и т.д. То же значение в других языках может быть выражено при помощи предлогов и послелогов.

В некоторых финно-угорских и тюркских языках, если глагол имеет значение совершенного вида, вместо местного употребляется направительный падеж, ср. коми-зыр. *ворӧ воши* 'зублудился в лесу', мар. *ялеш шочыж* 'родился в деревне', эрзя-морд. *озавтынъ умарина садс* 'посадил яблоню в саду', тат. *Бала тактага язды* 'Мальчик написал на доске'.

К числу падежей, выражающих направление, относится так называемый достигательный падеж, или терминатив, ср. коми-зыр. *вӧрӧдз* 'до леса', удм. *коркаозь* 'до дома', эст. *Tartu-ni* 'до Тарту' и т.д. По сравнению с направительным падежом терминатив имеет меньшее распространение.

Отложительный падеж. Основная функция отложительного падежа — обозначение движения от предмета или изнутри предмета. Отложительный, или исходный, падеж встречается во многих языках мира, ср. тур. *Ankara-dan* 'из Анкары', венг. *város-ból* 'из города', коми-зыр. *кар-ысь* 'из города', фин. *talo-sta* 'из дома', эст. *kooli-st* 'из школы', манс. *хап-ныл* 'из лодки', др.-лат. *rivōd* 'от реки', арм. *банвор-иц* 'от рабочего', цыг. *гаве-стар* 'из деревни', монг. *но-м-оос* 'из книги'.

Там, где отсутствуют синтаксические падежи, эти же отношения могут быть выражены при помощи предлогов и послелогов.

Некоторые языки особо выделяют отложительный падеж, обозначающий движение от поверхности предмета, ср. фин. *talolta* 'от дома', коми-зыр. *вӧрсъань* 'от леса' и т.д.

Творительный, или инструментальный, падеж. Основная функция этого падежа — обозначение орудия действия. Творительный, или инструментальный, падеж встречается во многих языках мира: ср. коми-зыр. *чер-ӧн*, монг. *сух-ээр*, чеч. *дагар-ца* 'топором', рус. *топором*, эск. *пана-мын* 'копьем', арм. *банвор-ов* 'рабочим', монг. *солхи-ор* 'ветром' и т.д. Иногда он играет роль агенса.

В языках, не имеющих синтетических падежей, это же отношение может быть выражено посредством предлогов и послелогов.

В эрзя-мордовском языке местный падеж имеет также значение творительного: *кудо-со* 'в доме' и *узерь-сэ* 'топором'.

Творительный падеж в уральских языках возник на базе так называемого *н-ового* локатива. Первоначальное значение местонахождения могло послужить причиной возникновения производного значения совместного пребывания, ср. рус. *сидит около меня* и *сидит со мной*. В дальнейшем в отдельных языках значение совместного пребывания могло превратиться в значение обладания чем-либо или в значение принадлежности.

Совместный падеж, или комитатив. Основная его функция — выражение совместности, ср. коми-зыр. *ныв-кӧд* 'с девушкой' ('иду с девушкой'), тамил. *манидан-оды* 'с человеком', осет. *лӕг-имӕ*

'с человеком', венг. *elvérs-sál* 'с товарищем', монг. *ах-аар* 'с братом', эст. *sõbera-ga* 'с другом'.

В языках, не имеющих совместного падежа, это значение может передаваться при помощи предлогов и послелогов.

Значение комитатива близко к значению творительного и местного падежа. Поэтому в истории различных языков эти падежи нередко сливаются. Творительный падеж иногда имеет значение не только творительного, но и комитатива, ср. коми-зыр. *мунд зорд-өн* 'идет с дубиной', удм. *сахар-ен чай* 'чай с сахаром', *кеньыр-ен шыд* 'суп с крупой'.

Для кавказских языков характерно деление местных падежей по сериям. В лакском языке они по своему образованию и значениям распределяются по сериям, которые определяются соответствующими падежными аффиксами — **показателями**, выражающими нахождение или движение предметов в разных положениях в пространстве. Так, например, падежные формы *кьатлуву* 'в комнате', *кьатлува* 'из комнаты', *кьатлувун* 'в комнату', *кьатлувух* 'через комнату', *кьатлувунай* 'по направлению к комнате' объединены общим падежным показателем *в* и составляют одну серию, в отличие от падежных форм *кьатлуй* 'на комнате', *кьатлуйа* 'сверху комнаты', *кьатлуйн* 'на комнату', *кьатлу ах* 'через поверхность комнаты', *кьатлуйнай* 'по направлению на комнату', которые объединены общим показателем *й* и составляют другую серию [Муркелинский 1967, 492].

Аварские падежи группируются в три серии — серия покоя, серия направления и серия исхода; в каждую серию входят по пять падежей, означающих какое-либо пространственное **отношение**, нахождение на поверхности предмета, около него, в нем, под ним, внутри него [Саидов 1967, 731].

Полисемантическая падежей. Падежи во многих языках являются полисемантическими. Один падеж может иметь довольно много значений. Так, например, местный падеж в бенгальском языке может также иметь значение дательного: *amay das tākā diben* 'дайте мне десять рупий'; значение направительного падежа: *ami sahare gelam* 'я иду в город'; значение творительного падежа: *as ami kuthar-e gāch kātīlam* 'я рублю дерево топоромГ

Многозначны также падежи в кабардино-черкесском языке, например эргативный падеж. Он может иметь значение дательного и творительного падежа, а также местного и исходного, выступать в качестве определения в атрибутивно-пассивных комплексах, например: *фызым и босцей* 'платье женщины', обозначать предмет, с которым сравнивают [ГКЧЛЯ 1970, 66].

Такой же многозначностью обладает и **послеложный** падеж. Он может иметь значение творительного, местного, направительного.

Локативная форма в языке зулу обозначает пространственные отношения (местонахождение предмета или направление его движения). Оттенки локативного значения формально не отображаются, а проявляются лишь в контексте или определяются значением глагола сказуемого, например: *kumuntu* 'в человеке, к человеку, от

человека, на человека' и т.п.; *embuzeni* 'в котле, к котлу, на котле' и т.д. [Охотина 1961, 29].

Причины такой многозначности могут быть различными.

В кабардино-черкесском языке значение различных падежей, в особенности местных, могут выражаться превербам. Значение падежных суффиксов в известной степени ослабляется, и они становятся полисемантическими.

Роль падежных суффиксов может ослабляться, когда язык от синтетического строя переходит к аналитическому.

При выражении грамматических отношений путем сочетаний предлогов с падежной формой функция дифференциации значений переходит на предлоги. Роль падежей при этом становится излишней. Любопытно в этом отношении образование так называемого косвенного падежа.

В вульгарной латыни большинство старых латинских падежей подверглось редукции, в результате чего остались только два падежа — именительный (*casus rectus*) и винительный (*casus obliquus*). Именительный падеж сохранил функции именительного падежа старой латыни. Форма винительного падежа, выступая в роли косвенного падежа, выполняла функции родительного, дательного, винительного прямого дополнения, аблатива места, времени, образа действия и аблатива с предлогами.

Многообразие функций делало косвенный падеж не очень неясным. Он стал перенапряженным. Возникла тенденция к более четкому выражению синтаксических функций путем употребления предлогов, ср. фр. *la chambre de son pere* 'комната его отца'.

Нечто подобное происходило также в истории иранских и некоторых индийских языков. Там также возникла двухпадежная система, причем косвенный падеж обычно употребляется с послелогом.

Встречаются аналитические языки, где падежные отношения могут выражаться при помощи предлогов и послелогов одновременно. Иногда вместо послелогов употребляются также наречия, ср. в афганском: лэ *мез ки* 'в столе' [Шафеев 1955, 1062], лэ *кор цэха ватэл* 'выходить из дома'.

Многозначность падежей может быть результатом падежного синкретизма. По неизвестным причинам, чаще всего причинам фонетическим, ряд семантически совершенно различных падежей может получить совершенно одинаковую форму, ср. норв.-саам. *sađ* 'песок' и 'песка', в кольско-саам. *var* 'лес' и '**лэса**', норв.-саам. *luokka* 'откос' и 'откоса', кольско-саам. *var-est* 'в **лесу**' и 'из леса'. В древнетюркском местный падеж одновременно имел значение исходного: *көз-дә* 'в глазах' и *каған-та* 'от императора'. В тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, а также в **якутском** местный падеж совпадает с направительным, **эвенк.** *бираду* 'в реке' и 'в реку', бур. *гэртэ* 'в доме' и 'в дом', як. *оскуолага* 'в школе' и 'в школу'. В хантыйском языке наблюдается совпадение местного и творительного падежей, например *хонны* 'в лодке' и 'лодкой'. В албанском языке наблюдается омонимия родительного и дательного падежей, ср. *malí* 'горы' и '**горé**'. Омонимия падежных окончаний

наблюдалась также в латинском и греческом языках, ср. лат. *rosae* 'р6зы' и 'р6зе', *pueris* 'мáльчикам' и 'мáльчиками'.

Форматив *-ши* в грузинском языке соответствует по значению и местному, и направительному падежам: *Батумши* 'в Батуме' и 'в Батум'.

Следует заметить, что многозначность может наблюдаться и в аналитических конструкциях, ср. в хинди *ghar má* 'в доме' и 'в дом', *máá nap* 'на столе' и 'на стол'.

Могут быть случаи, когда аналитический строй языка полностью еще не сформировался, вследствие чего наряду с синтетическими падежами могут употребляться и аналитические конструкции. В немецком языке наряду с родительным падежом встречается аналитическая конструкция с *von*, ср. *Die Zahl der Kriegsgefangenen - Die Zahl von der Kriegsgefangenen* 'число военнопленных'.

Некоторые авторы грамматик бенгальского языка в одну и ту же парадигму помещают наряду с синтетическими падежами типа *balak-e* 'мальчику', *balak-er* 'мальчика' также такие падежи, как творительный *balaker dvara* 'мальчиком'.

В ряде языков можно встретить разные способы выражения падежных отношений. В бенгальском языке наряду с синтетическим местным падежом типа *nagare* 'в городе' можно встретить образование *nagar madhye* 'в городе' (букв. 'в середине города'), в осетинском наряду с *басты* 'в стране' употребительно также *бáсты мудаг*, в новогреческом наряду с *στην πόλη* 'в городе' употребительно *мéсо στην πόλη*.

В некоторых языках встречаются и более редкие падежи. В эвенкийском языке существует направительно-местный падеж. Имя существительное в **направительно-местном** падеже имеет значение предмета или места, перед которым, около которого совершается действие: *Тогокло тээкэл* 'Сядь у окна'; *Нунган мокла иллан* 'Он остановился около дерева' [Константинова 1964, 58].

В некоторых финно-угорских языках встречается превратительный падеж, означающий результат превращения: манс. *хап-ыг* 'лодкой стал'.

Осетинский язык выделяет особый уподобительный падеж, отвечающий на вопрос 'подобно чему?'.

В языке коми существует так называемый достигательный падеж. Он служит для указания цели или причины действия: *муна ва-ла* 'иду за водой', *кула шог-ла* 'умираю с тоски'.

В табасаранском языке существует один из местных падежей (местный VI), например *сундхи-гъ* 'между сундуками'. Этот падеж выражает пребывание между однородными предметами, а также между частями одного предмета [Жирков 1948, 71]. Значение 'между' охватывает целую серию падежей, куда входят также исходные и направительные падежи.

Один из падежей 3-й серии в лакском языке может иметь значение 'через пространство, находящийся за домом', а другой падеж 4-й серии означает 'через пространство, находящееся у самого дома' [Муркелинский 1967, 493].

Выражение времени

Время в языке выражает отношение действия или состояния к определенной **временной** плоскости. Выражение времени — характерная особенность коммуникации, осуществляемой при помощи языка. В различных языках мира выражение времени очень часто связано с выражением вида. Поэтому в целях ясности изложения полезно хотя бы вначале абстрагироваться от этой характерной особенности глагольных времен и рассматривать их только в плане соотношенности действия или состояния с определенной **временной** плоскостью. Можно выделить несколько типов такой соотношенности.

Языки с формально неразвитыми системами времен. В мире существуют языки, временные системы которых не развиты. Обычно такие языки довольствуются относительно малым количеством времен. Чаще всего они имеют три времени — настоящее, прошедшее и будущее, соотносимые с соответствующими временными планами. В хантыйском языке (среднеобский диалект) существуют только два времени — настоящее-будущее и прошедшее. Мало времен и в венгерском языке. В современном венгерском языке изывательное наклонение имеет три времени — настоящее, прошедшее и будущее. Система времен дунганского языка имеет всего четыре времени. Три времени различает индонезийский язык. Чешский язык также различает только три времени — настоящее, прошедшее и **будущее**: К этой категории языков можно также отнести польский, белорусский и русский языки.

Скудость системы глагольных времен отнюдь не означает, что глагольные времена в этих языках не способны выражать такие значения, как перфективность, многократность, **совершенство/несовершенство** и т.д., — все это возможно, но обеспечивается другими средствами.

К языкам, в которых глагольные времена специально не фиксированы, прежде всего относится китайский. В нем существуют так называемые видо-временные формы, но ни настоящее, ни прошедшее, ни будущее времена не имеют сколько-нибудь определенных и устойчивых показателей. Время обычно определяется по контексту.

Во вьетнамском языке в определении времени действия огромную роль играет также контекст. Очень часто время определяется только контекстом. Если же из контекста неясно, к какому времени относится действие, то для уточнения времени действия употребляются: 1) наречия времени и наречные существительные типа **'сегодня'**, 'вчера', 'завтра' и т.д., 2) служебные слова, которые ставятся перед глаголом [Баринаева 1965, 111—112].

Реальное время совершения действия в кхмерском языке определяется либо контекстом, либо лексически при помощи слов типа 'сегодня', 'вчера', 'в следующем году', 'только что' и т.п. [Горгоניים 1966, 78]. В индонезийском языке *saja datang* означает 'я прихожу, я пришел и я приду' [Baumann 1967, 47].

В различных языках иногда встречаются времена, которые очень

трудно соотносить с каким-нибудь временным планом, поскольку такие времена в различных условиях могут иметь значение настоящего, прошедшего и будущего.

К временам этого рода относится неопределенное время в ненецком языке. Н.М. Терещенко так определяет значение этого времени: "Неопределенное время, как это следует из самого его названия, не связано с обозначением вполне определенного временного представления. **Временнѳе** значение, выраженное неопределенным временем, довольно широко. Формы неопределенного времени могут иметь значение и настоящего времени и прошедшего (чаще недавно прошедшего), а в сочетании с показателем несовершенного вида — также и будущего **времени**" [1947, 184]. То или иное значение форм неопределенного времени, — замечает далее Н.М. Терещенко, — зависит в первую очередь от характера действия, выражаемого глаголом. У глаголов, действие которых мыслится как длѳщееся, формы неопределенного времени имеют чаще значение настоящего (хотя могут иметь также значение прошедшего). Напротив, формы неопределенного времени, образованные от глаголов кратковременного или мгновенного действия, имеют значение прошедшего времени [Там же, 185].

Неопределенное время присуще также и другим самодийским языкам. Оно встречается в селькупском, нганасанском и энецком языках. В кабардинском языке существует время, называемое "аорист первый". В современном языке и в фольклорных текстах аорист употребляется для выражения мгновенности действия прошедшего времени, но он может выражать также значение настоящего и будущего времени [ГКЧЛЯ 1970, 135].

Имперфект в истории арабского языка мог иметь значение настоящего, будущего и прошедшего времени.

Наиболее типичным глагольным временем, выражающим результат действия, является перфект. В языках мира перфект имеет огромное распространение. Оно фактически не зависит ни от строя языка, ни от его генетической принадлежности. Он встречается в индоевропейских, финно-угорских, тюркских и кавказских языках. Иногда время имеет другое название, но фактически является перфектом. Таково, например, прошедшее неочевидное в некоторых тюркских и восточных финно-угорских языках. В лезгинском языке прошедшее III по значению полностью совпадает с перфектом. Перфектное значение может иметь форма на -ж в калмыцком языке, поскольку она обозначает действие, которое совершилось в прошлом, а по своему результату обнаруживается в виде следствия в настоящее время [ГКЯ 1983, 219]. Приглагольный показатель *те-* в языке суахили в большинстве случаев указывает на совершенность или результат действия [Мячина 1960, 34].

В китайском языке морфема *ла*, помимо идеи завершения действия и становления состояния, придает глаголам значение перфектности, показывая, что действие совершилось, но результат его виден и

сказывается в настоящем времени, например *цзуй жэнь паола 'преступник сбежал'* [Короткое и др. 1961, 67].

Конечно, могут быть языки, не имеющие перфекта, но огромное распространение его в различных языках мира свидетельствует о том, что особое выражение результата действия представляет коммуникативную необходимость.

Время совершения действия может быть недостаточно определенным, например: *Я видел детей* или *Я буду заниматься спортом*, т.е. 'Я ничего не говорю о том, когда я видел детей и когда я буду заниматься спортом'. Однако нередко возникает необходимость точного указания момента совершения действия. Для этой цели языки используют различные средства.

Наиболее показательным в этом отношении являются времена типа английского Present continuous и Past continuous. В тюркских языках была довольно сильна тенденция к созданию специальных форм определенного настоящего времени. Эта тенденция не во всех тюркских языках проявлялась в одинаковой степени, но в языках Средней Азии и Сибири она проявлялась достаточно наглядно. В казахском языке существуют две разновидности настоящего времени — так называемое настоящее переходящее и настоящее конкретное. Настоящее переходящее указывает на действие или событие, совершающееся постоянно: *кос ошады 'птицы летают', сексевэл жаксы жанады 'саксаул хорошо горит'* [СКЯ 1962, 338]. Настоящее конкретное выражает действие, происходящее в данное время, в данный момент. Например: *көн жавып тур 'идет дождь' (букв. 'небо (в данный момент) находится в состоянии дождя*)*; *ол хат жазып отыр '(он в данный момент) пишет письмо'* [Там же, 337]. Ср. также ног. *бара ятырмын 'я иду в данный момент'*; узб. *ёза ётирман*, кирг. *жазып жатамын 'я пишу в данный момент'* и т.д.

В сфере прошедшего времени, так же как и в сфере настоящего, в тюркских языках проявлялась довольно заметная тенденция к созданию форм прошедших времен, выражающих действие, связанное с определенным моментом в прошлом, ср. каз. *Келе жатыр едім 'Я приходил тогда'*, узб. *Ёза ётган едим 'Я писал тогда'*, алт. *Барып ьаттым 'Я ехал тогда'*, тат. *Бара идем 'Я шел тогда'* и т.д.

Категория конкретной длительности находит свое выражение также в корейском и японском языках, ср. кор. *Нас-ыл калго иссо Точу серп* [Холодович 1954, 101].

Одним из средств, уточняющих момент речи, является создание релятивных (относительных) глагольных времен. Типичным примером относительных глагольных времен может быть плюсквамперфект.

В языках земного шара плюсквамперфект имеет довольно широкое распространение. Импликативно плюсквамперфект тесно связан с перфектом. Если в языке существует перфект, то его обычно сопровождает плюсквамперфект. Этот факт имеет определенное объяснение. Существование перфекта и плюсквамперфекта наблюдается во

всех современных германских и романских языках — шведском, норвежском, датском, исландском, фарерском, голландском, фризском, немецком, французском, испанском, итальянском, португальском, каталанском, провансальском, румынском, молдавском и ретороманском. Оно наблюдается в новогреческом, албанском, чешском, лужицком, сербохорватском, словенском, словацком, финском, латышском и эстонском, а также в марийском и тюркских языках.

Сосуществование перфекта и плюсквамперфекта имело место и в древних языках, например в латинском и греческом. Плюсквамперфект обычно образуется из того же языкового материала, что и перфект, отличаясь от него лишь отдельными деталями. Чаще всего общей основой перфекта и плюсквамперфекта является причастие прошедшего времени, ср. нем. *ich habe geschrieben* 'я написал', *ich hatte geschrieben* 'я написал раньше', др.-рус. *писал есмь* 'я написал', *писал бых* 'я написал' или 'писал раньше'.

С исчезновением перфекта обычно исчезает и плюсквамперфект. В современном русском языке нет ни перфекта, ни плюсквамперфекта. Чем объяснить эти особенности? Почему во многих языках, совершенно различных по своему характеру и не связанных общности происхождения, наблюдается закономерное сосуществование перфекта и плюсквамперфекта?

В языке возникает необходимость выразить действие, которое бы предшествовало другому действию, осуществлявшемуся в плане прошлого, и при том выступало бы как действие, уже законченное по отношению к другому действию. Перфект, который всегда выражает действие законченное, явился очень удобным материалом для выражения действия, закончившегося раньше другого действия в прошлом. Только этим можно объяснить загадочный факт сосуществования перфекта и плюсквамперфекта, наблюдаемый, как говорилось выше, в самых различных языках мира.

Некоторые языки показывают в значении времен степень удаленности речевого акта от данного момента.

В эвенкийском языке существуют три оттенка будущего времени глагола: будущее I, будущее II и будущее III. Будущее I имеет значение действия, которое будет совершено в отдаленном или неопределенном будущем. Будущее II имеет значение ближайшего будущего времени. Будущее III также имеет значение весьма близкое будущему II, указывая на совершение ближайшего действия с оттенком некоторой неопределенности [Константинова, Лебедева 1953, 152—153]. Отдаленное будущее время существует также в эвенкомском языке.

Недавнопрошедшее (прошедшее категорическое) существует в якутском языке. Наряду с ним выделяется в якутском языке преждепрошедшее повествовательное время. В отличие от недавнопрошедшего времени, эта форма времени служит для обозначения таких прошлых действий, которые отдалены от момента речи относительно более длительным отрезком времени; обычно оно употребляется для повествования о событиях сравнительно большой давности [ГСЯЛЯ1982,310].

Сюда же относится давнопрошедшее I в лезгинском языке, которое выражает действие, совершившееся в отдаленном прошлом. Близкое прошедшее время в эскимосском языке указывает на действие, которое только что совершилось, или на действие обычное, которое началось в прошлом и продолжается в данный момент [Меновщиков 1960, 241]. Близкое будущее время в этом же языке указывает на действие, которое начнется непосредственно после момента совершения речи [Там же, 242]. Форма прошедшего времени с **афф.-в** в калмыцком языке передает значение однократного очевидного действия в недавнем прошлом [ГКЯ 1983, 215]. Первое прошедшее время в монгольском языке передает действие, которое совершилось в момент речи. Второе прошедшее время обозначает действие, которое предшествовало моменту речи [Тодаева 1951, 107]. Третье прошедшее время обозначает действие давно прошедшее, но неизвестное до этого слушателю [Там же, 108].

Системы глагольных времен содержат времена, которые находятся на стадии отмирания. Сербохорватские формы прошедшего времени делятся по образованию на сложные (перфект, плюсквамперфект, прошедшее предположительное) и простые (аорист и имперфект). Самым употребительным временем является перфект [Гудков 1969, 54]. Аорист редко употребляется в разговорном языке и почти не встречается в публицистике. В современном языке имперфект также малоупотребителен [Там же, 57—58]. Почти полностью исчезло прошедшее длительное в мокша-мордовском языке (типа *моралень 'я пел**), перфект и плюсквамперфект в карельском и вепском языках довольно редки. Также редки эти времена в языке коми.

В некоторых языках глагольные времена начинают становиться полисемантичными, утратив при этом первоначальную видовую специализацию. Аорист в албанском языке выражает не только законченное, но также и незаконченное действие в прошлом. Перфект в албанском языке иногда употребляется для выражения законченности действия в прошлом. В современном албанском языке иногда без всякого ущерба для смысла аорист может употребляться вместо перфекта.

Залог

Залог выражает отношение между субъектом и объектом действия. Субъект может быть непосредственным производителем действия, и это действие направляется на какой-либо внешний объект (действительный залог). Действие, осуществляемое субъектом, может быть направлено на этот же объект (возвратный залог), действие, осуществляемое двумя или несколькими субъектами (взаимный залог), действие может быть сосредоточено в самом субъекте или совершаться в интересах субъекта и т.д.

Эти отношения между субъектом и объектом действия могут возникнуть в процессе общения, независимо от того, средствами какого языка оно осуществляется, однако лингвокреативное мышление может подобрать при создании конкретных языков различные формы их выражения.

В языках мира наибольшее распространение имеют залого страдательный, возвратный и средний. Страдательный залог существует во многих языках мира, и способы его образования отличаются довольно большим разнообразием. Тем не менее во всем этом многообразии можно выявить два основных пути развития страдательного залога 1) на базе возвратного залога и 2) на базе языковых средств или ограничивающих, или полностью устраняющих активность действующего субъекта.

Ниже будут рассмотрены наиболее типичные способы образования страдательного залога.

Развитие страдательного залога на базе возвратного залога. Это явление происходит довольно часто. Наглядным примером может служить хотя бы русский язык, в котором формы страдательного залога совпадают с формами возвратного залога: *Он умывается* и *Дом строится плотниками*. Такое совпадение является типичным для всех славянских языков. В пермских языках показатели страдательного залога одновременно являются показателями возвратного залога, ср. коми-зыр. *стрóит-сь-ыны* 'строиться' и *пась-та-сь-ны* 'одеваться', удм. *пвла-сь-кыны* 'умываться' и *лэсьти-ськ-ыны* 'строиться'. Суф. -в- в мордовских языках может иметь и возвратное и страдательное значение, ср. эрзя-морд. *вельтя-в-омс* 'покрываться', *пурна-в-омс* 'собираться', но *леде-в-емс* 'быть скошенным' от *ледемс* 'косить'.

Совпадение форм страдательного и возвратного залогов имеет широкое распространение в современных романских языках, ср. исп. *La casa se construye muy de prisa* 'Дом строится очень быстро'. В итальянском языке возвратные формы глагола могут иметь значения страдательного залога, например: *Dove si vendono i biglietti?* 'Где продаются билеты?' Сочетание глагола с частицей *se* как средство выражения страдательного залога широко применяется в португальском языке. Часто этот способ употребляется в румынском и французском языках: рум. *cartea se traduce in limba romana* 'Книга переводится на румынский язык' [Садецкая 1962, 196].

В древнеисландском языке возвратная форма глагола могла иметь также страдательное значение. Это значение легло в основу форм страдательного залога в современном исландском, а также в шведском, датском и норвежском языках.

В большинстве семито-хамитских языков — кушитских, берберских, из семитских языков — в эфиопском и аккадском и в более поздних арамейских пассивное значение вторично получают возвратные формы глагола [Дьяконов 1967, 249].

В мансийском языке показателем страдательного залога является суф. -ве (*ала-ве* 'он убиваем' или 'его убивают'). Показатель страдательного залога -ве в мансийском языке, по-видимому, генетически связан с суф. -пу, -ру, -а, -у в финском языке. Этот суффикс может иметь и возвратное и страдательное значение, например, *tai-pu-a* 'гнуться, сгибаться', *potk-u-a* 'качаться' и т.д.

Спряжение пассивных глаголов в венгерском языке за немногими

исключениями ничем не отличается от спряжения возвратных глаголов, например *ruhaz-* 'он одевает', *ruhazkodik* 'он одевается' [Simonyi 1907, 354].

Глаголы с суф. *-н-* в тюркских языках могут иметь пассивное и возвратное значение, ср. тат. *-юы-н-ам* 'умываюсь' и *өй салын-ган* 'дом построен'.

В цыганском языке страдательный залог также выражается формами возвратного залога: *морава-нэ-* 'моюсь', *кэрэла-не* 'делаюсь' [Вентцель 1966, 75].

Возможность превращения возвратного залога в пассивный основывается на одной общей особенности этих двух значений. В том и другом случае субъект испытывает определенное действие. При возвратном значении он испытывает на себе собственное действие, при пассивном значении он испытывает на себе действие другого субъекта.

Страдательный залог и медиум. Формально страдательный залог часто смешивается с медиальным залогом. Особенно показательно смешение форм пассива и медиума в древнегреческом языке, где пассив имеет формы, общие с медиумом. Единственное отличие пассива от медиума состоит в том, что пассив имел особую форму аориста. В латинском языке парадигма пассива ничем не отличается от парадигмы медиума, который был представлен так называемыми отложительными глаголами, ср. лат. *laudor* 'меня хвалят, я хвалим' и *vereor* 'я боюсь' или *hortor* 'я уговариваю'. В древнеармянском языке медиум формально не отличался от пассива [Jensen 1959, 114].

Большая часть страдательных форм в енисейско-орхонских и наиболее древних уйгурских памятниках имеет медио-пассивное значение, которое сохраняется в некоторых тюркских языках и в более позднее время [Севортян 1962, 499].

Причина смешения форм медиума и пассива опять-таки заключается в наличии точек соприкосновения между медиальным и пассивным значениями. С.И. Соболевский выделяет два значения греческого медиума: *medium indirectum* и *medium directum*. Непрямой средний залог (*medium indirectum*) означает действие, которое субъект совершает для самого себя, ср. др.-гр. *πρὶς ἑαυτοῦ* 'доставляю себе'. Прямой средний залог (*medium directum*) означает действие, которое субъект совершает над самим собою. Он переводится возвратным залогом глагола, ср. *λύομαι* 'моюсь' [Соболевский 1948, 290].

Возвратное значение медиума — это именно то, что сближает его с пассивом.

Развитие страдательного залога на базе глаголов, выражающих состояние. Страдательный залог может развиваться на базе глаголов, выражающих состояние. В латинском языке глагольная основа с суф. *-е* имела непереходное значение. В латинском языке есть много глаголов на *-ео*, означающих состояние или положение: *caleo* 'быть теплым, горячим', *timeo* 'бояться'. В греческом

языке глагольная основа с суф. -Е служила страдательным залогом, например *ê-туп-η-ν* 'я был побит' [Линдсей 1948, 86].

С помощью суф. -i в древнеармянском языке образовался пассив глаголов с основой на -e (*berim* 'я несом, меня несут'). А. Мейе предполагал, что это -i- напоминает суффикс славянских и литовских глаголов, выражающих состояние, например прасл. *-bid-i-tū* 'не спит'. Тематическая форма того же суффикса образовывала в индоиранских языках пассив на -ya, ср. др.-инд. *budh-ya-te* 'его будят' [Meillet 1903, 17].

Развитие залоговых значений на базе значений суффиксов многократного действия. Примеры такого рода представлены в некоторых уральских языках. Показатель страдательного залога *-ij/-ej* в хантыйском языке возводится к глагольному суф. -у. В финском, мордовском, хантыйском, пермских языках и в юракском диалекте ненецкого глаголы с этим суффиксом могут иметь значение длительности действия, которое развилось из первоначального значения многократности действия.

В ненецком языке суф. -у служит для образования возвратных глаголов. Ср., например, *lyŋara-j-uw* 'я спрятался', *sob-j-uw* 'я вернулся' [Терещенко 1947, 207]. Возможна генетическая связь этого суффикса с показателем страдательного залога *-ij/-aj* в хантыйском языке.

В языке коми значение страдательного залога может выражаться суф. -сь. Этот суффикс некогда имел значение многократного суффикса.

Показателем страдательного залога в норвежско-саамском диалекте саамского языка является суф. *-juv-vu* (*dolvu-juv-vum* 'его ведут' или 'он ведом'). Б. Коллиндер выделяет здесь суф. *-ujuv* и сопоставляет его составную часть -му с уральским суффиксом многократного действия [Collinder 1960, 275].

Суффиксы страдательного залога -л- и -н- в тюркских языках некогда были суффиксами многократного действия. Отдельные реликты этого значения сохранились в тюркских языках по сей день, ср. тур. *eş-ele-mek* 'разрывать' (от *eşmek* 'рыть'), тат. *свйлэ-н* 'говорить несколько раз' (от *свйлэ-* 'говорить') и т.д. По-видимому, на базе многократного значения сначала развивается медиальное значение, которое позднее превращается в возвратное, а затем в пассивное.

Использование причастия прошедшего времени для образования форм страдательного залога. Причастия прошедшего времени используются довольно часто для образования форм страдательного залога. Это объясняется тем, что второе причастие может обозначать признак, не приобретенный самим субъектом. Например, в древнеанглийском сочетании глаголов *wesan*, *bion* 'быть' и *weorpan* 'стать' со вторым причастием могли означать, что субъект действия обладает признаком или получил признак в результате действия, произведенного над ним.

Аналогичный путь развития наблюдается в готском и немецком.

В готском языке уже возникает новая форма с причастием II страдательного залога, которое может употребляться как всякое прилагательное в предикативных словосочетаниях с глаголами *wisan* 'быть' и *weorpan* 'становиться'.

В древневерхненемецком старый флективный пассив не встречается, здесь уже в древнейших памятниках в процессе образования находился сложный пассив, обозначаемый словосочетаниями с глаголами *wesan* и *werden*.

При образовании способов выражения страдательного залога часто используется вспомогательный глагол со значением 'быть', ср. англ. *The house is built* 'дом строится'.

Но в некоторых языках и диалектах могут употребляться и другие глаголы. Для выражения пассива могут в роли вспомогательных глаголов использоваться также глаголы движения, ср. ит. // *libro viene letto* 'Книга читается'. Особенно типичен этот прием для новоиндийских языков. В хинди и бенгальском языках используется глагол со значением 'ходить' или 'уходить'. Этот же прием применяется и в новоиндийском языке ория. В маратхи и гуджарати используется вспомогательный глагол со значением 'приходить', в тамильском языке употребителен глагол 'испытывать'.

Вспомогательный глагол со значением 'становиться'. Конструкция этого типа употребляется в немецком и голландском языках, ср. нем. *die Brücke wird gebaut* 'мост строится', голл. *het ei word gekocht* 'яйцо варится'.

В современных скандинавских языках страдательный залог может выражаться аналитическими конструкциями, в состав которых входит вспомогательный глагол *blir* 'становиться', ср. швед. *stener blir krossad* 'камень разбивается'.

К этому же типу принадлежит образование страдательного залога в персидском языке. К причастию прошедшего времени присоединяется вспомогательный глагол *Sudan (šav)* 'делаться'. В древнеармянском языке страдательный залог мог выражаться аналитической конструкцией, составленной из форм вспомогательного глагола *line/* 'становиться' и причастия прошедшего времени основного глагола.

Вспомогательный глагол со значением 'становиться' первоначально означал приобретение признака. Можно с известной уверенностью предполагать, что суф. *-ал* у глаголов, обозначающих постепенное образование качества, послужил основным катализатором в процессе образования показателя страдательного залога *-л-* в тюркских языках. В тюркских языках встречаются отыменные глаголы с суф. *-ал-* типа аз. *аз-ал-маг* 'уменьшаться' от *аз* 'малый'; *дар-ал-маг* 'становиться узким' от *дар-* 'узкий', чув. *хур-ал* 'чернеть' от *хур-* 'черный' и т.д.

Нетрудно заметить, что в предложениях, содержащих глаголы этого типа, субъект действия фактически является пассивным, так как процесс происходит независимо от его желания: *человек худеет, толстеет, жиреет* и т.п. Субъект находится в состоянии процесса, который им не осуществляется.

Развитие пассивного значения на базе каузативного. Каузативные глаголы с суф. *-tta(-ttä)* и *-ta(-tä)* в финском языке (например, *pol-tta* 'заставлять гореть, жечь' от *pala-* 'гореть' и *pimen-tä* 'заставлять темнеть, темнеть' от *pimene-* 'темнеть') принимали участие в создании формы безличного пассива типа *sanotaan* 'говорят' или 'говорится', *otetaan* 'берут' или '**берется**' [Бубрих 1955, 68].

Суффикс пассивных глаголов в венгерском языке *-atik/-etik*, *-tat-ik/-te-tik* (например, *hózatik* 'приносится', *tetelik* 'делается') совпадает по форме с суффиксам каузативных глаголов *-at/-et* (например, *varr-at* 'заставлять шить', *hull-at* 'валить' ('заставлять падать'), *mond-at* 'заставлять **говорить**'). Суф. *-tat/-tet* возник в результате соединения двух суффиксов принудительного действия [Schleicher 1948, 498].

Ю.Н. Мазур утверждает, что в корейском языке во многих случаях одна и та же форма может выражать значения разных залогов. Преимущественно она употребляется в значении какого-либо одного залога, но в контексте может приобретать и иное залоговое значение. Так, форма *чан-хи-да* (от глагола *чан-та* 'ловить') обычно имеет значение страдательного залога: *когига чал чан-хинда* 'рыба хорошо ловится', но она же, хотя гораздо реже, может выражать значение и побудительного залога: *когырыл чан-хи-да* 'заставлять кого-либо ловить рыбу'. Не свидетельствует ли это о том, что в корейском языке страдательный залог генетически связан с понудительным залогом? [1960, 77].

Побудительный залог в тофаларском языке, образованный от переходного глагола, выражает также страдательные отношения, например: *Чаада ранить киндирган мен* 'На войне меня ранили' [Рассадин 1978, 138].

Возможность развития пассивного значения на базе каузативного также понять нетрудно. При каузативном глаголе активность субъекта **действия** в **известной мере** ослаблена, ср. рус. *Конюх поит лошадь*. Фактически лошадь пьет сама. Конюх создает только известные условия, дающие возможность другому субъекту совершать определенное действие.

О возможности выражения залогов разными способами. В русском языке глаголы страдательного залога имеют двоякое оформление: а) посредством присоединения к формам переходных глаголов суф. *-ся(-сь)*, совпадая в этом случае по форме с глаголами среднего возвратного залога, и б) посредством страдательных причастий. Система спряжения глаголов страдательного залога включает в себя те и другие формы; выбор формы определяется в основном видовыми значениями глагола. Спряжение страдательного залога на *-ся(-сь)* имеет место только в глаголах несовершенного вида; образование страдательных причастий от глаголов несовершенного вида ограничено. Формы страдательных **причастий**, а отсюда и сложных форм спряжения легко образуются от глаголов совершенного вида; формы же на *-ся (-сь)* от глаголов совершенного вида не имеют, как правило, страдательного значения [ГРЯ 1952, 504].

В языках, имеющих эргативную конструкцию, страдательный

залог обычно отсутствует. Основной причиной этой взаимосвязи, по всей видимости, являются особенности грамматического строя языков, имеющих **эргативную** конструкцию. В этих языках имеются два падежа, способных выполнять роль субъекта действия, — эргативный и абсолютный. Совершенно естественно, что в языках эргативной конструкции в случае появления страдательного залога падеж подлежащего должен был быть неоформленным падежом, т.е. он совпал бы по форме с падежом абсолютным. Но в языках эргативного строя абсолютный падеж и без того имеет две функции. Он выступает не только как субъект действия при непереходных глаголах, но и как объект действия при переходных глаголах. В случае возникновения страдательного залога абсолютный падеж получил бы еще третью функцию — быть падежом подлежащего в пассивной конструкции. Такой полисемантизм, безусловно, мог бы создать **лингвотехнические** затруднения.

СИНТАКСИС

Роль синтаксиса в отражении картины мира довольно специфична и сложна.

Функционируя в сообщении, слова выступают как единицы номинации, названия. Знаменательное слово существует как название — предмета, признака, действия, состояния. Собранные в словаре слова представляют именно этот, называющий аспект языковой системы. Словарь любого языка показывает, какие элементы языковой картины мира — предметы, явления, их различные признаки практически познаны и усвоены определенным человеческим коллективом, говорящим на данном языке. Отражение картины мира здесь уже имеется. Однако понимание определенной картины **мира**, как говорилось выше, не может ограничиваться только названием предметов, явлений и их свойств. Оно предполагает познание их различных свойств, связей с другими предметами и явлениями, их отношений. Познание сущности окружающей картины мира предполагает размышление, исследование этих связей, сопоставление изучаемых предметов и явлений с другими предметами и явлениями. Познание картины мира в таком понимании может быть осуществлено только в связной речи. Без использования синтаксических единиц построение связной речи фактически оказывается невозможным.

Поэтому синтаксис сообщает не столько о том, какие составные элементы картины мира человеком познаны, а о том, как они между собой связаны.

Известно, что основная сущность предложения в различных языках мира состоит в раскрытии различных качественных и процессуальных признаков интересующего нас предмета или явления. Синтаксис показывает, с какими словами эти признаки связаны и в какие отношения входят они с другими словами. Будучи взяты изолированно, слова языка этих отношений не показывают.

Другая особенность синтаксиса состоит в том, что он показывает типы **синтаксических** единиц.

Единицами морфологии являются формы слов. Природа их очень сложна. Формы слова принадлежат слову, организуют и представляют его. Но функционируют они в синтаксической конструкции (начиная от элементарных соединений и кончая сложным текстом), и в этом смысле можно утверждать, что морфология служит синтаксису. Однако такое утверждение упрощенно представляет реальные отношения в языке. Формы слов имеют собственные морфологические значения. Сложившись на основе синтаксического функционирования форм слов, абстрагировавшись от их синтаксических функций, эти значения существуют как принадлежащие уже самой морфологической форме. Будучи носителем таких отвлеченных значений, морфологическая форма слова в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями, она сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств. Таким образом, морфологические формы, их значения в определенный данный момент существования языка взаимодействуют синтаксическими конструкциями, с правилами их построения не как сфера подчиненная со сферой подчиняющей, а как сфера, располагающая арсеналом собственных средств, со сферой, без этого арсенала практически не существующей [ГРЯ 1980, 5].

Знаменательное слово — это единица, которая благодаря своим грамматическим и лексическо-семантическим свойствам способна подчинять себе другое слово в той или иной его форме (формах) или в той или иной своей форме (формах) слово подчиняется другому слову.

Вступая с другими словами в синтаксические связи, слово принимает участие в образовании синтаксических конструкций, которые являются компонентами оформленной единицы сообщения. Так, например, слово *читать* своими лексико-семантическими и грамматическими свойствами (принадлежность к определенной части речи, переходность, лексическое значение) предопределяет возможность **своей** связи с формой вин. падежа имени в объектном значении, подчиняет себе эту форму и на основе этой связи образует сочетание {*читать книгу, письмо, стихи*}, которое входит в единицу сообщения как ее компонент: *Он читает книгу; Читает книгу интересно; Сел читать книгу; Читая книгу, уснул; Человек, читающий книгу, поднял голову.*

Свойство знаменательного слова подчинять себе другие слова в тех или других формах, весь потенциал связей, принадлежащих слову, составляет область синтаксиса.

Синтаксис как область грамматического строя языка объединяет в своих границах такие единицы, которые или непосредственно формируют сообщение, или служат компонентами формирующей его конструкции. Такими синтаксическими единицами являются словосочетание, простое предложение и сложное предложение [ГРЯ 1980, 6].

Словосочетание — это синтаксическое объединение, которое образуется сочетанием знаменательного слова и формы другого знаменательного слова на основе подчинительной связи. Словосочетание состоит из знаменательного слова и формы другого знаменательного слова (или форм других знаменательных слов).

У синтаксиса как особого раздела языкознания две основные задачи — изучение различных типов словосочетаний и предложений.

Наиболее четкое и правильное определение словосочетания дано в академической Грамматике русского языка. "Словосочетаниями обычно называют грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или **большого** количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи и служащие обозначением **какого-нибудь** единого нерасчлененного понятия или представления" [ГРЯ 1960, 6].

Словосочетания — неотъемлемый строительный материал для предложений, вместе с тем они качественно отличаются от последних. Не входя в систему коммуникативных средств, словосочетания лишены предикативности. Тип словосочетания не терпит стечения двух **неотъемлемых** концентров предложения — субъекта и предиката. Усложнение словосочетания, его разворачивание возможно лишь в условиях исключенного субъекта или предиката. Совмещение двух концентров дает предложение. Любое словосочетание строится по принципу "**зависимый член + главный член**".

Таким образом, структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его формирующим стержнем. Конструктивные свойства словосочетания определяются грамматическим и лексическим содержанием прежде всего стержневого главного члена и характером его синтаксических отношений с зависимыми членами.

Всякое общение обычно состоит в раскрытии признаков предметов и действий. Словосочетание — это как бы клеточка потока речи, всегда состоящая из двух частей. Одна часть раскрывает признак другой части, уточняет, дополняет его содержание, т.е. в пределах структурной единицы словосочетания заключено выражение различных характеристик предметов и действий [Гаджиева 1973, 59—60].

В таком случае может возникнуть вопрос, каким образом **словосочетания** связаны с отражением в голове человека картины мира и что собственно они сигнализируют.

Любое словосочетание строится по принципу "**зависимый член + главный член**", а в широком смысле слова это фактически "**определение + определяемое**". Отсюда можно сделать вывод, что словосочетания могут быть материалом для изучения связи слов в речи и их валентности. В реальной действительности им соответствуют всякого рода характеристики различных предметов и явлений.

И действительно, в любом словосочетании одна его часть определяет другую. В этом, пожалуй, и состоят все познавательные возможности, которые может раскрыть изучение различного рода словосочетаний.

Формулы словосочетаний в различных языках мира отличаются большим разнообразием. Однако тем не менее не утрачивается возможность установить наличие общих типов.

Большую группу словосочетаний в различных языках составляют так называемые определительные словосочетания, где в роли веду-

щего члена выступают прилагательные, ср. рус. *главная роль, великий мастер, легкий вопрос, личная заинтересованность, глубокая осень, обшественная работа, интересная книга, июльская ночь, красивая девушка* и т.п.

Зависимым членом словосочетания может быть причастие, ср. *прошлый год, испорченный фотоаппарат, упавшее дерево, пропавший сын, скошенный луг, выпавший снег* и т.п.

Качественные прилагательные могут присоединять к себе имена существительные (или местоимения) в родительном, дательном и творительном падежах без предлогов, ср. *полный бодрости, полный глубокого смысла, понятный взору, покорный Перуну, довольный собой* и т.д.

Довольно многочисленны словосочетания с именами существительными, сопровождаемыми предлогами, ср. *мокрый от слез, скользкий от росы, слепой от природы, удобный для сидения, голый до пояса, прохладный после росы, последний из генералов, разные по характерам, готорый к отъезду, склонный к полноте, знакомые между собой*.

Могут быть словосочетания с наречиями: *младенчески живой, неуместно громкий, довольно приятный, чересчур сытый* и т.д.

Широко распространены словосочетания имен существительных с именами существительными. Здесь необходимо различать беспредложные и предложные словосочетания, ср. *ножка стола, стадо оленей, конец деревни, человек партии, дым костра, гимн Меркурию* и т.д.

Предложные именные словосочетания с именами существительными многочисленны и разнообразны. Они выражают очень широкий круг отношений, что связано с богатством предлогов и разнообразием их отношений. Но отношения эти обычно другого характера, чем в беспредложных словосочетаниях. Здесь преобладают отношения не объектные и не качественно-определятельные, а обстоятельно-определятельные разного рода [ГРЯ 1960, 242]. Ср. *словосочетания брошка из золота, товарищи из учреждений, побег из плена, путь из Астрахани, письмо из Ленинграда, сырость от земли, педагог до мозга костей, столик у дежурной, разговор у коменданта, глаза без блеска, письмо к полковнику, товарищи по эскадрону, костюм в полоску, дорога на кладбище, мужик с топором, скамья под яблоней, робость перед командиром, человек за рулем, удача в делах, лампа на комодe, мысль о переезде*.

Многочисленную группу словосочетаний образуют различные глагольные словосочетания, например: *заявлять протест, оправдывать доверие, выдерживать осаду, освещать вопрос, производить опыт, набирать скорость, предпринимать попытку* и т.д. Глаголы могут сочетаться со всеми падежами и глагольными конструкциями, ср. *следовать примеру, служить интересам, бояться змей, махать топором, лишать права, думать о сестре, докладывать о работе, бороться за правду, уходить в отпуск, приводить в систему, вынуть из кармана, не спать до утра* и т.п.

Зависимым членом словосочетания может быть местоимение, ср.

наша родина, моя лошадь, этот дом, тот парень, какая деревня, каждый человек, какой-нибудь пример, весь двор и т.д.

Наречие также может выступать в роли зависимого члена глагольного словосочетания, например: *хорошо придумали, тихонько беседовали, бесшумно пройти, пролететь мимо, торопливо встать, буйно реагировать, активно участвовать*.

Могут быть глагольные сочетания с инфинитивом, ср. *послал учиться, уложили спать, отпустили погулять, умение пользоваться, мода приглашать, необходимость соблюдать* и т.д.

Довольно распространены словосочетания с порядковыми числительными, ср. *девятый вагон, третья бригада, второй звонок, шестая рота* и т.д.

В словосочетаниях в роли главного слова может выступать имя числительное: *два окна, четыре ведра, трое из них, трое на водокачке* и т.д.

Есть языки, в которых некоторые из вышеперечисленных моделей могут отсутствовать, например, в обско-угорских языках могут отсутствовать модели с родительным падежом, поскольку в этих языках нет оформленного родительного падежа. В новогреческом языке, а также в арабском будут отсутствовать словосочетания с инфинитивом. Инфинитив в этих языках отсутствует. В русском языке, в отличие от финского, не будет сочетаний с партитивом, который в русском языке не выделяется. В языке коми не будет словосочетаний, содержащих имена существительные с предлогами, поскольку предлоги в этих языках отсутствуют. Во многих языках мира нет изафетной конструкции, характерной для тюркских языков, и т.д.

Предложения. Словосочетания, как уже говорилось выше, по своей природе не коммуникативны. Словосочетание представляет нечто отрывочное, как бы искусственно извлеченное из речи. Оно не дает понятия о целостности высказывания.

Каждое простое предложение, как грамматическая единица, имеет предикативную основу, т.е. построено по тому или иному отвлеченному образцу. Так, например, в основе предложений *Ребенок веселится; Поезд идет; Мальчик читает; Завод работает* лежит отвлеченный образец (структурная схема): им. падеж существительного — **спрягаемая** форма глагола, во взаимной связи друг с другом, выражающие отнесенные ко времени отношения процессуального признака (действия или **состояния**) и его носителя [ГРЯ 1980, 85].

Простое предложение — это такое высказывание, в основе которого лежит отвлеченный грамматический образец (структурная схема, предикативная основа), специально предназначенный языком для построения отдельной самостоятельной единицы сообщения [Там же].

Сам **отвлеченный** образец предложения (любой каждый) как синтаксическая единица имеет грамматическое значение, общее для всех таких образцов и объединяющее их в синтаксическую категорию простого предложения. Этим значением является предикативность — категория, которая целым комплексом формально синтаксических

средств соотносится с тем или иным временным планом действительности [Там же, 85, 86].

Простое нераспространенное предложение сообщает об одной отдельной ситуации: *Мальчик пишет; Девочка читает; Вечереет; Наступила зима; Унас гости; Мне весело* [Там же, 461].

Иногда отмечают наличие изоморфизма атрибутивных словосочетаний и простых предложений, например: *красный карандаш* и *Карандаш красный*. Однако логика не считает атрибутивные сочетания предложениями, поскольку здесь в предикативной связи признак приписывается понятию как собственный. Точнее говоря, в **атрибутивных** словосочетаниях признак рассматривается вне времени, тогда как в простых предложениях он рассматривается как существующий в данный момент. Спустя некоторое время этот признак может исчезнуть.

Конечно, если подходить с чисто логической точки зрения, и предложение может выражать постоянный признак, ср. *Земля круглая*, но событие в речи очень часто связано с определенным временем. Поэтому свойство предиката предложения выражать признак, существующий в определенном временном плане, само по себе очень важно.

Структурная схема предложения обладает такими грамматическими свойствами, такими особенностями своего языкового существования, которые позволяют обозначить, что то, о чем сообщается, реально осуществляется во времени (настоящем, прошедшем или будущем); это — план реальности или, что то же самое, временной определенности. Значение времени и реальности/ ирреальности слиты воедино; комплекс этих значений называется объективно-модальными значениями, или объективной модальностью.

Категория предикативности формируется этими значениями и представляет их как сложную языковую целостность [ГРЯ 1980, 86].

Простое предложение может быть распространенным, т.е. оно может содержать распространяющие члены, которые также называются второстепенными членами.

Сложное предложение. Представляет собой грамматически оформленное сочетание предложений (частей), так или иначе приспособленных друг к другу, тогда как простое предложение — единица, функционирующая вне такого сочетания (отсюда и его определение как простого предложения). В составе сложного предложения его части характеризуются грамматической и интонационной взаимосвязанностью, а также взаимообусловленностью содержания. В коммуникативном плане различие между простым и сложным предложениями сводятся к различию передаваемых ими сообщений. Простое нераспространенное предложение сообщает об одной отдельной ситуации. Сложное предложение сообщает о нескольких ситуациях и об отношениях между ними или (специфический случай) об одной ситуации и отношениях к ней со стороны **его** участников или говорящего: *Мальчик пишет; Девочка читает; Вечереет; Когда мальчик пишет, девочка читает; Он сомневается, что тебе понравилась книга; Боюсь, что мой приезд никого не обрадует.*

Таким образом, сложное предложение — это целостная синтаксическая единица, представляющая собой грамматически оформленное сочетание предложений и функционирующая в качестве сообщения о двух или более ситуациях и об отношениях между ними [ГРЯ 1980, 46].

Сложное предложение может выражать различные отношения между входящими в него простыми предложениями. Оно может выражать различного рода временные отношения (одновременность, очередность, предшествование, следование и т.д.). Придаточные предложения, входящие в состав сложного предложения, могут выражать сомнения в достоверности чего-либо, совпадение точек зрения, характеристику по сходству, отношение несоответствия, разделительные отношения и т.д. Могут быть также придаточные предложения, имеющие значение цели, причинно-следственное значение и т.д.

Придаточная часть сложного предложения присоединяется не просто к главной части с помощью того или иного союзного средства, но и распространяет или замещает в его составе какое-либо слово, словоформу или сочетание слов.

Нетрудно заметить, что синтаксис любого языка ориентирован на выражение таких особенностей предметов и явлений, которые выступают в речи человека, без выявления которых в речи сама речь становится невозможной.

На этом основании можно отметить две основные функции синтаксиса: 1) функционирование синтаксических единиц обеспечивает возможность самой коммуникации, 2) благодаря наличию синтаксических единиц становятся возможными суждения, которые способны раскрыть сущность предметов и явлений окружающего мира. Слова-названия, как указывалось выше, такой функцией не обладают.

Типы синтаксиса в разных языках мира могут быть неодинаковыми. Они могут быть неодинаковыми даже в рамках одного и того же языка. Так, например, в тюркских языках довольно отчетливо представлены три типа синтаксиса.

Наиболее древний тип характеризуется следующими, характерными для него особенностями. Тип построения простого предложения в тюркских языках является господствующим. Можно без всякого преувеличения сказать, что простое предложение в тюркских языках стремится включить в себя все потенциально возможные придаточные предложения, создать такие заменители придаточных предложений, структура которых не противоречила бы правилам главного предложения.

Некоторые русские типы придаточных предложений в тюркских языках не встречаются. Это прежде всего относится к определительным придаточным предложениям типа *Человек, который много читал, много знает*. Не типичны для тюркских языков дополнительные придаточные предложения (типа *Я знаю, что у тебя нет денег*), придаточные обстоятельственные времени (*Когда настала осень, в школах начались занятия*) и т.д.

Чем объясняются эти характерные особенности тюркских языков? Многое здесь объясняется типичным для тюркских языков порядком

слов — **определение + определяемое**. С точки зрения логики русские определительные придаточные предложения являются определениями. В предложении *Человек, который много читал, много знает* придаточное предложение *который много читал* логически представляет определение, характеризующее данного человека. По этой причине оно заменяется в тюркских языках причастным оборотом.

Если в тюркских языках все определения помещались в начале предложения, то совершенно естественно, что глагольная форма отодвигалась на конец предложения.

По этой причине придаточные предложения, характерные для индоевропейских языков, в древнейшие эпохи в тюркских языках не образовывались. Для тюркских языков этого периода характерна была так называемая трансформация. Этот процесс в целом выглядел так: сначала имело место примыкание двух самостоятельных предложений, затем происходило преодоление первичного примыкания путем вытягивания потенциального придаточного предложения в рамки простого предложения. Все, относящееся к определению, выражалось при этом причастными и деепричастными конструкциями. Сказуемое потенциального придаточного предложения превращалось в отпричастное имя и становилось дополнением глагола предложения, вобравшего в себя потенциально возможное дополнительное придаточное.

Наряду с этим, древнейшим способом выражения синтаксической связи в тюркских языках были сложные предложения союзного типа. Их возникновение нельзя объяснить только влиянием структуры контактирующих с ними языков других систем (русского, арабского, иранских). Уже в недрах структуры тюркских языков были заложены условия для развития союзного сложного предложения. Семантическим основанием для развития союзных предложений были противительные значения — условные, следственные и пр. Немаловажное значение имел характер временного соотношения действий. В случае необходимости показать противопоставление временных планов (или контрастность) выбирались по мере возможности союзные предложения. Не случайно, что значение противительности, противопоставления хорошо выражали частицы, которые и легли в основу многих союзных образований. Тюркские языки располагают известным количеством союзов и союзных слов, дающих им возможность образовывать придаточные предложения.

В развитии синтаксической структуры тюркских языков наблюдаются факты, когда оба пути развития подчинительных отношений — трансформация и союзный способ — скрещиваются, давая разнообразные смешанные типы построений, ср. алт. *Качан Боколу келерде, бай айткан...* 'Когда к нему пришел Бокалу, бай **сказал...**' [Баскаков 1958, 83]. Трансформация как способ выражения подчинительных отношений, как говорилось выше, имеет известные ограничения. Союзный способ явился результатом стремления преодолеть недостаточность одного способа трансформации. Гибридизация в целом выступает как способ усовершенствования синтаксической связи.

Специфический синтаксис имеют также языки, для которых типичной является эргативная конструкция предложения.

О НЕРАВНОМЕРНОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Различные явления могут выражаться в языках крайне неравномерно. Например, множественное число. Суффикс множественного числа в китайском и японском языках употребляется относительно редко. Чаще он употребляется в сфере местоимений. Также редко суффикс множественного числа употребляется и в корейском языке. В мордовских языках он употребляется чаще, чем в японском, но реже, чем в русском, так как в основном склонении в косвенных падежах не употребляется.

Родительный падеж в татарском языке употребляется реже, чем в русском, так как с родительным падежом в татарском языке конкурирует изафетная конструкция. Перфект в карельском и вепском языках употребляется значительно реже, чем в финском. Винительный падеж в тюркских языках менее употребителен, чем в русском, так как он употребляется в тех случаях, когда объект действия является определенным. Дательный падеж в тюркских языках по сравнению с дательным падежом в русском языке имеет более широкую сферу употребления, поскольку он одновременно имеет значение направительного падежа. Эргатив в грузинском языке имеет более узкую сферу употребления по сравнению со сферой употребления эргатива в аварском языке.

В узбекском языке наречия употребляются реже, чем в русском; деепричастия употребляются чаще, чем в русском [Абдуразаков 1978, 47—48]. Страдательные обороты речи в мордовских языках, а также в коми и марийском мало употребительны. Употребление личных местоимений в узбекском языке имеет факультативный характер, а во французском обязательный, так как они несут чисто строевую функцию, выступая как средство обозначения завершенности предложений [Там же, 61—62]. В мокша-мордовском языке указательное склонение охватывает только первые три падежа — именительный, родительный и отдельный; значение остальных падежей в указательном склонении выражается с помощью послелогов.

Различие между определенными и неопределенными формами прилагательных в литовском выражено в меньшей степени, чем в латышском.

Категория вида в балтийских языках выражена менее четко, чем в славянских. Род в латышском языке определяется прежде всего по окончаниям, но в русском языке родовые окончания имеются только в ед. числе, а во мн. употребляются одинаковые окончания для всех трех родов, например: *кони* (м. р.), *уши* (ср. р.), *степи* (ж. р.), *столы* (м. р.), *комнаты* (ж. р.), *окна* (ср. р.), *дома* (м. р.) [Семенова 1966, 45].

Преверб *se-* в грузинском языке значительно многозначнее приставки *в-* в русском и грамматикализован в меньшей степени [Цибахиашвили 1959, 270].

При отрицании, а также при указании, что действие переходит не на весь предмет, а только на его часть, вместо вин. падежа в русском языке дополнение может стоять в род. падеже. В таких случаях русскому род. падежу в казахском языке соответствует вин. падеж: *не дать дороги* ~ *жолбермеу*; *выпить молока* — *сут ішу* [Шкурдин 1957, 6].

В русском языке нет специальных морфологических средств передачи значения относительного времени; в алтайском языке значение относительного времени четко передается средствами морфологического уровня и реализуется в противопоставлении перфектных и неперфектных форм. Положение немецкого языка промежуточное: наряду с элементами специализации форм в относительном временном значении здесь имеются случаи их многозначности [Зеленецкий, Монахов, 1983, 131, 132].

В русском языке значение форм общего времени зависит от глагольного вида (простое у глаголов совершенного вида, сложное — у глаголов несовершенного вида), а в латышском сложное будущее обозначает действие, предшествующее другому будущему действию [Семенова 1966, 98].

В грузинском языке личные местоимения менее употребительны, чем в русском. В форме глагола может быть представлен как объект, так и субъект действия [Голетиани 1970, 143].

Семантические поля даже прямо соответствующих русских и грузинских глагольных приставок (например, *в ~ а, на ~ давы ~ га*) покрывают друг друга только в центре, на периферии они далеко не одинаковы не только по широте охвата разных лексических нюансов, но и по характеру этих нюансов, иногда очень различных [Цибахишвили 1959, 269].

В русском языке гораздо больше предлогов, чем послелогов в грузинском [Голетиани 1970, 344].

Одно и то же значение может выражаться в различных языках разными способами. Так, например, определенность имени существительного в немецком, английском, итальянском и многих других языках может быть выражена определенным артиклем. В мордовском языке она может быть выражена не только артиклем, но и при помощи объектного спряжения, употребляемого в тех случаях, когда объект действия является определенным.

Семантический объем местного падежа в разных языках может быть неодинаков. Во всех тюркских языках имеется местный падеж, характеризующийся показателем *-да*. Однако в тувинском языке употребление его более суженное. Если обстоятельство места управляется глаголом наст. времени, то оно отвечает на вопрос *где?* и ставится в мест. падеже, например: *Мен Кызылда чурттап тур мен* 'Я живу (в данный момент) в Кызыле'. Обстоятельство места, управляемое глаголом прош. или буд. времени, в тувинском языке почти всегда отвечает на вопрос *куда?* и ставится в дат. падеже: *Мен Кызылда чурттап турган мен* 'Я живу в Кызыле'; *Мен Кызылга чурттаар мен* 'Я буду жить в Кызыле' [Исаков, Пальмбах 1961, 128].

В истории эстонского языка окончание род. падежа отпало. Однако во многих случаях показателем значения род. падежа стала слабая ступень, ср. *jõgi* 'река', *jõe* 'реки'. В ряде случаев форма вин. падежа совпала с формой им. падежа, например *kala* 'рыба' и 'рыбы'.

Совершенный вид глаголов в болгарском языке выражается при помощи приставок, например: *пиша* 'он пишет' и *написал* 'он пишет', *чета* 'он читает' и *прочета* 'он прочитает'. Вместе с тем в болгар-

ском языке есть специализированные в видовом отношении глагольные времена: *прочетох* 'я прочитал', но *четях* 'я читал'.

Сильные глаголы в немецком языке образуют претерит путем чередования гласных корневого слога, тогда как у слабых глаголов аблаута корня не наблюдается.

В фризском языке существует так называемый сильный генетив на *s*, например *masters hus* 'дом хозяина'. Слабый генетив имеет окончание *-e*, например *pake pet* 'фуражка дедушки'. Но гораздо чаще отношения притяжательности выражаются в современном фризском языке аналитически, т.е. с помощью сочетания с **предлогом** *fan, it hûs fan us burman* 'дом нашего соседа' [Жлуктенко, Двужилов 1984, 128].

Распространенная в кавказских языках эргативная конструкция предложения обнаруживает различия в деталях в каждом языке.

Необходимо заметить, что грамматические средства в языках мира создаются стихийно. Здесь нет никакого преднамеренного плана, многое зависит от чистой случайности и поэтому совершенно невозможно предугадать, что может создать в языке носитель того или иного языка. Этим объясняются невероятные контрасты, наблюдаемые в этой области. Например, способ протекания действия в русском языке, помимо форм совершенного и несовершенного видов может быть представлен однократными и многократными глаголами, имеющими особые суффиксы. Различные оттенки действия в таких языках, как эвенский, чукотский, якутский и эскимосский, выражены необычайно подробно. Количество глагольных времен в турецком языке превышает полтора десятка, русский язык довольствуется тремя временами, а в китайском, вьетнамском и индонезийском времена вообще не **выражены**.

Вместе с тем во всех этих стихийных и неорганизованных процессах выявляется очень интересная тенденция — все языки мира стремятся создать какой-то минимум грамматических средств, способных обеспечить коммуникацию. Наглядно это проявляется в многочисленных параллелизмах. Языки мира образуют совершенно явные параллелизмы в области словообразовательных типов. Специфические и совершенно необычные словообразовательные типы встречаются сравнительно редко. Параллелизм наблюдается и в образовании падежей. Наряду с распространенными падежами — именительным и винительным — существуют наборы локальных падежей, указывающих на местонахождение предмета или его движение в определенном направлении. Различными могут быть наклонения глагола, но оптатив имеет наибольшее распространение в языках мира. Большое распространение имеют также глагольные формы, выражающие неочевидное действие. Много общего у различных языков мира и в области синтаксиса.

Таким образом, развитие грамматического строя языков мира обнаруживает ярко выраженную борьбу двух противоположно направленных тенденций. Общая бесплановость и стихийность в области создания грамматических **средств** способствует образованию различий, иногда довольно существенных. В то же время все языки мира стремятся к созданию какой-то единой стандартной системы грамматических средств, обеспечивающих возможность коммуникации.

ПРОЦЕССЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В ЯЗЫКАХ*

Сближение языков путем обоюдных заимствований является причиной, или во всяком случае одной из причин, того большого сходства внутренней формы, которые мы наблюдаем в языках народов, составляющих... относительно тесное культурное сообщество (Пауль)"

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Процессы взаимовлияния и заимствования в языках мира происходят настолько часто, что вызывают необходимость специального исследования. Всякое заимствование и влияние осуществляется людьми, и ясно, что заимствования и влияния характеризуют одну из важных сторон деятельности человека в языке.

Прежде всего нам хотелось бы показать, что нет ни одной сферы языка, которая не затрагивалась бы этими процессами. Они наблюдаются в области фонетики, лексики и грамматического строя языка, что может быть проиллюстрировано конкретными примерами.

Иноязычному влиянию, несомненно, подвержена область фонетики. Так, нижневолжские русские говоры, прилегающие территориально к Коми АССР, не знают русского веларного /л/. На месте веларного русского /л/ появляется средневропейское /l/. Здесь, вероятно, сказалось влияние коми языка, которому веларное русское /л/ также не свойственно. В коми-зырянских говорах на р. **Вашке** и р. Мезени **наблюдается** "разжиженное" произношение аффрикат, что, вероятно, объясняется влиянием вепского языка. На Мезени в древности существовала большая колония вепсов. Древневепскому же языку аффрикаты были несвойственны

Под влиянием иранских языков в узбекском и туркменском языках исчезло некогда существовавшее в них веларное /л/ (напоминающее *л* в татарском слове *ал* 'возьми'). Не без влияния индоевропейских языков исчезло в турецком языке типичное для многих тюркских языков задненёбное /к/.

В карельских диалектах, расположенных на территории СССР, наблюдается превращение /s/ в /s/ и /ts/ в /c/, чего нет, например, в финском языке. Возможно, что наличие /ш/ и /ч/ в русском языке также послужило катализатором, ускорившим их появление в карельском языке.

Широкая распространенность процесса делябиализации в диалектах северного и восточного Азербайджана, с одной стороны, и в диалектах тюркских языков Северного Кавказа — с другой (карачаево-балкарский, ногайский) могла быть поддержана и укреплена влиянием соседних

* Данный раздел написан Б.А. Серебrenниковым совместно с М.С. Полинской.

** Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 472.

кавказских языков. Вокализм целого ряда кавказских языков не знает губных /o/ и /v/ [Гаджиева 1979, 25].

Субстратное влияние иногда может распространяться на значительные территории, захватывая сразу несколько языков. Так, например, для фонетической системы болгарского, румынского и албанского языков характерно наличие редуцированного гласного, который в болгарском языке обозначается через *ь*, в румынском через *a* и в албанском через *ë*. На огромном пространстве от Норвегии до нижнего течения Оби в целом ряде языков наблюдается тенденция к превращению гласных звуков разного качества в гласный /a/. Такое явление наблюдается в саамском, ненецком, северных диалектах мансийского языка, а также в хантыйском [Серебренников 1965, 13].

Любопытно отметить, что тенденция к превращению /a/ в /o/ в первом слоге прослеживается одновременно в татарском, чувашском и марийском языках. В марийском /a/ первого слога превращается в /o/, в чувашском — в разных диалектах — в /o/ или /y/, а в татарском языке — в лабиализованное /a/.

Типичным примером может служить также возникновение церебральных согласных в индийских языках. Предполагается, что эти церебральные согласные возникли под влиянием субстратных дравидийских языков, поскольку подобные согласные широко распространены в современных дравидийских языках и не могут быть объяснены как результат исторической эволюции соответствующих нецеребральных согласных индоиранского или древнеиндоевропейского языка-основы.

В сары-уйгурском и саларском, носители которых живут на территории Китая, различие согласных установилось не по глухости и звонкости, а по наличию/отсутствию аспирации. Придыхательные согласные — сильные глухие звуки, не озвончающиеся ни в какой позиции слова. Непридыхательные согласные относятся к слабым глухим, звонкость которых колеблется, доходя иногда до полной. Оба ряда звуков образуют соотносительные пары: *g ~ g', t ~ t'* и т.д. Причины трансформации консонантной системы в саларском и сары-уйгурском Э.Р. Тенишев связывает с иноязычным воздействием, объяснимым китайским окружением [1963, 125].

Под влиянием артикуляционной базы русского языка в селькупском языке происходит колебание в произношении /q/, которое может заменяться простым /k/. По этой же причине билабиальное /w/ начинает заменяться лабиодентальным /v/ [Морев 1976, 45].

В кайтакском и отчасти подгорном диалектах кумыкского языка имеется шесть смычно-гортанных, или надгортанных, звуков: /кI/, /чI/, /цI/, /пI/, /тI/, /кь/. Исследователь этих диалектов И.А. Керимов считает появление их в этих диалектах связанным с влиянием соседних горских языков, в частности даргинского [Керимов 1957, 5].

В северных диалектах азербайджанского языка, в частности в говорах Закатальского р-на, отмечено наличие фарингализованных гласных /аь/, /оь/, /уь/, /ыь/, а также смычно-гортанных /цI/, /чI/, /кI/, /тI/, /пI/, возникших под влиянием кавказских языков [Асланов 1966, 204].

Один язык может воспринять от другого общую манеру произношения, мелодику речи и т.п. Каждый, кому приходилось слышать

произношение так называемых финских шведов, не мог не заметить, что оно больше похоже на произношение финнов, чем на произношение шведов, проживающих в Швеции. Не менее значительны различия в произношении финнов, проживающих на территории Финляндии, и ингерманландцев, живущих в Ленинградской области и частично в Карельской АССР. Произношение последних мягче и ближе к русскому, поскольку длительное пребывание среди русских не могло не сказаться на их выговоре. Если сравнить произношение коми-зырян, проживающих в бассейне р. Вычегды, с произношением коми-пермяков, то нельзя не заметить, что произношение коми-пермяков почти не имеет специфического акцента и больше похоже на русское. Довольно отчетливо обнаруживается персидская манера произношения в речи азербайджанцев Ирана. Рассматривая произношение в мексиканском варианте испанского языка, Гонсалес Морено отмечает фразовую интонацию, в которой заметна напевность (*especie de canto*): "Когда слышишь, как индеец-майя говорит на своем родном языке, и сравниваешь с тем, как юкатанец говорит по-испански, поражаешься сходству фразовой интонации" [Степанов 1963, 37].

Влияние двух языков может отразиться на характере ударения. Смена характера ударения в латышском языке, имевшем первоначально разноместное ударение, которое затем переместилось на первый слог, обязана, по всей видимости, влиянию угро-финского народа — ливов. В древние времена ливы занимали значительную часть территории современной Латвии.

Многие диалектологи отмечают, что в русских говорах так называемого Заонежья русское исконно разноместное ударение перемещается на первый слог. При объяснении этого явления нельзя не учитывать, что носители этих говоров по происхождению являются обрусевшими карелами. В марийском и чувашском языках наблюдаются некоторые любопытные особенности, касающиеся места ударения в словах, содержащих редуцированные гласные. Редуцированный гласный /ы/ в марийском языке ударения обычно не принимает, ср., например, *шорык* 'овца', *тошкълтыш* 'лестница', *оварчык* 'лестница'. Если в слове имеются наряду с редуцированным и гласные полного образования, то ударение, как можно видеть из вышеприведенных примеров, падает на слог, непосредственно предшествующий слогу, содержащему редуцированный гласный. Если слово во всех слогах содержит редуцированный гласный, то ударение перемещается на первый слог. Нечто подобное наблюдается и в чувашском языке. Если в последнем слоге находятся редуцированные гласные /а/ или /ë/, то ударение переносится на ближайший слог с гласным полного образования, например *сүрӑх* 'овца' *кашкӑр* 'волк'. Если в слове все гласные редуцированные, то ударение ставится на первом слоге, например *ӑвӑс* 'воск', *ӗш.лӗттӗмӗ* 'работал'; ср. также вышеприведенные марийские примеры и *пылыш* 'ухо', *чывыштыш* 'щепотка' [Егоров 1954, 301].

Влияние одного языка на другой иногда способствует уменьшению устойчивости корня слова. В уральских языках корень слова более устойчив, чем в индоевропейских. Однако в финском языке, благодаря наличию так называемого чередования ступеней, он стано-

вится менее устойчивым. Еще менее устойчив он в саамском языке, где довольно много случаев аблаута и изменений групп согласных.

Влияние внешней среды может приводить и к заметным изменениям в грамматическом строе языков. В области падежной системы оно может проявляться в числе падежей, в составе падежной системы, в особенностях значений падежей, моделях их построения, особенностях их исторического развития и т.д.

Якутский язык отличается от других современных тюркских языков многопадежностью. Он имеет девять падежей: именительный; винительный; дательно-направительный, или дательно-местный; частный, или партитив; отложительный; совместный; наречный; сравнительный и творительный. Абсолютное большинство современных тюркских языков имеет обычно шесть падежей — именительный, родительный, дательно-направительный, винительный, местный, исходный.

Многопадежность якутского языка можно было бы считать результатом развития этого языка по внутренним законам, если бы не было никаких данных, свидетельствующих о наличии внешних причин, в результате воздействия которых якутская система падежей приняла особый вид, значительно отклоняющийся от общетюркского типа. Дело в том, что некоторые специфические особенности якутской падежной системы имеют параллели в падежной системе эвенкийского и эвенского языков, принадлежащих к тунгусо-маньчжурской группе языков. В якутском языке нет специальной формы род. падежа, например *ат баһа* 'голова лошади' (букв. 'лошадь голова-ее'). Нет этого падежа и в окружающих якутский язык эвенском и эвенкийском, ср. эвенк. *хомоты автун-ин* 'берлога медведя' (букв. 'медведь берлога-его'). Можно предполагать, что родительный падеж в якутском языке не успел развиться, так как в тюркских языках первоначально его не было; однако влияние тунгусо-маньчжурских языков, по-видимому, оказало на якутский задерживающее действие. Далее, дательно-направительный падеж в якутском языке имеет одновременно и значение местного, например *оскуолаҕа* 'в школу' и 'в школе'. То же самое наблюдается в эвенкийском и эвенском языках.

Специфический падеж якутского языка, партитив, означает часть предмета, например *чэй-дэ* 'выпей чаю'. Некоторые исследователи предполагают, что якутский язык в данном случае сохраняет архаическое состояние, когда суффикс мест. падежа *-da*, *-de* современных тюркских языков еще не имел значения отложительного падежа, на базе которого и развился чукотский партитив [Рамstedт 1957, 42]. Но что могло толкнуть якутский язык на такой путь развития? Опять-таки возможное влияние тунгусо-маньчжурских языков. В эвенкийском языке существует так называемый винительный неопределенный падеж, который, помимо артиклевой функции, обладает также способностью употребляться в тех случаях, когда предмет, на который направлено действие, представляет собой часть некоего целого. Влияние тунгусо-маньчжурских языков и могло способствовать превращению древнетюркского аблатива в партитив.

Наличие творительного падежа в якутском языке также, по-видимому, обязано влиянию тунгусо-маньчжурских языков, поскольку

творительный падеж имеется в эвенкийском и эвенском языках. Наличие в **якутском** языке современного падежа также легко объяснимо, поскольку совместный падеж имеется в эвенкийском и эвенском языках.

Обратимся к финскому языку. Было обнаружено, что значение финского партитива в известной степени напоминает значение родительного падежа в балтийских языках [Kont 1953, SO, 199]. **Не** исключена возможность, что во время контактов между предками современных финнов и балтийскими народами, в ту эпоху, когда они находились на южном берегу Финского залива, влияние балтийских языков послужило стимулом для возникновения в прибалтийско-финских языках партитива.

В некоторых нижневычегодских русских говорах под влиянием коми-зырянского языка вышло из употребления партитивное значение родительного падежа, например: *В лесу никакие грибы нет*; ср., соответственно, в коми-зырянском **Вбрын некутшбмтшак абу**.

В греческих диалектах Малой Азии встречаются две формы винительного падежа — винительный определенный и винительный неопределенный. По-видимому, здесь сказалось влияние турецкого языка, в котором также существует подобное различие.

В результате иноязычного влияния может меняться также семантика падежей. В коми-зырянском языке существует так называемый **конзекутив**, характеризующийся суф. *-ла*, например: *пес* 'дрова', но *пес-ла* 'за дровами', *ša* 'вода', но **ва-ла** 'за водой' и т.д. **Некогда** этот падеж имел чисто лативное значение и обозначал движение по направлению к какому-нибудь предмету без проникновения в его внутреннюю сферу; позднее стал обозначать цель действия. Наряду с обозначением цели действия этот падеж в современном коми языке может обозначать также причину действия, например *ез лок дышыс-ла* 'не пришел из-за лени'. Объяснить развитие причинного значения на базе первоначального лативного значения довольно трудно. Можно предположить, что причиной появления явились русские предложные конструкции с предложением *за*, которые могут обозначать как цель действия, так и причину действия, ср. *пошел за водой*, но *побил за дело*.

В языке коми широкое распространение получили различные местные падежи — местный, исходный и различные падежи, обозначающие движение по направлению к предмету или движение внутри какого-нибудь предмета. В русском языке этим падежам обычно соответствуют различные предложные конструкции, например *в городе*, *в город*, *к городу* и т.д. Одной из особенностей сереговского **говора**¹ является пропуск предлогов в подобных сочетаниях: *иди маме, каша маслом, подошли угорчику, бежи бабушке, пошел жалобой, свекром жила, лучинам-то жили, дом маленькими рамами, посадил медведя одну из темных комнат, Москве был, подводной лодке погиб* [Михеева 1960, 115].

Пропуск предлогов наблюдается также в русских нижневычегодских говорах, прилегающих к территории Коми АССР, **например**: *Ухте*

¹ Русский **говор**. с. **Серегово** находится на территории Коми АССР.

живет, Ивана Семеновича недалеко живет. Такие конструкции отмечаются и в Ленском р-не Архангельской области.

Иноязычное влияние, по всей видимости, может приостановить идущий процесс распада падежной системы. Во всех индоевропейских языках наблюдается процесс распада системы древних индоевропейских падежей. Во многих современных индоевропейских языках древняя система падежей исчезла. Отношения между словами стали выражаться аналитическим путем, при помощи предлогов. Система древних падежей, унаследованная от индоевропейского праязыка, в армянском языке также подверглась разрушению. Однако она не разрушилась полностью, и армянский язык не дошел до аналитического строя. Аналогичное явление наблюдалось также в истории осетинского языка и некоторых языков Индии, в которых, несмотря на разрушение старых падежных окончаний, образовалась новая система синтетических падежей. Можно сказать, что полному разрушению старой падежной системы в армянском и осетинском языках препятствовало влияние окружающих их горских языков Кавказа, имеющих довольно развитые падежные системы.

Некоторые ученые объясняют возникновение постпозитивного артикля в болгарском языке как результат иноязычного влияния, поскольку постпозитивный определенный артикль существует также в румынском и албанском языках.

В эстонском языке в результате влияния индоевропейских языков система притяжательных аффиксов исчезла, и, наоборот, в новогреческом диалекте понтика под влиянием турецкого языка она возникла.

Иноязычное влияние может вызывать даже иное расположение аффиксов в слове. Во всех тюркских языках притяжательные суффиксы располагаются после суффикса мн. числа, ср. тур. *Türkiye* **şher-ler-i** 'города **Турции**'. В чувашском же языке притяжательные суффиксы предшествуют суффиксу мн. числа. например: *капитал* **сершыв-е-сенче** 'в странах **капитала**'. В данном случае сказалось влияние марийского языка.

В японском языке прилагательное в позиции сказуемого может получать глагольное оформление, т.е. присоединять показатели времени и наклонения. Теми же свойствами обладает прилагательное в территориально близком языке нивхов.

Румынские числительные от 11 до 19 содержат характерный элемент *spre* 'на' (из лат. *super* 'над'), например *unsprezece* 'одиннадцать', *doisprezece* 'двенадцать' и т.д. Эти числительные образованы по славянской модели, ср. рус. *одиннадцать*, т.е. "один на десять", *двенадцать* "два на десять" и т.д.

Глагольная система языка также подвержена различным иноязычным влияниям. Иноязычное влияние, например, способно преобразовать систему личных глагольных окончаний. Так, например, в языке тюркоязычной народности саларов, проживающих на территории Китая, отсутствует спряжение по лицам и числам: здесь, несомненно, сказалось влияние китайского языка, в котором глагол также лишен этих характеристик. Ранее в саларском языке эти формы были. И в

фольклоре все еще сохраняются рудименты суффиксальных форм лица и числа [Тенишев 1963, 29]. Аналогичное влияние оказал китайский язык также на маньчжурский. В маньчжурском спряжение по лицам и числам тоже отсутствует. Наличие же этого явления в других тунгусо-маньчжурских языках заставляет предполагать, что это явление вторичное, возникшее под влиянием китайского языка.

В новогреческом языке демотики — специфические личные окончания имперфекта — по форме полностью совпали с личными окончаниями аориста. Аналогичное явление также наблюдалось в истории болгарского языка, где формы имперфекта и аориста часто не различаются.

В болгарском, новогреческом, румынском, албанском и сербо-хорватском языках наблюдается удивительное сходство в образовании аналитической формы будущего времени. Всюду в его образовании участвует вспомогательный глагол, имеющий буквальное значение 'желать' или 'хотеть'. Формы вспомогательного глагола утратили личные окончания и фактически превратились в частицы.

Г. Вагнер отмечает, что система категорий глагола в современном английском языке обнаруживает больше сходных черт с системой глагольных категорий островных кельтских языков, чем с системой глагольных категорий древнеанглийского языка [Wagner 1959, 109].

Имеется значительное количество различных доказательств, что марийский язык в глубокой древности был ближе к мордовским языкам и входил вместе с последними в волжский комплекс финно-угорских языков. Позднее предки марийцев под давлением каких-то южных народов должны были потесниться к северу. В результате взаимодействия с пермскими народами, главным образом в районе волжского левобережья, в марийском языке образовалась система прошедших времен, типологически тождественная системе прошедших времен в пермских языках.

Французские конструкции типа *il me l'a dit* 'он мне это сказал', где местоименные показатели прямого и косвенного объектов как бы инфигированы между личным местоимением (личным префиксом *il*) и глаголом, очень напоминают **древнеирландские** конструкции типа *ro-m-gab* 'взял меня'.

Влияние другого языка может отражаться в значении глагольных времен. Так, например, второе прошедшее в чувашском языке, помимо значений перфекта и прошедшего **неочевидного**, имеет также и значение прошедшего длительного. Источник этого значения следует искать в марийском языке, поскольку в этом языке второе прошедшее, имеющее значение перфекта и прошедшего неочевидного, также может употребляться для выражения длительности действия. Чувашский язык развивался на марийском субстрате.

Любопытные следы иноязычного влияния могут быть обнаружены в области выражения таких языковых категорий, как вид и **акционзарт**. В удорском говоре языка коми суф. *-сь*, который в языке коми может наряду с другими значениями выражать длительное действие, был приспособлен под влиянием русского языка для выражения несовершен-

ного вида, например: *пырны* 'войти' — *пырсьны* 'заходить, входить'; *вайны* 'нести' — *вайсьны* 'приносить'.

В болгарском языке под влиянием турецкого языка возникло пересказочное наклонение. Болгарский перфект, который в древние времена обозначал результат действия, завершившегося в прошлом, после проникновения значительных масс турок на территорию Болгарии приобрел в условиях двуязычия способность выражать действие, очевидцем которого говорящий фактически не был, т.е. передаваемое со слов других [Мирчев 1964, 209]. Пересказочное наклонение возникло в латышском языке — под влиянием эстонского, а может быть, ливского.

По мнению Б.Х. Балкарова, наличие двух типов спряжения глаголов в системе прошедшего времени в осетинском языке в зависимости от того, является ли данный глагол переходным или непереходным, возникло под влиянием кавказского языкового субстрата, поскольку в адыгских языках также существуют два спряжения — одно для переходных, другое для непереходных глаголов [1965, 76].

В финно-угорских языках древнейшей поры глаголы вообще не имели никаких превербов. В некоторых финно-угорских языках они возникли под влиянием окружающих их индоевропейских языков (например, в венгерском, отчасти в эстонском). Аналогами превербов в марийском языке являются вспомогательные глаголы (*кочкаш* 'есть', *кочкын пытараш* 'еда кончить'). Почти все модели сложных глаголов в марийском языке заимствованы из чувашского языка, поскольку в чувашском языке имеются их совершенно точные типологические соответствия.

Сложные глаголы имеются также в современном бенгальском языке. С. Чаттерджи отмечает поразительное сходство моделей сложных глаголов в бенгальском языке с моделями сложных глаголов в дравидийских языках [Chatterji 1926, 1050].

Очень подвержен различным внешним влияниям синтаксис. Синтаксис древних финно-угорских языков был очень похож на синтаксис тюркских языков. В нем выдерживался типичный для агглютинативных языков порядок слов "определение — определяемое", глагол обычно занимал конечную позицию в предложении; очень слабо были развиты придаточные предложения — их функции выполняли причастные конструкции и абсолютные деепричастные обороты; слабо были развиты подчинительные союзы.

В результате влияния различных индоевропейских языков синтаксис таких финно-угорских языков, как венгерский, финский, эстонский, саамский, мордовский и коми-зырянский, приобрел многие типологические черты индоевропейского синтаксиса. Относительно свободным стал порядок слов, появились придаточные предложения европейского типа, вводимые союзами и относительными местоимениями.

В языках Кавказа широко распространена эргативная конструкция предложения. Трудно предположить, чтобы во всех языках она возникла совершенно самостоятельно. По-видимому, имело место частичное ее распространение за счет влияния языков-субстратов.

В лингвистической литературе отмечены случаи заимствования средств связи подчинительных предложений, а также сочинительных союзов. Так, например, мордовские языки употребляют значительное число союзов, заимствованных из русского языка. В старых письменных памятниках азербайджанского языка и в **современном** азербайджанском языке широко употребляется союз **ки** 'что; который', заимствованный из персидского языка. Так называемые абсолютные деепричастные обороты, встречающиеся в удмуртском и марийском языках, построены по татарской модели.

В тюркских и финно-угорских языках существуют так называемые абсолютные обороты со своим подлежащим, ср. тат. *Сугыш беткэч, без вйгэ барабыз* 'Когда война окончится, мы поедем **домой**' (**букв.** 'война окончившись, мы поедем домой*'). Древние абсолютные деепричастные обороты в современном коми **языке** могут заменяться **придаточными** предложениями русского типа, например: *Шонді петигӧн ме локті гортӧ* (**букв.** 'солнце взойдя, я пришел **домой**') может быть заменено на *Кор шонді петіс, ме локті гортӧ* 'Когда солнце взошло, я возвратился домой'.

В результате влияния другого языка может измениться даже порядок слов в предложении. Под влиянием таких языков, как русский и болгарский, стал свободным порядок слов в гагаузском языке.

При описании заимствований из языка в язык существен поиск мотивации. Соответственно заимствования предлагают делить на мотивированные и немотивированные. В известной мере это отражает истину. Однако при развитом двуязычии, предполагающем одинаковое владение говорящим двумя и более языками, мотивация заимствований в ряде случаев оказывается затруднительной; ср. эрзя-морд. *Сарапулсо параход лангс озас эчке цёра ломань, комань чамазо прок авань скалатомо, усто мо* (Горький 1955, 191) 'В Сарапуле сел на пароход толстый мужчина с бабьим лицом без бороды и усов¹. Заимствование татарского слова *сакал* 'борода' и русского слова *усы*. по-видимому, здесь вообще ничем не мотивировано. В диалектах новогреческого **языка** можно встретить предложения типа *σταματίσε τον άχι χαιατία* 'Остановил лошадь около крыльца'. В данном случае также невозможно объяснить, почему широко распространенное новогреческое слово *'αλογο* 'лошадь' было заменено турецким словом *at* (*ати*).

Однако несмотря на наличие подобных примеров и необычайное многообразие заимствований и влияний, примеры которых были приведены, представляется, что заимствования можно разделить не только на мотивированные и немотивированные, но и на случайные и системные.

Основная задача данного раздела состоит в том, чтобы рассмотреть системные заимствования в языках и попытаться определить их мотивацию — в первую очередь концептуальную **и/или** собственно языковую, а также, вероятно, социальную. Сказанное означает, что мы допускаем многоаспектную мотивацию заимствований; как будет показано ниже, заимствования, мотивированные с различных позиций, имеют больше шансов проникнуть в язык и закрепиться в нем. **Итак**, нас интересуют собственно заимствования, а не слова, окказионально

появляющиеся в языке (судьба каких-то из них попросту неясна и может стать ясной только с течением времени).

Если не касаться проблематики глоттогенеза, т.е. если ограничить объект исследования не конструктами, а живыми языками, можно выделить следующие проблемы.

1. Какова структурная **и/или** неструктурная мотивация заимствования из одного языка в другой, иначе говоря, как соотносятся друг с другом статическая (-условно выделенная в данный момент времени) картина мира и изменения языка.

2. Каково соотношение меняющейся картины мира и меняющейся системы языка, т.е. симметрична ли динамика когнитивного и языкового.

С этой проблемой связаны две другие, которые мы сможем скорее только поставить здесь, нежели разрешить (поэтому все предлагаемые ниже решения следует считать не более чем гипотезами): а) как устроена языковая картина мира, можно ли считать ее единой, цельной "однослойной", б) есть ли в языке прогресс в собственном смысле слова и, в частности, возможна ли языковая конвергенция (отсюда вытекает и крайне существенный для сравнительно-исторического и общего языкознания вопрос о возможности происхождения языка из более чем одного источника или возведения родства к более чем одному источнику).

Из постановки проблем видно, что ряд понятий, которыми мы будем оперировать, задается аксиоматически. Мы исходим из презумпции существования картины мира, отражающейся в языке, и стало быть, из явлений "языка как универсальной принадлежности человека" [Степанов 1980, 103]. Фактически нас интересует преломление этих явлений в узусе, т.е. соотношение универсального и фреквентального [Серебренников 1974; 1983]. Мы не обсуждаем и не готовы обсуждать вопрос, почему в системе А нет элемента Х. (Скажем, опровергнуть возможное генетическое родство двух или более языков на большой временной глубине, впрочем, такая задача никогда и не ставится²). Можно показать, как в языке появляется преназализация согласных или эргативность, но едва ли целесообразен вопрос, почему таких согласных нет или почему нет эргативности. Таким образом, мы будем говорить здесь о том, почему Х (или почему Х, а не Y, при наличии конкретной оппозиции), но не почему нет Х. Представляется, что принцип "отсутствие не тождественно отрицанию" вообще очень важен при описании различных явлений языка.

Далее примем, что мы умеем различать и определять научную и наивную картины мира. Между этими картинами мира, по-видимому, имеется определенная связь, но поскольку мы, по молчаливому согласию, в основном сосредоточиваемся на наивном представлении, нас эта взаимосвязь интересовать не будет.

²Естественно, что задача доказать недоказуемость Х не тождественна задаче **доказать**, что Х не существует.

Поскольку мы неоднократно будем говорить о структуре языка, подчеркнем, что мы имеем в виду под структурой именно **устойчивые** связи в языке, обеспечивающие его целостное функционирование и сохранение ведущих свойств при разнообразных внутренних и внешних изменениях (ср. общее определение структуры — [ФЭС 1983, 657]).

Мы будем обращаться к понятию обратной связи, которое сводится к воздействию непервичного на первичное, следствия — на первичный компонент, управляемого процесса — на управляющий блок. Забегая вперед, скажем, что обратная связь устанавливается между концептуальной картиной мира и внутренним устройством языка, моделируемом во многом в соответствии с исходными требованиями картины мира.

Наконец, центральным для нашего раздела является понятие заимствования. В современном языкознании понятие заимствования становится подчас своеобразным *asylum ignorantiae*, и вследствие этого границы его оказываются крайне расплывчатыми. Здесь заимствование понимается как **материальный (сегментный) элемент, проникающий** в данный язык вследствие контактов а не вследствие генетического развития. Из этого определения можно вывести различие между заимствованием, влиянием и тенденцией.

Если заимствование рассматривать как приобретение того, чего в данном языке нет, то провести **резкую** грань между влиянием и заимствованием довольно трудно, так как всякий результат влияния тоже своего рода приобретение. Но известное различие здесь все-таки есть. Хотя бывают немотивированные заимствования, но в большинстве случаев заимствование порождается какой-то необходимостью (ср. такое слово, как *телефон*). При взаимовлиянии такой необходимости нет. Ударение на первом слоге у русских жителей Заонежья не было необходимостью. Оно основано на подражании. Свободный порядок слов в гагаузском языке также не был необходимостью, так как конечное положение глагола было обусловлено структурой гагаузского языка. Здесь мы имеем также типичный случай имитации.

Неверно, однако, думать, что заимствование непременно заполняет "пустое место" в системе языка или непременно, окончательно и бесповоротно вытесняет прежний, "свой", исконный элемент. Заимствование может быть вызвано потребностью в дифференциации значений, в более адекватной передаче когнитивной структуры и т.д.

Необходимо различать влияние и тенденцию. Это различие, строго говоря, основывается на экстралингвистических данных и данных о фреквентальном/универсальном в языке. Тенденция — закономерный путь развития языковой структуры, обусловленный ее внутренними характеристиками.

В тех случаях, когда внеязыковая мотивация сомнительна, предполагать влияние одного языка на другой следует с чрезвычайной осторожностью. Приведем один пример. В **английском языке** периода 1400—1550 гг. наметилась и реализовалась тенденция к опущению относительных местоимений *that* 'что, который' и *who* 'кто, который', употребляемых в применении к релятивизируемому объекту (эти местои-

нения, кореферентные релятивизуемому субъектному имени, уже регулярно опускались, т.е. возможно было *Jack[®]<who> built he house came* 'Джек <, который> построил дом, пришел'). Некоторые авторы приписывают развитие данной тенденции влиянию уэльского языка, в котором относительный показатель *a* регулярно опускался в относительных предложениях, описывающих объект (с регулярной леницей последующего звука, ср. [Bever, Langendoen 1972; Hamp 1975]). Однако важно, что уэльский в рассматриваемый период был языком весьма непрестижным, билингвизм английский — уэльский был очень редок, тех, кто достаточно владел уэльским как вторым языком, чтобы активно осознавать и использовать данное структурное свойство, было также весьма немного; соответственно, предполагать структурное влияние уэльского на английский — более чем опрометчиво [ср. Lightfoot 1979], тем более, что перед нами **закономерное** продолжение уже наметившейся языковой тенденции.

Область, в которой **"интересы"** влияния и тенденции постоянно пересекаются, — это синтаксис и подсистемы скрытых (так называемых криптотипических) грамматических категорий. Особенно много проблем возникает здесь при попытке реконструкции: количество "неизвестных", естественно, возрастает. Допустим, что мы получили историческую реконструкцию, согласно которой носители праиндоевропейского находились в контакте с носителями прафинно-угорского. В праиндоевропейском происходит редукция видо-временной системы, ее связывают нередко именно с финно-угорским влиянием [Гамкрелидзе, Иванов 1984; Lehmann 1972; Lockwood 1969] (ср. о развитии видо-временных систем финно-угорских языков, например [Серебренников 1978; Tauli 1966]). Достаточно ли этих фактов для констатации соответствующего прафинно-угорского влияния на праиндоевропейский? Едва ли. Даже если влияние и предполагается, разумнее и целесообразнее считать, что имела место внутриязыковая тенденция, некоторым образом подкрепленная внешним влиянием. Весьма существенным возмущающим фактором при трактовке названного и подобных фактов оказывается то, что мы не можем оценить соотношение соответствующих языков по престижности, степень билингвизма и распространение **ареальных связей**. Аналогично, стирание родовых противопоставлений в английском языке представляло собой, по-видимому, внутриязыковую тенденцию (хорошо мотивированную изменением фонологической системы), подкрепленную и **з в н е** некоторым влиянием скандинавских языков и затем — французского [ch. Traugott 1972].

Таким образом, нередко случаи, когда влияние именно потому и оказывается успешным, что совпадает (или согласуется) с внутриязыковой тенденцией.

Теперь, когда основные понятия предварительно определены, рассмотрим подробнее возможности заимствования при взаимодействии языков. Удобными примерами могут быть здесь лексические заимствования, хотя в принципе для целей настоящей работы более интересны заимствования морфологические: лексика и фонетика мобильнее морфологии, но морфологические (грамматические) заимствования более показательны в мотивационном отношении.

Заимствуется новое **понятие**, т.е. картина мира расширяется. Язык может реагировать на это по-разному. Во-первых, вместе с понятием может заимствоваться и новое слово для его выражения. Этот случай достаточно тривиален, и его можно считать появлением симметрии между картиной мира и языком: раздвигаются рамки картины мира, появляется новый способ ее отображения в языке. При этом может быть, что "понятие и его обозначение заимствуются... одновременно из одного источника". [Пауль 1960, 462]. Такая ситуация характерна, однако, как мы покажем ниже, может заимствоваться только понятие, но не его обозначение, а кроме того, парадокс состоит в том, что о заимствовании понятия мы можем судить нередко именно по заимствованию обозначения для него (или в крайнем случае по созданию нового обозначения).

Вообще данный вид и способ заимствования, замечательно резюмированный в пушкинском *Нопанталоны, фрак, жилет. Всехэтих слов на русском нет*, — широко распространен и кажется нам подчас чуть ли не единственным и преобладающим — отчасти потому, что картина мира, пополняемая новыми понятиями, это вечно незаконченное полотно с четко прорисованным центром, отчасти же потому, что среднеевропейский (термин Б. Уорфа) стереотип мышления складывается в обществе с "открытой" структурой [ср. Goldman 1970; Sahlins 1958] и индивидуальной, конкретно-личностной ориентацией [ср. Крюков 1972]. Такое общество оказывается терпимым к экстенсивным заимствованиям, т.е. к пополнению языка извне, хотя и здесь имеется немало оговорок. Иначе говоря, заимствование понятия + слова — это путь наименьшего сопротивления, и выбор этого пути во многом **обусловлен** социально.

При заимствовании нового понятия слово может создаваться и "своими" средствами. Иногда новое слово — калька со слова того языка, который способствует заимствованию нового понятия. Например, в американском языке аймара исп. *doble* 'складка, заложенный на ткани сгиб' (**букв.** 'двойной, **парный**') передается "своим" словом *llu''tu''j* с исходным значением 'двойной' и входит в язык около 1700 г., т.е. через 200 лет после начала **испано-аймаро** контактов, а значит уже в период интенсивного билингвизма, способствующего осознанию внутренней формы калькируемого слова. Чаще же новое слово создается своими средствами в согласии с наивной картиной мира, отражающейся именно в данном языке. Ср. в полинезийском языке ниуэ: *hila* 'электричество' (от *uhila* 'молния, яркий **свет**'); *faka-ata* 'зеркало' (каузативный префикс + 'отражаться*'); *poki-ata* 'фотоаппарат' ('ловить' + '**отражение**'); *Ahotū-loto* '**четверг**' (**букв.** 'день, стоящий посредине недели') (при этом в ниуэ заимствовано из английского языка название пятницы - *Ahofolaile* (от *Friday*)³.

Любопытным примером подобной трактовки нового понятия — при мером, иллюстрирующим, во-первых, взаимодействие уже имеющего-

³ Традиционная полинезийская неделя состояла из десяти дней.

ся в картине мира носителя языка понятия с новым понятием, и во-вторых, взаимодействие собственно понятийного и коннотативного аспектов в языковой картине мира, — является слово языка ниуэ для обозначения европейки, т.е. **"белой женщины"**. Это исконное слово *lulu*, которое имеет два значения: 1. 'сова'; 2. (по метафорическому переносу) 'супруга' (перенос значения здесь мотивирован представлением о сове как хранительнице, хлопотливой, оберегающей дом птице). Использование этого слова для называния европейской женщины связано с тем, что совы там имеют очень светлое оперение вокруг глаз и клюва, отсюда метафоризация ("светлолицая"), одновременно подкрепляемая уже имеющимся компонентом значения 'жена, женщина'.

Подчеркнем, что речь здесь идет не о том, что одни языки прибегают только к заимствованию слова вместе с понятием, а другие — к описанию заимствованного понятия своими средствами, а о соотношении двух этих приемов в языковой стратегии и тактике. По-видимому, каждый язык характеризуется собственной степенью нетерпимости к заимствованным словам (своего рода "языковым шовинизмом"), в значительной мере связанной с вневлигвистическими установками социума (соответственно степень такой нетерпимости может меняться в зависимости от исторического периода развития языка и общества — ср. пушкинское *Шишков, просту: не знаю, как перевести*).

Случаи, к которым мы переходим, связаны не с собственно заимствованием, а с изменением (переструктурированием) картины мира и/или средств ее отображения. Знаменательно, что противопоставление двух типов заимствований (первого и двух последующих) интуитивно осознается и даже находит отражение в соответствующей лингвистической терминологии: в англоязычной терминологии нередко различают *borrowing* (заимствование понятия и слова для его выражения) и *loaning* (заимствование слова при наличии "своего" понятия). Это терминологическое различие удобно, и мы будем возвращаться к нему ниже.

Фрагмент картины мира не меняется, но вследствие взаимодействия языков меняется способ его отображения в языке. Возникает вопрос о мотивации замены одного способа выражения другим. Одна из наиболее частых причин здесь — престижность одного языка по сравнению с другим (скажем, длительное время испанский язык был в Южной Америке престижнее автохтонных языков, отсюда стремление к замене многих **"своих"** слов — испанскими, ср. в языке аймара вытеснение исконного слова *wak'a* 'ремень' словом *sinturuna* (от исп. *cinturón*; ср. также примеры в [Sharpe 1981]). Другой причиной, несомненно связанной с первой, является разнообразное языковое табуирование (предельный случай здесь — сокрытие своего, родного языка, связанное с верой в неразрывное единство имени и его носителя, действия и его обозначения и др.; такие случаи сокрытия языка и перехода на принципиально иной социальный код, приводящие нередко к созданию тайных подъязыков, кастовых диалектов и т.п., описаны на примере обществ австралийских аборигенов [см. Шнирельман 1982]). Вырождаясь, языковое табуирование приводит к возникновению разнообразных языковых этикетных норм (ср. судьбу русских

слов *порты/ портки* — *штаны* — *брюки*; примеры здесь можно умножить). Язык, из которого заимствуется новое слово для обозначения уже известного понятия, может быть ничуть не престижнее "своего" языка, однако имеет какие-то специфические функции в данной языковой общности: наиболее частый случай здесь — использование некоторого языка в качестве торгового, *lingua franca*.

Наконец, немаловажной причиной заимствований разбираемого типа может являться тот факт, что заимствуемый показатель или заимствуемое слово кажется гораздо более точным или выразительным, чем свой/свое. Дело здесь, по-видимому, в том, что при противопоставлении родного и неродного языка объем понятия "неродного" слова кажется обычно меньшим и имеющим более четкие границы (ср., например, о психологических основаниях этого явления и учете его при обучении иностранному языку в работе И. А. Зимней [1979]). Кроме того, "чужое" слово может казаться более экспрессивным, чем знакомое и привычное. (Неясно, можно ли говорить о подобных механизмах при собственно билингвизме, ср. [Nadkarni 1975; Huttar 1975]). Как ни **парадоксально**, при этом для языка весьма существенным оказывается и такой фактор, как формальная простота заимствуемого показателя слова на фоне расплывчатости значения имеющегося своего.

Скажем, в современном английском языке нагрузка именного суф. *-er* непомерно возрастает (ср., например, [БАРС I, 1972 457; Quirk et al. 1972, 18 и сл., 198 и сл.]). Неожиданно появляется словообразовательный показатель — суф. *-nik*, способный выполнять **хотя бы отчасти** — две важнейшие функции *er*: указания на активное лицо (с признаком X) и **указания** на предмет (инструмент действия, выражаемого глагольной основой к которой суффикс присоединяется). Семантика суф. *-nik* осознается носителями благодаря лексемам *do-goodnik* 'человек, делающий добро, всегда готовый делать добро' и *nogoodnik* 'никудышник'. Суффикс уже имеется в английском языке (первая фиксация приведенных слов — **соответственно** 1935 и 1946 гг.), однако на самой его периферии. В американский вариант английского языка он попадает из языка идиш, а в этот язык — из восточнославянских языков (ср. рус. *-ник*). Мощной внеязыковой причиной "популяризации" *-nik* в английском оказывается развитие молодежной культуры середины 50-х годов и распространение слова-символа этой культуры *beatnik* - **битник** (от *Beat Generation* 'усталое поколение'). Существенно, что даже если бы новое слово с этим значением образовывалось от глагольной основы + суф. *-er*, *-beater* 1) 'колотушка, било'; 2) '**колотильщик**' (технич.), то оно едва ли могло быть использовано, так как уже было прочно "занято". Таким образом, выбор *-nik* **оказывался** вынужденным, но экспрессивно значимым, поскольку в начале 50-х годов аналогия с *nogoodnik* была вполне свежа, особенно после рассказов и романов К. Эмиса, а экспрессивная маркированность нового слова — более чем очевидна. Можно только гадать, "устоял" бы *-nik* в английском или его постигла бы судьба многих других "экзотических" суффиксов (как, скажем, фр. *-eur*, задержавшегося только в нескольких словах типа *aut(h)eur* 'артист (в широком смысле); человек искусства; режиссер неореалистического кино'), но в 1957 г. мир облетает слово *спутник* (англ. *sputnik*), и суффикс начинает использо-

ваться прежде всего там, где занят или неудобен *er* (ср. *film-shooter* 'кинорежиссер' и *filmmik* 'киношник'; *computernik* 'программист, ЭВМщик; *jobber* 'человек, работающий сдельно' — *jobnik* 'писарь в армии (т.е. тот, кто в армии имеет одно и то же постоянное задание)'). Кроме того, *-nik* продуктивно используется там, где вообще не используется *-er*, а именно при образовании имен от именных основ; ср. *peace-cornik* 'представитель Корпуса мира', *status-guonik* 'сторонник статуса-кво' [ср. Barnhart и др. 1975], *lunnik* — аппарат для изучения Луны.

Пример *-nik* хорошо показывает, что даже при заимствовании формальных грамматических элементов их структура и общий смысл должны быть непременно ясны, а значит более естественно заимствовать сначала целое слово с соответствующим грамматическим элементом, а не сам элемент [ср. Пауль 1960, 469].

Фрагмент картины мира **изменился**: старое понятие или несколько старых понятий вытесняются новыми целиком и полностью. В этом случае может сохраниться старое слово, например, в аймара при введении европейской одежды понятие, стоящее за исп. *vestido* 'одежда, платье', стало выражаться исконным словом *urk''u*, ранее использовавшимся для обозначения мужской одежды в целом. В чукотском языке при замене традиционного дома европейским сохранилось старое название *ярак* 'дом, яранга'. В данном случае имеет место ситуация, близкая к той, когда заимствуется новое понятие, однако не тождественное ей, поскольку изначальная картина мира не имела в соответствующем месте лакун. Ср. в языке ниуэ *kofe* — музыкальный **инструмент**, напоминающий европейскую гитару (устар.) и *kita* (от англ. *guitar* 'гитара').

Фрагмент картины мира **переструктурируется**: одно понятие (образ) в картине мира накладывается на другой. Подобное "склеивание" понятий (образов), питаемое в целом ассоциативными особенностями человеческого мышления, представляет, вероятно, наибольший интерес. Приведем два примера. На современном Севере, например, у алеутов для обозначения ватных телогреек используется традиционное слово с исходным значением 'кухлянка'; для обозначения кирзовых сапог используется "свое" слово с исходным значением 'торбаза'. Казалось бы, что это иллюстрация того же случая, который был только что рассмотрен (при сопоставлении аймара *urk''u* и исп. *vestido*). Однако если аймара заимствовали и европейскую одежду, и способ ее использования (ношения), то алеуты, утратив в XX в. большинство предметов национальной одежды, трансформировали употребление новой, европейской одежды. Иначе говоря, телогрейка используется не как телогрейка, а как кухлянка, **сапоги** — как торбаза (см. подробнее [Бахтин 1985]), т.е. телогрейка — это "как бы кухлянка", сапоги — "как бы торбаза"; в аймара вязаные шапки с наушниками (обозначаемые исконным словом *luch'u* — "как бы" традиционные шапочки из черной шерсти ламы, что обнаруживается, например, в некоторых аграрных ритуалах, когда надевание этих шапочек имеет обрядовый смысл, ср. [Sharpe 1981]).

Чрезвычайно интересен пример чешского и словацкого слова *drak* 'дракон, змей'. Это слово заимствуется из румынского (соотв. *draeu*

'черт'), а не прямо из классических языков, как это имеет место с "драконами" других славянских языков, и в традиционной мифологии обозначает (или, точнее, длительное время обозначало) языческого дракона-змея и христианского черта. Что касается практики табуирования слов со значением 'черт', то она в восточноевропейском ареале широко известна; ср. рус. *прах ты побери*, настолько распространенное еще в начале — первой половине XIX в., что на его фоне пушкинское *Когда же черт возьмет тебя* было более чем маркированным [см. Лотман 1980, 42 и сл., а также Успенский 1982, 86—112].

Фрагмент исконного словаря чешского и словацкого языков, описывающего идеальный мир чудовищ, можно представить так [по: Сага-

man 1981]. Соответственно, позднее заимствование румынского слова было мотивировано наложением **добиблейской** (дохристианской) системы представлений на христианскую. Совмещение двух мифологических картин мира — языческой и христианской — и отразилось в новом термине.

Вероятно, приведенные примеры могут быть интересны не только социолингвисту, историку культуры и этнографу, но и лингвисту, занимающемуся общими вопросами семантики. Здесь происходит совмещение, или "**склеивание**", **семантик** двух возможных миров и устанавливается нетривиальное соотношение экстенсионалов, **интенсионалов** и выражений, т.е. имеют место два не совсем обычных явления:

— собственно "склеивание" экстенсионалов (ср. пример с чертом — драконом),

— замена экстенсионала выражения (в данном случае общего имени) при сохранении интенционала (ср. пример с кухлянкой в функции телегрейки).

Альтернативой прямому заимствованию (и, что не противоречит сказанному, предпосылкой заимствования) может быть в таком случае билингвизм или адекватное переключение кода (code-switching), т.е. вкрапление в речь на одном языке в случае необходимости слов другого языка, которым говорящий владеет в значительной степени (фактически мы уже имели такую ситуацию в виду, когда говорили об использовании иноязычных слов для большей точности и/или экспрессивности). Любопытный пример, который можно привести в этой связи, — два слова языка ниуэ со значением '**нож**', исконное *titipi* (от *tipi* '**резать**') и *naifi* (от англ. *knife*). Первое употребляется в разговоре со "своими" и/или когда речь идет о **нарезке/очистке** традиционных продуктов питания (клубней, крупных плодов), второе — в речи с "чужими". Любопытно, что *naifi* было заимствовано в середине XIX в. вместе с понятием "металлический режущий предмет" (традиционные полинезийские ножи — деревянные, сланцевые или раковинные); в дальнейшем, однако, понятийное противопоставление утратилось. Это **ука-**

зывает, помимо всего прочего, на значительную условность анализа заимствованных слов vs заимствованных понятий.

Если вытеснение старого новым, чем-то похожим на это старое (**подчас**, впрочем, основания для сопоставления оказываются крайне неочевидными), еще не предполагает с обязательностью наличия разных слоев (планов) в картине мира носителя языка, то "склеивание" понятий (образов) может указывать на то, что в картине мира имеется глубокий, заданный план, который относительно стабилен, и более поверхностный, легче подверженный изменениям. Такое противопоставление согласуется и с укоренившимся в лингвистике противопоставлением ядра (стабильного компонента) и периферии (мобильного компонента), и с оппозицией **концептуальной**/языковой картин мира [ср. Павиленис 1983]. Можно предположить в связи с этим, что конкретные картины мира, имеющиеся у носителей индивидуальных языков, образуют пересекающиеся (но не тождественные) множества (вернее следовало бы сказать — многомерные пространства, но такая модель составляет элемент миропонимания скорее математиков, чем лингвистов). Аналогично, по-видимому, соотносятся и индивидуальные, наиболее общие картины мира. Переформулируя сказанное, можно считать, что картина мира складывается из каких-то наиболее жестко заданных элементов мировосприятия (миропонимания) и правил взаимных переходов от одних элементов к другим (отношений между элементами). Такая структура соответствует наиболее общим моделям систем как таковых [ср. Шаляпина 1980].

Соответственно, при всем разнообразии потенциально заимствуемого при системном взаимодействии языков, отбирается только то, что укладывается в уже имеющуюся категориальную структуру (решетку) элементов мировосприятия⁴, а то, без чего можно и должно обойтись, безжалостно отбрасывается. Картина мира, таким образом, не есть инертное неподвижное полотно, которое можно произвольно менять, а самоценная движущаяся сущность (хотя бы потому, что замена одного структурного элемента неизбежно сказывается на ста- тусе других).

В складывании и функционировании языковых картин мира участвуют по крайней мере два существенных принципа:

- 1) принцип противопоставленности,
- 2) принцип **экономии**.

Принцип противопоставленности реализуется как принцип постоянного выбора между конкретными элементами структуры, образующими те или иные функциональные оппозиции. Наиболее продуктивно может быть использовано именно то, что входит в оппозицию и позволяет однозначно передать некоторый глубокий смысл. Однако в языке, который постоянно меняется и существует уже весьма длительный период времени, накапливается "склад" того, что принято называть "диахроническими остатками" (ср. у Жан-Поля: "Язык — это словарь

⁴ Можно заметить, что мы прибегаем здесь к разным аналогиям, и читатель без труда умножит их число, что является еще одним доказательством многомерности картины мира — и концептуальной, и языковой.

стертых метафор"). Эти последние уже не входят в очевидные оппозиции, что, строго говоря, не означает, что они уже никогда не будут в них входить, поскольку язык подвержен циклическим изменениям. (В качестве примера циклических изменений можно привести севернорусские конструкции с кратким причастием на *-но/-то*, типа *У Ньюрки вся рубаха вышивана, У него започивано, Овес у птицех склевато*, пережившие взлет в XVII в., падение — в XVIII — первой половине XIX в. и новый взлет — с конца XIX — начала XX в.; подробнее см. [Кузьмина, Немченко 1971; 1982; Трубинский 1984]). Любопытные доказательства того, как действует принцип противопоставленности в языке, можно обнаружить при исследовании усвоения родного языка здоровыми детьми [ср. Slobin 1982].

Что касается принципа **экономии**, то его следовало бы более **четко** сформулировать, сведя к принципу "**бритвы Оккама**": сущности не следует умножать без необходимости. Это позволит избежать довольно характерных противоречий лингвистических описаний, связанных с тем что нечто экономное с точки зрения какого-то одного аспекта (уровня) языковой структуры, оказывается далеко не экономным с точки зрения другого. Допустим, во многих языках имеет место замена первообразных (непроизводных) цветообозначений сочетаниями компонента со значением "цвет" с конкретными уточнителями, ср. в тонганском языке, где большинство цветообозначений имеют структуру *lanu* 'цвет' + слово со значением носителя эталонного цвета: *lanu-toana* 'цвет морской волны' (**букв.** 'цвет океана'); *lanu-lau* 'зеленый' (**букв.** 'цвет листьев'); *lanu-kelekele* 'коричневый' (**букв.** 'цвет земли') и др. Это **экономно** с точки зрения "выравнивания" семантического поля, но явно **неэкономно** с точки зрения длины сегментных отрезков (слов). По всей вероятности, устройство языковой структуры подчиняется принципу экономии, но не в "минимальной", а в "оптимальной" формулировке, т.е. языковая структура стремится к сбалансированности на всех участках при минимуме изменений, а не к минимизации средств на каких-то отдельных участках.

Стремление **языка** к соблюдению именно таких правил достаточно ясно проявляется в случае с грамматическими заимствованиями, к которым мы переходим.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ВЛИЯНИЯ: СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Сравнительно-историческому языкознанию хорошо известно, что наиболее мобильными уровнями языка оказываются синтаксис, фонетика и лексика, а наиболее устойчивым ("консервативным") — грамматика (морфология.) Фонетические и отчасти лексические изменения могут подолгу касаться исключительно плана выражения, лишь постепенно и опосредственно сказываясь на плане содержания языка.

Несомненно, психологические основания имеются у фонологических явлений; скажем, носителям английского языка довольно просто освоить произношение инициального [ʒ] (как во фр. *jouer* и т.п.), но крайне трудно — инициального [ŋ], при том, что оба эти звука не встречаются

в начальной позиции в английских словах. В английском имеются слоги, начинающиеся с [з] (ср. *leisure* [le#зэ]), но нет слогов, начинающихся с [η] [подробнее см. Biere 1966; Biere и др. 1968]. Однако пока неясно, как соотносятся такие психологические основания и психолингвистическое пространство языка в целом с концептуальной и собственно языковой картиной мира.

Что касается заимствования грамматических элементов, то это явление более редкое, однако и более показательное **мотивационно**. Действительно, грамматические заимствования связаны с выражением категориальных значений, которые и составляют часть той жестко заданной рамки (решетки), о которой шла речь выше в связи со стабильным компонентом картины мира. Далее, именно этим категориальным значениям принадлежит важная роль в установлении обратных связей языком и планом концептуального.

Если рассматривать отдельные классы грамматических элементов, то можно установить следующую представляющуюся универсальной иерархию **"заимствуемости"**, т.е. проникновения иноязычных элементов в язык-акцептор: самостоятельные слова — **клитики — аффиксы**. Далее известно, что словообразовательные элементы заимствуются гораздо активнее и легче, нежели словоизменительные. Это имеет вполне ясные основания в психологии восприятия речи; при заимствовании слово должно быть понятно по крайней мере в общих чертах, а это характерно подразумевает знание его цитатной формы, которая, как правило, и заимствуется. Напротив, словообразовательные элементы, при знании семантики корней и основ, осознаются как дистинктивные чрезвычайно четко, что и способствует их заимствованию.

Легче проникают в язык самостоятельные и связанные грамматические элементы, облуживающие семантику и грамматику всего высказывания (предложения), а не отдельных его составляющих: так, частицы сентенционального типа, союзы, соединительные слова заимствуются скорее, нежели предлоги, артикли, послелоги, дирекционалы и т.п.

Все это, однако, сугубо формальные наблюдения, не выходящие далеко за рамки плана выражения языка и признанные ответить прежде всего на вопрос о том, что заимствуется, и лишь отчасти — как заимствуется. Более интересным представляется вопрос о причинах заимствований и дальнейшей судьбе заимствованного слова в языке-акцепторе.

На основании беглого анализа лексических заимствований мы предположили, что заимствования оказываются мотивированы либо "пустотами" (лакунами) в картине мира, т.е. в концептуальном плане, либо недостаточной адекватностью этого последнего. Логично было бы ожидать такой же мотивации в области грамматических заимствований. Однако здесь сразу удастся обнаружить одно существенное отличие грамматических заимствований от лексических; это отличие, как и можно было бы предсказать, связано с тем, что грамматические показатели типично кодируют основополагающие, стабильные значения (элементы смысла), составляющие основу той концептуальной решетки, о которой шла речь выше.

Сегментные элементы для выражения некоторого грамматического значения и даже **некоторые частные** понятийные элементы

заимствуются только, если в заимствующем языке уже имеется соответствующая общая категориальная семантика. Таким образом, случай, разобранный выше, в чистом виде здесь невозможен. Например, в мьянском языке инвертированная активная конструкция, в которой имя объекта вынесено на первое место, в силу изменения актуального членения (по сравнению с канонической активной) переосмысливается в пассивную, ср. *Tôj²do* daw² o* bang² cum²kuj⁴* 'Я положил нож у кучи дров' (надстрочные цифровые индексы обозначают тон; в русском переводе соблюден порядок слов оригинала); *Daw² (tSj²) do⁴ o* bang² cum²kuj⁴** 'Нож <мною> положен у кучи дров' [Козинский, Соколовская 1984, 70]. Таким образом, закрепляется синтаксическая пассивная конструкция, в которой имя субъекта (агенса) не является подлежащим, а имя объекта (пациенса) становится **подлежащим**. Возникновение **"своего"** пассива и осознание противопоставления **актив/пассив** способствует заимствованию из родственного вьетнамского языка (которым многие мьянги владеют) показателя малефактивности (неблагоприятности) *bi* и калькированию вьетнамской модели, не похожей на актив и близкой к пассиву, а именно: Подлежащее (\neq агенс \neq субъект) + ***bi*** + глагол со значением неблагоприятного действия/состояния, ср. *Tôj² (b¹) om³* 'Я болен' [Там же, 71].

Аналогичные случаи имеют место и при влиянии одного языка на другой: влияние бывает наиболее эффективным тогда, когда в языке, на который оно оказывается, есть тенденция, направленная в ту же сторону. Так, в удинском языке имеется противопоставление по признаку **"определенность/неопределенность"**, во многих случаях реализующееся как криптопическая категория. Под сильным влиянием азербайджанских или армянских моделей предложения (многие удины двуязычны) эта категория начинает **реализовываться** в синтаксисе предложения. Процесс этот связан с несколькими факторами. Во-первых, под азербайджанским влиянием и в силу некоторой перестройки фонологической системы в удинском несколько стирается контраст эргатива и абсолютива субъекта, ср. *Бабан/бабауле кланле* 'Отец (эрг./абс.) дрова колет* [см. также Гукасян 1977; Климов, Алексеев 1980, 180, 220 и сл.]. Во-вторых, дательный падеж (дательный II — по Панчвидзе [1949, 9—10]) приобретает все функции аккузатива; это, однако, лишь стимулировано и, возможно, ускорено внешним влиянием, поскольку в самом удинском имеется мощная предпосылка переосмыслению датива в аккузатив, а именно — использование датива в регулярной и весьма частотной косвенно-объектной конструкции с подлежащим в абсолютиве, ср. *Баба очьнек/саичьчоех* 'Отец (абс.) моет лицо (дат. II)'. В результате в удинском языке складывается ситуация, типологически напоминающая положение во многих тюркских и финно-угорских языках: определенный **и/или** целостный (total) объект маркируется особым аккузативным падежом, с ненулевым показателем, а неопределенный — падежом с нулевым показателем. Формально такая ситуация противопоставлена ситуации, имеющей место в большинстве нахско-дагестанских языков, к которым относится и удинский. В них маркированным падежом обычно оформляется неопределенный (и минимально референтный) объект, немаркированным (абсолютивом) — опреде-

ленный и референтный. Ср. в даргинском языке *Рурсули архIяла лусули сари* — *Рурси архIяйлусули сари* 'Девушка (абс./эрг.) шелк (косв., неопредел./абс, определ.) прядет' [Абдулаев 1971, 200—201; см. также СОКЯ 1978, 41—49; Климов, Алексеев 1980, 171—172, 220 и сл.].

Итак, можно видеть, что в сфере грамматических заимствований и влияний возможны только случаи, когда изменение способа отображения фрагмента картины мира и переструктурирование такого фрагмента проходит с соответствующими следствиями в самом языке. Во-первых — и мы постарались уже показать это (см. также ниже) — весьма характерно заполнение грамматических пустот, т.е. перевод каких-то категорий из криптотипических в открытые. Кроме того, поскольку картины мира, отображаемые в конкретных языках, имеют не только различающиеся фрагменты, но и общую, пересекающуюся часть, которая, собственно говоря, и ответственна за наибольшее число "мостов" между языками, то те грамматические заимствования, которые находят точное соответствие в системе языка-акцептора, имеют особенно много шансов на успешную ассимиляцию. К ним прилегают лексические заимствования, служащие для выражения грамматических значений, которые мы склонны также рассматривать в данном подразделе. Приведем один пример.

По-видимому, универсальным для восприятия человека является феномен сравнения и сопоставления: он находит основания как в психологии восприятия, так и в ассоциативном мышлении и предметной деятельности. Идея сравнения может выражаться в естественных языках по-разному: типичный способ выражения — это наличие степеней сравнения прилагательных (многие принципиально общие черты можно выделить и здесь, скажем, рассматривая удивительную повторяемость супплетивных форм сравнительной и превосходной степени у прилагательных примерно одинаковой семантики в разных языках [ср. Дресслер 1986]). Кроме того, для выражения идеи сравнения могут служить специальные глагольные конструкции и особые типы сложных предложений. Знаменательно, что при креолизации языков типично осваиваются **аналитические**, т.е. лексемные по статусу, показатели компаративности/суперлативности, которые, в духе имеющейся категориальной картины мира, непременно вербализуются. Так, англ. *more 'больше'*, употребляющееся в английском языке для построения аналитической сравнительной степени, в соответствующих креольских языках переосмысливается в глагол и начинает функционировать подобно глаголу 'превосходить, преобладать, быть лучшим'; глаголы такой семантики образуют сравнительную конструкцию в большом числе генетически неродственных языков. Ср. в креольском языке джука (о. Суринам) *A wooko moo ju, a moo a bun* 'Чем больше работаешь, тем лучше' (англ. *The more you work, the better (*more good)*); *A o goo langa pasaju* 'Он вырастет больше тебя' (букв. 'выйдет выше*) — здесь используется другой компаративный показатель, *pasa* от порт. *pasar*; возможна параллельная аналогия с англ. (*sur*)*pass*. В языке гвари⁵ имеется струк-

⁵ Язык группы *ква* нигеро-конголезской ветви конго-кордофанской семьи. Предполагается, что в складывании суринамских креольских языков, в частности, сыграли роль народы, говорившие на языках *ква*.

турно аналогичная конструкция с глаголом *du* 'превосходить, проходить мимо': *Wo du mi o krã* 'Он выше меня' (все примеры из [Huttar 1981]).

Несомненно, легкость заимствования **показателя/служебного** слова и его последующей ассимиляции в заимствующем языке связана с тем, что заимствуемый показатель/слово имеет ассоциации не в одном фрагменте языковой картины мира, а в нескольких. Существенно (и это отмечается в ряде исследований по исторической грамматике), что обратной стороной данного явления оказывается особая устойчивость **показателя/фрагмента** грамматической системы языка в исторических изменениях. Еще одна аналогия, возможная здесь, — это устойчивость/мобильность тех или иных языковых элементов при усвоении языка ребенком и расстройствах речи. Как известно, и в одном и в другом удается выделить сходные закономерности [Леонтьев 1972; Лурия 1979] В ряде случаев, вероятно, **всс дсло** в формальных **свойствах стабильного/мобильного** элемента языковой системы. Не подвергая существование таких случаев ни малейшему сомнению, мы, однако, хотели бы остановиться на концептуально и содержательно мотивированных явлениях.

Выше уже говорилось, что в принципе могут заимствоваться словообразовательные показатели. При этом типично заимствуется те показатели, которые имеют хорошо вычленимую универсальную семантику **и/или** семантику, связанную одновременно с несколькими фрагментами картины мира. Так, довольно характерно заимствование из языка в язык показателей уменьшительности (и некоторых других оценочных показателей), а в глагольной сфере — показателей нереальных наклонений. Например, в языке аймара ассимилирован испанский диминутивный показатель, давший здесь суф. *-ita/-illa (-ito/-illo)*. (Исходно в аймара идея уменьшительности выражалась описательно). Заимствование показателя — сначала в составе некоторых испанских слов, например *kamisita* (<*camiseta*) 'нижняя рубашка'; *refasilla* (<*refajos + dimin*) 'юбка; юбочка' что также существенно, поскольку показывает, что грамматические показатели, как правило, не путешествуют сами по себе, — позволило затем весьма быстро распространить его на все соответствующие лексемы и получить таким образом устойчивую словообразовательную морфему. Диминутивность в принципе связана как с размерностью, так и с оценкой — причем в последней сфере она может соотноситься и с положительной оценкой ('милый, маленький, приятный'), и с пренебрежительно-отрицательной (мотивированной тем, что диминутивность сигнализирует незавершенность, отсюда — несовершенство или ничтожность). Разнонаправленность ассоциативных связей соответствующего фрагмента концептуальной картины мира, транспонированная в языковую картину мира, способствует ассимиляции нового показателя.

Что касается показателей наклонений, то известно и то, что они относительно легко заимствуются, и то, что как сами показатели, так и соответствующие конструкции предложения в истории языка нередко оказываются наиболее консервативными. Скажем, в америндских языках (чинук-цимшиан, квакиутль) в формах императива и ирреалиса наиболее устойчиво сохраняется субъектно-объектное согла-

сование; в полинезийских языках, многие из которых существенно изменили систему падежного оформления имен в предложении, гипотетическое архаическое оформление сохраняется именно в конъюнктиве [ср. Clark 1976, 12, 78, 125].

Семантика ирреалиса (и императива, который, кстати, нередко при-мыкает к ирриалису) хорошо осознается и не только как таковая, но и в оппозиции к семантике индикатива. Далее, семантика ирреалиса тесно связана с семантикой оценки и — что весьма существенно — осознается как семантика не одного лишь глагола, а всего предложения и даже текста. С этим связана и важная формальная особенность показателей ирреальных наклонений: они нередко являются аналитическими, что, естественно, способствует их заимствованию. Ср. заимствование **рус.** *бы* в некоторых финно-угорских языках: мокша-морд. *ба*, коми-перм. *бы*, мар. *wuj*; рус. *пусть* — в виде *pus't* в вепсском и в виде *pus* — в карельском языке [Майтинская 1983, 183].

К показателям наклонения и модальности и даже иллокутивного значения высказывания примыкают показатели цели, причины и следствия. Здесь также очевидна множественность концептуальных связей: идея причинно-следственных отношений между событиями имеет и пространственные, и дейктические коннотации, и определенную оценочную семантику, и отчасти модальный "вес". Кроме того, значение причинно-следственной связи нередко выражается в языке **аналитическими** средствами. Ср. **вепс.** *pošle* (от рус. *после*), лив. *līds/līts/liā* 'до' (от лтш. *līdz*), коми *radu* (от рус. *раду*) [Майтинская 1983, 181].

Таким образом, можно видеть, как возникает обратная связь между языком и картиной мира, имеющейся у носителя этого языка: способствуя отбору конкретных единиц плана выражения, язык как бы воздействует на план содержания и структуру этого последнего, при том, что функцией самого языка является отображение концептов и отношений между ними.

Существенно, что если заимствуемый грамматический показатель/слово, служащее для передачи грамматического значения, обладает широким набором функций и диффузной семантикой (осознаваемой в целом), язык-акцептор стремится **выбрать** из этого набора только некоторые функции **и/или** оттенки значения или значительно меняет их, ассимилируя чужое слово (в этом случае оно тянет за собой длинный шлейф общей семантики и не более того). Скажем, русская частица *да*, заимствованная языком коми, начинает функционировать в нем исключительно как сочинительный союз и приобретает некоторые употребления, не характерные для рус. *да* [Майтинская 1983, 181]. В языке коми к моменту заимствования уже развивается тенденция к паратактической связи предложений в составе сложного синтаксического целого, причем эта тенденция значительно подкрепляется внешним влиянием русского языка. Соответственно, язык заимствует удобное служебное слово, одной из функций которого действительно является обеспечение сочинительной связи (ср. рус. *мал да удал; ты, да я, да мы с тобой* и т.п.), и затем инкорпорирует его в свою систему, а его функции — в свой категориальный мир; соответственно дальше *да* уже осознается **как "свое"** слово и начинает развиваться внутри языка-акцептора.

Возможно, концептуальная мотивированность **грамматических** заимствований и влияний ответственна за какие-то **фреквентальные** черты заимствований; на некоторых мы только что останавливались. Заимствуются, как мы видели, семантически нагруженные и формально хорошо вычленимые **показатели/служебные** слова. Так, в столь обширном и интересном для лингвистики контактах ареале, как балканский, преобладают **инновации**, связанные с развитием аналитических форм, описательных оборотов (эксплицитное выражение определенности/неопределенности, конструкции с двойным эмфатическим отрицанием, конструкции "**романского** перфекта" типа *factum habeo* и уже упоминавшиеся конструкции описательного будущего с 'хотеть', реже — с 'мочь' [ср. Sandfeld 1930; Цыхун 1981]. Очевидно, типологические исследования грамматики заимствований и семантическая типология могут в будущем выйти друг другу навстречу: на стыке двух этих направлений, вероятно, можно обнаружить много интересных фактов.

В то же время, если грамматический **показатель/служебное** слово не **"вмещаются"** в систему языка-акцептора либо отражают понятийные категории, имеющие мощных "конкурентов" в этой системе, они не заимствуются вовсе или утрачиваются на ранних стадиях заимствования. Так, при взаимодействии автохтонных языков Южной Америки с испанским и португальским языками чуждые грамматической системе большинства этих языков противопоставления по роду всячески стирались и утрачивались еще на ранних стадиях внедрения испанского и португальского.

ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ЯЗЫКЕ, НО НЕ ИМЕЮЩИЕ ПРЯМОГО ОТНОШЕНИЯ К ОТРАЖЕНИЮ КАРТИНЫ МИРА

Было бы неверно думать, что вся деятельность **человка** в языке сводится только к отражению картины мира. Эта деятельность более широка и многостороння.

В языке совершаются процессы, причиной которых является уже функционирующая речь, созданная человеком. Эти процессы связаны непосредственно с самой речью. Они как бы обслуживают речь.

ПРОЦЕССЫ, ВЫЗЫВАЕМЫЕ ТЕНДЕНЦИЕЙ К ЭКОНОМИИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ЗАТРАТ

Наличие в языке тенденции к экономии физиологических затрат было подмечено давно. О тенденции к экономии усилий писал уже Август Шлейхер в своей работе "Die deutsche Sprache". А. Шлейхер отмечает, что литературному нем. *Vater* 'отец' в северном немецком соответствует *Vaeter*, где первый гласный является кратким и имеет неясный тембр (*verdunkelt*). Причиной изменения гласного, по мнению Шлейхера, в конечном счете является сохранение **мускульной** деятельности [Schleicher 1849, 49]. Позднее эта идея повторялась в работах многих лингвистов. Основную причину звуковых изменений в языке Г. Курциус видел в стремлении к удобству. Удобство, как поясняет Курциус, может быть достигнуто двумя способами: 1) неудобная артикуляция заменяется удобной; при этом обнаруживается общая тенденция к изменению звуков — по направлению к передней части полости рта (таким образом, из *k* возникает *p*, но не наоборот); 2) трудно произносимый звук заменяется более легко произносимым, например, смычные согласные переходят в фрикативные, переход в обратном направлении не наблюдается [Curtius 1869, 437].

Большое значение принципу экономии в языке придавал И.А. Бодуэн де Куртенэ. Как указывалось выше, замену звука или созвучия звуком или созвучием более легким Бодуэн де Куртенэ называл общим законом языка: "Языковая жизнь является непрерывной органической работой, а в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и нерастрачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде" [1963, 226].

И наконец, следует привести одно высказывание Е.Д. Поливанова, также свидетельствующее о той большой роли, которую он

придавал действию этого фактора. «Если попытаться одним словом дать ответ относительно того, что является общим во всех этих тенденциях разнообразных (и без конца — в самых различных языках — повторяющихся) **"типичных"** процессов, то лаконический ответ этот — о первопричине языковых изменений — будет состоять из одного, но вполне неожиданного для нас на первый взгляд слова **"лень"**» [Поливанов 1968, 81].

Необходимо заметить, что не все лингвисты придавали особое значение фактору экономии усилий. Были лингвисты, которые относились к действию этого фактора довольно скептически. В. Дельбрюк указывал, что утверждение о безраздельном господстве принципа экономии вызывает некоторые сомнения, так как существует немалое количество таких звукопереходов, которые мы не можем объяснить действием принципа экономии, например, переход *ss* в *n* в греческом [Delbrück 1884, 118]. "В большинстве случаев, — замечает Й. Схрэйнен, — трудно установить, какой звук или группу звуков следует считать более удобными" [Schrijnen 1921, 83]. "Прежние грамматисты, — замечает А. Доза, — утверждали, что латинское / в положении между гласными ослабло и дало **b**, затем оно **дало** **v**, поскольку **v** требует меньше труда, чем **b**. Но это ничем не доказано. Несомненно губное давление у **p** больше, чем у **v**, но зато два последних звука связаны с дрожанием голосовых связок, которые отсутствуют у **p**; **v**, в свою очередь, требует более усиленного выхода по сравнению с **p**. **B** и по этой причине оно утомляет определенные мускулы" [Dauzat 1922, 39, 40].

В специальной статье "Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?" Р.А. Будагов пытается доказать, что этот принцип вообще не имеет никакого значения, приводя при этом следующие аргументы: в языках не наблюдается процесса планомерного сокращения многосложных слов, поскольку наряду с сокращением появляются новые многосложные слова [1972, 19]. Возникновение новых дифференциальных признаков на любом уровне языка, в любой его сфере приводит не к уменьшению, а к увеличению числа категорий форм слов, которыми оперирует язык [Там же, 21]. Понятие экономии не может иметь оценочного характера, не может свидетельствовать о лучшей или худшей организации системы языка, короткое слово может выступать семантически и синтаксически "некоротким", многоплановым, дифференциация слов способствует увеличению словаря, а не его уменьшению [Там же, 217]. Если бы "экономия" постепенно "наращивалась" в истории языка, то новые языки были бы экономнее старых языков. Факты, однако, **опровергают** подобное предположение [Там же, 29]. Таким образом, Р.А. Будагов приходит к выводу, что ни развитие, ни функционирование языка не определяется принципом экономии.

Следует, однако, заметить, что многочисленные примеры нарушения принципа экономии, которые обычно приводятся критиками, несколько не опровергают существования самой тенденции к экономии. О. Есперсен совершенно прав, когда утверждает, что, например, тенденция к облегчению произношения может проявляться только в не-

которых случаях, и притом не во всех, поскольку имеются другие тенденции, которые эту тенденцию могут нейтрализовать [Jespersen 192S, 262].

Правильно понял также сущность тенденции к экономии А. Мартине. **"Языковая** эволюция, — замечает А. Мартине, — вообще определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и **его** стремлением свести к минимуму его умственную и физическую деятельность. В плане слов и знаков каждый языковой коллектив в каждый момент находит определенное равновесие между потребностями выражения, для удовлетворения которых необходимо все большее число все более специальных и соответственно более редких единиц, и естественной инерцией, направленной на сохранение ограниченного числа более общих и чаще употребляющихся единиц. При этом инерция является постоянным элементом, и мы можем считать, что она не меняется. Напротив, потребности общения и выражения в различные эпохи различны, поэтому характер равновесия с течением времени изменяется. Расширение круга единиц может привести к большей затрате усилий, чем та, которую коллектив считает в данной ситуации оправданной. Такое расширение является неэкономичным и обязательно будет остановлено. С другой стороны, будет резко пресечено проявление чрезмерной инерции, наносящей ущерб законным интересам коллектива. Языковое поведение регулируется, таким образом, так называемым, **"принципом** наименьшего усилия", мы предпочитаем, однако, заменить это выражение, предложенное Ципфом, простым словом "экономия" [1960, 126]. А. Мартине рассматривает принцип экономии в языке не как непреложно действующий закон, не знающий никаких исключений, а только как тенденцию, **прокладывающую** себе путь через сопротивление со стороны других потребностей коммуникации.

Источником тенденции к экономии является человеческий организм. Принцип экономии в языке — одно из частных проявлений инстинкта самосохранения. Это своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи. Отрицание роли принципа экономии в языке равносильно отрицанию всех защитных функций человеческого организма. Проявление этой тенденции можно показать на совершенно конкретных языковых примерах.

Проявления тенденции к экономии физиологических затрат в звуковой сфере довольно многочисленны.

Если рассматривать звуки языка как отдельные элементы потока речи, то наряду со слабыми участками, представленными слабоартикулируемыми звуками, в этом потоке существуют участки напряжения, т.е. звуки и их сочетания, произношение которых связано с большей затратой усилий. В самых различных языках мира достаточно хорошо прослеживается тенденция к ослаблению участков напряжения. Прежде всего она выражается в облегчении произношения. Наличие в языках известной тенденции к облегчению произношения неоднократно отмечалось различными исследователями. В то же время

находились скептики, склонные не придавать ей особого значения. Они мотивировали свое скептическое отношение тем, что сами критерии легкости или трудности произношения могут быть слишком субъективными, так как они обычно рассматриваются сквозь призму того или иного конкретного языка. То, что кажется трудно произносимым носителю одного языка, может не представлять никаких затруднений для носителя другого языка. Действительно, многое здесь зависит от произносительных привычек, усвоенных носителями конкретных языков, от особенностей фонетического строя, типов структуры слога и типичных для данного языка звукосочетаний, характера ударения, методики речи и от других факторов. Так, например, произношение слова *строй*, которое каждый русский может произнести без особого труда, представляет большие трудности для финна и в особенности для китайца. Необычно трудным для китайца представляет произношение русского звука [p], например в слове *укра*, который китаец, обучающийся русскому языку, стремится произносить как [л]. Обычное для финна слово *hyödyttömys* 'бесполезность' трудно для русского по причине не свойственного русскому языку стечения гласных переднего ряда в одном слове, наличия специфических гласных *ö, ü* и дифтонга *y ö*. Не менее трудно для русского произношение грузинского глагола *qiqini-* 'квакать' по причине контрастного стечения задненёбного *к* и гласного *ɪ*, повторяемого дважды. Подобных примеров можно было бы привести значительное количество.

Подобные случаи, конечно, нужно принимать во внимание, но все же они не могут служить достаточно веским аргументом для отрицания существования в различных языках мира тенденции к экономии усилий. Наблюдения над историей развития фонетического строя различных языков мира с достаточной убедительностью свидетельствуют также о том, что во всех языках существуют относительно трудные для произношения звуки и сочетания звуков, от которых каждый язык стремится по возможности освободиться или превратить их в более легкие. Так, например, было с достаточной долей вероятности установлено, что в индоевропейском праязыке существовал ряд так называемых лабиовелярных согласных *qw, qwh, gw, gwh*, обладавших, по-видимому, довольно сложной артикуляцией. Любопытно при этом отметить, что ни в одном из современных индоевропейских языков эти звуки не сохранились. Они или совпали с обычными нелабиализованными *к* и *г*, или превратились в губные смычные. Можно предполагать, что сложная артикуляция этих звуков была негативным фактором, и различные индоевропейские языки на протяжении истории их развития стремились различными путями от них избавиться.

Интересным примером в этом отношении может служить также существование в индоевропейском языке-основе так называемых слоговых носовых и плавных *l, r, m, n*. Они также оказались очень неустойчивыми. Около слоговых плавных и носовых в различных индоевропейских языках возникли так называемые пазвуки, в результате чего образовались сочетания, составленные из глас-

ного и сонантов *r*, /, *m*, *n*, ср., например, рефлексy индоевропейского архетипа *wlos* 'волк' в древних и современных индоевропейских языках: гот. *wulfs*, лат. *lupus*, др.-гр. *λύκος*, рус. *волк*.

Сочетание носового гласного и гласного простого типа *ä+o*. *e* и т.д. представляет исключительные трудности для артикуляции. По этой причине ни в одном из языков мира, имеющем **носовые** гласные, оно не встречается.

Носовые гласные встречаются в различных языках сравнительно не часто. Даже в тех языках, где они возникают, со временем могут утратиться.

Велярный *q* с сильной задней артикуляцией исторически также оказывается неустойчивым. В турецком, кумыкском, карагасском и якутском языках, а также в мишарском диалекте татарского языка *q* перешел в простой *k*. В чувашском и азербайджанском языках звуку *q* в других тюркских языках соответствует *x*. Насколько позволяют судить скудные надписи на языке камских булгар, переход *q* в *x* также типичен и для этого языка.

Велярный *q* некогда существовал в общемонгольском языке. В письменном монгольском языке он сохранялся примерно до XIV в. В более поздних источниках появляется *k*. Из современных монгольских языков он сохранился только в могорском. Во всех остальных он превратился в *x* или в простой *k*, **в s, t и т.д.** [Porre 1960, 133].

Велярный *q* существовал и в индоевропейском языке. В отличие от *k* невеликого он во всех индоевропейских языках отражается как *k* (в германских языках **Л**)> однако нигде не сохраняется как задненёбный или велярный *q*, что также может служить **доказательством** неустойчивости *q*.

Любопытно отметить, что в современных арабских диалектах, в Каире и его окрестностях, в большинстве городов Сирии, в Северном Марокко и на Мальте велярный *q* исчез, и только твердый приступ начальных гласных указывает на его бывшее существование, например '*amar* 'луна'; кл. араб. *qamar*. Отмечены также случаи перехода *q* в *k* [Brockelmann 1908, 121, 122].

В касимовском диалекте татарского языка *q* заменяется гортанной смычкой [Поливанов 1968, 85].

Более глубокая артикуляция *q* по исполнению является более трудной сравнительно с менее глубокой.

В ряде языков наблюдается превращение *r* переднеязычного в *r* язычковое. Так, оно появляется в истории французского языка в XVII в. Это произношение было свойственно сначала Парижу, а затем распространяется по **севернофранцузским** городам [Сергиевский 1932, 178]. **"В** настоящее время картавое *r* господствует в Германии в городском произношении **повсеместно"** [Жирмунский 1965, 347]. **"В** артикуляции датского *r* кончик языка вообще не участвует. Этот звук образуется более глубоко, при прохождении воздушной струи через отверстие между задней частью языка, оттянутого назад, и маленьким язычком. Датское *r* похоже на так называемое картавое *r*, произносимое некоторыми **русскими"** [Жаров 1969, 17]. Форма /г/ на Кубе в разго-

ворном стиле реализуется во всех позициях как фрикативный звук [Иванова и др. 1971, 17]. Причиной всех этих изменений является, по-видимому, большая артикуляционная легкость картавого **г**.

Во многих языках наблюдается тенденция к превращению **г** в **у**, который в отдельных случаях может ослабляться в **Л**. Пра-славянский язык во всех своих диалектах знал только взрывной **г**, который в настоящее время характеризует многие славянские языки. Однако в отдельных славянских языках **г** утратил затвор и превратился в **у**. Фрикативный **у** характеризует южновеликорусские говоры. В белорусском и украинском **у** превратился в фарингальный **А**. Лишь отдельные белорусские говоры сохраняют **у**. Звук **у** на месте **г** широко представлен в южных говорах русского языка. Иногда **у** или **h** встречается в некоторых **чакавских** говорах сербохорватского языка. Древний **г** в новогреческом языке превратился в **у**. Аналогичное превращение общегерманского **g** совершилось в голландском языке, ср. нем. gross 'большой', голл. groot [yгdт] и т.д.

Межзубные спиранты **8** и **ѳ** также обнаруживают неустойчивость. Многие исследователи предполагают наличие в уральском праязыке межзубного спиранта **ѳ**. С течением времени почти во всех уральских языках **ѳ** перешло в другие звуки. Начальный **ѳ** отражается в саамском языке как **d**, реже **A**, в мордовских и пермских языках как **/**, в финском как **t**, в хантыйском как **j**; ср. фин. *tuomi*, норв.-саам. *duobmâ*, эрзя-морд. *l'om*, коми-зыр. *l'om-ри*, хант *jom* 'черемуха (дерево)'; фин. *tymä*, норв.-саам. *dabme*, мар. *lüm*, коми-зыр. Гет 'клея' [Collinder 1960, 62]. Германское **S** (**ā**) перешло в **d** во всех положениях: др.-англ. *faeder*, др.-сакс. *fadar*, др.-в.-н. *fater* 'перо' [Прокош 1954, 70].

Общим для всей Скандинавии, кроме Исландии, было превращение межзубных щелевых в соответствующие **смычные** **ʃ > t**, **ɖ > d** [Стеблин-Каменский 1955, 130].

В среднеперсидском языке было довольно распространено межзубное **d** (**g**). В современном персидском, а также в таджикском **ѳ** или исчезло, или заменено звуком **d**; ср. ср.-перс. *pad*, совр. перс. *be*, тадж. *ba* 'в'; ср.-перс. *ud*, совр. перс. *o*, тадж. и 'и', ср. перс. *x^hadau*, тадж. *xudo* 'бог' [Оранский 1963, 73, 74, 75].

Межзубные **б** и **ѳ**, характерные для литературного арабского языка, в некоторых современных арабских диалектах утратились. Они перешли в **d**, **z** и **t** в сирийских и египетских городских говорах, на Мальте, а также в магрибских и среднеазиатских диалектах [Шарбатов 1961].

Любопытно отметить, что **ѳ** проявляло неустойчивость и в древнесеemitских языках. Прасемитское **8** сохранилось в арабском языке. В ассирийском, абиссинском и еврейском языках оно превратилось в **z**, ср. араб. *ḏakara* 'упоминать', эфиоп. *zakara*, евр. *zāchar*, сир. *d^echar*, ассир. *zakāru* [Brockelmann 1908, 128].

В общетюркском праязыке существовал межзубный звонкий спирант **ѳ**. Этот звук сохранялся в древнетюркском, уйгурском и среднетюркском. Однако уже в словаре Махмуда Кашгарского отмечены различия по диалектам: чигил. и др. **ѳ**; в болгарском (**z**), в кыпчакском **у**, в огузском и кыпчакском **z**. В разных тюркских языках он

обычно отражается по-разному: в **якутском** $\delta > \text{ʃ}$ (*atax* 'нога', *xatyn* '**береза**'); в сагайском, шорском, камасинском, кызыльском, кюэрикомском, **качинском**, бельтирском и койбальском языках S превратилось в z (*azak* 'нога' < *adaq*); во всех юго-западных, юго-восточных, **северо-западных** и центральных северных языках, а из северо-восточных в языках собственно Алтая (в алтайском, телеутском, **лебединском**, туба, телесском и барабинском) δ отражено как j (*ajak* 'нога' > *adaq*). В чувашском языке δ превратилось в r (*ura* 'нога', *xигэп* '**береза**') [Рясянен 1955, 141, 142].

В истории персидского языка интервокальное δ превращалось в j (ср. совр. **перс.** *pāj* 'нога' и авест. *pāda*, совр. **перс.** *nāj* 'флейта' и др.-инд. *nādi* [Horn 1901, 44]. **Замсна** δ звуком d наблюдается также в кокни, диалекте г. Лондона, например *anoder* 'другой', *togeder* 'вместе' [Matthews 1938, 177].

Спирант d встречается значительно реже δ , но он также неустойчив. В индоевропейском праязыке предполагается существование ϑ . В греческом, а также в кельтских языках он отражается как t , в других языках он совпал с s , ср. *kʰei*, др.-инд. *kʃiti-ṣ*, авест. *ṣiti-ṣ*, **гр.** *κτίσις* 'поселение', др.-инд. *takṣan*, авест. *taṣan* 'строитель', **гр.** *τέκτων* 'плотник', лат. *texo* 'строю', др.-нем. *dehsala*; др.-инд. *rkṣas*, **гр.** *ἄρκτος*, лат. *ursus* 'медведь'. По всей видимости, сюда относятся **галл.** *artios*, ср. ирл. *art*, **кимр.** *arth*; др.-инд. *kṣanōti* 'он разрушает', **др.-перс.** *a-xṣata* 'невредимый', **гр.** *κτείνω* 'я убиваю', др.-инд. *kṣaya-ti*, авест. *xṣayeti* 'он господствует', **гр.** *κτάομαι* 'я приобретаю'; др.-инд. *kṣiti-ṣ* 'гибель', авест. *xṣuō*, **гр.** *φύσις* 'исчезновение' и т.д. [Brugmann 1904, 207].

Уральское s в общеугорском языке превратилось в ʃ . Этот звук сохранился в хантыйском языке только в говоре с. Ликрисовское (восточный диалект). В смежных центральных диалектах (Тромьёган, **Казым**), p превратился в глухое /, которое также представлено в крайних восточных и северных диалектах. В южном диалекте ʃ превратилось в t , и это произношение за последние два столетия распространилось вдоль р. Оби далеко на Север. В крайних юго-восточных диалектах (Васюган, **Верхне-Колымск**) общеугорское s изменилось в y , которое иногда исчезает перед гласными переднего ряда [Collinder 1960, 58].

Древнеперсидское ϑ в новоперсидском отражается как обычное s , ср. др.-перс. *ṽard-* 'год', авест. *sarad*, др.-инд. *śarād* 'осень', н.-перс. *sal* 'год', др.-перс. *duxra* — имя собственное, авест. *suxra* 'красный', **н.-перс.** *sux* 'красный' [Kent 1953, 188].

Германское ʃ сохранилось в готском во всех положениях. В древнескандинавском и древнеанглийском оно сохранилось **как** ʃ в начальном положении, но перешло в d в окружении звонких смыхных. В древнесаксонском и древненемецком в самых ранних памятниках и во всех положениях обнаруживается ʃ (большей частью в орфографии обозначаемый *th*), но постепенно оно изменилось в d , а затем в t — вначале в срединном положении и обычно в безударных словах, т.е. в местоимениях и в определенном артикле. В баварском языке этот процесс начался еще в VIII в. Постепенно он распро-

странился на север и к концу средних веков достиг территории нижнегерманского языка. В среднеанглийском, возможно даже в древнеанглийском, в местоименных формах и в подобных же словах с ослабленной лексической семантикой r переходило в d , аналогичный процесс имел место в датском, шведском и норвежском. Здесь, однако, в результате получились взрывной: шв. *ting* 'вещь', *tänka* 'думать', но *du* 'ты', *De* 'Вы' (Прокош 1954, 77, 78).

Индоевропейское t превращалось в общекеельтском языке в t через промежуточную ступень t придыхательное. Звук t очень рано дал в ирландском языке h . Древнее произношение t засвидетельствовано в древнескандинавском *Dufþakr* из ирл. *Dubthach*, валл. *byth* из ирл. *bith*. По всей вероятности, этот звук преобладал в раннем древнеирландском языке. С начала среднеирландского периода господствующим стало произношение A (Льюис, Педерсен 1954, 75).

Наглядным примером неустойчивости d может служить так называемое *seseo*, или замена испанского интердентального глухого спиранта d спирантом s , широко распространенным в испанском языке Южной Америки, ср. литер. исп. *caza* (*сада*) 'охота', но южно-ам. *casa*, литер. исп. *ciervo* (*диерво*) 'олень', южно-ам. *siervo* и т.д. Явление *seseo* характерно также для испанского языка Кубы. Оно наблюдается и на самом Пиренейском п-ве в Андалузии (хотя здесь встречаются и зоны *seseo*), в Каталонии, Басконии, на юге Экстремадуры, на Майорке и Канарских островах [Иванова и др. 1971, 22].

В говорах арабских диалектов Магриба d всюду заменяется t , иногда на месте d появляется s [Завадовский 1962, 39—40].

Отчетливо просматривается неустойчивость придыхательных смычных. В индоевропейском праязыке существовали придыхательные смычные. За исключением древнеиндийского и древнегреческого придыхательные смычные утратились во всех индоевропейских языках: bh в латинском отражается как / или b , в ирландском как b , в балтийских и славянских языках как b ; dh дало в латинском f , d , (b), в ирландском -d : d в балтийских и славянских d ; g^{h} в латинском представлено как h , g , в ирландском — как g , z , в литовском — как i , в славянских языках — как z ; g^{h} в латинском соответствует f , v , qu , в ирландском g , z^{h} , z , w , в литовском g , в славянских g или z ; gh в латинском дает h , g , в ирландском g , z^{h} , z , w , в литовском g , в славянских g , i [BaudiS 1932, 39]. Смычные придыхательные исчезли также в авестийском языке. Древнеиндийскому kh в авестийском соответствует h , th соответствует t и ph — /; санск. gh , dh , bh соответствуют авест. g , d , b . Индоевропейские смычные придыхательные отражаются в древнеперсидском как простые смычные.

На основании материалов по истории различных языков можно сделать вывод, что палатализованные согласные не обладают большой устойчивостью. Чаще всего они исчезают из системы языка в результате изменения артикуляции и сливаются с другими звуками.

В древнеисландском языке некогда существовал переднеязычный дрожащий сонант R (палатализованное r , возникший из z). В Исландии и Норвегии R слилось с r еще в IX в. Поэтому в древ-

неисландском языке *R* и *г* неразличимы; ср. *runor* и *runoR* 'руны', *gestr* и *dastiR* 'гость', *brytr* и *barutR* 'ломает', *mer* и *meR* 'мне' [Стеблин-Каменский 1955, 44].

В общеуральском языке некогда существовало палатализованное *ʂ*. Оно сохранилось только в мордовских и пермских языках, ср. эрзя-морд. *сюло*, коми-зыр. *сюв* 'кишка', эрзя-морд. *селме*, коми-зыр. *син* 'глаз'. Во всех остальных уральских языках оно перешло в другие звуки.

В индоарийском праязыке различались три типа *s* - *ś*, *ṣ* и *ṣ*. Уже в пракрытах наблюдалась тенденция к слиянию всех этих типов в одном *ś*, которое полностью завершилось в современных индийских языках [Jahagirdar 1932, 132].

Верхненемецкое *ʃ* в древненемецком и средненемецком в начале, внутри и в конце слова продолжает донемецкое *s*. Во всех позициях звук *ʃ* вплоть до средненемецкого периода **был** слегка палатализованным и больше похож на *ś*, что нашло отражение в ранних лексических заимствованиях в славянских языках, ср. польск. *zak*, нем. *sac* 'рыболовная сеть', слов. *zmach*, ср.-нем. *smach* 'вкус'. В конце XIII в. происходит расщепление этого *s* на чисто зубное *s* и [Kienle 1960, 99].

В эфиопском прасемитское *ʃ* совпало с *ś* [Brockelmann 1908, 129]. Точно такое же совпадение *ś* с *ś* произошло в древнеарабском [Там же]. В арамейском языке *ś* совпало с *ś* [Там же, 135].

В английском языке некогда существовал глухой палатализованный спирант типа немецкого *ich-Laut*. В древне- в среднеанглийском он обычно употреблялся перед **т** и **в** абсолютном исходе слова. Орфографически он передавался через *gh*. Такое написание сохранилось до настоящего времени, ср. *bright* 'широкий', *eight* 'восемь', *high* 'высокий'. В XVII в. этот звук полностью исчез [Ekwall 1914, 95].

Во многих славянских языках мягкие согласные превращались в твердые. Аффриката *ʃ* в славянских языках представляет различные стадии перехода мягкого звука в соответствующий твердый. Исконная степень мягкости этой аффрикаты уже не сохраняется. Мягкой эту аффрикату можно считать в русском и болгарском языках. В чешском она звучит несколько тверже. Дальнейшая стадия на пути отвердения этой аффрикаты обнаруживается в сербохорватском. Наибольшая степень отвердения *ʃ* представлена в польском и белорусском языках.

Аффриката *ʃ* отвердела в русском и белорусском языках, в болгарском, сербохорватском и словенском, чешском, словацком и польском.

Исконная аффриката *ʒ* (дз), сохранившаяся в языках лехитской группы и в словацком языке, последовательно отвердела. В кашубском наблюдается отвердение новой аффрикаты *ʒ* из *dʒ* [Бернштейн 1961, 301, 302].

Исконно мягкие звуки **ш** и **ж** в славянских языках также пережили во многих случаях процесс отвердения. Это выражается, в частности, в том, что в русском, белорусском и польском языках гласный **и** после **ш** и **ж** изменяется в **у**. Отвердели эти гласные также в сербохорватском и словенском языках [Там же, 302].

В славянских языках имеются мягкие губные согласные *p'*, *b'*, *v*, *m'*. В русском языке в некоторых позициях, например, в конце слова, мягкие согласные отвердели (*дам* — дать).

Процесс отвердения частично происходил в белорусском и украинском языках. Широко процесс отвердения прошел в западно-славянских языках. Почти всюду отвердели мягкие губные в конце слова [Там же, 304].

В ряде славянских языков мягкое *r* превращалось в *r* твердое, ср. укр. *тепер* и рус. *теперь*, *цар* и рус. *царь*. Отвердение *r* происходило главным образом в конце слова. В белорусском языке отвердение *r* осуществилось повсеместно, ср. *бура* (рус. *буря*), *куру*, *гавару* (рус. *куру*, *говору*) и т.д.

В польском языке в начале XIII столетия палатализованное *r'* превратилось через переходную ступень *r'i* в *ż*. В чешском языке примерно в то же время осуществлялось подобное превращение, только здесь сохранилась первая ступень *r'i* (графически *ř*), ср. польск. *na dworze*, чеш. *na dvore* из *dvore* 'на дворе, на улице'. В словацком *r'* сохранилось. В серболужицком языке *r'* также сохранилось, но после *p*, *l*, *k*, оно превратилось в *r* (произносится *ř*), а в нижнем серболужицком — в *ř* [Bräuer 1961, 209].

В случаях ассимиляции образование аффрикат может служить средством облегчения произношения, ср. тур. *kirn* 'кто' (в диалектах *lim*). Однако произношение аффрикат требует затраты больших усилий по сравнению с произношением простых согласных. Очевидно, только этим можно объяснить наблюдаемую в различных языках тенденцию к упрощению и устранению аффрикат, а также наличие языков, в которых аффрикаты вообще отсутствуют.

В протоуральском языке различались две аффрикаты — так называемая твердая аффриката *č* и мягкая аффриката *č'*. Твердая аффриката в ряде языков превратилась в спирант. В финском языке она отражается как *A*, в венгерском — как *č*, в мансийском как *č* или *š*, в хантыйском, по крайней мере в большинстве его диалектов, как *č* или *s*, в самодийских языках она превратилась в *t*. Мягкая аффриката представлена в финском языке спирантом *s*, в мокша-мордовском *s*, в мансийском *s'* или *s*, в хантыйском *t*, *s*, в венгерском *s'*, но в начале слова и в интервокальном положении ей может соответствовать спирант *s*; в самодийских языках она представлена спирантами *s* или *s* [Collinder 1966 52—54].

Упрощение аффрикат происходило также в истории французского языка: *ts* переходило в *s*, ср. *tsiel* 'небо' > *sjel*, *č* переходило в *s*, ср. *cjen* 'собака' > *šjen* и *dz* — в *ž*, ср. *dzant* 'люди' > *žant* [Аллендорф 1959, 392].

Большинство аффрикат староиспанского языка в более позднее время упростилось. Сохранилась только аффриката *č* (графема *ch*). Аффриката *dz* через ступени *ž* и *š* превратилась в *x* (на письме изображается через *g* перед *e*, *i* или через *j* перед другими согласными, например: *genero* 'род', *xenero* < *dženero*, ср. лат. *genus* 'род'; *juego* 'игра', *xuego* < *dzuego*, лат. *jocus* [Сергиевский 1932, 191].

В итальянском диалекте Истрии аффриката *dz* превратилась в *z*.

В некоторых итальянских диалектах (**Тосканиа**, Умбрия, Рим) **č** превращалась в **š**, например *cena* (*Sena*) 'ужин', *cento* (*Sento*) 'сто' и т.д. Аффриката *dī* в этих говорах соответственно превращается в **ž**, например *la gente* (*la iente*) 'люди' [Grandgent 1927, 71].

Афторффрикаты *dz* и *ts* в испанском языке через промежуточные ступени *g* и *s* изменились в межзубный глухой *d* (на письме *s* перед *e*, *i* или *z* перед прочими звуками), ср. исп. *cielo* 'небо' (*tsielo > sielo > dielo*), лат. *caelum* 'небо'; *cerca* 'около' (*tserca > serca > ōerca*), лат. *circa* 'около'; *zona* 'зона' (*dzona > zona > ōona*), ср. гр. ζώνη 'пояс' [Сергиевский 1932, 191—192].

Более интенсивно утрата аффрикат происходила в португальском языке. В старопортугальском языке *s* преобразовалось в *s*. Графически это превращение выражалось через *c*, *ç* и *s*, ср. лат. *cervus* 'олень', ст.-порт. *cervus* 'олень', порт. *cervo* [*servu*] [Huber 1929, 109].

Частичное преобразование аффрикат наблюдается в каталанском и румынском языках. В каталанском вульгарно-латинское *ts* в звукосочетаниях *tse* и *tsi* превращалось в *s*, ср. лат. *caepula*, кат. *ceba* (*séva*) 'лук', лат. *cellarium* 'кладовая', кат. *celler* (*sälje*) 'погреб', лат. *quinque* 'пять', кат. *cinc* (*sin*) 'пять' [Там же, 13]. В интервокальном положении аффриката *dī* превращается в **ž**; *pages* (*pāžes*) 'крестьянин', *fagedā* (*fāžedā*) 'буковый лес' [Там же, 14]. В румынском языке аффриката **dž**, развивавшаяся из латинского начального/ упростилась в *i*, ср. *joc > iok* 'игра' < **džok**; *jug* (*iūq* 'ярко' < *dzug*). В некоторых молдавских говорах в *i* может превращаться аффриката *dī*, возникшая из латинских сочетаний *ge*, *gi*, ср. рум. *ger* (*dier*) 'мороз', молд. диал. *ж'ер* [КГИЛМ 1964, 90]. В мегленорумынском аффриката *dī* превращается в *z*, например *zimiri* 'зять', ср. рум. *çinere* (*dīinere*), *sonzi* 'кровь', рум. *singe* и т.д. [Coteanu 1961, 149]. То же явление представлено в истрорумынском [Там же]. Румынской аффрикате **č**, возникшей из палатализованного *k* в латинских звукосочетаниях *ke*, *ki*, в некоторых молдавских говорах может соответствовать **š**, ср. рум. *cer* 'небо', молд. диал. *м'ер*, рум. *cinci* 'пять', молд. диал. *ш'иниш'* [КГИЛМ 1964, 89]. В румынском и молдавском языках наблюдается упрощение аффрикаты *dz* в *z*, ср. рум. *zice* 'говорить' (из *dzice*) = лат. *dicere*; *auzi* 'слушать' (из *audzo*) = лат. *audire* [Rothe 1967, 32, 34].

Ослабление затвора при произношении аффрикат и переход их в фрикативные звуки отмечен в некоторых говорах языка коми [Сорвачева 1961, 457]. В литературном татарском языке, основанном на казанском говоре, наблюдается сильное ослабление смычки при произношении аффрикат **č** и **dž**. Фактически эти аффрикаты произносятся почти **Г** и **Ж**. В некоторых говорах западного диалекта татарского языка вместо *dī* произносится **z(з)** [Желэй 1967, 100]. В диалектах уральских татар отмечено произношение *s* вместо аффрикаты **č** [Там же, 119]. Утрата аффрикат свойственна и некоторым другим тюркским языкам. В каракалпакском, ногайском и казахском языках первоначальное **č** превратилось в **š**. Подобное превращение имело место также в тюркском (по верхнему и среднему течению Кондомы), качинском, кызыльском, койбальском, карагасском и в конце слова в тувинском языках [Рясянен 1955, 156]. В башкирском и якутском

языке аффриката **č** через промежуточную ступень **ts** превратилась в **s**. В чувашском древнее **č** изменилось в **š**:

По свидетельству Н.Н. **Поппе**, в цонгольском и сартульском диалектах бурятского языка **č** сохраняется как **č** перед /, но превращается в **ts** перед всеми остальными согласными. Во всех других бурятских диалектах **c** перед **i** превращается в **s** и в **s** перед всеми остальными гласными [Рорре 1955, 111].

Аффриката **dz** в славянских языках, возникшая **изг** в положении перед **e** или **i**, упрощалась в **z**, ср. др.-рус. **зѣло** 'очень', ст.-сл. [dzěly] 'яростный'. Аффриката **dz**, появившаяся в дописьменный период во всех славянских языках в результате второго смягчения заднеязычного **g**, в разное время различными славянскими языками была утрачена. Из современных славянских языков она сохранилась только в польском.

Ослабление аффрикаты **dz** в **z** наблюдается в некоторых диалектах латышского языка [Endzelin 1922, 130]. В нижнелужицком языке **c** изменился в **s'**, а **dz'** в **z'** [Бернштейн 1961, 302].

Звонкие аффрикаты в праславянском были неустойчивыми. Происходила утрата первого затворного элемента: аффриката изменилась в звонкий фрикативный. Еще задолго до появления первых диалектных черт в праславянском языке, аффриката **ž** изменилась в **z**: **žar** > **zar**-, **žena** > **žend** Там же, 302].

В марокканском диалекте арабского языка **ž** соответствует аффрикате **dī** литературного арабского языка и многих арабских диалектов. В Яффе, Кайфе, Бейруте, Триполи, в Сирии, в некоторых районах Ливана, Дамаска и Месопотамии аффриката **dī** переходит в **i** [Brosc kelmann 1908, 123].

Начальное **j** в бретонском языке дает **i**, **которос**, как можно предполагать, представляет результат ослабления аффрикаты **dz** [Fleriot 1964, 85].

Некоторые лотарингские и мозешские немецкие говоры вместо начального **ts** имеют **s**, например **сиц** 'язык', **литер.** нем. *Zunge, sit* 'время', **литер.** нем. *Zeit* [Жирмунский 1956, 263].

Утрата аффрикат свойственна многим бурятским говорам. Н.Н. **Поппе** отмечает, что **селенгинские** говоры — **цонгольский** и сартульский — отличаются от всех остальных наличием в них согласных **ts**, **č**, **dz**, **dž**, которым в остальных говорах соответствует **s**, **s**, **z**, **z** [1937, 52].

Протодравидийская аффриката **č** отражается как **č** в малаялам, ката, кодагу, телугу, парджи, малто и брагуй. В тамильском, тулу, колами, найки, конда и куп она обычно теряет свой смычный элемент и отражается в виде дорсального или дентального **s** [Андронов 1965, 39].

На земном шаре имеется довольно значительное количество языков, различающих долгие и краткие гласные. По-видимому, такое состояние не является устойчивым, поскольку в истории языков известны случаи, когда языки, различавшие в прошлом долгие и краткие гласные, позднее совершенно утрачивали эти **различия**. Например, достаточно хорошо доказано, что индоевропейский праязык различал долгие и краткие гласные. В современных языках эти различия ут-

ранены в новогреческом, армянском, восточнославянских, польском и южнославянских языках.

Некоторые тюркологи постулируют наличие долгих и кратких гласных в тюркском языке-основе. В настоящее время оно полностью утрачено во всех тюркских языках, за исключением якутского и туркменского.

В уральском языке-основе, по предположению некоторых лингвистов, также различались долгие и краткие гласные. В некоторых уральских языках, например в марийском, мордовском и пермских, это различие утратилось.

Все эти факты явно свидетельствуют о наличии в различных языках тенденции к устранению долгих гласных. Существование этой тенденции вполне понятно, если учесть, что каждый долгий гласный создает участок напряжения, связанный с повышенной затратой производительных усилий. В основном можно выделить два типа способов разгрузки этого участка напряжения: 1) сужения долгих гласных и 2) устранение долготы гласных путем дифтонгизации.

На грани между среднеанглийским и новоанглийским периодами произошло самое **значительное** изменение ударных гласных, известное под названием "**великого** сдвига гласных". Сдвиг затронул все долгие гласные английского языка. В изменении отдельных гласных проявляется общая тенденция к сужению гласных. Сужению предшествовало, по-видимому, более напряженное произношение долгих ударных гласных, связанное с утратой безударных [Смирницкий 1965, 95].

В истории английского языка долгое закрытое *ʔ* превращалось в *ʔ*, ср. ср.-англ. *bē* 'пчела' — совр. англ. *bee*[bi]; ср.-англ. *grēten* 'приветствовать' — совр. англ. *greet*[gri:] и т.д. [Аракин 1955, 100—101]. Долгое *n* в славянских языках сужалось в *y* (*bi*).

В древнеевропейском *ī*, несущее на себе ударение, превращалось в *ō*(*ra'š - raš > rōš* 'голова'), а *ō* в неударных слогах переходило в *u*. В пуническом языке жителей Карфагена *ʔ* переходило в *n*. В восточносирийском *ē* сужалось в *ʔ*, а открытое долгое *ʔ* в *n*, ср. вост.-сир. *bērā* — зап. сир. *birō* 'колодец', вост.-сир. *qā'ōlā* — зап.-сир. *qā'ūlō* 'убийца'. В западноарамейском прасемитское *ā* превращалось в *a* огубленное, которое греки передавали через омикрон [Brockelmann 1908, 142—144].

Долгое *a* в огромном большинстве верхненемецких диалектов в разной степени подвергалось сужению и лабиализации *a > ɔ*, *ç* [Жирмунский 1956, 200].

В ассирийском языке отмечена также тенденция долгих гласных к сужению. В **Тур Абдине** почти всякий первичный *a* переходит в *ō*, в Джилу — довольно часто в *ē*, у например *brēta* 'девочка' < *brāta*, *rēba* 'много' < *rāba*. Сужение особенно коснулось долгих *o* и *e*, которые в урийском и **саламасских** диалектах переходят соответственно в *u* и *i* [Церетели 1964, 23].

Сужение долгих гласных характерно для армянского языка. И.-е. *e* дает в армянском *i* (др.-инд. *ma* — отрицательная частица 'не' в запретительном значении, гр. *μη* < *mē*, арм. *mi*); *o* превращается в *u* (арм. *turk* 'дар', гр. *δῶρον*, ст.-сл. *darŭ* [Antkowski 1956, 47].

Участок напряжения, создаваемый долгим гласным (как уже говорилось), может быть ослаблен путем превращения его в краткий дифтонг. Особенно благоприятным для такого превращения является наличие ударения на долгом гласном. В финском языке ударные долгие гласные *o*, *ö*, *e* превращались в *uo*, *yö* (*iïö*) и *ie*, ср. эст. *Soomi*, фин. *Suomi* 'Финляндия', эст. *too*, фин. *tuu* 'тот'; эст. *looja*, фин. *juoja* 'создатель', эст. *iöö*, фин. *työ* 'работа', эст. *öö*, фин. *yö* 'ночь', эст. *mees*, фин. *mies* 'мужчина', эст. *tee*, фин. *tie* 'дорога' и т.д. [Fromm, Sadeniemi 1956, 33]. Дифтонгизация долгих ударных гласных отмечена также в диалектах эстонского языка. В северных эстонских диалектах все долгие гласные, за исключением *i* и *и*, превратились в дифтонги: *â>oa>ua*, *a>ea*, *ia* (*iä*), *ë>ie*. *o>uo*, *o>iïö*, *ë>ee*, *u>üi* [Kask 1967, 134].

Таким образом, процесс дифтонгизации долгих ударных гласных в этих диалектах зашел значительно дальше, чем в финском языке.

Превращение долгих гласных в дифтонги происходило и в истории английского языка, например *fīm>tiim>teim>taim* 'время', *hūs>hous>haus* 'дом' [Аракин 1955, 80, 81].

Аналогичное явление отмечено в немецком языке, в котором в XII и XIII вв. осуществлялась дифтонгизация узких долгих гласных *ī>ei[ai]*, *ū>au*, *iu* [*y:|>eu*] [*oy*]: *dīn>dein* 'твой', *fīch>reich* 'богатый', *hūs>Haus* 'дом' [Жирмунский 1965, 144].

Некоторые долгие гласные в якутском языке также превратились в дифтонги: *ä>iä* (*kāy>kiän* 'широкий'), *ē>iä* (*bēŕ>biäs* 'пять'), *ō* и *ö* перешли в *iu* и *iïö* (*ön>non* 'десять', *jöl>suol* 'путь' [Рорре 1959, 674].

В новоисландском языке из долгих гласных *a*, *ae*, *o* образовались дифтонги *á>au*, *ae>ai*, *ó>ou* (орфография осталась прежней): *mal* 'речь' — *maela* 'говорить', *sól* 'солнце', произносятся *maul*, *mai/a*, *soul* [Вессен 1949, 61].

Основной особенностью украинского вокализма является переход устойчивых *ō* и *é* в *i* перед глухими *ь* и *ь* в слабой позиции, ср. *ніс>нос*, *камінь* < *камень*. Это объясняется тем, что глухие *ь* и *ь*, утрачиваясь, теряли свои словообразовательные функции. По этой причине долгие *o* и *e* превратились сначала в дифтонги, которые позднее стянулись в *i*, например *вōл>вуіл>віл*, *сѣмь>сіем>сім* [Медведев 1955, 101—103].

Ударение всегда способствует известному удлинению гласного. Когда оно падает на долгий гласный, удлинениис становится чрезмерным, участок напряжения усиливается. Образование дифтонга таким образом становится средством ослабления данного гласного. Э. Прокош так объясняет ход этого процесса: "Силовое ударение вызвало, по-видимому, дальнейшее удлинение, в результате которого возникло восходяще-нисходящее, или циркумфлексное, ударение (Schleifton) и, наконец, дифтонг [Прокош 1954, 104].

Могут быть, конечно, случаи, когда долгий гласный сокращается и язык не прибегает к дифтонгизации как средству облегчения участка напряжения. Так, например, обстоит дело в южном диалекте вепсского языка, в котором долгие гласные первого слога подвергались сокращению, ср. **южно-вепс.** *so* 'болото' из *so* [Kettunen 1922, 10], *su* 'рот' и *sū* [Там же, 8].

Произошение открытых гласных связано с большим напряжением. В случае, если ударение падает на открытый гласный, степень напряженности увеличивается. Участок напряжения может быть ослаблен путем образования дифтонга. Наглядно этот прием проявляется в испанском языке, ср. нар. лат. *róia* 'колесо', исп. *rueta*, нар. лат. *nóvu* 'новый', исп. *nuevo* и т.д. Если гласный был закрытым, то он не подвергался дифтонгизации, ср. нар. лат. *totu* 'весь', исп. *tono* [Vicente García del Diego 1989, 45]. Аналогичное явление наблюдается в итальянском языке, например, *o* в открытом слоге превращается в *uo*, ср. нар. лат. *fōcus* 'очаг', ит. *fuoco* 'огонь', нар. лат. *lōcus* 'место', ит. *luogo* и т.д. [Grandgent 1927, 30].

В истории различных языков наблюдается заметная тенденция к сокращению дифтонгов.

Дифтонг *ai* во многих языках мира превращается в *o*, которое может утрачивать долготу, ср. лат. *aurum* 'золото', исп. *oro*. Дифтонг *ai* превратился в *o* также в осском языке, ср. *ote* - лат. *aut* 'или' [Buck 1905, 32]. Превращение *ai* в *ö* происходило и в древнеиндийском: *ōjah* 'сила' (ср. лат. *augeo* 'расти, увеличиваться', лит. *augti* 'расти., гот. *auka* 'расти'). В англосакском *ai* сокращалось в *ǫ*, в древневерхненемецком *ai* превращалось в *ō* перед *h, d, t, z, s, n, r, l* (*hōh* 'высокий', гот. *hauhs; hōren* 'слышать', гот. *hausjan*) [Braune 1953, 17]. *Ai* изменялось в *ō* в ирландском языке [Льюис, Педерсен 1954, 53]. Превращение *ai* в *ö* засвидетельствовано в древнееврейском [Дьяконов 1967, 379]. В ассирийских диалектах Урмии, Саламаса, Джилу и Гавара дифтонг *ai* также перешел в *o* [Цертели 1964, 24].

Дифтонг *oi* в древнелатинском сохранялся. Позднее он стянулся в *n* (*lūkus* 'роща', от корня *loug-* 'светлый', ср. лит. *laukas*, лтш. *lauks* 'поле, свободное место'). В древнегреческом языке также некогда существовал дифтонг *oi*, (*ακουω* 'слышать', ср. гот. *hausjan*), но в V в. до н.э. дифтонг *oi* в аттическом и ионическом диалектах стянулся в *u*, хотя в орфографии *oi* сохранялось [Wright 1912, 30]. Дифтонг *ai* в германских языках, возникший из *oi*, также подвергался в ряде германских языков стяжению в *ō*, ср. др.-герм. *raudūz*, 'красный', др.-нем. *rōt*. Сокращение *oi* в *ö* происходило в ирландском языке.

Дифтонг *eu* в латинском языке стягивался в *y*; *ūro* 'жгу' из **eušo* (ср. гр. *εῷω* 'жгу') *dūco* 'веду' из **deuko* (ср. гот. *tīuhan* 'тянуть'). В древнеиндийском *eu* > *ō*: *ōṣati* 'горит' (ср. гр. *εῷω* 'горю' из **eušo*).

Дифтонг *ai* в сельских говорах латинского языка довольно рано стянулся в *ē*, что также находит отражение в романских языках, ср. лат. *caelum* 'небо', нар. лат. *ceļu*, ст.-пров. *eel*, рум. *cer* [Kieckers 1930, 32]. В древнегреческом дифтонг *ai* сохранялся, но позднее

превратился в *ε:αινιγμα* 'загадка', совр. гр. [enigma], др.-гр. *παιζω* 'играть', н.-гр. [pezo]. В древнеиндийском *ai* стянулось в *ē:ēdhah* 'топливо', ср. гр. *αἶθω* 'жгу'.

В общеславянском дифтонг *ai*, совпавший с *o/*, превратился в *e*, затем в *7*, ср. н.-е. *laiuos* 'левый', гр. *λαίφος*, лат. *laevus*, ст.-сл. *levъ*.

В древнеперсидском *ai* сохранялось, но в более позднюю эпоху стянулось в *ë*, ср. н.-перс. *mil*, авест. *maesa* 'баран' [Brandenstein, Mayrhofer 1964, 29]. В англосаксонском *ai* дало *e*. В ассирийских диалектах Урмии, Саламаса, **Джилу** и Гаваро дифтонг *ai* перешел в *e* [Церетели 1964, 24]. Стяжение дифтонга *ai* в *e* отмечено в диалектах острова **Рю-кю** [Wenck 1954, 173, 176], а **также** в северо-восточных диалектах [Там же, 139] японского языка.

Дифтонг *ai* превращался в *e* в древнееврейском языке [Дьяконов 1967, 379]. В диалекте армян города **Тбилиси** дифтонг *ai* стянулся в *ä:mär* 'мать' из *mair* [Гарибян 1953, 268].

Дифтонг *ei* в древнелатинском сохранялся, ср. др.-оск. *deikum* 'говорить', лат. *dico* 'говорю'. В древнегреческом дифтонг *ei* сохранялся до начала V в. до н.э., потом он стянулся в *ē* в аттическом, ионическом и некоторых говорах дорического диалекта, хотя в написании *ei* сохранялось. В германских языках дифтонг *ei* стягивался в *i*, ср. гот. *steigan* 'идти', гр. *στέιχω* 'шагать, идти', др.-нем. *sīgan* 'идти'. В общеславянском *ei* также превращался в *7*, позднее в *i:zima*, ср. гр. *χειμῶν* 'зима'; III 'идти', ср. гр. *εἶμι*, лат. *is* 'ты идешь' < *eis*.

Дифтонг *o/* в древнелатинском сохранялся. Позднее он превратился в *п*, ср. лат. *Onus* 'один', гот. *ains*, гр. *ἑοίνῃ* 'очко в игре'; лат. *communis* 'общий', гот. *gamains*. В древнеиндийском *o/* совпало с *ai* и отражается как *e*. Аналогичное явление в общеславянском. В германских языках *oi* также совпало с *ai*, которое в древнесаксонском и отчасти в древне немецком превращалось в *e*. Древнегреческому дифтонгу *oi* в новогреческом соответствует *i*.

Наиболее общей причиной монофтонгизации дифтонгов является стремление уменьшить участки напряжения, создаваемые дифтонгами.

Тенденция к экономии физиологических затрат также наглядно проявляется в разнообразных процессах ассимиляции. Изменение звуков по причине ассимиляции имеет очень широкое распространение. Ассимилятивные процессы вполне очевидны и вместе с тем необычайно разнообразны. Согласные перед гласными переднего ряда могут приобретать палатализацию. Это явление распространено во многих языках. В мордовском языке все согласные, за исключением *s*, *z* и *c*, перед гласными переднего ряда становятся палатализованными [Collinder 1957, 425]. В ненецком языке все согласные перед гласными переднего ряда подвергаются палатализации [Там же, 425]. Довольно сильной палатализации перед гласными переднего ряда, *e*, *i*. *n*. *e* подвергаются согласные в чувашском языке [Benzing 1956, 707]. Сильно палатализуются согласные перед гласными переднего ряда в русском языке.

Некоторые палатализованные смычные перед гласными переднего ряда превращаются в аффрикаты. Чаще всего в аффрикаты превращаются смычные типа *k*, *g*, *t*, *d*.

Аффрикатизация *Ag* перед гласными переднего ряда имеет довольно большое распространение в различных языках. Уже в древнеанглийском *c* (т.е. *k*) перед гласными переднего ряда, например в слове *cild* 'ребенок', палатализовалось и перешло в звук, близкий к *c*. Впоследствии в среднеанглийский период, когда этот **звук** перешел в настоящую аффрикату *č*, для него было введено написание *ch* [Ильиш 1968, 68].

В скандинавских языках происходила также аффрикатизация *Ag* перед гласными переднего ряда. В шведском языке *k* превращалось в среднеязычную аффрикату *s*, а в норвежском — в среднеязычный щелевой глухой **č**, который, по всей видимости, возник в результате ослабления **аффрикаты** *c* [Стеблин-Каменский 1953, 1352].

Преобразование *k* в *ts* или *č* перед гласными переднего ряда *e*, *i* довольно распространено в диалектах современного греческого языка, например: *tserôs* < *keros* 'время', *tseri* < *keri* 'свеча', *čuli* < *skuli* 'собака', *ančistri* < *ankistri* 'крючок' [Thumb 1910, 12—13].

В водском языке *k* перед гласными переднего ряда превращается в *č*: *ėivi* 'камень', ср. фин. *kivi*, *cäsi* 'рука', ср. фин. *käsi*, *čeli*, 'язык', ср. фин. *kieli*, *čülmä* 'холодный', ср. фин. *kylmä* и т.д. [Kettunen 1922, 50].

В общеславянском языке *k* перед гласными переднего ряда переходило в *č*, ср. *четыре*, лит. *keturi*; рус. *око* — мн. ч. *очи*; *кричатъ* из *kriketi* (ср. *крик*), рус. *черный*, др.-прус. *kirsnan*; рус. *меч*, гот. *mekeis* 'меч*' и т.д.

Преобразование *Ag* перед гласными переднего ряда в *c* встречается в некоторых диалектах азербайджанского и турецкого языков: аз. **чөрнү** 'мост', вм. **көрнү**, *чим* 'кто' вм. *ким* и т.д. [Ширэлиев 1962, 83—84].

K в положении перед *e*, *i* переходило в *c* в итальянском и румынском языках, ср. ит. *croce* (*кроче*) 'крест' из лат. *crucem* (вин. п. ед. ч. от лат. *crux* 'крест') [Grandgent 1927, 91]. Преобразование *Ag* в *c* перед *e* и *i* имело место и в индоиранских языках, ср. др.-инд. *catvarah* 'четыре' (ср. лит. *keturi*), др.-инд. *sacate*, авест. *hačaiti* 'следует' (ср. лат. *sequitur*), др.-инд. *pañca* 'пять' (ср. лит. *penki*) и т.д. [Burrow 1954, 76]; инд. *q^he* 'и' (частица), авест. *ca*, др.-перс. *ča*, лат. *que* [Brandenstein, Mayrhofer 1964, 40—41].

В арабском диалекте г. Багдада *Ag* перед гласными переднего ряда превратилось в *c*, например *calba* 'собака', **литер. араб. kälb** [Blank 1964, 68].

В языках тамильском, малаялам и телугу **протодравийскому** *Ag* перед гласными переднего ряда может соответствовать *c*.

В вульгарной латыни *Ag* в этой позиции также превращалось в *ts*, которое в некоторых романских языках переходило в *s*, ср. фр. *cerf* 'олень' из лат. *cervus* 'олень', **порт. cidade** 'город' [sidade] из лат. *civitas* 'государство', **кат. ceba** [seba] 'лук' из лат. *caepula*. В испанском языке *ts* превратилось в межзубное *c*, ср. лат. *caelum*, исп. **cielo** [θielo].

В положении перед гласными переднего ряда *Ag* может превращаться в *ts*, ср. рус. *цена* из прасл. **koina*. лит. *kaina* 'цена', авест. *kaena* 'наказание', ст.-сл. **ръцѣ** 'руке' (им. п. ед. ч. польск. *ręka*). Подобного рода изменение наблюдается в латышском языке:

ciels 'твердый', ср. мин. *kietas*, лтш. *tecet* 'течь', ср. лит. *tekėti* [Endzelin 1922, 130].

В положении перед гласными переднего ряда *g* часто превращается в звонкую аффрикату *di*, ср. рум. *gema* [džema] 'драгоценный камень', лат. *gemma*. В старопортугальском *g* перед *e* и *i* превращался в *dž*, которое позднее упрощалось в *š*.

В славянских языках *g* перед гласными переднего ряда превращалось в *dž*, которое позднее также превращалось в *ž*, например, ст.-сл. железо, ср. лит. *geležis* (первая палатализация).

В индоиранских языках *g* в этих условиях превращалось в *di*, ср. др.-инд. *jīva* 'живой' из *g^hiwo*, др.-перс. *Yantiy*, авест. *janti* 'он бьет' из *gyhen* 'бить'.

В некоторых языках первоначальное *q* перед *e* и *i* изменило произношение, но не превратилось в аффрикату. К языкам этого типа принадлежит новогреческий язык, ср. др.-гр. *γέρανος* 'журавль' и н.-гр. [jeranos]. Аналогичное явление наблюдается в шведском — *giva* [jiva], немецком — *geben* 'давать'.

Смычный звук *t* и *d* перед гласными переднего ряда может также превращаться в аффрикату. Превращение *t* перед гласными переднего ряда в *c* имело место в чувашском языке: *чѣл-хе* 'язык' (ср. тат. [təl], тур. *dil* 'язык*'), *чѣрѣ* 'живой'.

Палатализованные *t* и *d* в польском языке соответственно превращались в *s* и *dz*: *cialo* (рус. *мело*), *cichy* (рус. *тихий*) [Klemensiewicz и др. 1964, 132].

В румынском языке *d* превращалось перед *t* или *ie* в аффрикату *dz* с последующим ослаблением в *z*: *zice* 'говорить' и *dicere, zeu* 'бог' из *deum*. Перед гласным переднего ряда *t* в румынском превращалось в *ts*: (*ara* 'земля' из *terra* [Rothe 1967, 32]).

В прамонгольском *t* перед *i* или *ĩ* превращалось в *č*, а *d* в *dz* [Porre 1960, 14, 27].

Сочетание согласных с *j* в различных языках очень часто приводят к изменениям их качества. Влияние *j* на предшествующий согласный во многих случаях аналогично влиянию гласных переднего ряда. Чаще всего оно приводило к палатализации предыдущего согласного: ст.-сл. *бѣриа* < **burja*, *воля* < **volja*, *моря* < **morja*. Чаще всего на базе палатализации развивается аффрикатизация, ср. прасл. *světja*, совр. рус. *свеча*, польск. *swieca*, прасл. **vidjo*, рус. *вижу* < **vidžq* [Елкина 1960, 87, 88].

Глухие смычные в интервокальном положении в сочетаниях типа *ata*, *apa*, *asa* и т.д. — более труднопроизносимые по сравнению со звонкими смычными, находящимися в том же положении. Неудивительно, что в истории самых различных языков наблюдалась тенденция к замене смычных глухих в интервокальном положении соответствующими звонкими смычными и спирантами.

В португальском интервокальное лат. *p* превратилось в *b*, например *aberto* 'открытый' [Huber 1929, 86], лат. *e* переходило в *d*: *idade* 'возраст' из *aetate* [Там же, 103]. Лат. *s* в интервокальном положении представлено как *z*: *caza* 'дом' из лат. *casa* [Там же, 103], лат. *k* изменялось в *g*: *agudo* 'острый' из лат. *acutu* [Там же, 105].

Интервокальное *s* превращалось в *z* во многих немецких диалектах [Martin 1954, S3]. Аналогичный процесс имел место в истории мордовского и марийского языков, ср. фин. *kuusi* 'ель', эрзя-морд. *kuz*, коми-зыр. *koz*, удм. *kyz*; фин. *pesä* 'гнездо' эрзя-морд. *pize*, коми-зыр. *poz* и т.д. Интервокальное *s* переходило в *z* в вепском и некоторых южных диалектах эстонского языка [Collinder 1960, 97]. Если древнее ударение не предшествовало интервокальному *s*, то в германских языках в этом случае *s* переходило в *r*, чем и объясняются соответствия типа др.-в.-н. *ora* 'ухо', но лит. *amis* 'ухо'. В галло-романском примерно в VI в. все интервокальные согласные стали звонкими [Regula 1955, 107].

В южнокарельских диалектах *k*, *t*, *p* в интервокальном положении перешли в *g*, *d*, *b*.

Встречаются случаи, когда смычные и спиранты в интервокальном положении не доходят до степени звонкости и превращаются в полувзвонкие смычные и спиранты. Особенно наглядно эта ступень представлена в эстонском и чувашском языках, ср. фин. *vapaa* 'свободный', эст. *yaba*, фин. *koiko* 'весь', эст. *koGu*, тат. *basu* 'поле', чув. *puZă* 'поле' и т.д.

Глухие смычные в интервокальном положении через ступень озвончения могут превращаться в спиранты или полугласные *i* и *u*. Ср. фин. *riiku* 'костюм', род. п.ед.ч. *puvun* 'костюма' < *puuun* < *pukun*, лат. *ripa* 'берег', фр. *rive* и т.д. Спирантное произношение *b* как *w* в интервокальном положении охватывает все средненемецкие диалекты, а также значительную часть южнонемецкого [Жирмунский 1956, 283].

Целый ряд звуковых изменений, продиктованных стремлением к облегчению произношения, стимулируется так называемой артикуляционной аттракцией. Живая человеческая речь представляет поток звуков. В речи могут сталкиваться звуки, различные по своей акустической природе и месту образования. Существуют сочетания, удобные для произношения, менее удобные и относительно труднопроизносимые. Стремление облегчить произношение приводит к тому, что произношение одного звука, там, где это возможно, частично или полностью приспособляется к произношению другого звука, т.е. происходит ассимиляция. Различные типы ассимиляции имеют очень широкое распространение.

Стремлением к облегчению произношения объясняется также упрощение труднопроизносимых позиций и групп согласных. Если по каким-либо причинам долгий гласный оказывается перед долгим, то первый долгий гласный подвергается сокращению. Эта особенность была уже известна римским грамматистам, которые облекли ее в правило *Vocalis ante vocalem corripitur* ("гласный перед гласным сокращается"), ср. лат. *flēō* 'плачу' из *flēiō*, *deus* 'бог' из *dēos* [Kiekers 1930, 67]. Такое же сокращение происходило в древнегреческом, например *basileōn* 'царей' из *basilēōn*, атт. *nēōn* 'кораблей', ромеп. *nēōn*, фл.-ННфл. />«ев5»» [Wright 1912, 40]. Показательны в этом отношении также финские примеры: *saisi* 'он получил бы' < *sāisi*; *tōi* 'принес' < *tōi* [Хакулинен 1953, 34].

Долгий гласный в сочетании с группой согласных создает участок напряжения. В некоторых языках возникает тенденция к ослаблению

напряжения путем сокращения долгого гласного: лат. *vēntus* 'ветер' из *vīntos*, гр. *efūn* 'они выросли' из *efūnt* [Wright 1912, 40].

Старые долгие гласные сокращались в новонемецком языке перед *cht, ft*, а также перед сочетаниями г + согласный, носовой + согласный, ср. ср.-в.-н. *brachte* 'он принес', н.-в.-н. *brachte*, ср. -в.-н. *ēcht* 'истинный', н.-в.-н. *echt* и т.д.

Скопление открытых слогов, по-видимому, оказывается неудобопроизносимым. Это можно объяснить тем, что гласные открытых слогов немного удлиняются. Экспериментальные исследования гласных в марийском языке показали, что нет ни одного случая, чтобы длительность гласного в закрытом слоге была больше длительности гласного в открытом слоге. Во всех положениях открытость слога увеличивает длительность гласного [СМЯ 1965, 65]. По этой причине в истории различных языков обнаруживается тенденция к устранению скопления открытых слогов или, по крайней мере, к уменьшению их количества, ср. лат. *tabula* 'стол', нар. лат. *tabla* ст.-фр. *table*, совр. фр. *table (tabl)*; лат. *dominus* 'господин', нар. лат. *domnu*, рум. *domn*; лат. *nebula* 'туман', исп. *mebla*; др.-яп. *wakarita* 'понял', совр. яп. *wakatta*, тур. *oğlu* 'его сын' из *ogūlu*, нен. *лымбахана* 'в болоте' от *лымбад* 'болото', в современных греческих диалектах *κορυφή* 'вершина' из *κορυφή* рус. *платок, пот* — род. п. ед. ч. *пта, платка* и т.д.

Во многих языках проявлялась тенденция к сокращению геминат: венг. *epe* 'желчь', но фин. *sappe*-. Древнегреческие геминаты в новогреческом представлены как простые смычные: *γράμμα* 'письмо', н.-гр. [γrаmа]. В нововерхнемецком наблюдался аналогичный процесс упрощения долгих согласных, ср. др.-в.-н. *swimman* 'плавать', совр. нем. *schwimmen* [ʃvimen]. Сокращение геминат наблюдалось в истории всех романских языков. Геминаты сохранялись только в Центральной Италии и на острове Сардиния. Причину упрощения геминат понять трудно. Двойные согласные являются более сильными по своей артикуляции, чем простые, их произношение требует большего количества энергии. Отсюда тенденция к их упрощению.

В истории самых различных языков довольно ярко проявляется тенденция к упрощению групп согласных, ср. лат. *locus* 'место' из др.-лат. *stlocus* [Kiekers 1930, 72], лат. *tortus* 'скрученный' из *storktos* [Там же, 146], лат. *tuna* 'луна' из *louqsna* [Там же, 150], лат. *proco* 'требую' из *poresco*, 3-е л. ед. ч. *poscit*, др.-инд. *prechati* [Там же, 152]; рус. *оса* из **opsa*, рус. *плету* из **plecto* и т.д.

Следует отметить, что в языке есть и другие процессы, так или иначе способствующие тенденциям к экономии. К таким процессам относится тенденция к уменьшению количества различных моделей. Метафоризация уберегает язык от непомерного разрастания словарного состава, способствуя в этом отношении общей тенденции к экономии языковых средств.

В различных языках мира наблюдаются случаи приспособления языка к особенностям человеческого организма, не связанные непосредственно с тенденцией к экономии физиологических затрат.

Поток речи не может быть непрерывным. Он должен расчленяться на слова. Сами слова должны, наряду с гласными, содержать сог-

ласные разного качества. Гласные также не могут быть гласными одинаковой длины. Эти особенности потока речи представляют универсальное свойство языков мира и зависят от особенностей дыхания. Поэтому в языках могут быть или долгие и краткие гласные, или нормальные гласные и редуцированные.

Отмечено, что носовые гласные чаще всего бывают широкими гласными. Во французском языке имеется четыре носовых гласных: *ê, â, ô* и *õ*. Узких же носовых гласных *î, и* и даже *e*, во французском языке (кроме диалектов) нет. Объясняется это тем, что удобнее соединять опущение нёбной занавески с большим раскрытием рта (что сопровождается более широкими гласными). В противном случае проход между мягкими нёбом и языком будет слишком узок [Поливанов 1928, 36].

Познание окружающего мира человеком было бы необычайно затруднено, если бы мышление не постигало общего, было бы неспособно создать определенные типы предметов и явлений. Поэтому данная тенденция в мышлении имеет огромное значение. Каждое понятие фактически представляет тип. Слово в языке — определенный тип. Более мелкие типы объединяются в более крупные типы, представляющие определенные группы **предикатов**. Более крупные типы могут еще более укрупняться.

Появление в языках аналитического строя связано с известными физиологическими особенностями устройства человеческого мозга. Можно ли аналитический строй в языках рассматривать как показатель прогресса? Безусловно, в области улучшения языковой техники это прогресс. Древние индоевропейские падежи и глагольные формы, обремененные большим количеством значений, находились в известном противоречии с некоторыми законами человеческой психики, с некоторыми **особенностями** физиологической организации человека. Значение, выраженное особой формой, легче воспринимается, чем конгломерат значений, выраженный одной формой. Совершенно естественно, что рано или поздно **должен** был произойти взрыв этой технически недостаточно совершенной системы, и он произошел.

Абстрагирование также в известной степени связано с биологическими особенностями человека. "Если бы человек, — замечает И.М. Сеченов, — запоминал каждое из впечатлений в отдельности, то от предметов наиболее обыденных, каковы, например, человеческие лица, стулья, деревья, дома и пр., составляющих повседневную обстановку нашей жизни, в голове его оставалось бы такое громадное количество следов, что мышление, по крайней мере мышление в словесной форме, стало бы невозможным, потому что где же найти **десятки** или сотни тысяч разных имен для суммы всех виденных берез, человеческих лиц, стульев и как **совладать** мысли с таким громадным материалом? По счастью дело происходит не так. Все повторяющиеся, близко сходные впечатления регистрируются в памяти не **отдельными экземплярами**, а **слитно, хотя и с сохранением** особенностей частных впечатлений" [Сеченов 1947, 439].

С физиологическими особенностями устройства человеческого мозга связано также наличие в языке слов-знаков.

Отражение предметов и явлений окружающего мира в голове человека не является зеркальным. Головной мозг превращает поступающую извне информацию в образ. Образ вещи — не сама вещь, а ее отражение. Он не совпадает, непосредственно со своим предметом. Обобщение, абстрагирование от бесконечного числа свойств вещи и фиксирование только его наиболее устойчивых и постоянных черт превращает образ в некий идеальный объект, инвариант класса предметов, не существующий фактически в реальной действительности. Вещи не существуют в нашей голове в чистом виде. Они представлены в идеальной форме. Такой образ изоморфен отображаемому предмету, но не тождествен ему. Отсюда можно сделать вывод, что понятие, будучи отображением реально существующего класса предметов, в то же время содержит некоторые особенности, сближающие его со знаком, хотя оно не является знаком. Образ способен замещать каждый предмет, входящий в определенный класс предметов, будучи полностью не похож ни на один из этих предметов. Знак также способен замещать каждый предмет, входящий в класс определенных предметов, и одновременно весь класс этих предметов. Отличие его от образа состоит в том, что сам он абсолютно не похож на тот предмет, который замещает.

Емкость оперативной памяти накладывает ограничения не только на глубину, но и на длину слов. В результате ряда лингвopsихологических опытов было обнаружено, что при **увеличении** длины слов сверх семи слогов наблюдается ухудшение восприятия сообщения. По этой причине с увеличением длины слов резко уменьшается вероятность их появления в текстах.

Если учитывать благоприятствующую роль контекста — внутрисловного и межсловного — при опознании слов, следует ожидать, что превышение критической длины слов в 9 слогов, определяемое объемом оперативной памяти, в значительной степени **затрудняет их** восприятие. Данные лингвopsихологических опытов определенно указывают на то, что объем восприятия длины и глубины слов равен объему оперативной памяти человека.

Существуют тенденции, выражающие стремление приспособить язык, с одной стороны, к особенностям человеческого организма, **с другой — способствующие экономии физиологических затрат**, например, тенденция к выражению разных значений разными формами и тенденция к выражению одинаковых или близких значений одной формой, служащая причиной многочисленных случаев выравнивания по аналогии и т.п.

ТЕНДЕНЦИЯ К УЛУЧШЕНИЮ ЯЗЫКОВОГО МЕХАНИЗМА

У многих лингвистов можно найти отдельные высказывания, подтверждающие существование в языках тенденции к улучшению языкового механизма.

"Язык служит во многом цели достижения взаимопонимания, и в его развитии существует тенденция возможно лучше достичь этой цели" [**Horn 1923, 2**]. П. Пасси отмечал две причины, лежащие в основе

всех изменений языка: 1) язык постоянно стремится освободиться от излишнего и 2) язык постоянно стремится выдвинуть на передний план то, что является необходимым [Passy 1891, 227]. Нетрудно заметить, что в этом высказывании Пасси все языковые изменения подчинены функции языка как средства общения. Все совершается для того, чтобы средство общения было более совершенным.

Причины, коренящиеся в общей физиологической и психологической организации людей, здесь не отвергаются, но преувеличение роли языка, подчеркивание его активности тем самым вносит нечто новое в объяснение причин общих языковых изменений.

Позднее эта точка зрения выражалась в работах многих лингвистов "Две основные тенденции главенствуют в морфологических изменениях, — писал по этому поводу Ж. Вандриес, — одна исходит от потребности в единообразии, требующей уничтожения морфем, ставших аномальными (исключениями), другая же — от потребности в выразительности, стремящейся создавать новые морфемы" [Вандриес 1937, 152].

Г. **Габеленц** отмечает в языке действие двух, противоположно направленных тенденций. Одна из них выражается в стремлении к удобству. "Однако упрощение может привести к обеднению языка. Стремление сделать язык понятным требует компенсации того, что в языке оказалось нарушенным" [Gabelenz 1901, 183].

В. **Хорн выделяет** две основные тенденции. Одну из них называет тенденцией к целесообразности, другую — тенденцией к выразительности. Целесообразное означает легко понимаемое [Horn 1923, 8].

По мнению Г. Фрея, импульсами различных языковых изменений являются постоянно действующие необходимости, имеющие панхронический характер. К числу этих необходимостей относятся: 1) необходимость экономии, 2) необходимость ассимиляции, 3) необходимость краткости, 4) необходимость неизменяемости, 5) необходимость экспрессии [Frei 1929, 27—28]. И действительно, можно привести множество фактов, подтверждающих существование этой тенденции.

Согласно современному определению фонемы, фонема — звук, служащий для различения звуковых оболочек слова. Поэтому каждый язык стремится создать систему фонем, которая бы обладала этим свойством в достаточной мере. Если система фонем терпит какой-либо ущерб, т.е. когда вследствие различных причин количество фонем уменьшается, язык стремится эту утрату компенсировать. Древние индоевропейские гласные *e* и *o* в древнеиндийском и в иранских языках превратились в *a*. Общий объем гласного *a* в этих языках сильно увеличился. Надо полагать, что это обстоятельство нанесло известный ущерб арсеналу различительных средств древнеиндийского и иранских языков. Необходимо было в какой-то мере компенсировать утрату *e* и *o*. Эта компенсация была осуществлена за счет монофтонгизации древних дифтонгов. Так, например, в древнеиндийском дифтонг *aj* превратился в *e*, дифтонг *ei* — в *e*, дифтонг *ai* — в *o*, дифтонг *ei* — в *ḍ*, дифтонг *oi* также превратился в *o*.

Древнее *a* в начальном слоге слова превратилось в чувашском

языке в у через промежуточную степень *o*: *турт*- 'тянуть', но тат. *тарт*, чув. *пуд* 'голова', тат. *бау* 'голова' и т.д. После этого превращения общий объем *a* в чувашском языке в известной степени **сократился**. Эта утрата была компенсирована превращением *ä* в *a*, ср. др.-чув. *кӓч* 'вечер' — совр. чув. *каç*, др.-чув. *кӓп* 'форма' — совр. чув. *кан*. Древнее *и* в чувашском языке превратилось в редуцированное *e(ĕ)*, ср. тур. *bilmek* 'знать', но чув. *пĕл*, тур. *bir* 'один', но чув. *пĕр*. Таким образом *и* в чувашском языке утратилось. Однако эта утрата была компенсирована тем, что древнее *e* в чувашском языке сузилось в *и*, ср. ног. *бет* 'лицо', но чув. *пум*, тур. *yel* 'ветер', но чув. *çил*. Древнее *у* в чувашском языке превратилось в редуцированный гласный *ă*, ср. тур. *durmak* 'стоять', но чув. *тăр*- 'стоять', ног. *буз* 'лед', чув. *нăр* 'лед' и т.д. Любопытно, что в чувашском языке появилось новое *у* из древнего *o*, ср. тур. *yol* 'дорога', но чув. *çул*, тур. *yok* 'нет', но чув. *çук* и т.д.

В древнемарийском языке существовали согласные *s*, *s̥* и *z*. Позднее по неизвестным причинам *s̥* совпало с *s*. Ослабление дифференциальных признаков на одном участке привело к неустойчивости *s̥*. Под влиянием *s̥* и *z* *s̥* изменилось в *s*. Но эти изменения не привели к восстановлению нарушенного фонологического равновесия, поскольку избыток *s̥* сменился избытком *s*. В марийском языке возникла потребность иметь новое *s̥*, и прорыв произошел на наиболее слабом участке, занимаемом *i*, поскольку *s̥* обладал наибольшей артикуляционной близостью к *s*. Таким образом возникло новое *s̥*.

В финском языке наблюдалось увеличение объектов трех согласных *h*, *s* и *t*. Древнее какуминальное *c* в финском языке превратилось в *h* через промежуточную ступень *s*. Палатальная аффриката *c* превращалась в финском языке в *s*, палатальное *i*, а также *s* превращалось тоже в *s*. Согласный *t* мог восходить к аффрикате *c* непервого слога или к начальному *S*. Вместе с тем в финском языке наблюдалась тенденция к сокращению объектов *h*, *s*, *t*. В интервокальном положении и на конце слова согласный *h* в ряде случаев утрачивался (ср. *vuoteen* 'в постель' из *vuotehen*, *vene* 'лодка' из *veneh*), *s* в интервокальном положении после неударного слога превращалось в *h* (которое позднее утрачивалось).

Древнетюркское *ч* в казахском языке превратилось в *ш*. Это превращение вызвало в языке избыток *ш* — в дальнейшем происходит превращение *ш* в *с*.

Нельзя, конечно, представлять дело таким образом, что утрата любой фонемы в языке вызывает ее компенсацию. Можно найти случаи, когда утраченные фонемы не компенсируются. Все это свидетельствует о том, что регулировка здесь осуществляется совершенно стихийно и без всякого предварительного плана.

Стремление создать в языке систему фонем, обладающую хорошими дифференцирующими свойствами, находится в резком противоречии с тенденцией к экономии физиологических затрат. Как известно, тенденция к экономии физиологических затрат направлена на то, чтобы создавать звуки легкие для произношения. Для создания системы фонем, обладающей хорошими различительными признаками, легкость произ-

ношения не играет никакой роли. Здесь важно, чтобы фонема обладала значительной различительной силой. Этим, между прочим, объясняется тот примечательный факт, что устраняемые в языке труднопроизносимые звуки с течением времени появляются вновь.

На основании материалов по истории различных языков можно сделать вывод, что палатализованные согласные не обладают большей устойчивостью. Чаще всего они исчезают из системы языка в результате изменения артикуляции и сливаются с другими звуками. Однако бывают случаи, когда те же палатализованные согласные становятся нужными для увеличения дифференциальной способности системы фонем. Наиболее наглядным примером может служить история образования пар мягких и твердых согласных в русском языке.

В истории славянских языков был так называемый период открытых слогов, когда все слоги были открытыми. Стремление к открытию закрытого слога вызвало появление в общеславянскую эпоху носовых согласных *ǫ, ǝ*, развившихся из первоначальных общеиндоевропейских словосочетаний гласных с носовыми согласными *m* или *ɲ*. Кроме носовых, в славянских языках в древнее время, как известно, существовали редуцированные *ь* и *ѣ*. Эти редуцированные гласные со временем также утратились. Причины их утраты нельзя назвать фонологическими. Редуцированные в так называемой сильной позиции, или под ударением, превратились в гласные полного образования по причине трудной совместимости редуцированности и ударения.

Эти процессы в конечном счете привели к довольно сильному уменьшению количества гласных в русском языке. Оскудение арсенала различительных средств в языке вызвало тенденцию к их пополнению. Следствием этой тенденции явилось **образование** пар твердых и мягких согласных.

Тенденция к устранению долгих гласных, наблюдаемая в истории различных языков мира, однако не прекращает действия различных фактов, способствующих их образованию. Необходимость увеличения различительных средств в случае известной скудости фонемной системы может способствовать появлению долгих гласных.

Как известно, в индоевропейском языке существовал ряд так называемых лабиовелярных согласных *qw, qwh, gw, gwh*. В результате действия тенденций к экономии физиологических затрат эти труднопроизносимые звуки упрощались, но само их появление в индоевропейском языке, несомненно, было продиктовано стремлением к созданию системы фонем, обладающей большой различительной способностью.

Наблюдения показывают, что фонемы, имеющие незначительную функциональную нагрузку, с течением времени выпадают из системы языка. Редкие фонемы, обладающие малой частотностью, в процессе развития языка легко сливаются с близкими им фонемами [Итконен 1966, 193].

В финно-угорских языках долгие гласные *i* и *u* были редкими. По этой причине во многих языках они смешались с соответствующими краткими гласными или с более широкими гласными. Из сог-

ласных такой же редкой фонемой в уральских языках была фонема *S* (межзубное *d*), исчезнувшая почти во всех современных уральских языках.

Незначительная функциональная нагрузка фонемы *ы* в славянских языках, очевидно, явилась основной причиной ее исчезновения в **южно-**славянском, а также в чешском и словацком языках. Наблюдения показывают, что тенденция к устранению фонем, обладающих слабой различительной силой, наблюдается в различных языках мира.

Исчезновение интервокального *w(u)* наблюдается в самых различных языках, ср. гр. **νέος** 'новый' из **νεφος**, лат. *novus*; п.-монг. **ulayan** 'красный', совр. монг. **ulān** из **ulawan** < *ulayan*; лат. *motus* 'движение' из *moueitus*, ср. *moveo* 'двигать', эст. *toa* 'комнаты' из *tuwan*, фин. /им 'кость' из *luve* > *luwei* и т.д.

Интервокальное *i(i)*, подобно *w*, также подвергалось выпадению, ср. гр. **φορέω** 'носить*' из **foreio**, лат. *très* 'три' из *tre-ies*, фин. *кии* 'сало, жир', **морд.** [kuja], мар. [kuja].

Интервокальное *A* обычно не удерживается, ср. гр. **γενεος** 'рода' из ***genehos**, лат. *neto* 'никто' из *ne hemo*, фин. *kankat* 'материи' из *kankahat*. Утрачивается и интервокальное *S*, ср. фин. *antaа* 'давать' из *antadaк*, коми-зыр. *ки*, удм. *ки* 'рука' из ***кеде** и т.д.

Все вышеперечисленные звуки исчезают и в других позициях. Начальное *w* исчезало во многих языках. Особенно благоприятным для исчезновения *w* является его положение перед *u* после лабиализованных. Также выпадает начальное *j(i)*. Особенно благоприятствует исчезновению *j(i)* его позиция перед *i* после гласных переднего ряда.

Спирант *A* является наиболее слабым из всех согласных звуков. Слабость артикуляции является причиной довольно частой утраты *A* в различных языках.

Редуцированные гласные, произносимые с меньшим усилием, как правило, неустойчивы и подвержены исчезновению. Достаточно сослаться хотя бы на тот факт, что почти во всех индоевропейских языках новой формации конечные гласные отпали. Процесс их отпадения происходил в истории славянских, германских, романских, иранских, индийских, кельтских, отчасти балтийских, а также в истории албанского и армянского языков. Показательным примером неустойчивости редуцированных гласных может служить падение так называемых слабых, т.е. безударных редуцированных, гласных в истории русского языка.

Повышение дифференцирующей способности языка может создаваться и другими способами. Подмечено, что в языках, обладающих ущербной вокалической или консонантной системой, преобладают длинные слова. Особенно показательным в этом отношении является финский язык, имеющий очень скудную консонантную систему. Слова в финском языке более длинные по сравнению с другими финно-угорскими языками, обладающими значительно более развитыми консонантными системами. В гавайском языке имеется всего 12 фонем, которые представляют пять гласных — *a*, *e*, *i*, *o*, и и семь согласных — *A*, *k*, *l*, *m*, *n*, *p*, *w* [Judd 1949, 6]. Таким образом, система гавайского консонантизма является более скудной, чем кон-

сонантная система финского языка. Длинные слова в гавайском языке встречаются довольно часто, ср., например, гав. *manamanalima* 'па-лец', *ohelohelo* 'пестрый'. Очевидно, длина слова в этих случаях компенсирует недостаток согласных. Интересно отметить, что в абхазском языке, имеющем 56 согласных и шесть гласных, также преобладают длинные слова.

Китаисты давно заметили зависимость в китайском языке между небольшим количеством типов слогов и развитием тонов как средства дифференциации слогов (в современном китайском языке имеется 414 разных слогов, а с учетом тонов 1324). Возникновение тонов в этих случаях выступает как средство компенсации недостаточности дистинктивных средств, характерных для языков, имеющих односложные слова.

В языках, имеющих односложные слова, почти как правило, развито словосложение. Эта особенность является типичной для некоторых языков Юго-Восточной Азии — китайского, вьетнамского и др. Обычно она бывает следствием неразвитости суффиксов в языках этого типа. Кроме того, словосложение, как и тоны, используется как средство компенсации недостаточности дистинктивных возможностей языка. Этот способ в известной мере напоминает создание длинных слов.

Если в языке много гласных, то тембр их сильно варьирует в зависимости от характера соседних согласных. Ярким примером этой корреляции может служить арабский язык. "В арабском языке различаются три гласные фонемы — *a*, *;*, *u*. Арабские гласные принимают окраску соседних в слове согласных; эмфатические согласные придают гласным низкий тембр (*Д и, fi*), прочие же высокий тембр" [Юшманов 1938, 10].

В кабардино-черкесском языке корневыми гласными исторически могут быть только две: *э* и *ы* [ГКЧЛЯ 1957, 48]. Вместе с тем отмечается, что корень слова в кабардинском языке очень неустойчив. Гласный элемент его претерпевает количественные изменения, а иногда и вовсе исчезает [Там же, 36]. Неустойчивость гласных объясняется стремлением увеличить инвентарь дистинктивных средств языка.

Языки, имеющие небольшое количество гласных, компенсируют этот недостаток значительным количеством согласных, и наоборот. В языках мира существует определенная взаимозависимость между системой гласных и согласных. Если резко уменьшится количество различных типов согласных, то этот недостаток обычно компенсируется увеличением количества гласных и дифтонгов. Наглядным примером может служить финский язык, в котором скудость системы согласных компенсируется увеличением количества типов гласных и дифтонгов. В некоторых прибалтийско-финских языках наблюдается известная тенденция к пополнению системы согласных и к созданию новых типов дифтонгов. Так, например, в северокарельских диалектах появился спирант *ʃ*, например: *sanou* 'он говорит' — фин. *sanoo*, *täšša* 'здесь' — фин. *tässä*, *šorsa* 'утка' — фин. *sorsa*. Спиранту *ʃ* соответствует звонкий спирант *ʒ*, например, *kyžyu* 'спрашивает' — фин. *kyyu*.

В некоторых языках Кавказа, например в абхазском, слабое развитие гласных компенсируется очень большим количеством согласных.

Большое количество согласных необходимо для увеличения дистинктивных возможностей языка. Богатством согласных отличаются все семитские языки. В семитских языках обычно богато представлены ларингальные *h, h, h, g*, так называемые эмфатические согласные *d, q, s, f, z, h* и **свистящие** *s, z, s, z* [ЕІ 1936, 354 — *Lingue semitici*].

Если типичными для языка являются односложные основы, то они всегда являются полисемантическими. Эта зависимость особенно ярко проявляется в китайском и вьетнамском языках. Полисемантизм наряду с другими явлениями (тоны, сложные слова) выступает здесь как средство увеличения дистинктивных возможностей языка.

Если в языке отсутствуют оформленные части речи, то усиливается полисеманτικότητα слов. Эта особенность также характерна для языков типа **китайского**, вьетнамского, индонезийского и языков того же структурного типа. Закрепление определенных морфологических показателей за отдельными разрядами слов сильно сковывало бы их маневренность.

В языках мира существует тенденция к созданию четких границ между морфемами. Итогда граница между основой и суффиксами становится недостаточно четкой по причине слияния конечного гласного основы с начальным гласным суффикса. Так, например, характерной особенностью типов склонений в индоевропейском праязыке было сохранение в **парадигме** склонения основы и ее отличительного признака, т.е. конечного гласного основы. В качестве примера для сравнения можно привести реконструированную парадигму склонения русского слова *жена*, сопоставив ее с парадигмой склонения этого слова в современном русском языке

И. *genā жена*

З. *gēnā-s* жены

Д. *'genā-i* жене

В. *gēnā-t* жену

М. *gēnā-i* жене

Нетрудно заметить, что в парадигме склонения слова *жена* прежняя ось парадигмы — основа на *-ā* уже не выдерживается по причине ее видоизменения в косвенных падежах в результате различных фонетических изменений, приведших в ряде случаев к слиянию гласного основы на *ā* с гласными вновь образовавшегося падежного суффикса, например, *genāi* 'жене', *genām > genq* 'жену' и т.д. В целях восстановления четких границ между основой слова и падежным суффиксом в сознании говорящих произошло переразложение основ, и тот звук, который раньше выступал как конечный гласный основы, отошел к суффиксу.

В различных языках наблюдается тенденция к созданию более выразительных формативов. Факты из истории различных языков достаточно наглядно свидетельствуют о том, что при наличии нескольких форм с параллельными или близкими значениями предпочтение отдается более экспрессивным формам.

В древнеанглийском языке было несколько суффиксов мн. числа

существительных. Множественное число выражалось суф. *-as, -u, -a, -an*. Исторически наиболее устойчивым оказался суф. *-as*, как наиболее четкий и фонетически устойчивый по сравнению с другими окончаниями [Аракин 1955, 151].

Этими же причинами вызвано распространение в немецком языке суффикса мн. ч. *-er*. В древнегерманском языке имелось крайне незначительное число основ, образующих мн. число на *-er*. В настоящее время большинство существительных ср. рода образует мн. число указанным способом, например: *Buch* 'книга' — *Bücher*, *Dach* 'крыша' — *Dächer* и т.д. Это произошло потому, что у существительных ср. рода формы им. и род. падежей ед. числа полностью совпали с соответствующими формами мн. числа, тогда как у существительных ср. рода, имеющих во мн. числе суф. *-er* (из *-ir*), например *lamp* 'ягненок' — *lember*, мн. число было выражено очень четко [Филичева 1953, 241].

Окончание род. падежа мн. числа *-ov* в древнерусском языке в начале его исторического развития было достоянием сравнительно малочисленной группы так называемых основ на *-и*, ср. *сынове* — *сыновья*, род.п.мн.ч. *сынов*. С течением времени это окончание становится очень продуктивным и во многих случаях вытесняет окончание род. падежа мн. числа других основ: *волк* — *волков*, *стол* — *столов* и т.д. Это самая многочисленная группа лексики — с основой на *-о* и *-jo* — в силу фонетических закономерностей в конечном слоге имела нулевую флексию, и формы род. падежа мн. числа по звучанию совпадали с формами им. и вин. падежей ед. числа, например др.-рус. *вълкъ-вин.п.* ед.ч. *вълкъ* 'волка' — род. п.мн.ч. *вълкъ* 'волков'. Такое положение, замечает М.А. Соколова, не могло быть в языке желательным. Надо думать, именно оно послужило причиной того, что в формах этого падежа ведущая роль принадлежит флексии былых основ на *-u(b)* и на *-i*, т.е. флексии *-овъ*, получившей и другой вариант при присоединении ее к мягкой основе *-евъ* и *-ей*, выступавшей частично и в своем книжном, старославянском варианте *-уи*. Их звуковая значимость, сообщающая форме выразительность, сыграла огромную роль [1962, 118].

Исконное окончание род. падежа мн. числа основ на *-о* в латинском языке некогда звучало как *-om*, затем оно превратилось в *-ōm* и, наконец, в *-um*. Оно сохранилось лишь в немногих формах род. падежа (*deum. nummum, triumvirum*). Но окончание *-ōrom* (клас. *-ōrum*), первоначально появившееся у местоимений по аналогии с окончанием *-ārum* основ на *-a* (*-illōrum*, подобно *-illārum*), распространилось от местоимений на прилагательное, где оно было удобно для распознавания родов (*bonorum* и *bonarum*), и, наконец, на существительные *filiōrum* и *filiārum* [Линдсей 1948, 51].

В эстонском языке наибольшее распространение получил признак прош. времени *-si*, а в ливском языке *-iz*; элемент этого признака *-s(-z)* в обоих языках происходит от глаголов с основой на *-t* (эст. *maga-si-n* < *maga-ti-n* 'я спал'); впоследствии признак *-si* (лив. *-iz*) нашел применение в глаголах и с другими основами (эст. *ela-si-n* 'я жил', ср. южно-эст. *elli*). В водском языке признак *-zi* также получил

некоторое распространение вне глаголов с основой на **-t** (*кисси-зи-п* 'я **звал**').

Если в языке появляются разные показатели с одним и тем же значением, то наблюдается тенденция к уинформации этих показателей.

В общекельтском языке-основе существовал так называемый сигматический аорист, формы которого состояли из основы глагола, показателя времени **-s** и соответствующих личных окончаний.

Ед.число

1 л. *ber-su* 'я **принс**' и т.д.

2 л. *ber-s-i*

3 л. *ber-t* < *ber-s-t*

В 3-м лице показатель времени **-s** оказался утраченным, и, таким образом, оказалось нарушенным единство парадигмы. Тогда личное окончание было переосмыслено как показатель времени, в результате чего вся парадигма оказалась перестроенной на новый лад.

Ед.число

1 л. *ber-t-u*

2 л. *ber-t-i*

3 л. *ber-t*

Таким **путем** возник так называемый претерит на **-t** в ирландском языке.

Интересно в этом отношении образование показателя сигматического аориста в древнегреческом языке.

Первоначально каждая форма сигматического аориста была составлена из трех основных элементов — аугмента, глагольного корня и соответствующего личного окончания, например: **ε-δεικ-σμι** 'я показал', **εδεικ-σ-ς** 'ты показал', **ε-δεικ-σ-т** 'ОН **показал**'. В истории древнегреческого языка слоговое **μ** превратилось в **α**. По этой причине форма **ηδεικσμι** стала звучать как **εδεικσα**. МОЖНО предполагать, **что** гласный **α** не воспринимался как личное окончание 1-го лица ед. числа, поскольку у тематических глаголов в имперфекте сохранялось окончание **-т**, например ***εpherom** 'я носил'. В то же время его местонахождение в ряду личных окончаний **-α**, **-s**, **-I** давало импульс к восприятию его **как** личного **окончания**. Создавшееся неудобство было в известной степени устранено. Элемент *sa*, фактически содержащий показатель времени **-s**, и преобразованное личное окончание 1-го л.ед.ч. **т** были переосмыслены как новые показатели времени и проникли во все остальные лица.

В венгерском языке существует особый падеж транслатив, характеризующийся суф. **-va/-ve** (*kö-ve* 'в камень (превратиться)'). Первоначально элемента **v** в составе суффикса не было. К основе существительного присоединялись латинские суф. **-a** или **-e**. Некоторые имена существительные содержали в своей основе **v**, например *köv-e* 'камень', *lov-e* 'лошадь' и т.д. Формы им. падежа ед. числа этих слов не имели **v** (**kö** 'камень' и /о 'лошадь'). Возникла тенденция к созданию только одного варианта основы. В результате

переразложения основы *v* было **включено** в состав суффикса транслатива, который стал присоединяться к именам существительным, не имеющим в основе *v*, например *viz-ve*, позднее *viz-ze* 'в воду'.

Как правило, во многих тюркских языках нет придаточных предложений, вводимых союзами, ср. ккалп. *Ол Теребайдын бир ай аулды болмаганында билмейтугыеди* [Кайыпбергенов 1965, 19] 'Он не знал, что Теребай уже месяц не находится в ауле' (букв. 'Он знал Теребая в ауле четыре месяца **небыть**'). С лингвистической точки зрения, по-видимому, такой способ не особенно удобен. Поэтому начинают появляться элементы, играющие роль союзов, ср. тат. *Дошман оборонасы өзләгәч тә, Катукков танкистларылга ыргылдылар* (Кутуй 1947, 193) 'Когда оборона неприятеля (вражеская оборона) была прорвана, танкисты Катуккова бросились вперед' (букв. 'Вражеская оборона будучи прорвана когда, танкисты Катуккова бросились **вперед**').

Предложения, вводимые союзами, с лингвистической точки зрения более удобны. В данном случае произошла так называемая гибридизация.

В различных языках наблюдается тенденция к устранению форм, утративших свою исконную функцию.

В древнерусском языке некогда существовало четыре прошедших времени — аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Позднее перфект приобрел значение аориста и имперфекта. Аорист и имперфект исчезли из системы языка как совершенно ненужные образования. Вместе с приобретением **полисемантичности** подверглась изменениям и структура самого перфекта. Сопровождавшее л-овое причастие от вспомогательного глагола *быть*, которое раньше служило отличительным признаком перфекта, утратило всякий смысл и также исчезло. Присвязочное причастие становится глагольной формой прошедшего времени, отсюда родовые различия и отсутствие показателей лица.

Так называемое четвертое и пятое склонение в латинском языке уже в эпоху существования классической латыни были своего рода балластом. Четвертое, в которое входили основы на *и*, всегда могло быть отделено от второго, а пятое было тесно связано с первым. Позднее они исчезли.

Старый тип индоевропейского перфекта сохранился в древнегреческом языке в парадигме **наст.** времени глагола 'знать'. Эта схема образования перфекта не обладала достаточно четкими **временными** характеристиками, поэтому в древнегреческом языке были частично использованы некоторые дистинктивные черты парадигмы сигматического аориста, в результате чего возникла новая парадигма перфекта.

Ед. число	Ми. число
1 л. <i>λέλοιπα</i> 'я оставил'	<i>λελοίπαμεν</i> 'мы оставили' и т.д.
2 л. <i>λέλοιπας</i> и т.д.	<i>λελοίπατε</i>
3 л. <i>λέλοιπε</i>	<i>λελοίπασι</i>

Стремление более четко обозначить перфект и отделить его от аориста привело к созданию перфекта на *κ* типа **πεπαίδευκα** 'я воспитал', **πεπαίδευκας** 'ты воспитал', **πεπαίδευκε** 'он воспитал' и т.д. Однако полностью отграничить этот тип перфекта от аориста не уда-

лось, что и послужило, по-видимому, главной причиной его исчезновения в новогреческом языке.

В истории развития склонения имен существительных в тюркских языках довольно отчетливо выделяются две системы склонения — более древняя система и пришедшая ей на смену новая. Спрашивается, чем было вызвано появление новой системы.

Древняя система тюркских падежей с лингвистической точки зрения представляла известные неудобства. Формальное неразграничение местонахождения и движения от чего-либо и объединение их в форме исходного-местного падежа уже представляло неудобство. Накопление форм различных местных падежей, по-видимому, уже в древнюю эпоху довольно близких по значению, все больше и больше становилось балластом для языка. Возникла тенденция к созданию большей ясности и определенности. Эти противоречия вызвали ломку существующей падежной системы. Произошло довольно сильное сокращение системы различных местных падежей. Уже в самых древних памятниках тюркской письменности многие направительные падежи, а также комитативы находились на периферии и употреблялись относительно редко. Произошло формальное разделение исх.-местн. падежа. Старая форма этого падежа с показателем *-та/-да* стала выражать только местонахождение, ср. тат. *урман-да* 'в лесу', тур. *ev-de* 'в доме'. Для выражения движения из **чего-либо** или от чего-либо образовалась специфическая форма исх. падежа с показателем *-тан/-тэн, -дан/-дэн*, ср. тат. *авыл-дан* 'из деревни', тур. *ev-den* 'из дома'.

Это новое окончание возникло в результате соединения прежнего окончания исх.-мест. падежа *-та/-да* с окончанием одного из древних направительных падежей. Этим окончанием было *-н*. Соединение значений местонахождения и движения к чему-либо было использовано таким образом для формального выражения **движения** из чего-либо или от чего-либо.

Наряду с **изафетной** конструкцией возник особый родительный падеж, характеризующийся показателем *-ың/-иң*.

ТЕНДЕНЦИЯ К КОМПЕНСАЦИИ КОММУНИКАТИВНО НЕОБХОДИМЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

В процессе исторического изменения языка отдельные элементы языковой системы, характеризовавшие ее прежнее состояние, могут утратиться. Некоторые элементы после утраты вновь не возобновляются или возобновляются после истечения довольно значительного времени. Так, например, исчезнувшие во многих уральских языках формы двойственного числа в системе спряжения глагола вновь не возобновляются. **Нс** возобновляется утраченное в некоторых индоевропейских языках грамматическая категория рода. В финно-угорских языках наблюдается сокращение большого количества суффиксов многократного действия, типичное для уральского языка-основы. Случаи возобновления этих потерь не наблюдаются.

Эти факты, очевидно, свидетельствуют о том, что утраченные

языковые элементы не являются в **достаточной** степени коммуникативно необходимыми. В то же время утрата языковых элементов другого типа всегда связана с появлением новых языковых средств, их компенсирующих.

Из истории различных языков известны случаи, когда утрачивались формы местных падежей, выражавших различные локальные отношения. На их месте возникали или послеложные, или предложные конструкции, или новые флективные падежи. Так, например, в марийском языке исчез некогда существовавший в нем аблатив на *-/*. Значение удаления от предмета стало выражаться конструкцией с послелогом *гыч*, например *ола гыч* 'из города'. Аналогичное явление имело место в латинском языке, в котором древний аблатив также исчез и его функции взяли на себя предложные конструкции с предлогом *de*, например др.-лат. *populōd* 'от народа' (в более поздний период *de populo*).

В новогреческом языке исчез дательный падеж, различавшийся в древнегреческом языке. Функции исчезнувшего дат. падежа стали выражаться предложной конструкцией с предлогом *σε* (из древнего *εις*, ср. др.-гр. *τῷ ἀνθρώπῳ* 'человеку', н.-гр. ото *ἀνθρώπῳ*).

В тюркских языках когда-то был специальный творительный падеж на *-ын*. После его утраты выражаемые им отношения стали передаваться аналитическими послеложными конструкциями.

Утрата во многих индоевропейских языках древнего родительного падежа вызвала возникновение новых языковых средств, его заменяющих.

Компенсация свидетельствует о том, что утраченные элементы были коммуникативно необходимыми.

ТЕНДЕНЦИЯ К СОЗДАНИЮ СИММЕТРИЧНОЙ СИСТЕМЫ ФОНЕМ

Если система фонем в том или ином языке не обладает достаточной степенью гармоничности и стройности, то в языке возникает стремление к ее достижению. "Пермским языкам, — замечает Э. Итконен, — присуща корреляция фонем по глухости и звонкости

Глухие *p, /, t', s, s, c, c, k*

Звонкие *b, d, d', z, z, г, џj, g*

Первоначально звонкие согласные возникали только внутри слова. Позднее они распространились и на начало слова" [Itkonen 1966, 194].

Отражением этой же тенденции являются процессы, которые фонологи называют заполнением пустых клеток. Примером может служить вокализм первого слога в позднем общеприбалтийско-финском языке. Первоначально эта система была представлена в таком виде:

<i>/-ʔ</i>	<i>ü</i>	<i>u-ü</i>
<i>e-e</i>		<i>o—o</i>
<i>ä</i>		<i>a</i>

Некоторые гласные, например *ö, ii, a*, не имели долгих коррелят. Гласный *ö* первоначально отсутствовал. Позднее произошло пополнение недостающих пар и возник гласный *ö*.

<i>i-ī</i>		
<i>e-ē</i>	<i>ii-ī</i>	<i>u-ū</i>
<i>ä-ā</i>	<i>ö-o</i>	<i>o-ð</i>
		<i>a-ā</i>

[Там же, 193].

Образование прошедшего времени с помощью аблаута не является в немецком языке продуктивной грамматической формой, способной к дальнейшему развитию. Разрушению сильного спряжения способствует растущая противоречивость рядов аблаута, вызванная ассимиляторным воздействием гласных и согласных [Жирмунский 1965, 262]. На смену древнему по своему происхождению типу сильного прошедшего в германских языках выступает новое слабое прошедшее с дентальным суффиксом (**герм.** *-d*, **нем.** *-t*). Продуктивность этой формы объясняется тем, что она создавала более четкий и непротиворечивый способ выражения прошедшего времени.

В латинском языке было довольно много различных типов перфекта: перфект с показателем *v*, перфект с удвоением, перфект на *-ui*, перфект на *-si* и т.д. Уже в латинском языке намечалась тенденция к употреблению перфекта на *-si*. В романских языках перфект на *-si* сохранился лучше [Mauger 1959, 262].

В языке зулу существуют так называемые субъективные и объективные согласователи, например: *umuntu wayibulala inyoni* 'человек он-ее-убил птицу', *inya iyamthanda umnini* 'собака она-ее-любит хозяина' [Охотиия 1961, 39]. **Инкорпоративный** комплекс в глагольной форме ('он-ее-убил') представляет как бы повторный снимок со всего предложения в целом, что в значительной степени облегчает его восприятие и как-то способствует улучшению речевого механизма.

В различных языках существует тенденция делать суффикс более слышимым: в борьбе с тенденцией разрушения конца слова может оказаться устойчивым только суффикс, содержащий наиболее слышимые звуки. Таковыми могут быть прежде всего гласные, затем сонанты *r, l, m, n*, звонкие аффрикаты и глухой спирант *s*. История различных уральских языков довольно наглядно подтверждает действие этих закономерностей. В уральском праязыке был /-овый локатив и л-овый **локатив**. /-овый локатив оказался менее конкурентоспособным и исчез во многих уральских языках, тогда как л-овый локатив, содержащий более слышимое *л*, сохранился значительно лучше.

Личное окончание 2-го лица ед. числа глаголов в большинстве уральских языков имеет форму *-t*, ср. луг.-мар. *тўналат* 'ты начинаешь', эрзя-морд. *морат* 'ты поешь', фин *annat* 'ты даешь' и т.д. Глухой согласный *t* плохо слышим, поэтому в некоторых уральских языках он был заменен более слышимым *л*, ср. коми-зыр. *муна-н* 'ты идешь', хант. *хашт-ын* 'ты пишешь', южно-манс. *вара-н* 'ты делаешь', нен. *манзара-н* 'ты работаешь'. В удмуртском конечный *-t* подвергся

озвончению (*мыно-д* 'ты идешь'), в эстонском он превратился в полузвонкий *d* (ср. *hakkaD* 'ты начинаешь*').

Система времен в классическом тибетском содержала довольно много коммуникативных недостатков. Каждое время имело особую, довольно нечетко образуемую основу. Прошедшее время могло иметь префикс *ʒ-* (например: *sgom-pa* 'размышлять, думать' — *bsgoms* 'я размышлял, думал', *gʒog-pa* 'ломать. — *bʒag* 'я сломал'), но этот префикс мог появляться и в буд. времени (*rgal-ba* 'пересекать' — *b-rgal* 'я пересекаю' и *b-rgal* 'я пересек', *sgom-pa* 'думать' — *b-sgans* 'я думал' и *b-sgan* 'я буду думать*'). Префикс *b-* мог иногда вообще отсутствовать, например: *jag-pa* 'устанавливать' — *jags* 'я установил', *müedpa* 'терпеть' — *mnes* 'я терпел', *dpog-pa* 'рассматривать' — *dpags* 'я рассматривал'. Кроме того, у разных времен основы могли совпадать, ср. *spon-ba* 'покидать' — прош. время *spans* 'я покидал' — буд. время *span* 'я покину'; *skon-ba* 'завершать' — *b-skan* 'я завершу' и т.д. Нет ничего удивительного в том, что еще в классическом тибетском языке возникла целая система перифрастических имен, вызванная тенденцией к устранению этих коммуникативных недостатков. Перифрастические глагольные времена при помощи связок выражают различные времена довольно определенно и четко.

Давно было подмечено, что гласные и согласные, находящиеся на конце слова, в значительно большей степени подвержены всякого рода изменениям по сравнению с гласными и согласными в начале и внутри слова. Истинная причина разрушения конца слова, очевидно, заключается в том, что по мере повышения употребительности слова уменьшается количество звуков, несущих информацию, что ведет к смещению границы слова, например, в некоторых новогреческих диалектах др.-гр. *ποταμός* 'река' приняло форму *ποταμ*. Это значит, что пять звуков стало носителем информации, комплекс *ος* стал пустым. Все, не имеющее никакой функции, в любом языке должно рано или поздно утратиться. Это, однако, не означает, что утрата происходит сразу. Звуки конца слова "находятся на пути" к полному исчезновению.

Первой ступенью изменения ауслатных гласных может быть сокращение долгого гласного, находящегося в абсолютном исходе слова, на второй ступени происходит редукция краткого гласного, на третьей его исчезновение. В языках, не различающих долгих и кратких гласных, первой ступени может не быть. Кроме того, ауслатные гласные могут находиться в открытом и закрытом слоге, будучи прикрыты согласным или группой согласных.

Сокращение долгих гласных в абсолютном конце слова происходит в венгерском языке, например, *fâ(fâ)* 'дерево' > *fa*, но *fât* 'дерево' (вин. п.), *kezé (kezī)* 'его рука', но *kēze-ben* 'в его руке' [Papp 1968, 132]. В латинском языке сокращение долгих гласных в конечном слоге было обычным явлением. Долгие гласные сокращались в конечных слогах и в германских языках. В латышском языке все первоначальные долгие гласные конечных слогов сокращались: *galväs* > *galva* — род.п.ед.ч. *galvas* 'головы' [Endzelin 1922, 37].

Судя по состоянию славянских языков исторического периода, ни одна из старых долгих гласных не сохраняла долготы в конечном слоге старославянского языка [Мейе 1951, 118].

В юго-западных диалектах финского языка все долгие гласные непервого слога подвергались сокращению, например *пикки* 'спит', фин. литер. *nukkuu* [Норма 1970, 35].

В истории многих языков обнаруживается тенденция к образованию узких гласных в конце слова. В истории латинского языка в конечных слогах краткое *o* превращалось в *u*: *dominus* 'господин' из *dominos*. В древневерхненемецком в XI столетии все конечные краткие гласные превратились в *-e* [Стеблин-Каменский 1955, 25—26]. В древнеисландском в результате редукции в конечном слоге стали возможны только три гласные *a*, *i*, *u*. В середине XIII в. господствующим стало написание *i*, *u* [Там же]. В древнефранцузском исчезли все конечные гласные за исключением *e*, развившемся из *a* [Voretzsh 1951, 9]. Это свидетельствует о том, что *a* суживалось в *e*, ср. лат. *terra* 'земля', ст.-фр. *terre* [Regula 1955, 73]. В восточнокаталанском неударное конечное *a* переходит в *e*, ср. *érené* 'песок', исп. *arena* [Griera 1919, 21]. В португальском языке конечное *o* превратилось в *u*: *lobo* > *lowu* 'волк' [Там же, 23]. Много примеров сужения конечных гласных можно найти в диалектах итальянского языка.

Сужение конечных гласных *a*, *ä*, *e* происходило в прибалтийско-финских языках. Все эти гласные в конечном счете превратились в *i*, ср. саам. *jokkâ* 'река', фин. *joki* (<*joka*) саам. *bâlvâ* 'облако', фин. *pilvi* (<*pilve*), саам. *okta* 'один', фин. *yksi* (<*ekte*), саам. *giettâ* 'рука', фин. *käsi* (<*kätt*) [Déczy 1965, 199]. Возможно, что подобный процесс имел место в истории мордовского языка, ср. эрзя-морд. [ked'] 'рука' из [kedi]. И. Пап отмечает, что отпадение конечных гласных совершалось в древнененгерском языке, но симптомы этого явления начали появляться уже в протоненгерском. Первой степенью этого изменения было превращение конечных гласных нижнего и среднего подъема *a*, *e*, *ë* в гласные верхнего подъема *u*, *i*, *ü*, которые позднее отпали [Papp 1968, 127].

Сужение конечных гласных наблюдается в диалектах новогреческого языка. По свидетельству Калитсунакиса, в северных новогреческих диалектах каждое неударное *e*, *o*, в том числе и неударное конечное, превращалось в *i*, *u* [Kalitsunakis 1963, 187].

Одной из типичных черт олонецких карельских диалектов является замена конечных *a* и *ä* на *u* и *ü*, например: *akku* 'женщина' — род.п.ед.ч. *akan*, *surum* 'смерть' — род.п.ед.ч. *surman*, *päivü* 'солнце' — род.п.ед.ч. *päivän* и т.д. Обычно эти конечные *i* и *u* являются сильно редуцированными [Virtaranta 1972, 176]. Финскому *a* и *ä* второго конечного слога в норвежско-саамском часто соответствует *e*, ср. фин. *kala* 'рыба', но саам. *guolle*, фин. *muna* 'яйцо', саам. *manne*.

Если в языке происходит стяжение дифтонгов, то конечные дифтонги обнаруживают тенденцию к превращению в узкие гласные. Так, например, дифтонг *ai* в латинском языке в середине слова обычно превращался в *ae*. В конечных слогах в абсолютном исходе слова *e* превращалось в *i*, ср. *tutudi* 'я ударил' <*tu-tud-ai* < *te-tud-ae*.

Дательный и аблатив в латинском языке имеют окончание *-is* у основ на *a*, которое возникло из *ais*: *mensis* 'столом' (<*mensā* 'стол' <*men-sais*).

Сходные закономерности обнаруживаются и в отражении древних дифтонгов в общеславянском и старославянском языках. В конце слова дифтонг *oi*, *ai* в этих языках также подвергался монофтонгизации, однако результат этого изменения при монофтонгизации находился в зависимости от того, при какой интонации он произносился. Если дифтонг *oi* в конце слова произносился при восходящей интонации, то при монофтонгизации возникал **гласный ѝ**, а если он произносился при нисходящей интонации, то в результате монофтонгизации возникал гласный *i*.

В абсолютном исходе слова конечные полные гласные могут превратиться в редуцированные. Одним из важнейших изменений фонетического строя английского языка среднего периода было завершение процесса образования в неударных слогах нейтральных гласных, сменивших собой неударные гласные полного образования *a*, *o*, *u*. *i*. Графически редуцированный гласный передавался графемой *e*, например *lufu* 'любовь' <*love(luvə)*, *sunə* 'сын' <*sonə(sunə)* и т.д. [Аракин 1955, 68—69]. В средневерхненемецком произошла общая редукция неударных падежных **окончаний**: все неударные гласные, долгие и короткие, переходят в безразличные [Жирмунский 1965, 198].

Слабость конца слова благоприятствует отпадению конечных гласных. Это явление отмечено во многих языках, ср. венг. *ha*/'рыба', фин. *kala*, венг. *vér* 'кровь', фин. *veri*, эрзя-морд. *od* 'новый', фин. *uusi~uute*, гот. *wait* 'я знаю', гр. *oída*, ст.-фр. *chant* 'я пою', лат. *canto*, совр. перс. *gus* 'ухо', др.-перс. *gaosa*, эт. *jalg* 'нога', фин. *jalka* и т.д.

Гласный конечного слога может отпадать при сохранении согласного, ср. лтш. *vilks* 'волк', но лит. *vilkas*. Стягиваются в абсолютном исходе слова также дифтонги. **Дифтонгические** сочетания *ct, n, r* /также неустойчивы.

Процессы ослабления ауслатных согласных в общем очень напоминают процессы ослабления ауслатных гласных; между процессами того и другого рода даже наблюдается известная симметрия: упрощение геминат напоминает сокращение долгих гласных, ослабление согласных можно уподобить редукции гласных, гласные и согласные в абсолютном исходе слова могут утрачиваться.

В каждом языке существует заметно выраженная тенденция к устранению геминат в конце слова вследствие трудности их произношения. Показателем инессива в эстонском языке является *-s* (*maas* 'в стране'). Это окончание возникло из *-ssa* (ср. фин. *maassa* 'в стране'). Процесс происходил следующим образом: конечное *a* отпало (*maass*), а гемината в конце слова упростилась; отсюда совр. *maas*. Устранение геминат в конце слова происходило и в истории латинского языка, ср. *lapis* 'камень' <*lapids*>*lapiss* (род. п. ед. ч. *lapid-is*).

Группы согласных в абсолютном исходе слова обнаруживают тенденцию к упрощению, ср. гр. *γίγας* 'гигант' из **gigants*, др.-в.-н. *tag* 'день', ср. гот. *dags*, рус. *плел* <**pleit*, *вел* <**vedl* и т.п.

Абсолютные согласные подвергаются ослаблению. Ослабление ко-

немного согласного может выразиться в его спирантизации. Показательна в этом отношении спирантизация *g* в немецком языке, ср. *fertig* [fertiç] 'готовый', *ruhig* [ruiç] 'спокойный'.

Латинское конечное *s* во французском языке утратилось уже в XIII в. Артикуляция его стала слабее, щель между сближенными органами становилась более широкой, в результате чего оно превратилось в *A* и наконец исчезло [Rheinfelder 1963, 87]. Аналогичное явление имело место в других индоевропейских языках — в древнеиндийском, древнеперсидском, авестийском и пали.

Французский язык, как и другие романские языки, не отражает конечного латинского *l*. Ослабление конечного *l*, по-видимому, началось в латинском языке, где конечные *l* и *d* начали смешиваться уже в I в. до н.э. [Voretzsh 1951, 276]. Личное окончание *-l* (3 л. ед.ч. и 2 л. мн.ч.) представлено в готском языке как *p*. Испанский согласный *d* на конце слова звучит как *δ* (*Madrid*[*madriδ*]). Ротацизм *z* может происходить в абсолютном исходе слова, ср. др.-исл. *armaR* 'рука' < *armaz*, чув. *nāp* 'лед', но тат. *боз*, чув. *уер* 'след', но тур. *ix*. Ротацизм конечного *z* был также свойственен некоторым диалектам древнегреческого языка. В элейском диалекте в более поздних надписях конечное *o* регулярно представлено через *p*: *típ* 'кто' (<*tiz*), *πολιор* 'города' (<*polios*) [Buck 1955, 56, 57].

Оглушение конечных согласных представляет процесс совершенно противоположный ослаблению конечных согласных. Это явление засвидетельствовано во многих языках, ср. алб.-тосск. *burk* 'тюрьма', но гег. *burg*, вульг. лат. *novi* 'новый', но фр. *neuf*. На конце слова, как и в современном литературном произношении, средневерхне-немецкие смычные согласные теряют звонкость и становятся сильными глухими [Жирмунский 1965, 143]. В русском языке после отпадения конечных редуцированных гласных звонкие шумные согласные, оказавшись в конце слова и потеряв звонкость, оглушились. Так из *пруть* возникло *прут*, из *бобь* — *бон* и т.д. [Иванов 1964, 242].

Истинная причина оглушения согласных в абсолютном конце слова, очевидно, заключается в том, что, когда конец слова становится малозначительным, начинает утрачиваться необходимость делать его более слышимым, более восприимчивым для собеседника. Хорошо известно, что звонкие согласные являются более слышимыми по сравнению с глухими. Отсутствие вышеуказанной необходимости вызывает ответную реакцию — звонкие конечные согласные превращаются в глухие.

Ауслатные согласные могут полностью утрачиваться, ср. гр. *ἔφερε* 'он нес' из **epheret*, др.-инд. *abharat*, лат. *de populo* 'от народа' из *de populod*, рум. *cînta* 'он поет', лат. *cantat*, тат. *балык* 'рыба', чув. *пуля*, тел. *ту* 'гора' из *mar* и т.д.

Подобные явления ослабления согласных наблюдаются также в конце закрытого слога — положение в конце закрытого слога почему-то способствует ослаблению согласных. Н.А. Катагощина отмечает, что анализ фонологической природы щелевых согласных в современном португальском языке и особенностей их позиционного распределения очень рельефно раскрывает тенденцию этого языка к употреблению в

имплозивной позиции менее напряженных согласных, согласных с ослабленной артикуляцией. Эта тенденция проявляется во всей системе португальского консонантизма. Фонемы с более напряженной артикуляцией *s* и *z* в имплозивной позиции в этом языке оказываются невозможным. Взрывные согласные типа *b*, *d*, *g* допускают в этой позиции **лишь** спирализованные (т.е. артикуляционно ослабленные) варианты.

Многоударное (артикуляционно более напряженное) *r* исключается в конце слога и в абсолютном исходе слова: в этом положении возможно лишь слабударное *r*.

Смягченное палатальное / совершенно недопустимо в конце слога и в абсолютном исходе; в этой позиции возможно только велярное /, т.е. опять-таки согласный с менее напряженной артикуляцией [Катагощина 1970, 87—88].

В имплозивной позиции может происходить веляризация /. Латинские грамматики сообщают, что / имело *pinguis* или *plenus sonus*, т.е. произносилось твердо в двух случаях: 1) когда оно стояло в конце слова, например *sol* 'солнце', или когда за ним следовал другой согласный, например *silva* 'лес', *albus* 'белый'; 2) в таких сочетаниях, как *fl.*, *cl.*, например *flavus* 'желтый', *clarus* 'ясный'. В начале слова, например, *lana* 'шерсть', *lupus* 'волк', и особенно при удвоении, например *ille* 'он' (лат. / имело *exilis* или *tenuis sonus*, т.е. произносилось мягко) [Линдсей 1948, 26—27].

В английском языке на конце слов перед паузой и перед согласным обычно произносится более низкий по собственному тону, т.е. более **твердый, оттенок** [Торсуев 1950, 64]. В каталанском языке в конце закрытого слога перед согласным и в абсолютном исходе слова / звучит как велярное /. В португальском языке / произносится близко к рус. л в конце слова и слога, а также **перед а, о, и** [Вольф, Никонов 1965, 17]. В древнеармянском языке и.-е. / перед согласным и в абсолютном исходе слова превращалось в велярное [Meillet 1903, 37].

Все эти многочисленные факты говорят о том, что тенденция к улучшению языкового механизма в различных языках мира действительно существует.

ПРОЦЕССЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОСОБЕННОСТЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ

Общеизвестно, что язык самым тесным образом связан с мышлением, некоторые лингвисты даже полностью отождествляют язык с мышлением. Однако более правильным будет рассматривать язык как особый феномен, хотя и связанный с мышлением, но имеющий свои специфические особенности. Отрицание этих особенностей языка создает непреодолимые трудности для объяснения сущности происходящих в нем процессов, которые можно объяснить только особенностями человеческой речи.

К таким процессам прежде всего относятся процессы вычленения фонем из фонемно нечленимых звуковых комплексов. Как известно, все природные звуки, крики птиц и животных, шум ручьев, водо-

падов, обвалов, падающих лавин, раскаты грома и т.д. представляют фонемно нечленимые звуковые комплексы. К этой же категории звуковых комплексов относятся и выкрики человека. Эти фонемно нечленимые звуковые комплексы могли быть использованы только как чисто животные сигналы, но они явно не годились для создания слов человеческой речи по причине их низкой вариативности. Во всех языках мира происходит процесс вычленения фонем из фонемно нечленимых звуковых комплексов. Действительным средством различения звуковых оболочек слов могли быть лишь комплексы фонем, а не что-либо другое.

Язык, чтобы стать удобным средством человеческой коммуникации, должен стать линейным.

Всякое языковое выражение предназначено прежде всего для другого человека. Нужно выразить свою мысль в языковой форме так, чтобы слушающий понял. Поэтому создание языковых моделей в естественных ситуациях, способных определенным образом воздействовать на слушателя, становится возможным только тогда, когда все элементы данной модели выстраиваются в один звуковой ряд. Мало того, необходимость создания подобного рода моделей требует объективизации отдельных свойств предметов и их отношений. В нашем сознании они отделяются от их естественных носителей, находят отдельные выражения в словах и формах языка или смысловых аналогах этих форм. По этой причине в каждом языке количество слов намного превышает количество самостоятельно существующих явлений действительности. Такие понятия, как "теплота" или "твердость", "справедливость", "высота", "близость", "даль" и т.п., отдельно в природе не существуют. Теплота является производным определенного состояния молекул и неотделима от самого тела, где это движение происходит. То же самое следует сказать и о твердости. Справедливость может проявляться в поступках, представлять известный комплекс норм и т.д., но отдельно существующего предмета, который мы могли бы назвать справедливостью, в окружающем нас мире также нет.

Живая действительность в языке преобразуется. Все дробится на отдельные как бы изолированные или дискретно существующие элементы, многие из которых на самом деле отдельно вообще не существуют. Иначе и быть не может, так как отсутствие непосредственного созерцания требует определенной замены, известного объяснения, конструирования его несозерцаемой действительности.

Окружающая нас материальная действительность постоянно **изменяется**, развивается по законам диалектики, все в ней взаимосвязано, она текуча, в ней отсутствуют строго разграничительные линии. Поэтому процесс познания действительности связан с выделением каких-то отдельных предметов с их наименованием, с их отождествлением между собою, с превращением непрерывного в дискретное, текучего в жесткое [Горский 1961, 76]. Хотя все в окружающем мире изменяется и не находится в состоянии постоянства, языковая система нуждается в выражении постоянного, в отвлечении от текучего и изменяющегося.

Любой язык мира не может не быть знаковой системой. Словесный знак должен быть материальным "...в слове и в языке необходимо должен быть материальный момент. В противном случае язык не мог бы выполнять своих функций, и прежде всего свою коммуникативную функцию, так как один человек может сообщить что-либо другому лишь посредством того или иного материального процесса, воздействующего на органы чувств воспринимающего субъекта. Человек воспринимает внешний мир через ощущения, которые есть результат превращения энергии внешних раздражений в факт сознания. Поэтому мысли человека, чтобы быть переданными, должны получить материально чувственное выражение" [Бирюков 1969, 59—60].

Знак должен быть обязательно соединен со значением. Значение не должно быть отрываемо от тела знака. «... есть доводы в пользу того, что проблема значения отнюдь не может быть выделена из проблемы знака, поскольку последняя не может быть отграничена от проблемы значения. Ведь понятие знака, не имеющего значения или же "отделенного" от своего значения, сразу же теряет смысл: знак без значения не есть знак, и можно лишь весьма приблизительно характеризовать его в этом случае как "материал знака", "основу знака", "фигуру знака" и т.д. Ведь материал знака, не обладающий значением, утрачивает всякую звуковую характеристику. Знак есть органическое единство значения и носителя, т.е. вещественной основы значения. Сам же по себе носитель значения — это что угодно, только не знак: он представляет собой сочетание звуков, черточек на бумаге, световых вспышек и т.д. Знак не может существовать без значения; только в значении коренится то, что делает его знаком.

Соответственно значение вне знака не может существовать самостоятельно, обращаться в нечто... Значение не тождественно знаку в целом, поскольку язык есть своего рода "союз" значения и его носителя, некоторого экспонента знака и его основы» [Нарский 1969, 7—8].

Важнейшей особенностью отношения знака и того, что знак обозначает, является условный характер этого отношения. Условный характер связи вытекает из отсутствия природной, причинной связи между знаком и тем, что он обозначает, а также из отсутствия детерминации между обозначаемым и знаком [Солнцев 1978, 20].

Основными признаками знака являются: материальность, обязательное наличие значения, функция указания на что-либо, обусловленная наличием значения, условный характер связи между знаком и предметом или понятием, который знак замещает. Поэтому создание знаков является важнейшей деятельностью человека в языке.

Знаковая система языка не может служить действенным средством общения, если в ней отсутствуют всеобщие значимости.

Сумма сведений о предметах и явлениях действительности, содержащаяся в головах различных людей, далеко не одинакова. Это можно легко представить при анализе хотя бы двух, приводимых ниже примеров. Обыкновенный человек, неспециалист, может знать о корабле сравнительно немного. Он знает, что корабль — это средство перед-

вижения по воде, обычно по морям. Он может представить его внешней форму, матросов, его обслуживающих и т.п. Гораздо больше сведений о корабле у капитана. Он может хорошо знать его устройство, знает, что представляют машины корабля и различные навигационные устройства, приборы, облегчающие кораблевождение, лоцманское дело, методы определения погоды, различные правила вождения корабля, обнаруживает умение разбираться в картах и т.д. Однако при разговоре эти два человека могут друг друга понять, если они знают самое общее значение слова *корабль*.

Точно так же неспециалист может знать очень мало о таком дереве, как сосна. Он знает, что сосна — это вид хвойных деревьев. Он, конечно, может ее отличить от других хвойных **деревьев**, он знает, что сосна — хороший строительный **материал** и любит расти на сухом песчаном месте и т.д. Однако ботаник знает о сосне гораздо больше. Он хорошо представляет ее особенности в классификационной системе, географическое распространение различных видов сосен, внутреннее строение **древесины**, **особенности** корневой системы, почвы, на которой она растет, и массу других сведений, которые у неспециалиста могут отсутствовать. Но при разговоре эти два лица могут понять друг друга, если они знают самое общее значение слова *сосна*.

Говорят, что знак обладает функцией указания на что-либо. Однако необходимо всегда иметь в виду, что знак указывает только на самое общее.

Характерной особенностью языка является автономность развития плана содержания и плана выражения. Единицы функционирования и "единицы развития" в языке не совпадают. В морфеме *друг* варьируется конечный согласный (*друж-ок*, *друзь-я*), в корневой морфеме *бр-ать* — *бер-у* — *на-бор* изменяется гласный. Внутри первоначально единого означаемого появились значения, не связанные с изменением его значения, и в этом смысле излишние, ненужные [ОЯ 1970, 179]. В результате как бы разной направленности процессов развития языковых планов создаются резкие различия в их структуре. Еще в 1929 г. С. Карцевский писал: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по наклонной плоскости реальности. Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [1965, 90].

В языке постоянно противостоят две силы. Одна из них направлена на разрушение знака. Она порождена автономностью развития фонологического и семантического планов языка, обособленностью синтагматических и парадигматических отношений этих двух планов. Под действием этой силы постоянно перегруппировываются единицы содержания и выражения. Под действием этой силы возникает варьирование знака, а **следовательно** — присутствие в языке различий плана выражения, не соотносимых с различиями плана содержания.

Другая сила направлена на объединение сторон знака, на предот-

вращение их разрыва. Она проявляется в действии аналогии, унифицирующей гетерофоны и уменьшающей тем самым алломорфию. "Слово постоянно меняет контекст. Оно допускает нулевое окружение, в котором реализуется его абсолютная форма. Отмеченная особенность слова способствует сохранению его единства, восстановлению формы элиминации тех звуковых изменений, которую оно претерпевает, попадая в ту или иную речевую **позицию**" [ОЯ 1970, 183].

В каждом языке проявляется недостаточность знаковой сигнализации. Употребление форм постоянно выходит за пределы одной функции, а выражение одного значения не ограничивается одной формой. В естественных языках всегда широко представлена омофония и гетерофония (алломорфия), или иначе омосемия и гетеросемия. В них присутствуют незначимые различия формы и в то же время остаются невыраженными многие различия, существующие в плане содержания. Недостаточность средств прямой сигнализации компенсируется вовлечением в механизм дифференциации побочных, соответствующих знаков, набора переменных речевых сигналов — экспрессивной интонации, мимики, жеста, информации о классе соседних единиц и т.п. В дистинктивный механизм языка включается также языковое значение. Смысл нередко разграничивается через речевой или ситуативный контекст. Мы различаем то значение слова *стол*, которое реализуется в каждом случае, опираясь либо на ту ситуацию, в которой оно было употреблено, либо по значению сопутствующего ему имени или глагола: ср. 1) деревянный стол, сесть за стол; 2) справочный Стол, паспортный стол, стол находок, обратиться к начальнику стола, 3) диетический стол, стол для больных язвой, соблюдать стол [ОЯ 1970, 13].

Для всех языков характерна тенденция к нарушению тождества единиц языка. Одним из следствий обособленности эволюционных процессов, протекающих в плане выражения и в плане содержания, является несовпадение в плане членимости языковых уровней на единицы. Другой результат этого процесса можно видеть в разветвлении тенденции к варьированию единиц языка. Утрата тождества со стороны значения происходит независимо от нарушения тождества со стороны формы и соответственно наоборот. Эта особенность составляет универсальное свойство языковых знаков. "Фундаментальной чертой, присущей всем языкам, — писал Е. Курилович, — является отсутствие однозначного соответствия между звуковой формой слова и его назначением" [1965, 47].

Фонологизация позиционных чередований, ассимиляция и диссимилиация звуков в слове, явление сингармонизма, дифтонгизация, влияние словесного ударения на произношение звуков, в частности редукция неударных слогов, разрушение конца слова и многие другие процессы фонетического развития, постоянно нарушают идентичность форм, не затрагивая ее значения, ср. *рук-а* и *руч-ной*, *хож-у* и *ход-ил*, *бег-у* и *беж-ал*, исп. *cont-ar* 'считать' и *cuento* 'считаю', рум. *tara* 'страна' и *far-an* 'крестьянин' и т.д. [ОЯ 1970, 186].

Существенным структурным качеством языка является то, что каждый языковый знак, а также элементы знака имеют отношение к

двум способам организации — парадигматическому и синтагматическому, первый из которых предполагает выбор определенных единиц, а второй — их сочетание определенной степени сложности [Там же, 153].

Различным словам языка бывает присуще свойство недостаточной отмеченности. Для того чтобы обосновать этот тезис, попытаемся охарактеризовать такое явление, как глагольное действие. Глагольное действие может иметь много характеристик. Оно может быть курсивным или длящимся, может повторяться через определенный промежуток времени, совершаться мгновенно или протекать с незначительной интенсивностью, происходить в данный момент, предшествовать какому-нибудь другому действию или вообще не иметь отношения к какому-нибудь определенному моменту речи. Оно может быть направленным на какой-нибудь объект, но может и не иметь объекта. В своем значении оно может содержать модальный оттенок. Многочисленны различные локальные характеристики действия: движение от чего-либо или к чему-либо, через что-либо, вдоль чего-либо и т.д.

Любопытно, что ни один язык мира в своей морфологической системе не выражает всех этих возможностных характеристик одновременно.

В разных языках согласно принципу избирательности в грамматическом строе получают выражение какие-то определенные черты, характеризующие действие. Все остальные черты могут не получить никакого формального выражения. Так, например, русский глагол выражает категорию вида, но есть языки, где глагол совершенно индифферентен к выражению видовых различий, законченность и незаконченность действия определяется по общему контексту; в коми языке есть специальный глагольный суффикс, выражающий действие, завершившееся только на определенное время, во многих других языках суффиксы с подобным значением вообще отсутствуют. Большинство индоевропейских языков имеют несколько прошедших времен: имперфект, перфект и плюсквамперфект, — тогда как русский язык обходится одним прошедшим временем; в латышском и эстонском языках есть так называемое пересказочное наклонение, обозначающее действие, о котором сообщается со слов других. Подобного наклонения нет, например, в таких языках, как немецкий, английский, русский и т.д. Ненецкому глаголу свойственно специфическое наклонение — аудитив, который употребляется обычно в тех случаях, когда говорящий судит о наличии действия по акустическому восприятию, например, кто-то вошел в комнату (стукнув дверь). Говорящий при этом может не видеть вошедшего. Есть языки, которые включают в состав глагольной формы показатели объекта, тогда как другие языки могут обходиться без них, глаголы в одних языках могут иметь приставки, но есть языки, в которых приставки полностью отсутствуют.

Если в языках образуются более или менее похожие по своей внутренней сущности грамматические явления, то при более внимательном их изучении между ними обнаруживаются различия. Это можно наблюдать на примере такой категории, как сослагательное наклонение: языки, имеющие для сослагательного наклонения специальную форму, не используют ее для одних и тех же целей. Поэтому, несмотря

на то, что наклонение одинаково названо сослагательным или условным в английском, немецком, датском, французском и латинском языках, оно не является строго идентичным в каждом из них. Совершенно невозможно дать такое определение сослагательному наклонению, которое позволило бы нам решить, когда следует употреблять в том или ином из упомянутых языков сослагательное наклонение, а когда изъявительное [Есперсен 1958, 50].

Одно и то же значение в языке может быть выражено разными способами.

Поясним этот тезис. Возьмем для иллюстрации довольно простой пример: 'Птица сидит на высоком дереве'. Это предложение с логической точки зрения представляет суждение, имеющее субъектно-предикатную структуру. Целевое задание этого суждения состоит в раскрытии признака определенного понятия, в данном случае птицы. Признак этого понятия 'сидит' не только раскрывается, но и получает некоторую детализованную характеристику — локальное определение. Указывается, что птица сидит на дереве. Если транспонировать это смысловое задание в сферы различных языков и проследить, какими языковыми средствами оно может быть выражено, то оно не получит той единой схемы, которую допускает его логическая трактовка. В некоторых языках необходимо будет выразить, будет ли эта птица для говорящего определенной или неопределенной, т.е. употребить соответствующий артикль. В одних языках определенный артикль будет препозитивным, а в других постпозитивным. В тех языках, где артикль изменяется по падежам, как, например, в немецком, в им. падеже ед.числа он будет иметь особую форму, но есть языки, где определенный артикль по падежам **не** изменяется, например в венгерском. В языке, имеющем именные классы, слово 'птица' должно получить определенный показатель класса. Некоторым аналогом таких именных классов в русском языке является род. В тех языках, где деление имен на классы отсутствует, слово 'птица', естественно, не получит никакого классного показателя.

Раскрываемый в слове признак, в данном случае определенное состояние, в различных языках мира обычно выражается глаголом. В этой области мы можем найти не меньшее разнообразие. Глагольная форма может иметь специальное личное окончание, указывающее, что действие или состояние осуществляется субъектом 3-го лица. Некоторые языки мира — китайский, японский, вьетнамский, монгольский, индонезийский, аварский и др. — могут обходиться без личных окончаний, поскольку личные местоимения могут с успехом осуществлять ту же функцию. Есть языки, где роль личных окончаний выполняют личные префиксы. В языках, имеющих именные классы, показатель класса субъекта действия может в целях согласования наличествовать и в глагольной форме. В тех языках, где существуют особые типы спряжения для переходных и непереходных глаголов, спряжение глагола 'сидеть', естественно, будет отличаться от переходных глаголов типа 'читать' (что-либо) или 'рубить' (что-либо). В некоторых языках, например абхазо-адыгских, локальная характеристика признака может быть включенной в состав **глаголь-**

ной формы путем присоединения к основе глагола особого префикса, соответствующего по значению русскому предлогу *на*. Получается нечто вроде 'птица дерево на-сидит'. В большинстве языков мира локальная характеристика может быть выражена при помощи **предлога** или послелога, а также при помощи местного падежа, обозначающего местоположение на поверхности чего-либо. В некоторых языках проводится различие между действием, совершающимся вообще, безотносительно ко времени, и действием или состоянием, совершающимся или присутствующим в данный момент. По этой причине глагол 'сидеть' в данном случае будет употреблен в форме **наст.** времени данного момента, ср. англ. / *am writing* 'Я пишу в данный момент'. Что касается самой структуры этого времени, то опять-таки в разных языках, где это время употребляется, она может быть неодинаковой. Если ограничиться только теми языками, в которых не различается настоящее время данного момента, то в самой структуре настоящего времени в разных языках можно найти немало различий. В некоторых иранских языках, как, например, в персидском и афганском, настоящее время имеет специальный отличительный префикс, в ненецком, эвенкийском, хантыйском и удмуртском языках оно будет иметь особый суффикс, исторически **восходящий** к суффиксу многократного действия, в армянском и хинди оно будет состоять из причастия и вспомогательного глагола 'быть', в китайском и вьетнамском языках он будет представлять собой чистую основу.

Словосочетание 'высокое дерево' в разных языках также может быть выражено по-разному. В одних языках, как, например, в славянских, тюркских, финно-угорских, монгольских и т.д., прилагательное 'высокий' будет предшествовать слову 'дерево'; в некоторых языках, имеющих склонение и родовое деление имен существительных, прилагательное будет согласовано с именем существительным в падеже и роде. Можно найти языки, где члены этого словосочетания будут соединены по способу простого примыкания. В иранских языках словосочетание 'высокое дерево' образует так называемую изафетную конструкцию (ср. тадж. *дарахти болан* 'высокое дерево', где к слову 'дерево' будет присоединен связующий элемент **и**, исторически восходящий к относительному местоимению).

Каждый язык обладает большой способностью к комбинаторике. Наличие номинативных знаков и операция комбинации позволяют создать из ограниченного числа слов (50—100 тыс.) практически неограниченное число высказываний [ОЯ 1970, 154]. Один и тот же смысл может быть выражен в языке разными комбинациями слов. Любопытный пример того, как при помощи различных комбинаций слов может быть выражена по существу одна и та же мысль, приводит О. Есперсен [1958, 101]:

He moved astonishingly fast

'Он двигался удивительно быстро'

He moved with astonishing rapidity

'Он двигался с удивительной быстротой'

His movements were astonishingly rapid

'Его движения были удивительно быстрыми'

His rapid movements astonished us

'Его быстрые движения удивляли нас'

His movements astonished us by their rapidity

'Его движения удивляли нас своей быстротой'

The rapidity of his movements was astonishing

'Быстрота его движений была удивительна'

The rapidity with which he moved astonished us

'Быстрота, с которой он двигался, удивляла нас'

He astonished us by moving rapidly

'Он удивлял нас тем, что двигался быстро'

He astonished us by his rapid movements

'Он удивлял нас своими быстрыми движениями'

He astonished us by the rapidity of his movements

'Он удивлял нас быстротой своих движений'

Огромное большинство словарного состава фразеологических и стилистических средств языка, разнообразнейшие смысловые связи каждого слова со множеством других слов данного языка позволяют путем умелого выбора слова и фразеологического окружения для него передавать тончайшие оттенки понятий эмоциональной, стилистической, эстетической окраски мысли [Богуславский 1957, 224].

Человеческая речь невозможна без известной установки на устойчивость.

В специальной лингвистической литературе довольно часто встречается определение языка как исторически изменяющегося явления. Некоторые лингвисты даже считают методологически непреемлемым изучение языка в чисто синхронном плане, утверждая при этом, что язык все время находится в состоянии непрерывного изменения, и результаты этого изменения нельзя сбрасывать со счетов. На самом же деле язык не только исторически изменяется. Он одновременно оказывает сопротивление какому бы то ни было изменению, стремится сохранить существующее в данный момент состояние. Эта тенденция не представляет чего-либо странного и необычного. Она порождается самой функцией общения. Говорящий на том или ином языке заинтересован в том, чтобы его поняли. Всякое внезапное и быстрое изменение языка несет в себе опасность превращения его в недостаточно удобное и пригодное средство общения, и, наоборот, стремление сохранить систему **привычных** и коммуникативно отработанных языковых средств общения предохраняет язык от этой опасности.

Мышление имеет свою форму — логическую, а язык свое содержание — значение слов, языковая семантика не изменяется в результате каждого мыслительного акта отдельного человека. Она образует устойчивую основу, исходя из которой и существует мыслительная деятельность субъекта [Кузьмин 1976, 94].

Восприятие предмета обладает известной устойчивостью, стабильностью по отношению к предмету (субъективность), что позволяет сохранять его объективное содержание в условиях естественных и искусственных искажений восприятия.

Человеческая речь невозможна без известной установки на устой-

чивость. Значение слова вбирает в себя не все свойства, признаки соотносимого с ним понятия, и поэтому является более узким по содержанию в сравнении с понятием. Именно благодаря данному свойству языковых значений возможно общение между различными людьми, ибо язык в значительной мере нейтрализует посредством общих значений слов индивидуальные расхождения в понятиях, которыми мыслит отдельный человек [ОЯ 1970, 114].

Языки мира могут образовывать отдельные типы. Особенно наглядно обнаруживают эти типы языки, подвергаемые так называемой морфологической классификации. Они отличаются друг от друга способом связи **между** словами и морфемами. В языках флективного типа морфемы связаны друг с другом настолько тесно, что граница между корнем и формантом становится трудно определенной, ср. др.-гр. *ἄνθρωπος* 'человека'. Здесь трудно установить основу слова с показателем о. Наоборот, в языках агглютинативного типа границы между морфемами выделяются необычайно четко, ср. тур. *deniz-ler-de* 'в морях'. В отличие от флективных языков форманты никогда не являются слишком перегруженными.

В каждом языке непременно существуют лексико-семантические разряды слов. В одних языках эти разряды имеют определенные морфологические признаки — такие разряды слов обычно называют частями речи. В других языках они менее отчетливо оформлены, некоторые из них даже совсем не выражены. **В** западноевропейском китаеведении, — замечает А.А. Драгунов, — до сих пор господствует точка зрения, будто части речи должны быть всегда морфологически **оформлены**, но так как в китайском языке слова, как правило, такого оформления не имеют, то следовательно, в них нет и частей речи" [1982, 15]. В. Добсон, касаясь проблемы частей речи в китайском языке, утверждает, что любое знаменательное слово в этом языке может быть и глаголом и существительным в зависимости от того, каким членом предложения оно является. Вообще существует широко распространенное мнение, что в китайском языке любое слово может быть любой частью речи [Dobson 1962, 38].

Недостаток морфологического критерия выделения частей речи состоит в том, что он не является всеобъемлющим и совершенно не пригоден для языков со слабо развитой морфологической системой. Степень обрастания функционально-семантических разрядов слов морфологическими показателями очень непостоянна. **В** разных языках она сильно варьирует. Если принимать во внимание только морфологические признаки, то мы неизбежно получим целую гамму частей речи, оформленных в различной степени (полностью оформленных, частично оформленных, недоразвитых частей речи, находящихся в стадии возникновения и т.д.). Поэтому основным во всех языках следует считать наличие функционально семантических рядов слов. Слова, выполняющие функции существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, наречий и т.д., имеются во всех **языках** мира. Существующее мнение о том, что слово в языках со слабо развитой системой морфологических средств потенциально

способно выступать в форме любой части речи, совершенно ошибочно. Здесь видимость выдается за сущность, план исторический смешивается с планом синхронным.

Функционально-семантические разряды слов не обладают никакой мобильностью, они совершенно стабильны.

Каждый язык имеет ярко выраженную секторную структуру. Это означает, что каждый элемент языка имеет собственную строго очерченную и строго определенную сферу действия. Если один элемент в языке выступает в роли прилагательного, то он всегда будет выступать в этой роли, так как его функция ограничена его сектором. Если другой элемент, совершенно тождественный по форме, выступает в функции глагола, то это кажущееся тождество. В функции другой части речи на самом деле выступает другой языковой элемент, строго ограниченный собственной сферой действия. С этой точки зрения утверждение о том, будто бы татарское слово *матур* 'красивый' в предложениях типа *матур кыз* 'красивая девушка', *ул матур яза* 'она красиво пишет' и *матурны тотыгыз* 'держите красивого' выступает в функции трех частей речи — прилагательного, наречия и существительного, по нашему мнению, несостоятельно. Это — три языковых элемента, имеющие особые секторы. Этимологическая связь этих слов в решении проблемы частей речи не имеет абсолютно никакого значения. Следует заметить, что идея о секторной структуре языка в свое время была уже высказана О. Есперсенем. "Многие авторы, — замечает О. Есперсен, — охотно говорят о легкости, с которой английский язык может превращать существительное в глаголы и наоборот, но английский язык никогда не смешивает эти два класса слов, даже если он употребляет одну и ту же форму то как существительное, то как глагол: *a finger* 'палец' и *a find* 'находка' — существительные, но *finger* и *find* в предложении *You finger this and find that* 'Дотрагиваешься до одного, но обнаруживаешь другое' являются глаголами и по флексии, и по функции, и по всем остальным признакам" [1958, 542].

Следует признать также совершенно несостоятельной, но, к сожалению, довольно широко распространенной среди некоторых советских и зарубежных языковедов теорию о диффузности мышления первобытного человека, которая также утверждает начальное отсутствие четко выделенных частей речи. В.А. Спиркин совершенно справедливо замечает по этому поводу: "Вряд ли возможно отсутствие морфологически оформленных частей речи трактовать в том смысле, что в мышлении человека в то время не существовало основных логических категорий: предметности, действия, качества и отношения. Без этих категорий невозможен был бы никакой акт логической мысли и, следовательно, никакое взаимное общение людей. Эти основные опорные смысловые центры любой мысли, какой бы степенью примитивности она не обладала, являются необходимыми условиями более или менее адекватного отражения действительности и сообщения отражаемого другим людям" [1954, 72].

С этим также связана другая особенность речи. В любом языке

мира предложение строится по принципу развертывания признаков предмета. Развертывание признаков предмета оказалось бы невозможным, если бы человек был не в состоянии выделить функционально семантические разряды слов.

В языке могут сохраняться формы, которые в настоящее время совершенно утратили какое-либо значение и мотивированность. Склонение указательных местоимений в турецком языке **обнаружи**-вает в косвенных падежах **какое-то** наращение -л, которое в настоящее время объяснить очень трудно, ср. *бу 'этот'* — *Ъun-un 'этого'* — *Ъun-a 'этому'* и т.д.

В языке имеются промежуточные образования. Резкое и внезапное изменение языковых знаков невозможно. Язык развивается исподволь, шаг за шагом, медленно и едва заметно для общества перестраивает свою структуру. Заменяя одни выразительные средства другими, он не перестает в то же время выполнять роль основного средства коммуникации. Постепенность развития языка при непрерывности выполнения им коммуникативной функции, более того, прочная связанность этих явлений (язык развивается только в процессе коммуникации) ведет к тому, что в каждом синхронном состоянии языка присутствует большое количество единиц и категорий, лишь частично изменивших свое качество, находящихся в процессе образования. Наличие переходных, промежуточных элементов резко отличает язык от искусственно созданных семиотических систем [ОЯ 1970, 171, 162].

Необычные способы отражения действительности могут проявляться только в языке. В этом отношении большой интерес представляет так называемая звуко-символика, когда определенные звуко-сочетания начинают применяться для выражения свойств различных процессов, предметов и явлений, ср. чув. *пелт* — подражание миганию лампочки, *паль* — подражание горению небольшим пламенем, *лйк* — подражание мигающей лампе перед затуханием, *торр* — подражание остолбенению, *мётёл* — подражание медленному движению, *лйкйш* — подражание прихрамыванию, *лап-лап* — подражание горению, когда образуются широкие и плоские языки пламени, *канйр* — подражание быстрому скоплению в одном месте, *тйр-тйр* — подражание дрожанию и подражание бессмысленному взгляду; тат. *пылт иту* — подражание миганию, голт *иту* 'вспыхнуть', лус-лус *йгегеру* 'бежать мелкой трусцой'; бур. *бун-бун шогшохо* 'ехать мелкой рысцой', *налбага-налбага хиидхээ* 'развеваться (о материи)', мар. *луй-луй* — о плавном движении, *виж-вуж* 'быстро, мигом', *льоп-льоп* — о состоянии человека, промокнувшего во время дождя, коми-зыр. *гумыль-гамыль керны* 'быстро проглотить', *ливгё-зэрё* 'идет тихий дождь', удм. *луть-луть мыныны* 'идти с усталым видом', *шер-шер кылыны* 'лежать неподвижно' и т.д.

Можно предполагать, что в основе звуко-символики первоначально лежало звукоподражание.

Особый интерес представляет так называемая эмотивность. У человека не может быть эмоций, не связанных с мышлением, для него характерно эмоциональное мышление [Шаховской 1983, 8]. Эмоции

являются формой отражения действительности, поэтому среди сфер познания человека имеется и эмоционально чувственная сфера [Там же, 9]. Эмоциональное является частью интеллектуального, эти два аспекта составляют единство, расчленяемое в рамках единого содержания лишь условно, поэтому элютивное значение вряд ли существует в чистом виде. Это лишь компонент смыслового содержания языковой или речевой единицы, окрашивающей эмоциональностью ее самостоятельное значение [Там же, 10].

Язык развивается стихийно. В развитии языка нет ни предварительного плана, ни строгого учета того, что было в нем уже создано. Такая стихийность имеет определенные последствия. В языке наблюдаются случаи плеоназма, или излишнего нагромождения языковых средств, обладающих одной и той же функцией. Турецкое словосочетание *bizim balıkçımız* 'наши рыбаки' фактически изображает принадлежность дважды ('наши рыбаки **наши**'), русское выражение *исключение из партии* также выражает процесс изъятия дважды, в глагольной приставке *из* и в предлоге *из*. В предложении *Я выхожу из леса* (если учесть, что форма *леса* когда-то была формой отложительного падежа) процесс выхода даже обозначен трижды. Такой же плеоназм существует в выражениях: *разделить на части, наткнуться на камень, входить в город, приближаться к городу* и т.д. В форме греческого аориста от глагола *γράφω* 'писать', *ε-γραπ-σα* *я написал' отнесенность этого времени к плану прошедшего фактически выражена трижды. На эту соотнесенность, во-первых, указывает аугмент *ε-*, затем показатель аориста *-ο-* и так называемое вторичное личное окончание *-α*.

Стихийность ведет к тому, что слово, имеющее в языке определенное значение, может создаваться в языке дважды и более раз. В коми-зырянском языке некогда существовало слово *тыл* 'огонь', позднее его сменило слово *би* с тем же значением. В древнегреческом языке существовали слова *ὕδωρ* 'вода', *οἶκος* 'дом', *ῥή* 'лес', *ἵππος* 'лошадь' и *ὄρος* 'гора'. Казалось бы, в каком-либо новом наименовании этих необычайно устойчивых понятий не было абсолютно никакой необходимости. Тем не менее в истории греческого языка эти изменения произошли.

В настоящее время признано, что вариативность является существенным свойством всех компонентов и уровней системы языка. Вариативность — свойство языковой системы, которое проявляется не только на всех уровнях языка, но и во всех типах его функционирования. Вариативность есть способ существования и функционирования всех единиц языка. Каждая единица существует в виде множества экземпляров и обладает определенной функцией. Соответственно этой функцией обладает и каждый ее экземпляр. При реализации функции используется один и только один экземпляр данной единицы, который и является ее вариантом.

"Экземплярное" существование единицы языка позволяет рассматривать каждую единицу как множество, как класс ее вариантов, а саму эту единицу как инвариант, абстрактное, сокращенное название данного класса. Варианты — конкретные сущности; инварианты — абстрактные.

Вариантное строение есть принципиальное устройство любой единицы языка. Оно обнаруживается при взгляде на конкретные единицы через призму абстрактных. Варианты бывают обязательными, жестко связанными с условиями употребления, и факультативными, зависящими от случайных причин.

В речи употребляются только конкретные единицы (варианты). В силу этого речь по своей природе вариантна. Что касается абстрактных единиц, то они суть средство упорядочения (объединения в классы, подклассы, сверхклассы) и описания конкретных единиц [Солнцев 1978, 71]. Основанием признания ряда конкретных единиц вариантами некоторой абстрактной единицы служит общность функций, для которой как таковой (но не для условий ее реализации) различия вариантов не существенны (в то же самое время следует отметить, что одна и та же функция может быть присуща разным классам конкретных единиц, объединенных в разные абстрактные единицы) [Там же, 72]. Процессы взаимодействия разных языковых систем и отдельных страт, составляющих функциональную парадигму языка, обуславливают постоянный рост внутрисистемных вариантов.

Одной из основных оппозиций является противопоставление структурных и функциональных вариантов. Первые связаны прежде всего с особенностями самой языковой структуры, с возможностью передачи одного и того же мыслительного содержания разными способами с многозначностью языковых единиц; вторые определяются особенностями функционирования языка, порождаются различиями в его частных функциях, в языковых и речевых ситуациях [Баранникова 1982, 19].

Единица функционирования языка основывается на отношении номинации (отношение между обозначаемым и обозначающим) в каждом данном акте речи. Изменчивость этих отношений, вызванная, с одной стороны, универсальными законами варьирования при воспроизведении, а с другой — особенностью мышления и психологии мышления и психологии человека, приводит к общей языковой вариантности. Среди особенностей мышления, стимулирующих языковую вариантность, особое значение имеет оперирование расплывчатыми понятиями и прагматическая заостренность языка и мышления, побуждающая говорящих всякий раз специфично выделять во внелингвистических объектах различительные черты и группировать объекты в соответствии с потребностями практики.

Роль вариантности в развитии и функционировании языка огромна. Вариантность — один из факторов развития языка. Индивидуализация (**дифференциация**) языковых средств используется в социальном плане. Помимо этого, вариантность используется для осуществления двух основных функций языка: экспрессивной и коммуникативной. Благодаря ей бесконечно разнообразятся выразительные средства языка, язык получает возможность выражать тончайшие оттенки мысли. В этом — экспрессивная функция вариантности. Ее коммуникативная функция заключается в том, что она позволяет выразить мысль быстро, любыми средствами, что обеспечивает надежность коммуникации [Гак 1982, 74, 75].

В акте речи проявляется отношение говорящего к совершаемому действию, трактовка его как действия вполне реального или нереального, предполагаемого или потенциально возможного. Это отношение лежит в основе категории модальности, которая, как правило, не играет никакой существенной роли при характеристике предметов и явлений.

Коммуникативная функция языка на уровне морфологии выработала различные синтетические и аналитические средства модальности. Кроме того, богатейшая гамма значений выражается словами и модальными частицами, союзами и союзной связью предложений, грамматическими разрядами слов, промежуточными между союзами и модальными словами. Важную роль как средства выражения модальности играет интонация.

Языковая модальность — обширное и сложнейшее языковое явление, ее признаки не уместаются в рамках одноплановой операции деления как какой-нибудь конкретной грамматической категории, хотя она традиционно называется категорией. Модальность — это целый класс, система грамматических значений, проявляющихся на уровнях языка и речи [Петров 1982, 13]. Наклонения в якутском языке могут выражать значения осуждения, досады, сожаления по поводу уже совершившегося действия, интенсивности действия, оттенок решимости совершить действие и категорического отказа, несогласия, сожаление, досаду, удовлетворение и восхищение, усиленную просьбу, модальное значение вежливой и увещательной просьбы, требование, настояние, сильное желание или большую просьбу, строгий наказ, увещевание, восхищение, восторг, удовлетворение, утверждение, удивление, недовольство, досаду, возмущение говорящего лица по поводу совершаемого действия, эмоциональные значения (жалость, нежность, ласку, любовь, иронию, презрение, пренебрежение и т.д.) [Там же, 34—36]. При этом К.Е. Петров отрицает деление наклонений на реальные и нереальные.

Значение наклонений и других синтетических модальных форм убеждают нас в том, что, во-первых, семантическое деление наклонений на реальные и ирреальные, исходя из ложности и истинности высказывания, не соответствует действительности. Оно может оцениваться как пережиток формальной логики. Во-вторых, если при изучении наклонений глагола исходить из понятий и градаций логической модальности, то некоторые типичные наклонения, например повелительное и др., пришлось бы неоправданно исключить из системы наклонений глагола, и поэтому более верным представляется такой путь изучения модальности, согласно которому наклонения и другие модальные формы глагола, а также аффиксы субъективной оценки имен нужно описывать во всей полноте и только потом совокупность их значений и оттенков, выявленных в языках различных систем, положить в основу грамматической модальности. Именно таким способом, как нам кажется, можно получить полный охват материала, определенные принципы и ясность в разрешении сложной проблемы языковой модальности. В-третьих, эмоциональные экспрессивные значения органически входят в семантику многих

наклонений, и, следовательно, их необходимо рассматривать как необходимый компонент языковой модальности [Петров 1982, 42—43].

Говорящий стремится сделать речь более доходчивой и доступной пониманию своего собеседника. Осуществление этой необходимости ведет к появлению целого ряда средств, как, например, логическое ударение, употребление различного рода выделительных и усилительных частиц, пояснительных и вводных слов, стремление к экспрессии, выражающейся в употреблении слов в переносном, или метафорическом, значении, в подборе специальных образных выражений и более сильно действующих на восприятие языковых средств. В акте речи появляется отношение говорящего к совершаемому действию, трактовка его как действия, вполне реального или нереального, желаемого, предполагаемого или потенциально возможного. Это отношение и лежит в основе категории модальности, которая, как известно, не играет никакой существенной роли при характеристике предметов и явлений.

Один и тот же предмет в языке может иметь несколько названий (ср. *глаза* и *очи*, *путь* и *дорога*), хотя ни один из предметов окружающего нас мира не может заключать в себе несколько противоположных сущностей. Совершенно разные "предметы" нередко обозначаются в языке одним и тем же звуковым комплексом: *dhar* в языке хинди может иметь следующие значения: 1) 'ливень', 2) 'долг, задолженность', 3) 'провинция, область', 4) 'лезвие, острие', 5) 'край, конец'.

В языке создаются средства, которые обслуживают только речь и не имеют аналогов в окружающей действительности. Так, например, в окружающей человека действительности нет такого явления, как **дейксис**. Между тем речь не может осуществляться без дейксиса, обеспечивающего **ориентацию** в речи, и местоимения играют в языке очень большую роль. Дейксис является наиболее ярким атрибутом человеческой речи. В мире неодушевленных предметов нет никаких дейктических средств, поскольку они там не нужны. Предмет не меняет своих свойств в зависимости от указания на его местоположение или выделения его из среды других предметов. Человеку дейксис нужен для ориентации в речи. Речь, лишенная дейктических средств, может быть совершенно непонятной для собеседника. В окружающем человека мире нет никаких союзов. Существуют только явления, между собою связанные: *В этом году был неурожай*, *Много людей умерло* или *В дерево ударила молния*, *Дерево загорелось* и т.п.

Различные вопросительные союзы обслуживают только речь.

Многие явления языка можно объяснить, учитывая только строевые особенности человеческой речи. Так, например, косвенные падежи в аварском и лезгинском языках образуются на основе эргатива, ср. авар. *вакъад* 'тестя' — *вакъад-ас-ул* 'тестя', лезг. *буба* 'отец' — *буба-ди-ни* 'отца' и т.д. В окружающем нас мире нет никаких причин, обуславливающих образование имен существительных от **эргативного** падежа. Однако, поскольку эргативный падеж в указанных языках встречается довольно часто, то он был воспринят в сознании го-

ворящих как новая основа, к которой стали присоединяться падежные окончания косвенных падежей.

В татарском языке глагол обычно располагается в конце предложения (ср. *Мин иренеп кенә күзларне ачам. Биткә салкын жыл бэрелэ. Бөтүн салдатлар торганнар* 'Я нехотя открываю глаза. Лицо обдаёт холодным ветром. Все солдаты встали'). В окружающем нас мире нет никаких причин, вынуждающих ставить глагол в конце предложения. Постановка глагола здесь зависит от строя языка. В татарском языке существует закон порядка слов "определение + определяемое**". Соблюдение этого закона приводит к тому, что все определения, в том числе и развернутые, помещаются в начале предложения, вследствие чего все глагольные формы отодвигаются на конец предложения.

Порядок расположения притяжательных суффиксов в различных языках может быть неодинаковым: притяжательный суффикс + падежный суффикс (ср. тур. *ev-im-de* 'в моем доме*') и падежный суффикс + притяжательный суффикс (ср. фин. *maa-ssa-mme* 'в нашей стране*'). В окружающем нас мире опять-таки нет никаких причин, вынуждающих говорящего выбирать тот или иной порядок. Все здесь зависит от языковой манеры. Все эти явления приходится учитывать при изучении проблемы "Выражение картины мира языковыми средствами".

ОБ ИММАНЕНТНЫХ ЗАКОНАХ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В ЯЗЫКЕ

Термин "имманентные законы языка" считается в нашем языкознании одиозным. Многие советские языковеды и философы утверждают, что никаких имманентных законов в языке нет.

Р.А. Будагов ставит вопрос, правомерно ли отождествлять внешние законы с законами социальными, а внутренние законы с законами имманентными. Так называемые внутренние законы языка, по его мнению, тоже социально обусловлены, и лингвист-марксист не может их считать имманентными [1979, 124].

В том же плане подвергает критике понятие внутренних законов языка Ю.Д. Дешериев: "**Структура** языка — порождение социального, продукт общества, речевой практики, результат использования органов звукопроизводства в социальных целях, в коммуникативной функции" [1977, 145]. Раздельное рассмотрение внешних и внутренних факторов развития языка Ю.Д. Дешериев считает методологически недопустимым: "Изолировать социальное от внутреннеструктурного невозможно, напрасно стараются разъединить их искусственно" [Там же, 118]. "Функциональная линия языка является определяющей по отношению к внутренней структуре языка" [Там же, 25].

Разновидностью этого взгляда является теория о тождестве внешних и внутренних законов развития языка, развиваемая Т.А. Дегтяревой. Т.А. Дегтярева пытается вообще устранить принципиальное значение внутренних законов языка, поскольку определяющими развитие языка являются внешние причины, а не внутренние законы. «Нельзя понимать внутренние законы языкового развития как законы внеисторической социальной зависимости. Термин "внутренний закон" может функционировать только условно, т.е. в понимании закона конкретной науки, в данном случае языкознания, но не в смысле закона внепричинно-следственных связей многопланового характера, в том числе и экстралингвистических. Массовое изменение какого-либо языкового качества, называемого в советском языкознании последнего времени обычно внутренним законом **конкретного** языка, всегда обусловлено причиной, лежащей или вне языка, или внутри него. Однако и внутренняя причина при более пристальном рассмотрении предстает как следствие какого-либо **внешнелингвистического фактора**» [Дегтярева, 1964, 161]. Такого же взгляда придерживается и Ф.П. Филин. "Толчком к изменениям, — замечает Ф.П. Филин, — всегда являются те или иные общественные причины (социально-

классовые сдвиги, рост производства и культуры, а также и упадок их, что бывало в истории, перемены в окружающей среде, воздействие других языков и диалектов и многие другие факторы, которые нередко трудно поддаются **учету**» [1977, 9].

Интересно, от каких внешних факторов зависят такие явления, как дифтонгизация старых монофтонгов в истории немецкого языка, падение глухих согласных или оглушение конечных звонких согласных в истории русского языка, озвончение интервокальных глухих смычных и спирантов, наблюдаемое во многих языках, развитие буферного звука в группах *mr* и *mn* в истории французского языка, превращение древних *a*, *e*, *o* в *a* в индоиранских языках, превращение начального *j* в *з* в киргизском языке и т.п.?

Нетрудно понять, что высказывания Ф.П. Филина, Т.А. Дегтяревой и других противоречат известному высказыванию Ф. Энгельса, который в свое время писал: **«Едва** ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судет до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию» [Маркс, Энгельс, т. 37, с. 395].

По-иному объясняет отсутствие в языке внутренних законов В.З. Панфилов. Внутренняя слабость концепций, в основе которых лежит принцип имманентности, абсолютной независимости знаковой системы того или иного рода, состоит в том, что этот принцип находится в явном противоречии с основным понятием семиотики — понятием знака. Сущность знака, его основная функция заключается в том, что он представляет, замещает нечто, находящееся вне **этого** знака и той знаковой системы, к которой он принадлежит [1977, 5].

Основой этой аргументации является утверждение о невозможности существования в языке имманентных законов, поскольку компоненты языка соотносятся с тем, что находится вне его. Но в действительности такой импликации нет. Фонетические изменения подчинены особым имманентным законам, управляющим изменениями звуков, многие изменения в морфологической структуре языков обязаны возникновению ассоциаций, подчиняющихся определенным законам человеческой психики. И вместе с тем мы на каждом шагу сталкиваемся с тем фактом, как различные слова указывают на определенные явления и предметы окружающего нас мира. Одно здесь не исключает другого. Кроме того, как будет показано в дальнейшем, имманентные законы часто определяются не тем, с каким внешним предметом или отношением знак соотносится, а особенностями языковой сферы, в которой данный знак действует.

Вообще следует заметить, что термин **«имманентный»** истолковывается у нас часто неправильно. Имманентный будто бы означает **«ни от чего не зависимый»**. Ни от чего не зависимых законов вообще не существует. Всякий закон природы и общества зависим. Закон тяготения зависит от способности массы Земли притягивать к себе предметы. Закон естественного отбора зависит от наличия **конкурентов**

ции в царстве животных. Закон разрушения конца слова связан с тем, что при частом употреблении слова количество звуков, несущих информацию, уменьшается.

Некоторые лингвисты и философы объясняют термин **"имманентный закон"** в языке как совершенно независимый от общества. При этом совершенно забывается, что не каждая зависимость обуславливает действие закона. Слова, их употребление и значение, конечно, зависят от общества. Словами пользуются люди, говорящие на том или ином языке. Человек создает значения слов. Но закон разрушения конца слова связан с чисто биологическим законом экономии физиологических затрат, и этот закон нельзя назвать общественным законом.

Р.А. Будагов утверждает, что социальные факторы не противостоят факторам имманентным, но глубоко и постоянно взаимодействуют [1979, 164].

Действительно, в истории языков бывают случаи, когда внутренние и внешние факторы взаимодействуют. В пределах первого десятка калининские карелы иногда употребляют карельские числительные, но сложные и составные числительные у них заимствованы из русского языка, например *dvēnadcat duS oli peren* 'Двенадцать душ была семья' [Злобина 1965, 187]. Несомненно, широкое распространение русского языка среди карел является основной причиной вытеснения из карельского истинно карельских составных числительных. Однако и в самом карельском языке были некоторые благоприятные условия для проникновения русских составных числительных. Дело в том, что в исконно карельских числительных от одиннадцати до девятнадцати понятие 'десяти' и следующие за ним единиц было затемнено, ср. карел. *укситойста* 'одиннадцать' (букв. 'один из второго'), *какситойста* 'двенадцать' (букв. 'два из второго'). Выражение 'из второго' является эллиптическим и означает 'из второго десятка'. По этой причине эти числительные с затемненной внутренней формой были заменены соответствующими русскими числительными, что открыло путь для заимствования и других сложных числительных (например, *dvadcatpat*).

Под влиянием русского языка в некоторых тюркских языках наблюдаются случаи опущения **притяжательных** суффиксов: чув. *пирён ял* 'наша деревня', тат. *бізнің авыл*. Нормально должно было быть *пирён ялёмёр*, *бізнің авылыбыз*. Необходимо отметить, что влияние русского языка в данном случае нашло благоприятную почву, так как употребление притяжательных местоимений в сочетании с притяжательными суффиксами является в тюркских языках плеоназмом.

Было бы ошибкой утверждать, как это делает Р.А. Будагов, что внутренний фактор каждый раз взаимодействует с внешним, поскольку существуют многочисленные случаи, когда внешние факторы в изменении языка никакого участия не принимают. Какой внешний фактор мог способствовать проявлению в языке тенденции к уменьшению физиологических затрат или к сокращению числа звуков в суффиксах, выражающих отношение между словами?

Необходимо отметить, что все эти аргументы, применяемые в критике утверждения о существовании имманентных законов в языке, сами отличаются крайней неопределенностью и противоречивостью. Внутренние законы, оказывается, невозможны потому, что все социально обусловлено. Попросту говоря, все в языке создано людьми, принято обществом в целом в целях создания языка как средства общения.

Язык, действительно, создан людьми. Но какой из этого делается вывод? Человеческое общество подчиняется особым законам, которые можно было бы назвать **специфическими** общественными законами. Если люди создали язык, то тем самым они подчинили образование и развитие языка общественным законам. Но это большая ошибка. Человек, создавая язык, в то же время **создаёт** отдельные сферы языка — фонетический строй, грамматический строй, синтаксический строй, речевую сферу и т.п. Вот в этих-то сферах и начинают действовать специфические имманентные законы, которые не похожи сами по себе на законы общества, и эти законы определяются самой сферой.

Поясним сказанное на конкретных примерах.

Во многих языках глагол ставится на конце предложения. Общество абсолютно безразлично к тому, где находится глагол. И действительно, в кельтских языках он может стоять в начале предложения. Есть языки, где он находится в середине предложения или располагается в конце предложения. Здесь важно, чтобы был достаточно выражен такой важный процессуальный признак подлежащего, как указание на его действие. Чем же в таком случае определяется постановка глагола на конце? Она определяется порядком слов **"определение + определяемое"**, который в отдельных языках имеет силу внутреннего закона. Совершенно естественно, что различные причастные и деепричастные конструкции, выступающие в роли определений, отесняют глагол на конец предложения.

Ученые, занимающиеся историей различных языков, давно подметили, что конец слова часто подвергается разрушению. Древнегреческое слово *ποταμός* 'река' в одном из диалектов современного греческого языка превратилось в *ποταμ*. Слово индоевропейского праязыка **kronǵos* в русском языке превратилось в *круг*, а в немецком в *Ring*. Какой-либо общественной необходимости в таком изменении не было. Длина слова или его краткость не имеет для коммуникации особого значения. Люди, пользующиеся языком, заинтересованы только в том, чтобы тот или иной звуковой комплекс имел определенное значение. Что же в таком случае привело к сокращению конца слова? Истинная причина разрушения конца слова, очевидно, заключается в том, что по мере употребления слова уменьшается количество звуков, **несущих** информацию, что ведет к смещению границы слова, например, если древнегреческое слово *ποταμός* в некоторых новогреческих диалектах приняло форму *ποταμ*, то это означает, что количество из пяти звуков стало носителем информации. Остаточные звуки, в данном случае комплекс *ος*, стали пустыми. Следовательно, разрушение конца слова подчинено внутреннему закону.

Если слово повторяется, то человек к нему настолько привыкает, что число звуков, входящее в данное слово, становится избыточным.. Это своего рода **биологический** закон.

Один внутренний закон может иметь довольно много следствий. Например, с тенденцией к разрушению конца слова связаны такие явления, как сокращение долгих конечных гласных, тенденция к сужению гласных конечного слога, превращение полных конечных гласных в редуцированные, отпадение гласного, находящегося в абсолютном конце слова, тенденция к стяжению дифтонгов в абсолютном исходе слова, отпадение конечного *m*, превращение конечного *m* в *n*, устранение геминат в абсолютном исходе слова, упрощение групп согласных, ослабление ауслатных согласных, оглушение конечных согласных, отпадение ауслатных согласных и т.д.

Процесс образования ассоциаций происходит в языке постоянно. Этим объясняется тот факт, что слово в языке, имеющее звуковой комплекс, может с течением времени заменить его на другой. Слово **ῥῶδωρ** в древнегреческом языке означало 'вода'. Казалось, не было никаких оснований заменять его другим. Тем не менее в современном греческом языке оно звучит как **νερό**. Произошло это от того, что название 'вода' было ассоциировано с выражением **νεαρόν ῥῶδωρ** 'пресная вода', откуда возникло современное **νερό** 'вода'. Слово **ῥλή** в древнегреческом языке означало 'лес'. В современном греческом языке 'лес' называется **δάσος**. Произошла какая-то новая ассоциация слова **ῥλή** с **δάση ῥλή** 'густой лес', откуда **δάσος**.

Новыми ассоциациями объясняется также появление в языках синонимов. Образование таких синонимов, как *путь* и *дорога*, первоначально было связано с совершенно разными ассоциациями. Слово *путь* имеет многочисленные параллели в других индоевропейских языках, ср. др.-инд. **pantha** 'путь, дорога'; авест. **pant**, др.-перс. **paθi**, осет. **fandag**, **fändäg**, др.-прусс. **pintis** 'дорога', лат. **pons**, **pontis** 'мост', др.-гр. **ποντος** 'морской путь, море'. Устанавливается также связь этого слова с гот. **finpan**, др.-в.-н. **finpan** и **fandan** 'находить' [Vasmer 1955, 469]. Первоначальная идея — осуществление прохода путем ориентации в трудно проходимой местности, чем и объясняется связь этого слова с нем. **finden** 'находить'. Слово *дорога*, имеющее параллели и в других славянских языках, связывается с глаголом *дергать*, и.-е. **derg** [Там же, 363—364]. Первоначальная идея — проход, "продранный" в непроходимой чаще леса, ср. рус. *продираться через лес*.

Одна и та же ассоциация не может возникнуть у людей, находящихся в разных точках земного шара. Этим **объясняется** тот факт, что названия одних и тех же предметов и явлений основываются на разных признаках.

Очень интересное явление представляет асимметрия лингвистического знака. Обе части языкового знака — звуковой комплекс и его значение — могут изменяться независимо друг от друга. Бывают случаи, когда звуковой комплекс меняется, но значение его остается неизменным. Древнегреческое слово **ἥλιος** 'солнце' в одном из диалектов новогреческого языка превратилось в **ἴλεν**. Однако при этом

не произошло никакого изменения значения. Окончание местного падежа -да в истории чувашского языка в некоторых случаях изменилось в **-ра**, (*хулара* 'в городе' из *хулада*). Значение местного падежа осталось неизменным. Может сильно измениться значение, но звуковой комплекс при этом остается прежним, ср. тур. *уаз-* 'писать', которое когда-то означало 'царапать*'.
Разные слова и формы слов могут иметь одно и то же значение

Асимметрия знака обладает всеми признаками закона. Она **отличается** постоянством, устойчивостью, обнаруживается во всех языках мира. Выше уже говорилось о том, что каждый закон должен от чего-то зависеть, чем-то порождаться. Действие этого закона зависит от свойств самого знака. Звуковой комплекс не имеет **никакой** связи с тем, что он обозначает. Связь между звуковыми комплексами и их значениями имеет чисто конвенциональный характер. Закон **асимметрии** знака проявляется только в определенной **сфере**, в **сфере** наименования или создания слов. Это типичнейший имманентный закон, и его никак нельзя назвать законом развития общества, хотя общество использует знак для целей общения. Асимметрия языкового знака представляет свойство самого знака.

Форма и функция языковых элементов изменяются с разной скоростью. Так, например, аналитические формы слова определяются как единицы, функционально равнозначные морфологической словоформе, но сохранившие раздельность оформления. Это также можно рассматривать как внутренний закон языка.

В различных языках мира существует тенденция к изменению фонетического облика слова при утрате им лексического значения. Наиболее наглядное выражение эта тенденция получает в процессе превращения знаменательного слова в суффикс. Так, например, в чувашском языке существует творительный падеж, характеризующийся суф. *-на/-не* {*карандаш-на* 'карандашом', *вăй-не* 'силой*'). Это окончание произошло из послелого *палан*, *пелен* 'с', который представляет форму какого-то существительного в совместном падеже. Суффикс латива *-ба/-бе* в венгерском языке (*város-ba* 'в город', *erdő-be* 'в лес') был первоначально формой латива от существительного *bel* 'внутренность', которая звучала как *bile*. Когда эта форма превратилась в суффикс, ее фонетический облик подвергся разрушению. В английской разговорной речи вспомогательный глагол *have* в формах перфекта утратил свое лексическое значение, фактически редуцировался до звука *v* а форма *had* до звука 'd, например, *I'v written* 'я написал', *he d written* 'он написал' и т.д. Суффикс совместного падежа, или комитатива, мн. числа **-guim** в норвежско-саамском языке, например *obbai-guim* 'с сестрами' (от *obba* 'сестра'), восходит к самостоятельному слову *kuieme*, *guoibme* 'товарищ'. От **древнеиндийского kārya** 'дело' через промежуточные ступени *kāira*, *kēra* возник суффикс род. падежа **-er/-r** в бенгальском языке; от *karna*, *karma* 'сделанный' образовался суффикс твор. падежа в хинди **-ne**, суффикс дат. падежа **-ne** в раджастане и гуджарати, суффикс дат. падежа *nn* в пенджаби и суффиксы род. падежа **-nō**, **-ni**, **-nn**. **-na** в гуджарати; к *antar* > *anta* 'между' восходит суффикс местн. падежа **-i/-te** в бенгальском языке и суффикс того же падежа **-at** в маратхи [Chatterji 1960, 124].

В различных языках слова, состоящие из одного звука или даже из одного слога, встречаются крайне редко. Они мало выразительны, могут легче подвергаться всякого рода фонетическим изменениям. Полнозначные слова должны иметь более полнозвучные звуковые комплексы. Значения падежных суффиксов крайне абстрактны. Способы их выражения должны быть более простыми. Можно вполне ограничиться для их выражения одним или двумя звуками.

Количество звуков, содержащихся в послелогох, часто не уступает количеству звуков в полнозначных словах, ср. тат. *аның урнына* 'вместо него', *тавлар арасында* 'между гор' и т.д. Это объясняется тем, что послелоги, в особенности так называемые служебные слова, находятся на *перепутье*. Они еще внешне сохраняют прежнюю форму некогда самостоятельных слов, от которых произошли. Уменьшение количества звуков у слов, утративших лексическое значение, можно также назвать внутренним законом языка.

Многие явления языка связаны с тенденцией к экономии физиологических затрат. В различных языках мира наблюдается превращение *r* переднеязычного в *r* язычковое. Так, в истории французского языка в XVII в. появляется новое произношение *r* как язычкового, вместо прежнего переднеязычного. "В настоящее время, — пишет В.М. Жирмунский, — "картавое" *R* господствует в Германии в городском произношении почти повсеместно" [Жирмунский 1956, 347]. В артикуляции датского *r* кончик языка вообще не участвует. Этот звук образуется более глубоко, при прохождении воздушной струи через отверстие между задней частью языка, оттянутого назад, и маленьким язычком. Датское *r* похоже на так называемое картавое *r*, произносимое некоторыми русскими [Жаров 1969, 17]. Фонема *r* на Кубе в разговорном стиле реализуется во всех позициях как фрикативный звук [Иванова и др. 1971, 17]. Причиной всех этих изменений является, по-видимому, большая артикуляционная легкость картавого *г*.

Довольно часто / среднеевропейское в конце закрытого слога превращается в / велярное, которое также способно превратиться в дальнейшем в *и*. Это происходило в латыни, что нашло отражение также в романских языках, ср. исп. *otro* 'другой', фр. *autre* < *alter*. В сербохорватском / в этой позиции превратилось в *о*, ср. *читао* 'он читал' < *читаль*. То же самое явление происходило в белорусском языке, ср. *воук* 'волк' < *волк*. Аналогичное явление наблюдается в некоторых севернорусских говорах. Велярное / в конце слога превращалось в *и* в вепсском языке: *jaug* 'нога', ср. фин. *jalka* 'нога'. То же явление имело место в истории голландского языка, ср. голл. *kout* 'холодный', нем. *kalt*. Превращение велярного / в *и* и затем в *ч* имело место в некоторых диалектах языка коми, ср. *вдв* 'лошадь', *вол-ыс* 'его лошадь'. Переход велярного / в *и* имел место в истории английского языка. Этим объясняется переход *а в о в* в сочетании *al*, ср. *talk* 'говорить' — *tok*.

Причину этого явления М. Граммон видит в том, что предшествующий гласный стремится сделать / более открытым. С другой стороны, /, следующее за гласным, воспринимает это влияние. Кончик

языка становится менее устойчивым. Это означает, что язык ослабляется, и его задняя часть поднимается к небу. Затем кончик языка совершенно утрачивает контакт, и велярное / превращается в *u* [Grammont 1950, 297]. Кроме того, велярное / отличается большей артикуляционной легкостью.

В различных языках встречаются случаи объединения в одной парадигме форм различного происхождения. В основе образования парадигматических единств, содержащих элементы различного происхождения, лежит придание этим элементам какого-нибудь объединяющего их значения. Можно выделить два наиболее типичных случая: 1) придание общего значения основам различного происхождения и 2) придание общего значения формативам различного происхождения.

Ярким примером первого случая могут служить парадигмы спряжения немецкого глагола *sein* 'быть' в наст. времени и имперфекте.

		Настоящее время	
ед. число		мн. число	
1 л. <i>ich bin</i>	'я есть'	<i>wir sind</i>	
2 л. <i>du bist</i>	и т.д.	<i>ihr seid</i>	
3 л. <i>er ist</i>		<i>sie sind</i>	
		Имперфект	
ед. число		мн. число	
1 л. <i>ich war</i>	'я был'	<i>wir waren</i>	
2 л. <i>du warst</i>	и т.д.	<i>ihr wart</i>	
3 л. <i>er war</i>		<i>sie waren</i>	

Формы, начинающиеся с *b*, образованы от индоевропейского корня **bhū* — ср. рус. *быть*, лит. *buti*, лат. *fui* 'я был', гр. *φύω* 'расти, произрастать', др.-инд. *bharami* 'быть', перс. *budan* и т.д. Формы *ist, sind, seid, sind* образованы от индоевропейского корня **es*, выступающего в разных степенях аблаута. Этот корень также имеет параллели и в других индоевропейских языках, ср. лат. *esse* 'быть', гр. *εἶμι* 'Я есть', др.-инд. *as-mi* 'я есть'. В немецких формах *sind, seid, sind* этот корень представлен в так называемой нулевой ступени аблаута. Форма 2 л. ед. ч. н. вр. *bist* возникла в результате контаминации корней *bhū* и *es*. Наконец, формы имперфекта, содержащие элемент *w*, образованы от сильного глагола *wesan* 'быть'. В современном немецком языке этот глагол не употребляется. Можно предполагать, что когда-то все эти три корня имели разное значение, но позднее значение у них стало общим, что и послужило причиной их объединения в одной парадигме.

Второй случай — форманты разного происхождения могут быть объединены единством значения.

В латинском языке существовала особая система личных окончаний перфекта, которая была представлена в следующем виде:

Ед. число	Мн число
1 л. -7	-imus
2 л. -15'	-istis
3 л. -it	-erunt

Состав этих личных окончаний, если их рассматривать с исторической точки зрения, является довольно пестрым. Окончание 1 л. ед. ч. *-i* восходит к медиальному перфектному окончанию *-ai*, которое в латинском языке через промежуточную ступень *-ei* превращалось в *-ī*. личное окончание 2 л. ед. ч. *-isti* содержит примету особого аориста. Второй составной элемент *-ti*, восходящий к *-tai*, *-tei*, возник в результате осложнения древнего перфектного окончания *-tha* элементом *-i*. Окончание 3 л. ед. ч. *-it* восходит к *-ed*, ср. оск. *deded* 'он дал'. Возможно, *-ed* включает перфектное окончание 3 л. ед. ч. *-e*, ср. гр. οἶδε 'он знает', к которому присоединено вторичное личное окончание 3-го лица ед. числа. Окончание 1 л. мн. ч. *-imus* содержит обычное окончание *-mus*, встречающееся в **наст.** времени и в имперфекте. Окончание 2 л. мн. ч. *-istis* содержит показатель аориста *-is* и обычное окончание 2-го лица мн. числа.

Каждый язык стремится к созданию типового однообразия. В целом ряде языков ударение занимает определенное в слове место. В венгерском, финском и латинском языках оно падает на первый слог, в удмуртском и тюркских языках, за некоторыми исключениями, на последний, в польском на предпоследний, в новогреческом на один из трех последних слогов и т.д.

Многообразие слогов в различных языках может быть сведено к сравнительно немногим типам. Если в языке возникает какая-либо специфическая артикуляция звука в определенной позиции, то она стремится возникнуть во всех подобных условиях. Мало того, она часто не ограничивается только одним звуком и стремится захватить также и другие звуки. В древнегреческом языке было не только *t* придыхательное, но также и придыхательные *p* и *k*, во французском языке, помимо *a* носового, существуют *o*, *e* и *y* носовые. Так называемые надгортанные согласные в грузинском и армянском языках представлены фонемами *t*, *p*, *c*, *с*, церебральные согласные в современных индийских языках представлены согласными *l*, *th*, *d*, *dh*, *n*. Если в языке существует *й*, то обязательно должно быть *ö* и т.д.

В плане этой тенденции также осуществляются звуковые законы. Всякое частное изменение стремится создать тип изменения, осуществляющийся во всех одинаковых условиях. Превращение начального *s* в *h* характерно для башкирского языка, ср. *hāk al* 'борода' из *saḳal*, *кары* 'желтый' из *сарые*, *hөт* 'молоко' из *с:т.т.* Аналогичное явление наблюдается в древнегреческом языке, ср. *ἑπτά* 'семь' и лат. *septem*, др.-греч. *επομαι* 'я следую' — лат. *sequor* и т.д. Тот же самый звуковой переход имел место в истории бурятского языка, ср. *hapa* 'луна' и калм. *сар*.

С самого начала появления слова возникает конфликт между содержанием так называемой знаковой опоры слова и общим значением слова. Одним из наиболее эффективных средств является формальная, а нередко и более радикальная смысловая изоляция вновь возникшего слова.

В языке может произойти утрата источника наименования. Слова *береза* и *лебедь* в русском языке связаны с названиями белого цвета.

Берега происходит от древнего *bherag* 'светлый, белый'; а *лебедь* — от корня *albh* 'белый', ср. лат. *albus* 'белый'. Но таких прилагательных в русском языке давно нет. Слово *сын* из *sūnos* никак не может быть ассоциировано с глагольной основой *sū* 'рождать', поскольку эта основа в русском языке, даже в его предке — праславянском давно утрачена. Это тоже внутренний закон языка.

Можно утверждать, что внутренним законом развития языка является неравномерность изменения его различных сфер. Одни его составные элементы могут изменяться, тогда как другие могут сохраняться в течение длительного времени, иногда на протяжении целых столетий. Неравномерность изменений наблюдается даже в пределах **одного** языкового уровня, скажем фонологического уровня. Если сравнить фонологические системы прибалтийско-финских и пермских языков, то можно установить, что система гласных фонем в прибалтийско-финских языках более архаична, тогда как система согласных фонем подверглась очень сильным изменениям. Как раз наоборот обстоит дело в пермских языках. В этих языках система согласных фонем более архаична, система гласных фонем сильно изменилась.

Между изменениями, совершающимися в разных сферах языка, вообще может не быть какой-либо взаимозависимости. Так, например, консонантизм и вокализм в скандинавских языках архаичнее консонантизма и вокализма немецкого языка, однако древняя падежная и глагольная системы разрушились в скандинавских языках в гораздо большей степени, чем в немецком.

Переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого. Следует также иметь в виду, что элементы старого качества могут в языке переосмыслиться.

Внезапный скачок и взрыв языковой системы в корне противоречит сущности языка как средства общения. Внезапное коренное изменение неизбежно привело бы любой язык в состояние полной коммуникативной непригодности.

Могут ли все эти явления быть названы внутренними законами?

Прежде чем говорить о законах в языке, необходимо вспомнить, какими особенностями обладает закон, действующий в любой сфере. **"Закон, — говорил В. И. Ленин, — есть *отношен*[т.:"]** 29, с. 138]. Закон выступает как общая и устойчивая необходимая связь. Поскольку любой закон есть необходимое отношение, он вместе с тем и общее отношение. **В. И. Ленин** в "Философских тетрадах", конспектируя книгу Л. Фейербаха о философии Лейбница, делает вывод: Необходимость неотделима от всеобщего [Там же, 72].

К. Маркс писал, что под законом следует иметь в виду "внутреннюю и необходимую связь между... явлениями" [т. 25, ч. 1, с. 246].

Всякая существенная и, следовательно, закономерная связь является в то же время и необходимой связью, ибо она обуславливает само существование объекта, его развитие и функционирование. Следовательно, всякий объективный закон природы и общества вы-

ражает необходимое отношение, связь между явлениями [Друянов 1981, 12].

В силу того, что закономерная связь (закон) является существенной и необходимой, она носит в то же время устойчивый, стабильный и, следовательно, повторяющийся характер. Закон, таким образом, — это повторяющаяся связь. Повторяемость — важнейшая черта закона [Там же, 23, 24]. Следует, однако, заметить, что повторяемость — не эквивалент понятия закона. Повторяться могут и несущественные, случайные связи объектов. [Там же, 25].

Закон есть не только необходимое общее, но и необходимое устойчивое отношение. Закон не может основываться на неустойчивых связях. Он необходимо предполагает относительное постоянство. Одни свойства предметов под влиянием различных обстоятельств изменяются, исчезают, другие, наоборот, возникают, **закрепляются**. Закон не может отражать все их многообразие. Он фиксирует лишь относительно постоянные отношения предметов и явлений, которые в процессе их изменения и развития не претерпевают соответствующих изменений [МД 1982, 226, 227].

Охватывая лишь существенное, относительно **"спокойное"** и устойчивое в явлениях, закон, естественно, не может воспроизвести всего конкретного многообразия действительности, бесконечного множества присущих ей связей и **опосредствований** [Друянов 1981, 12]. Закон всемирного тяготения Ньютона выражает величину гравитационного взаимодействия между материальными объектами в зависимости от их масс и расстояния между ними, но, очевидно, не имеет прямого отношения к их цвету, структуре и многим другим особенностям [Там же, 12].

Познание законов не может быть результатом простого чувственного восприятия. Оно достигается лишь путем теоретического исследования.

Общее, существенное, необходимое (и, следовательно, закономерное) не имеет отдельного бытия. Оно выражается в единичном, случайном. В реальном, объективном мире существенное неразрывно слито с несущественным, необходимое со случайным, всеобщее, инвариантное, закономерное с вариантным, переходящим, незакономерным. Поэтому в чувственном восприятии эти аспекты, или стороны, действительности воспринимаются в нерасчлененной форме — существенное одновременно и вместе с несущественным, закономерное — со случайным и т.д. Элиминировать закономерность из общей массы — сплава чувственных восприятий без абстрагирующей деятельности **мышления**, без рефлексии невозможно [Друянов 1981, 88].

"Закон, — говорил Ленин, — есть прочное (остающееся) в явлении... (Закон — идентичное в явлении)" [т. 29, с. 136].

«Закон — это существенное отношение (связь), и как таковое оно присуще не отдельному объекту, а всей совокупности объектов, составляющих определенный класс, вид, порядок, множество объектов данного типа. Ибо всякое существенное отношение для данной совокупности явлений есть в то же время и общее для них отношение. Следовательно, закон — это существенное общее отношение (связь)

между явлениями или же между их сторонами, которое определяет способ **"поведения"** объектов данного типа, характер их существования и развития» [Друянов 1981, 8, 9].

Законы могут быть менее общими, действующими в ограниченной области, более общими и всеобщими, универсальными.

Если возможны законы, действующие в ограниченной области, то и в языке должны существовать законы, специфические для данной области. Такие законы, действительно, существуют.

"Раскрыть закон как связь необходимую, всеобщую, повторяющуюся, инвариантную; и, следовательно, необходимость, всеобщность, повторяемость, инвариантность являются важнейшими чертами всякого закономерного отношения" [Там же, 10, 11].

Закон по существу — это повторение какого-то наиболее устойчивого явления. Закон всемирного тяготения проявляется всюду, потому что притяжение предметов Землей является постоянно действующим. Закон может проявляться в определенной области. Поэтому нужно выяснить, к какой области явлений относится данный закон. Чтобы определить, к какой категории относится данный закон, имманентный он или неимманентный, необходимо определить, чем он порождается.

Для того чтобы выяснить, существуют ли в языке имманентные законы, необходимо их сравнить с типичными общественными законами. Развитие любого общества, как показывает всемирная история, проходит через определенные этапы, называемые общественно-экономическими формациями. Эта закономерность осуществляется в силу определенной необходимости, она устойчива, постоянна, типична для развития общества. Здесь все признаки закона.

В своем развитии общество принимает форму государства. Формы этого государства могут быть самыми различными (и, возможно, в будущем государства не будет), но государственность, как опять-таки показывает всемирная история, является признаком любого упорядоченного человеческого общества. Как только формируется общество, тотчас же возникает язык и общественное сознание. Это также закономерно и проявляется в форме определенного закона. Типичным признаком всякого антагонистического общества является появление антагонистических классов, ведущих между собой классовую борьбу.

Базис не может существовать без соответствующей надстройки, которая его укрепляет и поддерживает. С изменением базиса изменяется и надстройка. Это тоже общественный закон.

Переход из одной общественно-экономической формации к другой обычно совершается путем революции. Этот переход чаще всего совершается бурно и влечет за собой создание нового качества общества. Критика теорий стадий в развитии языка наглядно показала, что в языке нет смены стадий, которые можно было бы уподобить сменам общественно-экономических формаций. Следовательно, стадийность не является внутренним законом развития языка.

В развитии языка нет явлений, которые можно было бы уподобить государству. Язык — средство общения между людьми.

Язык не может быть классовым, так как общество нуждается в языке, который был бы способен обслуживать все классы общества. Классовый язык был бы неспособен выполнять эту функцию. Язык не может развиваться путем внезапных скачков и взрывов. Внезапно изменившийся язык стал бы непригодным как средство общения. Это могло бы парализовать жизнь общества.

Язык развивается стихийно. В системе языка нет математической упорядоченности, поскольку в его создании участвует много людей, действия которых не связаны никакими планами и договоренностями. Законы, присущие определенной, качественно **специфической** области **явлений**, не имеют места в других качественно специфических областях. Научные законы, применимые к определенной сфере материальных объектов, к одной какой-либо форме материального движения, неприменимы к другой.

Внутренний закон в языке — это прежде всего закон определенной лингвистической сферы, закон, присущий этой сфере. Совершенно неверны попытки некоторых лингвистов отрицать существование имманентных законов и отождествлять их с законами общественными.

Какими существенными признаками должен обладать имманентный закон?

1) Имманентный закон должен быть похож на всякий другой закон в том отношении, что ему, как и всякому другому закону, свойственны постоянство, необходимость, повторяемость и способность выражать существенную связь.

2) Имманентный закон имеет собственный импульс, который порождается в той сфере, в которой данный закон действует.

3) Действие этого закона не связано с каким-либо специфическим характером общества, его историей, внутренним устройством и т.п. Единственным условием его проявления является язык.

Критика имманентных законов и их огульное отрицание отражает глубокое непонимание сущности человеческого языка.

Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что в языке существуют только внутренние законы. В языке наблюдаются явления, зависящие от состояния общества. Образование в языке диалектов зависит во многом от причин внешнего порядка, как то: миграция населения, изоляция отдельных его групп, дробления или укрепления государства, усвоения данного языка иноязычным населением и т.п.

Образование и функционирование национальных литературных языков также связаны с определенной исторической эпохой. В каждом многонациональном государстве выделяется какой-либо крупный и достаточно распространенный язык, который начинает играть роль языка межнационального общения. Появление языка межнационального общения в стране с многонациональным населением зависит не только от пестрого национального состава данной страны, но также от наличия государства, могущего объединять различные народы, от условий, способствующих укреплению и распространению языка национального общения и многих других факторов.

Степень развития языка, его способность удовлетворять потреб-

ности общения современного человека в сильной степени зависит от степени развития общества.

Следует подчеркнуть, что любой закон есть выражение **не** простой сущности предметов, а их противоречивой сущности [МД 1982, 228].

Объективная действительность детерминирована не одним, а многими законами, которые **"накладываются"** и **"перекрывают"** друг друга. Естественно, что совокупное действие этих законов-, поскольку оно никем сознательно не направлено, неизбежно порождает беспорядок, иррегулярность. Действительно, и в самых различных языках можно найти немало непоследовательностей и всякого рода противоречий.

В уральском праязыке в начале слова не было звонких согласных. Сохранению этого положения в немалой мере способствовало постоянное динамическое ударение на первом слоге, которое препятствовало озвончению начальных согласных. Вместе с тем существует другой лингвистический закон — в начале слова сосредоточены звуки, несущие наибольшую информацию по сравнению со звуками, находящимися в конце слова. В начале слова более выгодно иметь звонкие согласные, поскольку они более слышимы. По этой причине в некоторых уральских языках прежняя закономерность нарушается и появляются звонкие согласные в начале слова, ср. коми-зыр. *бара* 'опять', **морд.** *гала 'гусь', берякадомс* 'ухудшиться' и т.д.

Аналогичным образом обстоит дело и в тюркских языках. В тюркском праязыке в начале слова также не было звонких согласных и ударение также падало на первый слог. В современных тюркских языках начальные звонкие согласные нередки, ср. тат. *бал* '**мсд**', тур. *bas* 'голова', туркм. *гея* 'приходить', аз. *даш* 'камень', тур. *diS* 'зуб' и т.д.

Строю древних тюркских языков, а также строю большинства современных тюркских языков чужды придаточные предложения европейского типа, вводимые союзами. Простое предложение в тюркских языках стремится включить в себя все потенциально возможные придаточные предложения, создать такие заменители придаточных предложений, структура которых не противоречила бы правилам построения главного предложения. Такой синтаксис является следствием закона порядка слов **"определение + определяемое"**. Однако вышеуказанный прием таил в себе некоторые противоречия. С лингвотехнической точки зрения причастные и деепричастные конструкции и всякого рода развернутые определения не создавали достаточных условий, позволяющих четко выделить главную мысль — в языке появились так называемые гибриды. В этих гибридных образованиях причастные и деепричастные конструкции стали сочетаться с союзами и частицами союзного порядка. Гибридизация в целом ряде случаев выступает как способ усовершенствования синтаксической связи. В некоторых современных тюркских языках, в особенности в турецком, азербайджанском и гагаузском, появились придаточные **предложения европейского типа**.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В СОЗНАНИИ

Сущность общественного сознания можно понять только при условии, если мы будем последовательно рассматривать эту проблему в трех основных аспектах: биологические предпосылки или основы общественного сознания, индивидуальное сознание, общественное сознание.

Вопрос о биологических предпосылках общественного сознания чаще всего обходится по той простой причине, что ему не придается особой роли. Принято считать, что биологические предпосылки здесь никакой роли не играют. Общественное сознание, дескать, исключительно создается обществом. Недооценке биологических предпосылок общественного сознания в известной мере способствуют некоторые факты. Субъективные образы человеческого сознания не обладают физическим сходством с внешними объектами. Если человек воспринимает дерево, то это не означает, что такое же дерево, только меньших размеров, возникает в его сознании. Сознание человека отражает не состояние мозга, не физические процессы, происходящие в нем, а внешний мир.

В отличие от животных человек обладает иными формами отражения действительности — не наглядным чувственным, а отвлеченным рациональным опытом. Такая особенность и характеризует сознание человека, отличая его от психики животных. Эта черта — способность человека переходить за пределы наглядного, непосредственного опыта — и есть фундаментальная особенность его сознания.

Психологи-идеалисты (такие, как В. Дильтей, Э. Шпрангер и др.) считали, что высший уровень абстрактного поведения, которое определяется абстрактными категориями, действительно является характерным для человека. Но они сразу же делали вывод, что этот уровень отвлеченного сознания есть проявление особых духовных способностей, заложенных в психике человека и что эта возможность выйти за пределы чувственного опыта и оперировать отвлеченными категориями есть свойство духовного мира, которым обладает человек, но которого нет у животного. Это было основным положением различных дуалистических концепций [Лурия 1979, 13—14].

По мнению Декарта, человек в отличие от животного обладает духовным миром, благодаря которому возникает возможность отвлеченного мышления, сознательного поведения; корни его поведения

уходят в свойства духа, которые нельзя объяснить материальными причинами [Там же, 14—15].

На близких к Декарту позициях стоял и Кант. Для Канта существовали апостериорные категории, т.е. то, что выводится из опыта, полученного субъектом, и априорные категории, т.е. категории, которые заложены в глубинах человеческого духа. Суть человеческого познания, говорил Кант, и заключается в том, что оно может выходить за пределы наглядного опыта; это трансцендентальный процесс, т.е. процесс перехода от наглядного опыта к внутренним сущностям и общественным рациональным категориям, заложенным в существе человеческого духа [Там же, 15].

Крупнейшим неокантианцем является немецкий философ Э. Кассирер. По его мнению, человеческому духу свойственны символические формы, которые проявляются в знаках, в языке, в отвлеченных понятиях. Человек тем и отличается от животного, что он оказывается в состоянии мыслить и организовывать свое поведение в пределах символических форм, а не только в пределах наглядного опыта.

По мнению философов идеалистического лагеря, эти принципы можно лишь описывать, но нельзя объяснить, и на этом утверждении строится вся современная феноменология — учение об описании основных форм духовного мира [Там же, 15].

Крупнейший психолог XIX в. Вильгельм Вундт разделял ту же дуалистическую позицию. Для него существовали элементарные процессы ощущения, восприятия, внимания и памяти — процессы, которые подчиняются элементарным естественным законам и доступны для научного (иначе физиологического) объяснения. Однако в психических процессах человека есть и иные явления. Эти процессы проявляются в том, что Вундт называл **"апперцепцией"**, т.е. активным познанием человека, исходящим из активных установок или воли. По мнению Вундта, эти процессы активного отвлеченного познания выходят за пределы чувственного опыта, относятся к высшим духовным явлениям, их можно описывать, но объяснить их нельзя потому, что в них проявляются априорные категории человеческого духа [Там же, 16].

Авторы, входившие в Вюрцбургскую школу, такие, как О. Кюльпе, Н. Ах, А. Мессер, К. Бюлер, пришли к выводу, что сознание и мышление нельзя рассматривать как формы чувственного опыта, что мышление протекает без участия наглядных образов или слов и представляет собой особый вид психического процесса, в основе которого лежат категориальные свойства духа, которые и определяют его протекание [Там же, 17].

Представители детерминистского направления исходили из основных положений философов эмпириков, согласно которым все, что есть в мышлении, раньше было в чувственном опыте [Там же, 19]. Эти исследователи подходили к своей задаче объяснить основные законы сложнейшего отвлеченного или категориального мышления с аналитических позиций или позиций редукционизма, считая, что для понимания законов мышления достаточно иметь два элементарных

процесса (представление или чувственный образ, с одной стороны, и ассоциации, или связи чувственного опыта, с другой) и что мышление — это не что иное, как ассоциация чувственных представлений. Указанные позиции лежали в основе ряда школ психологов-ассоцианистов [Там же, 20].

Бихевиористы с самого начала отказались изучать отвлеченное мышление, которое как будто бы должно являться предметом психологии. Для них предметом психологии являлось поведение, а само поведение понималось как нечто состоящее из реакций на стимулы, как результат повторений и подкреплений, иначе говоря как процесс, строящийся по элементарной схеме условного рефлекса. Бихевиористы никогда не пытались **подойти** к анализу физиологических механизмов поведения... они ограничивались анализом внешней феноменологии поведения, трактуемой очень упрощенно, и пытались подойти ко всему поведению человека так же, как они подходили к поведению животного, считая, что оно исчерпывается простым образованием навыков [Там же, 21].

В результате столкновения этих двух главных направлений в психологии и возник кризис психологической науки.

А.Р. Лурия считает, что выход из этого кризиса нашел **Л.С. Выготский**. Основное положение Выготского заключается в следующем: для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы организма, искать источники этой сознательной деятельности и категориального поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека [Там же, 23].

Целиком и полностью солидаризирующийся со взглядами **Л.С. Выготского А.Р. Лурия** в свою очередь замечает: Источники абстрактного мышления и категориального поведения, вызывающие скачок от чувственного к рациональному, надо, следовательно, искать не внутри человеческого сознания, не внутри мозга, а вовне, в общественных формах исторического существования человека [Там же, 2S].

Нетрудно заметить, что сторонники этого направления, которое **А.Р. Лурия** назвал выходом из кризиса, на самом деле совершают другой крен. Он выражается в гипостазировании социального и крайнем умалении роли биологических предпосылок общественного сознания.

В советской психологии **существует** другое, более убедительное направление.

Сознание присуще лишь человеку, возникает и развивается лишь в обществе. Однако оно обусловлено не только социально. Внешняя действительность для животного — природа, для человека — природа и общество. Поэтому сознание человека детерминировано внешними факторами двояко: явлениями и законами природы и общественных отношений [Тугаринов 1971, 39].

Классики марксизма неоднократно подчеркивали социальную обусловленность сознания, но делали они это не потому, что не понимали

природных корней и материальной основы сознания. Такой домысел противоречит всей их концепции об отношении материи и сознания. Они делали упор на социальную базу сознания также не потому, что они считали общество творцом материи, материального. Общество не создало до сих пор ни одной клетки, ни одного нейрона. Только природа лепит органические формы и все с ними связанное. Классики марксизма делали указанный акцент ввиду недооценки современной им философией роли социальных факторов в развитии сознания. Не говоря уже об **идеалистических** и религиозных трактовках сознания как внеприродного и сверхъестественного явления даже французские материалисты XVIII в., Л. Фейербах и вульгарные материалисты середины XIX в. не понимали значения социальных факторов. В современной Марксу и Энгельсу философии господствовал в данном вопросе физиологизм и антропологизм, рассматривавшие сознание как явление тела и духа отдельного человека. До классиков марксизма история не привлекалась к анализу данного вопроса. Тем более не привлекалась к этому история труда человека, его материальной деятельности [Там же, 41].

Сознание человека детерминировано не только условиями природы, но и условиями общественной жизни. Единство этих двух детерминаций и определяет все особенности человеческого сознания [Там же, 26]. Однако при отсутствии необходимых биологических предпосылок общественное сознание не могло бы возникнуть. Биологические предпосылки и жизнь людей в обществе — это два основных фактора, в результате действия которых создается общественное сознание. Если бы люди не обладали одинаковой способностью познавать действительность, они не могли бы понимать друг друга.

Нельзя разделять непроходимой стеной психику животных и сознание человека, представлять себе возникновение последнего без предпосылок, из ничего. Марксизм пользуется формулой: сознание есть свойство высокоорганизованной материи, а не свойство человека. Ф. Энгельс писал, что животным присущи все виды рассудочной деятельности. Восприятиям и представлениям животных присуща способность к обобщениям, названная **И.П. Павловым** естественной генерализацией раздражений. Она представляет собой зачаточную форму того свойства, которое присуще человеческим понятиям [Там же, 27].

Исследование научного познания, в частности вышеприведенные примеры, показывают, что эта познавательная задача разрешается мышлением посредством двух основных операций — анализа и синтеза. Положение, согласно которому анализ и синтез являются основными операциями мышления, так что мышление может быть охарактеризовано как **аналитико-синтетическая** деятельность — необходимый вывод из исследования мышления как познания бытия. Характеристика мышления как аналитико-синтетической деятельности есть основная и вместе с тем самая общая его характеристика [Рубинштейн 1946, 117].

Способность к анализу и синтезу присуща всем живым существам. Элементарный анализ и синтез являются врожденными свойст-

вами, выработавшимися в ходе длительной биологической эволюции в результате приспособления к окружающей среде. Всякий животный организм может осуществлять свою деятельность лишь в том случае, если он будет действовать соответственно, адекватно состоянию среды. Среда воздействует на организм как некоторое единство, как система, как целое, и в то же время воздействует отдельными элементами, сторонами и т.д. Следовательно, всякий организм, начиная с простейших, вынужден отражать среду как целостность и в то же время выделять ее элементы, т.е. осуществлять синтез и анализ.

Науке не известны организмы, которые хотя бы в элементарной форме не осуществляли синтеза и анализа. Простейшие **одноклеточные** организмы (например, амеба, инфузория и т.д.), способны отличать положительные раздражители от отрицательных (анализ), соединять в отдельные группы раздражители от отрицательных и нейтральных качеств, но равные по интенсивности (синтез) и соответственно реагировать на раздражитель в зависимости от его интенсивности. Окружающая живой организм среда обладает исключительной сложностью. Живой организм не может отразить ее сразу как целое. Поэтому для ориентации организма в окружающей среде исключительно важно, чтобы поступающее извне раздражение дробилось, так как от этого зависит уточнение отношений к окружающей среде.

Необходимо отметить, что у более высоко развитых животных организмов, включая человека, эта способность в достаточной степени развита. Животные организмы этого типа имеют целую систему специализированных рецепторов, каждый из которых **воспринимает** только раздражение определенного рода: например, глаз воспринимает световые раздражения, ухо — слуховые, кожа — температурные и некоторые другие раздражения.

Благодаря способности рецепторов-анализаторов разлагать мир на отдельные и осознавать их как ощущения становится возможным различение отдельных качеств предмета. Собственно с этого и начинается познание окружающего мира. Прежде чем отразить целое, необходимо отразить отдельные. В основе раздельности зрительных признаков предмета лежит раздельность физиологических реакций. Все признаки или свойства предметов суть продукты раздельных физиологических реакций восприятия.

В философской литературе, даже в марксистской, широко **распространено** мнение, будто бы ощущение, как наиболее элементарная форма восприятия окружающей действительности, всегда связано только с дроблением действительности. Так, например, Г.А. Геворкян пишет по этому поводу следующее: Органы чувств в историческом процессе развития приспособились таким образом, что через каждый отдельно взятый орган под воздействием предметов внешнего мира возникают определенные ощущения (световые, звуковые и т.д.) и в определенных пределах (начиная с так называемого порога ощущения до определенного максимума). Таким образом, при ощущении налицо дробление, расчленение внешнего воздействия, своего рода анализ [Геворкян 1957, 11, 15].

Но для приспособления к окружающей среде одной способности

различения отдельных свойств предметов еще недостаточно. С изменением условий существования жизненно важное значение приобретает все больший круг внешних воздействий, охватывающий все большее число предметов, вследствие чего возникает необходимость появления слитной реакции на сложный комплекс раздражений, идущий от целостных предметов и ситуаций. Живой организм, находящийся в подобных условиях, имеет дело не только с отдельными свойствами, но и с целостными предметами, познание которых в их целостности составляет не менее важную жизненную задачу, поэтому познание общих свойств предметов превращается в особо важный и необходимый этап познания.

Уже в самом акте ощущения необходимо присутствует синтез. Если бы ощущение устанавливало лишь различие предметов, то оно и не могло бы возникнуть, так как определенность ощущения связана в первую очередь с синтезом различных отношений. Отражая внешний мир, ощущение выделяет и группирует раздражители определенного качества, уподобляет каждое данное раздражение всем раздражениям того же качества, которые были или когда-либо будут восприниматься организмом. Возникновение слитного образа предмета опирается на ряд анатомо-функциональных условий, т.е. анатомо-физиологическую связь материальных субстратов отражения — анализаторов. Известно, что анализаторы связаны друг с другом непосредственно, т.е. через центральную нервную систему и гуморальный путь. Исследования Н.Г. Иванова-Смоленского, А.В. Палладина, **И.Я. Перельцев** и особенно **Л.Г. Воронина** показали, что рефлекс на комплексный раздражитель не является арифметической суммой элементарных рефлексов, а представляет собой новую слитную реакцию с особым функциональным комбинаторным центром (**И.П. Павлов**), в которой отдельные раздражители теряют самостоятельное значение и становятся единой частью отдельного комплексного раздражителя [Орлов 1962, 166—167].

Живому организму свойственна врожденная генерализация раздражителей (примитивные формы обобщений). При первых же попытках выработки условных рефлексов в павловских лабораториях было отмечено, что рефлекторный эффект получается вначале не только на основной подкрепляемый раздражитель, но и на любой, сходный с ним. Если, например, тон 300 герц подкрепляется пищей, то вначале тон любой другой частоты и даже другие звуковые раздражители вызывают пищевой рефлекс, хотя они никогда ранее не были связаны с пищевой деятельностью. Лишь постепенно неподкрепляемые раздражители дифференцируются от подкрепляемого [Кольцова 1967, 10]. В начальном периоде выработки условного рефлекса раздражитель оказывается слабым. Поскольку слабые процессы не концентрируются, а широко иррадируют по нервной ткани, то действие многих сходных раздражителей в раннем периоде условной связи оказывается генерализованным [Там же, 11].

Помимо примитивной генерализации существуют так называемые вырабатываемые **формы обобщения**, в основе которых лежит распределение возбуждения по определенным нервным путям. Все

формы условно-рефлекторной деятельности **И.П. Павлов** рассматривал как выражение вырабатываемых форм обобщения. По его мнению, в коре головного мозга может иметься группированное представление явлений внешнего мира. Этой форме обобщенного отражения явлений **И.П. Павлов** придавал очень большое значение и рассматривал как прообраз понятий, возникающий без слова [Там же, 12—13].

Познанию предмета в его целостности в немалой степени способствует сама объективная действительность. Предметы материального мира существуют дискретно и имеют вполне определенные и четкие границы. Контур вещи является первым и важнейшим качеством внешних предметов, которое отражается в восприятии и служит отправной точкой развития восприятия [Орлов 1962, 168].

По-видимому, форма предметов, замечает **М.М. Кольцова**, является более надежным и совершенным критерием, т.е. более существенным свойством, для обобщения этих предметов и отличия их один от другого [Кольцова 1967, 154]. Анализ и синтез пронизывают все формы познания действительности.

Способность к синтезированию, к выявлению общего, имеет огромное значение в познании мира. Мы были бы не в состоянии обнаружить ни одного нового факта или явления в нашей жизненной практике, если бы мы не опирались в процессе познания на некоторые общие черты и особенности предметов материального мира, познанных нами ранее. Таким образом, знание общего используется как средство познания нового.

Не меньшее значение, чем анализ и синтез, имеет в процессе познания возникновение инвариантного обобщения образа предмета. Предпосылки возникновения в мозгу человека инвариантного образа предмета были заложены уже в первой стадии познания, т.е. в ощущении. Как говорилось выше, уже в процессе ощущения наряду с восприятием различными органами чувств различных свойств воздействующего на них предмета происходит синтез, способствующий его целостному восприятию. В философии обычно принято делить процесс познания на идущие по восходящей линии ступени, именуемые формами познания.

Принято считать, что отличительным свойством такой ступени чувственного отражения действительности, как восприятие, является целостность отображения предмета. Благодаря целостности в восприятии, замечает **В.В. Орлов**, в сферу непосредственного знания входят такие существенные стороны предмета, которые были скрыты в ощущении. В ощущении не дано непосредственного знания геометрии тел — линий, плоскостей, форм вообще. Считается поэтому, что в ощущениях непосредственно не осознаются пространственность и длительность, хотя они заранее заключены в содержании ощущений [Орлов 1962, 171]. С подобным утверждением согласиться довольно трудно, так как четко очерченные контуры предмета, по-видимому, схватываются ощущением.

Другим отличительным признаком восприятия является то обстоятельство, что оно является результатом практической деятельности человека и содержит известные элементы обобщения. В восприятии происходит определенное раздвоение единого психического акта

на противоположные стороны — объективную и субъективную, благодаря чему на первый план, в сферу непосредственного осознания, выдвигаются существенные признаки вещей. Восприятие включает в себя такой момент, который не вытекает непосредственно из лежащих в его основе ощущений, а зависит от общего состояния психической деятельности человека (апперцепции) [Орлов 1962, 176]. Восприятие зависит от имеющихся у человека **знаний**, потребностей, интересов, навыков. Апперцепция выражает зависимость восприятия от прошлого опыта человека, является аккумуляцией ранее воспринятых человеком ощущений.

При этом часто утверждается, будто бы восприятие может дать сведения только о том, что непосредственно воздействует на животное или человека, т.е. знание конкретной ситуации.

Здесь еще не происходит отрыва от конкретной ситуации. Стало быть, у животного и человека даже нет таких свойств, как память, с помощью которой такой отрыв можно было бы произвести. Такой вывод противоречит действительности.

Следующей, более высокой ступенью познания является представление.

В восприятии имеется некоторая инертность — впечатление может длиться некоторое время после того, как внешний агент уже перестал действовать. Развитие психической деятельности в связи с усложнением условий существования живых организмов шло по линии закрепления и усиления этой инерции, в результате чего образ стал сохраняться и, что еще более важно, воспроизводиться в отсутствии предмета. Произошел таким образом отрыв образа от конкретной ситуации во времени, образ стал существовать и воспроизводиться независимо от наличия или отсутствия в каждый данный момент предмета, вызвавшего этот образ [Орлов 1962, 181]. Простейшее представление, представление единичного предмета, как правило, не есть результат разового воздействия на чувства. Оно образуется в результате многократного воздействия на чувства и многократного образования ощущений и восприятий от данного предмета. Уже одно это обстоятельство приводит к тому, что при образовании представления единичного предмета производится простейшее элементарное абстрагирование; так как один и тот же предмет каждый раз воспринимается в различной обстановке, в окружении различных других предметов, то в представлении в первую очередь не закрепляются условия, обстоятельства его воздействия на чувства. В чувственно-наглядном образе не закрепляются также те свойства и стороны данного предмета, которые не присутствуют в каждом его восприятии. В представлении, как правило, закрепляются те свойства и стороны предмета, те его отношения с другими предметами, которые в нем ярко выражаются, бросаются в глаза и играют определенную роль в жизнедеятельности использующего предмет индивида [Геворкян 1957, 14].

Представления имеются, по-видимому, и у высших животных. Без наличия... образа и без его пространственной проекции во внешней среде было бы невымыслимо приспособление животного на

расстоянии, т.е. когда жизненно важный объект не находится в непосредственном контакте с ним, будь этот объект пищевое вещество или грозящий жизни животного враг [Беритов 1957, 143].

Обычно принято считать, что абстрагирование и обобщение совершаются в пределах чувственной наглядности отображенного внешнего мира. Это означает, что образ, имеющийся в представлении, можно мысленно воспроизвести, например, видеть перед собой так же, как мы видим предметы объективного мира [Геворкян 1957, 15]. Приходится, однако, признать, что в утверждениях подобного рода все же нет достаточной ясности. Ведь человек в своей жизненной практике чаще всего сталкивается хотя и с однородными, но разными предметами. Возникает проблема, как он их мысленно воспроизводит на ступени чувственного познания, иными словами, могут ли существовать представления о единичных предметах.

В этом вопросе в советской философской науке существует два противоположных взгляда. Одни считают, что представление может быть в чувственно-наглядном образе только единичного предмета; возможности большего обобщения представления не содержат.

Типичным в этом отношении является рассуждение логика Н.И. Кондакова: допустим, мы предложим группе лиц представить образ дома. Затем, когда мы попросим передать словами этот образ, то обнаружим, что эти образы никак не совпадают друг с другом. Для одного дом представится в виде коттеджа, для другого — в виде 400-квартирного гиганта на улице Горького в Москве, для третьего — в виде стандартного дома пригородного поселка, для четвертого — в виде обыкновенной сельской избы и т.д. Все это будут самые разнообразные чувственно-наглядные образы дома [Кондаков 1954, 280]. По мнению В.З. Панфилова, мы не можем себе представить дом или собаку вообще и т.п. И это понятно, так как мы могли бы это сделать только в том случае, если бы были возможны обобщенные ощущения, являющиеся элементами представления [Панфилов 1957, 130—131].

Сторонники другой точки зрения считают, что возможны более обобщенные, более абстрактные представления, чем представления единичных предметов. Такая точка зрения по традиции связана с научным наследием И.М. Сеченова, который обосновал возможность большего, хотя и ограниченного определенными пределами, обобщения и абстрагирования в чувствах. Все повторяющиеся, близко сходные впечатления, — писал Сеченов, — регистрируются в памяти не отдельными экземплярами, а слитно, хотя и с сохранением некоторых частных впечатлений. Благодаря этому в памяти человека десятки тысяч единичных образований сливаются в единицы [Сеченов 1947, 440].

Как бы ни различались отдельные березовые деревья, все же во всех них повторяются те свойства и стороны, которые делают их березами, и эта общность выражается также во внешнем виде. В обобщенном образе березы удерживаются именно эти, общие всем березам свойства и стороны. Сеченов указывает, что возможно также представление дерева вообще; в нем будут удержаны

все те стороны и свойства, все те внешние признаки, которые присущи березе и сосне, клену и акации и т.д. Таковы — общий контур и расположение частей; возвышающийся над землей ствол, ветви, зеленая крона и их соотношение [Геворкян 1957, 17]. Такой же точки зрения придерживался и **С.Л. Рубинштейн**. Представление может быть обобщенным образом не единичного предмета или лица, а целого класса или категории аналогичных предметов [Рубинштейн 1946, 288].

Все эти споры свидетельствуют о наличии какой-то более сложной картины.

У всех людей, безусловно, имеются редуцированные образы классов предметов. Отражение предметов и явлений окружающего мира в голове человека не является зеркальным. Головной мозг превращает поступающую извне информацию в образ. Образ вещи — не сама вещь, а ее отображение. Он не совпадает непосредственно со своим предметом. Обобщение, абстрагирование от бесконечного числа свойств вещи и фиксирование только его наиболее устойчивых и постоянных черт превращает образ в некоторый идеальный объект, инвариант класса предметов, не существующий фактически в реальной действительности. Вещи не отражаются в нашем сознании в чистом виде. Они представлены в идеальной форме, субъективно. Такой образ изоморфен отображаемому предмету, но не тождественен ему.

Не совсем правильным, по нашему мнению, является и вышеприведенное рассуждение логика Н.И. Кондакова о том, что образ дома для лиц данной группы не будет одинаков. Конечно, так может быть, если каждый из членов этой группы попытается представить дом, в котором он живет. Но у каждого члена этой группы, несомненно будет и более абстрактное представление дома вообще. Это уже будет не дом в его конкретной форме, а нечто усредненное.

Может быть также создан и чувственный обобщающий образ класса предметов. Зная определенный класс предметов, например березу, человек может мысленно сконструировать обобщенный образ березы, ее ствол, листья, ветки и т.п., используя свои ранние впечатления. Ярким подтверждением этой возможности является деятельность художника. Художник может сесть за стол и нарисовать пальму, хотя в данном месте пальмы вообще могут не расти.

Возможен также и другой путь создания обобщенного образа сходных предметов. Образовавшийся у индивида чувственно-наглядный образ единичного предмета может стать представителем целого ряда одинаковых предметов. Встречаясь с многочисленными предметами того же рода и обнаруживая в них подобные, сходные свойства, стороны, индивид различает и узнает их путем сопоставления с имеющимся у него образом впервые встретившегося ему или же ярко повлиявшего на него единственного предмета. Так, у человека, родившегося и выросшего на берегу реки, представление всегда связано с его родной рекой, вернее с тем участком, в котором он купался, ловил рыбу, которым он долго любовался. И сколько бы рек он ни встречал на своем веку или сколько бы при нем ни говорили о реке, в его памяти всегда **всплывает** образ родной реки с характерными для нее особенностями.

Этот чувственно-наглядный образ выступает как представитель целого ряда предметов, как обобщающий образ для обозначения многочисленных рек. Со временем благодаря накоплению опыта этот образ может меняться, некоторые черты его будут тускнеть, а другие, наоборот, выделяться больше, в зависимости от того, насколько ярко они выражены в других встреченных индивидом реках [Геворкян 1957, 17—18].

Кроме того, следует иметь в виду и другой факт. Человек может обладать знанием данного класса предметов. В своей жизненной практике человек имеет дело с разными предметами в разных ситуациях. Он легко их опознает и умеет извлекать из них определенную пользу для удовлетворения своих жизненных потребностей. Возникает вопрос, являются ли решающими только те следы, которые сохраняются в памяти, или здесь действует какой-то дополнительный фактор. Можно предположить, что, помимо следов памяти, человек имеет еще знание о данном предмете, которое он приобрел как часть жизненного опыта в результате многократного воздействия на его органы чувств однородных предметов и использования их для своих жизненных потребностей.

В комплекс этих знаний входят такие данные, как основные свойства предмета — цвет, вкус, запах, характер поверхности и т.д. Эти знания сохраняются в памяти. Несомненно сохраняется в памяти и общее представление о форме предмета, его общие схематические контуры, расположение составных частей и т.д. Подобное знание предмета давало возможность человеку хорошо ориентироваться в окружающей обстановке и извлечь в случае необходимости пользу из этого предмета. Наш далекий предок не умел говорить, но он безусловно знал окружающие предметы и умел их распознавать в любой конкретной ситуации. Эту особенность хорошо в свое время выразил **Маркс**. «...они [люди], — писал Маркс, — начинают с того, чтобы *есть, пить* и т.д., т.е. не "стоять" в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства). Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов "удовлетворять потребности" людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и "теоретически" отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 377].

Во всяком случае остается фактом, что знание предмета, представление о его характерных свойствах уже в то время было оторвано от конкретной ситуации.

Следует заметить, что знанием предметов обладают и животные. Узнавание предметов, — указывал И.М. Сеченов, — очевидно, служит животному руководителем целесообразных действий — без него оно не отличало бы щепки от съедобного, смешивало бы дерево с врагом и вообще не могло бы ориентироваться между окружающими предметами ни одной минуты [Сеченов 1947, 467].

Поскольку человек в своей жизненной практике сталкивался с це-

лыми классами однородных предметов, то комплекс сведений об одном предмете стал распространяться на весь класс однородных предметов в целом. Таким образом этот комплекс превратился в аналог понятия, который мог возникнуть в голове человека задолго до возникновения звуковой речи. Знание о предмете было редуцированным по той простой причине, что человеческая память не в состоянии сохранить все мельчайшие подробности. Оно содержало только общее.

В этом смысле подобное знание можно было бы назвать инвариантным обобщенным образом предмета. Если бы человек не имел инвариантных представлений о предметах, он не мог бы существовать.

Анализ, синтез и создание инвариантных образов были свойственны всем людям. Поэтому абсолютно неверными представляются утверждения, будто бы люди, не объединенные в общества, не могли отражать окружающий мир более или менее одинаково. Этому способствовало в принципе одинаковое устройство головного мозга и рецепторов.

Однако трудно предполагать, что далекие предки человека вели образ жизни одиноких бродяг. Подобно современным человекообразным обезьянам, они жили стадами. Стадная жизнь давала первобытному человеку целый ряд преимуществ: гарантию от нападения диких зверей, своевременное предупреждение о надвигающейся опасности; организация коллективной рыбной ловли и охоты, в особенности на крупных животных, давала большой эффект; в стаде первобытный человек мог рассчитывать на помощь и поддержку в случае опасности и т.п. Но самый главный результат стадного образа жизни состоял в том, что стадо способствовало формированию специфического общественного сознания, отражение человеком окружающего мира получило общественный характер. Маркс постоянно подчеркивал ту мысль, что человеческое сознание с самого начала было сознанием общественным. Помимо чисто биологических предпосылок, образованию общественно-го сознания способствовало два основных фактора — труд и язык.

До появления исторического материализма не существовало научного понимания общественного сознания и законов, управляющих его развитием.

Идеалисты мистифицировали духовную жизнь общества, а материалисты не умели применить к общественной жизни положение о первичности материи и вторичности духа. Неудачи, которые их постигали в стремлении материалистически объяснить общественную жизнь, проистекали из незнания того, что такое общественное бытие.

На этот вопрос впервые дали научный ответ К. Маркс и Ф. Энгельс, сделавшие то великое открытие, что основой всей человеческой истории является способ производства материальной жизни. В знаменитом **"Предисловии"** к работе "К критике политической экономии" Маркс писал: "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет

экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание" [Маркс, Энгельс, т. 13, с. 6—7].

Было бы неправильно утверждать, что в общественной жизни существует только общественное сознание, общественное мышление и нет ничего индивидуального. В действительности общественное сознание создается, развивается и обогащается индивидами. Духовное богатство общества, искусство, все, что накоплено наукой и техникой, существуют лишь через индивидуальное сознание. Сознание общества функционирует только через сознание отдельных, конкретных живых людей. Вся система идеальных отношений людей мертва, пока она не будет пережита чувствующим, думающим индивидом. Только в индивидуальном чувственно-практическом действии человека, только в его психике, в его восприятиях, представлениях, в его наглядно-непосредственных формах отражения происходит соотношение всей общественной системы знаний с объективной действительностью. Через индивидуальное бытие личности общество познает, понимает и преобразует мир.

Индивидуальная практика определяет особенности мышления личности, индивидуальное мышление. Отражение окружающего мира у отдельного индивида, несмотря на общность категории мышления у всех людей, проходит через его внутренний, индивидуальный мир, личное сознание, формирующееся на основе личной жизненной практики данного индивида [Келле, Ковальзон 1966, 24]. Индивидуальное сознание — это духовный мир личности. Оно формируется под воздействием условий жизни как общих людям, принадлежащих одной эпохе, классу, нации, так и индивидуальных. "Именно потому, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — что мышление... есть мышление данного определенного индивида, оно остается *его* мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет" [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 253].

Однако индивидуальное мышление не является самодавяющим. Общественное мышление необходимо пронизывает его, поскольку в обществе, в котором индивид находится, уже сформировалось общественное сознание и общий язык, объединяющий всех членов общества. Индивидуальное мышление неизбежно выступает как составная часть мышления общественного.

В процессе формирования общественного сознания особенно велика роль языка. Выражение "Язык так же древен, как и сознание" необходимо понимать в том смысле, что язык и сознание представляют два необходимых условия существования общества. Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания, без которого общественное сознание немислимо. Общественное сознание не могло бы возникнуть

без языка, поскольку опыт познания мира отдельными индивидами может превратиться в коллективный опыт только при помощи языка.

В истории нашей науки наблюдались попытки смешения сознания с идеологией и мировоззрением. В связи с этим возникает вопрос: "А что же такое **сознание?**" У классиков марксизма есть довольно четкое определение сознания: «**Сознание** [das Bewusstsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das **bewusste** Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 25]. Сознание — это отражение бытия. Сознание есть обобщение и личная практика людей в опосредствованной, обобщенной форме, т.е. в форме понятий.

В этом же плане характеризовал сознание и В.И. Ленин. "Материализм, — замечает В.И. Ленин, — вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущений, от опыта и т.д. человечества... Сознание... есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение" [т. 18, с. 346]. Нетрудно понять, что Ленин употребил термин "сознание" в широком смысле как отражение бытия в целом.

В более широком смысле общественное сознание включает не только идеологические формы, но и естественные науки — все познание (как общественное, так и естественное). Такое толкование общественного сознания обосновывается тем, что идеи о жизни природы и идеи о жизни общества — это идеи не каких-то обособленных индивидов, а общественные идеи, поскольку знание природы и общества постигается коллективными усилиями многих поколений.

Под сознанием в психологии понимается весь духовный мир человека от элементарных ощущений до высших побуждений и сложной интеллектуальной деятельности. Для психологического подхода к сознанию характерно понимание его как процесса. Содержание этого процесса заканчивается в осознании человеком внешнего мира и самого себя. В результате взаимодействия с окружающей действительностью в процессе онтогенетического развития, в ходе общения с другими людьми человек отражает эту действительность, получает знания о ней. В отличие от животных, у которых знания сливаются с их жизнедеятельностью, человек отделяет знания от того, что в них отражается, и от того, кто их отражает. Это отделение возможно в связи с тем, что в языке объективируются результаты познавательной деятельности человека.

Совокупность знаний об окружающем, получаемая человеком непосредственно и в результате усвоения накопленного человечеством и закрепленного в языке, составляет необходимую предпосылку осознания объективной действительности и возникновения сознания как некоего специфического образования. Таким образом знания составляют ядро сознания, его стержень.

Объективная действительность осознается не посредством ощущений. Эту функцию психологические явления выполняют, лишь включаясь в систему накопленных знаний, приобретенного опыта,

при соотнесении с тем, каким было взаимодействие человека с объективной действительностью.

Сознание — новое качество психологических процессов, возникающее у человека в связи с общественно организованной деятельностью людей, с их трудом [Шорохова 1966, 5—6]. Способность человека к теоретическим обобщениям, выраженным в языке, делает возможным в значительной степени замену индивидуального человеческого опыта опытом рода — опытом предшествующих поколений людей. **И.Б. Новик** замечает, что синтезированный опыт всего человечества находит свое отражение в положительных знаниях об явлениях окружающего мира, проверенных на практике. Эта способность синтезированного осознания опыта прошлых поколений через знание облегчает и ускоряет постепенное развитие человеческого сознания в целом. Каждое новое поколение, осознав прошлый опыт, не ограничивается освоением, повторением уже решенных проблем, а обогащает человеческое сознание решением новых вопросов, вносит свой собственный вклад в сокровищницу человеческих знаний. В основе этого процесса лежит, в конечном счете, неуклонное усовершенствование самого трудового процесса [Новик 1957, 99].

Благодаря общественному характеру языка, созданного обществом, мышление человека также приобретает общественный характер. Каждый человек мыслит теми же категориями, какими мыслят окружающие его люди, пользуется теми же понятиями, какими пользуются все говорящие на данном языке. Язык тем самым превращается в одно из первых условий существования общества.

Следует особо подчеркнуть, что не все достояние человеческого опыта становится общественным достоянием. Для познания, для прогрессивной практики наиболее существенны те результаты мышления, которые верно отражают объективную действительность. Можно предполагать, что на протяжении многовековой истории человечества, в процессе борьбы человека за существование сознательно, а часто и совершенно стихийно, отбиралось и обобщалось то, что было жизненно необходимо и практически полезно.

Общественный характер мышления проявляется на каждом этапе социального развития, благодаря ему осуществляется также духовная связь между разными этапами.

Общественное сознание не сводится к пассивной систематизации знаний, полученных в результате общественной практики. Оно становится активной силой, выступает как регулятор жизни общества. Трудовая **деятельность** практически не была бы возможна, если бы создающееся в процессе ее деятельности общественное сознание не обладало бы свойством целенаправленности. Общественное сознание, разделяясь по одной линии на общественную психологию и идеологию, по другой линии разделяется на ряд форм. К ним относятся политические идеи, правовые, моральные, художественные, философские, религиозные. Эти формы сознания суть идеологические формы и входят в надстройку.

Но не все вообще идеи входят в надстройку. Разумеется, все без исключения идеи имеют свои корни в развитии производитель-

ных сил. Но, например, технические идеи отражают изменения производительных сил не так, как, скажем, **правовые** идеи. Если первые отражают эти изменения непосредственно, то вторые отражают их опосредствованно, через изменения в экономических отношениях и потому являются надстроечными. Если бы не было этого различия, то потеряли бы смысл понятия базиса и надстройки.

Можно было бы тогда ограничиться общими положениями о том, что способ производства определяет духовную жизнь общества без дальнейшей детализации этого положения. Учение о базисе и надстройке обязывает видеть различие между содержанием сознания, являющимся идеологическим, надстроечным, и тем содержанием сознания, которое таковым не является. Идеологическая форма отражает экономический базис в том смысле, что новые экономические отношения рождают соответствующие им новые идеологические образования, новые политические, правовые и т.п. идеи, так что объектом отражения являются экономические факты. Но этого нельзя сказать о естественных науках, которые хотя и зависят в своем развитии также от экономической структуры общества, но имеют объектом своего отражения не экономические факты, а явления и процессы природы. Конечно, поскольку естественные науки в своих наиболее общих выводах и положениях вступают в соприкосновение с мировоззрением, постольку они также содержат идеологические элементы. Например, положение о том, что жизнь есть форма существования белковых тел, касается той области явлений, которые составляют компетенцию науки биологии. Но оно имеет вместе с тем мировоззренческое значение, ибо представляет материалистическое, направленное против идеализма понимание жизни. Однако за вычетом такого содержания, имеющего мировоззренческий характер, все остальное содержание естественных наук не принадлежит к сфере идеологии и не входит в надстройку ["Формы...", 1960, 20].

Разные формы идеологии, различаясь между собой в зависимости от того, что отражается в каждой из них и как происходит это отражение, не обособлены, однако, одна от другой, а составляют органическое единство взаимосвязанных и взаимодействующих сторон [Там же, 23].

Каждая идеологическая форма выполняет соответственно своей специфике определенную социальную функцию, но вместе они в конечном счете служат коренным общественным интересам, а в обществе, расколотом на классы, — коренным интересам определенных классов [Там же, 23].

Формы общественного сознания, будучи отражением общественного бытия, обладают специфической природой, внутренними законами своего формирования и развития, а также способностью обратно воздействовать на ход истории [Там же, 57—58].

Политические взгляды, политические идеи и теории представляют собой составную часть политической надстройки. Другими ее составными частями являются политические отношения, а также политические учреждения и организации в виде органов государственной власти и политических партий.

Политические отношения складываются вне сферы производства. Они, как и все другие надстроечные **отношения, прежде** чем сложиться, проходят через сознание людей. То же самое можно сказать и о возникновении политических учреждений и организаций.

Правовые взгляды и идеи входят в состав правовой надстройки, которая, как и политическая и всякая другая надстройка, включает, помимо идей, также отношения и учреждения — в данном случае правовые отношения и правовые институты и учреждения. И правовые отношения и правовые учреждения складываются сознательно соответственно определенным правовым взглядам и идеям. А последние непосредственно порождаются экономическим базисом общества, его экономической структурой ["Формы...", 1960, 75].

Нравственные воззрения людей, как и рассмотренные выше политические и правовые взгляды, являются формами общественного сознания, отражающего общественное бытие. В отличие от других форм сознания нравственность отражает отношение между людьми в этических понятиях. Нормы **нравственности, в** отличие от правовых, исходят непосредственно от общества и обеспечиваются общественным мнением [Там же, 97—98]. Искусство представляет собой особый вид эстетической деятельности и форму общественного сознания. Истоки эстетического коренятся не в извечных свойствах духа, или человеческой души, не в интуиции, не в биологической природе человека и даже не в искусстве, а в общественно-трудовой практике людей [Там же, 139—140].

Сфера искусства охватывает бесконечно многообразные явления действительности, но изображает их со стороны эстетического своеобразия, в соответствии с главными предметами всего изображаемого — эстетическими отношениями [Там же, 152].

К формам сознания принадлежит также религия. "... всякая религия, — указывает Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных" [Маркс, Энгельс. Соч., т. 20, с. 328].

Религия представляет собой чрезвычайно сложное общественное явление. Она обнимает как сферу общественной идеологии, так и сферу общественной психологии.

Философия как особая форма сознания имеет свой предмет отражения, свое назначение в общественной жизни и свои средства осуществления этого назначения.

Объектом философии, как и других наук, является окружающая нас действительность. Но в отличие от частных наук, которые изучают отдельные стороны, области природы или общества, отдельные формы движения материи, философия есть учение о мире в целом, о его сущности, его коренных основах, его природе. Имеется ли что-то общее, что свойственно всем без исключения предметам и явлениям окружающего нас мира? Если это общее имеется, то в чем оно состоит? Философия с самого начала своего существования

пыталась так или иначе ответить на эти вопросы. Философия есть мировоззрение. Она представляет собою поэтому определенную совокупность органически связанных между собой представлений о мире, определенную совокупность взглядов на мир, осмысление мира с точки зрения его единства ["Формы..." 1960, 271—272].

Философия концептуальна. Как и всякая другая идеологическая форма, она представляет собою определенную систему взглядов, определенную доктрину [Там же, 272].

В основе борьбы философских направлений лежит противоположность исходных позиций в понимании и объяснении действительности. Коренная особенность философии как самостоятельной формы общественного сознания состоит в том, что указанная исходная позиция мыслителей не может быть выражена в ней иначе, как только в ответе на вопрос об отношении мышления к бытию. Что чему предшествует: материя сознанию или, наоборот, сознание бытию [Там же, 273].

Не ограничиваясь учениями о сущности мира и его познании, философия обычно пыталась и пытается так или иначе объяснить и общественную жизнь, ответить на вопрос о движущих силах исторического развития.

Марксистско-ленинская философия — это философия диалектического материализма. Диалектический материализм противостоит метафизике и идеализму.

Последовательная диалектико-материалистическая теория могла впервые возникнуть лишь как мировоззрение революционного пролетариата. Это и обуславливает особенности марксистско-ленинской философии [Там же, 290].

Марксистско-ленинская философия обосновывает всеобщий научный метод познания, дает диалектико-материалистическое понимание мира и является вследствие этого научной методологией всякого исследования [Там же, 292—293].

Наука представляет собою сложное общественное явление. Как и другие формы общественного сознания, наука имеет ряд характерных особенностей. Первая из них состоит в том, что она выступает как основной вид познания действительности. Ее специфика проявляется в стремлении обнажить, непосредственно выявить суть, общее в явлениях, формулируя познанные закономерности прямо, в виде готовых выводов [Там же, 314]. Результаты научных исследований выражаются посредством особых, отличных от других форм сознаний категорий, таких, как теория, закон, формула, теорема, аксиома, гипотеза, факт и т.д. [Там же, 315]. Наука имеет место там, где есть не только законы и тем более не только факты, но и определенная система или совокупность научных понятий, объединяемых посредством теорий, посредством логики. Наука есть диалектическое единство теории и метода. В отличие от естествознания — науки об обществе экономические и другие имеют своим объектом политические отношения в обществе, выражают интересы тех или других классов. Такие науки, как геометрия, физика, технические науки и др., как правило, непосредственно не затрагивают классовых интере-

сов и поэтому не выступают в целом как явления надстроечного, идеологического порядка.

Вместе с тем каждый естествоиспытатель, какие бы вопросы научного знания он ни исследовал, занимается по существу общественной деятельностью, деятельностью для общества. Поэтому ни один ученый не может избежать влияния общественно-материальных и идеологических отношений на его деятельность ["Формы...", 1960, 324].

Трактовка общественного сознания как особого феномена позволяет разрешить некоторые загадки чувственного отражения действительности.

Философы, стоящие на позициях эмпиризма, считали, что знание о сущности люди получают в своем индивидуальном, чувственном опыте. С их точки зрения, уже созерцание вещей и явлений позволяет рассудку отметить те качества, которые всегда повторяются, при этом память сохраняет то, что повторяется, что воспринимается как одинаковое, общее. Именно это запомнившееся общее, названное тем или иным словом, сверенное разумом с другими образами и с новыми восприятиями подобных вещей и **явлении**, и есть то существенное, что помогает нам понимать друг друга, что обеспечивает наше сознательное отношение к миру [Михайлова 1972, 16].

Возникает вопрос, может ли чувственный опыт — этот единственный с точки зрения эмпириков источник знания — гарантировать, что обобщается, выделяется в качестве главного, существенного действительно необходимый, всеобщий признак? Нет, не может. Так как в процессе своего опыта человек никогда не может быть уверен, что он познакомился со всеми представителями одного класса предметов, что повторяющиеся их свойства принадлежат каждому из них [Там же].

Марксизм впервые показал, что специфика человеческой чувственности определяется спецификой жизнедеятельности человека.

Специфика человеческой жизнедеятельности состоит в том, что человек с самого рождения попадает в мир предметов, созданных предшествующими поколениями людей. Поэтому процесс распределения вначале для человека выступает как процесс овладения человеком уже готовыми предметами, их назначением и сущностью. Для этого необходимо по отношению к предметам совершить деятельность, адекватную той, которая аккумулирована в этих предметах. Процесс формирования психики человека, его чувств, мыслей, способностей выступает как процесс усвоения человеком общественно-исторического опыта людей, т.е. как процесс распределения, воспроизведения, **аккумуляции** в предметах сущностных сил человека. Общественно-исторический опыт фиксируется и овеществляется не только в предметах труда, но и в языке и других коммуникативных средствах, а также в формах общественной жизни людей.

Человеческая деятельность всегда целесообразна. Прежде чем действовать, человек всегда ставит перед собой определенную цель, он действует как сознательное существо [Там же, 34, 35].

У человека чувственность является моментом предметной дея-

тельности и подчинена ей. Она часть целого — деятельность всего общества, которое выступает как органическая система, самопроизводящая и определяющая своим развитием функции всех частей.

Именно в этом смысле направление, характер жизнедеятельности человека, а тем самым и специфика человеческой чувственности есть производное от целого и определяется логикой всеобщего.

Логика всеобщего — это логика объекта, с которым взаимодействует общество. Она отражается в способе взаимодействия и существует в нем во всеобщей форме. Поскольку жизнедеятельность организма детерминирована исторически сформировавшимися способами предметной деятельности (способами взаимодействия с объектами), постольку эта жизнедеятельность и направляется логикой всеобщего. Отсюда человеческое восприятие объекта есть его восприятие как целого. Это положение требует некоторого пояснения. У человека способ движения органов чувств по объекту (это подтверждают психологические опыты) определяется способом употребления, его функциональным назначением. Это движение идет по логике общественного контакта с объектом. При этом, с одной стороны, объект как бы подставляет объективно присущие ему грани, качества, свойства — и движение органов чувств находится в прямой зависимости от наличия этих качеств. С другой стороны, сам способ движения человеческих органов чувств по этим объективным качествам (выделение информативных точек) определяется навыком общественной фиксации этих качеств (в том числе и навыком категориального мышления). Например, восприятие дороги и присущих ей объективных качеств достраивается представлением о направлении, о цели ее использования, и дорога воспринимается как путь.

Чувственность **выступает** как момент целеполагания. Восприятие человека строится как восприятие **целеполагающего** предмета, оно определяется и направляется его назначением, функцией, целью [Там же, 68—69].

Совершенно абстрактной, нецеленаправленной чувствительности нет даже у животных.

Специфические органы фиксации — органы чувств формируются в процессе эволюции вида, являясь результатом овеществления непосредственно в организме эволюции взаимодействия (и способов взаимодействия) организма с внешними объектами... И здесь органы чувств являются той самой частью целостного организма, деятельность (функционирование) которой полностью определяется историей становления этого целого. История формирования целого есть процесс видообразования. Именно в генетике данного вида гасится, овеществляется как и в готовом результате история разрешения внутренних противоречий организма, взаимодействующего со средой. Характерные для данного вида потребности, средства и способы их удовлетворения (специфика вида) овеществлены в морфологическом устройстве организма [Михайлова 1972, 65].

И соответственно специфика внешних объектов (объектов потребности, ориентации, в целом жизнедеятельности данного вида животных) задана этим "устройством" организма. Представители того или

иного вида животных существуют в **видоспецифической** среде, и объекты их жизнедеятельности — **видоспецифические** объекты.

Для травоядных запах свежей крови и мяса не является пищевым (безусловным) раздражителем. Для хищников трава, сено и т.п. — безразличные раздражители. Один и тот же мир домашнего обихода для кошки и собаки существует в различных формах, так как разное в нем выделяется и фиксируется различной природой.

Органы чувств различных по классу животных как определяемые целым части устроены специфически (ультразвуковой **"эхолот"** рыб дельфинов и т.д.).

Естественно, что различные средства и способы контакта со средой, средства и способы обнаружения и фиксации внешних объектов создают для каждого вида животных именно данному виду свойственный непосредственно чувственный мир, с которым сливается жизнедеятельность организма.

Можно сказать, таким образом, что органы чувств животного не выполняют каких-то безразличных для видовой организации функций "отражения". Глаз орла, прежде чем "видеть вообще", самой **морфофизиологической** организацией тела уже научен видеть специфические объекты. Но правильно понять специфику "орлиного взгляда" можно лишь в том случае, если в целостности организма хищной птицы видеть протекшую историю разрешения внутренних противоречий, логически восстанавливая ее этапы. Органы чувств — это органы целостного организма, его функции — его конкретная жизнедеятельность осуществляется по логике истории ее формирования.

Таким образом, чувственность животных не абстрактная чувственность вообще, а специфическая деятельность организма, в которой разворачивается, осуществляется его конкретная (фило- и онтогенетическая) история [Михайлова 1972, 65—67].

2

В связи с рассмотрением сущности общественного сознания важно выяснить соотношение субъективного и объективного в процессе познания.

Коренной вопрос теории познания, — замечает В.Ф. Кузьмин, — как известно, — соотношение объекта и субъекта. В процессе познавательного взаимодействия субъекта и объекта возникает знание. Поэтому от правильного определения понятий субъекта и объекта зависит верное понимание всего процесса познания [Кузьмин 1976, 4].

Исследование соотношения объекта и объективной реальности, понятия идеального объекта и объективной реальности, понятия идеального объекта, понятия субъекта познания и практики, активной практической деятельности как формы отношения субъекта к объекту в трудах советских философов не привело к однозначному решению этих вопросов.

Особенно трудным является правильное понимание роли субъективного. Во-первых, допускается смешение различных значений субъективного, что приводит: а) к отрицанию фундаментальности

понятий объективного и субъективного в марксистской философии; б) к смешению субъективности с субъективизмом; в) к недооценке положительной функции субъективного в познании и практике; г) к противопоставлению различных значений субъективного как взаимно исключающих друг друга. Во-вторых, не всегда правильно определяется место понятий субъективного и объективного среди других философских понятий, что в свою очередь мешает правильному пониманию их соотношения в познании. В-третьих, разграничение субъективного и объективного в познании и практике затрудняется тем, что субъективное и объективное переходят друг в друга и, более того, возрастание активности субъекта в познании является непременным условием увеличения объективного содержания научного знания. В-четвертых, не всегда **принимается** во внимание, что соотношение субъективного и объективного проявляется по-разному на различных уровнях познания [Там же, 10, 12].

Одни авторы различают субъективное как идеальное и субъективное как ту сторону познания, которая определяется не объектом, а субъектом. Другие отмечают, что субъективная сторона познания выражается в присущей ему на том или ином этапе развития ограниченности, а также иллюзорности, ошибочности и т.д. Некоторые авторы называют категорию объективного основной в марксистско-ленинской гносеологии, а субъективное — лишь в теории познания субъективного идеализма и считают, что эти категории могут выполнять свои функции в познании порознь. Недооценка значения субъективного в познании нередко порождает одностороннее его истолкование, отождествление его с субъективизмом [Там же, 10].

В чем причины неправильного понимания категории субъективности?

«Диалектическая связь между объективным и субъективным, — замечает В.Ф. Кузьмин, — их взаимопереходы при отдельных обстоятельствах приводят к тому, что понятия объективного и субъективного в разных контекстах, в разных случаях приобретают относительно разный смысл.

Сам анализ различных употреблений понятия субъективного позволяет вскрыть новые оттенки в его значении. Например, в понятие "субъективный фактор" включается обычно практическая, преобразующая деятельность людей, масс, классов, партий, направленная на изменение существующих отношений. Субъективными причинами мы называем такие, которые зависят от воли и сознания людей. Субъективный **же** подход — это подход произвольный, односторонний, не отражающий подлинной природы самого объекта. Субъективная логика — это логика мышления, в отличие от объективной логики — логики вещей. Таким образом, взятые нами на выбор различные употребления понятия субъективного показывают различные смысловые оттенки. Субъективное можно понимать и как зависимость чего-либо от субъекта, и как иллюзорность, и как вторичное по отношению к объективному.

Отсюда напрашивается вывод, что для того, чтобы исследовать проблему соотношения субъективного и объективного в процессе

познания, необходимо придать тому и другому какие-то определенные значения» [Там же, 15].

Объективное означает: а) существующее вне нас; б) определенную сторону сознания людей, не зависящую от них.

Субъективное означает: а) свойственное только субъекту; б) определенную сторону сознания людей, зависящую от них самих. Субъективное то, что в конечном счете отражает объективное опосредствованно.

Понятия объекта и субъекта имеют смысл лишь применительно к гносеологии и ее основе — практической деятельности человека.

Марксистско-ленинская философия исходит из того, что учет субъективного в процессе познания не менее важен, чем учет объективного. Сознание человека представляет собой единство объективного и субъективного. Субъективное в значении активности субъекта познания и практики необходимо для достижения объективного знания.

Познание всегда субъективно в том смысле, что оно не существует без человека. Оставаясь субъективным, оно стремится выйти за пределы субъекта, слиться с объектом, т.е. стать объективно истинным [Там же, 196].

Активность познающего субъекта характерна для всех ступеней как индивидуального, так и общественного познания.

Разделение объективного и субъективного в познании представляет большие трудности, поскольку их противоположность относительна, субъективное и объективное в процессе отражения переходят друг в друга и, более того, возрастание активности субъекта в познании, а следовательно, и усиление в определенном смысле субъективной стороны научного исследования является непременным условием увеличения объективного содержания научного знания [Там же, 206—207].

Сознание непосредственно существует только для субъекта и в этом состоит его субъективность.

В голове субъекта предмет преобразуется. Уже это одно вносит в содержание идеи элементы субъективного.

Так как идея является именно преобразованным предметом, она всегда содержит в себе также и известные элементы, т.е. она всегда имеет субъективную сторону [Там же, 31].

Субъективность сознания состоит также в том, что его содержание не может быть всецело сведено к определенным внешним объектам [Там же, 25].

Субъект участвует в отражении. Без участия субъекта не может быть правильного отражения окружающего мира.

Истина объективна в силу своей адекватности объекту, который не зависит в своем существовании от субъекта.

Вместе с тем она существует лишь в связи с субъектом. Всякая иная постановка вопроса означала бы уступку объективному идеализму [Там же, 101].

Если сознание индивидуальное или общественное отрывается от

субъекта, оно лишается своего качества быть отражением объективного мира [Там же, 99].

Внесению в сознание субъективного способствуют практические интересы человека.

Творческие потребности и интересы человека ведут к постоянному привнесению в познание различных субъективных моментов. Субъективное может менять свою форму, но никогда (в том числе и в идеале) не исключается из процесса познания [Там же, 179].

Постановка цели в трудовом процессе также представляет субъективный момент. В каждом акте познания присутствует субъективная цель человека как движущая сила познания.

В процессе труда человек не только ориентируется на внешние условия, но и осуществляет свой внутренний план. К. Маркс отметил: "Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю" [т. 23, с. 189].

Поскольку предмет воспринимается прежде всего со стороны его практически выраженных свойств, постольку уже в восприятии проявляется целенаправленность познания.

Привнесению в сознание субъективного не в малой мере способствует активность субъекта, отражающего внешний мир.

Познание не может рассматриваться как процесс механического воспроизведения объекта в субъекте, а наоборот, представляет собой активную деятельность субъекта, направленную на объект [Кузьмин 1976, 45].

Субъективность сознания, идеального **означает**, что субъект отражает объективный мир не пассивно, не безразлично, а активно — деятельно, целенаправленно, что само это отражение определенным образом переживается субъектом, по особому преломляется в его чувствах и мыслях [Там же, 30].

Если субъект ограничится непосредственно данным, то подлинно объективное знание становится невозможным. Только активность субъекта обеспечивает, в конечном счете, объективность знания и его растущую независимость по содержанию от субъекта [Там же, 100].

Своей исторической предпосылкой активность познания имеет избирательность в реагировании различных видов на внешние воздействия.

Отсюда невозможность полной объективности отображения, ибо это потребовало бы ликвидации всякой избирательности в отображении, что привело бы к гибели любой живой организм [Там же, 100].

Субъективность сознания усиливается благодаря использованию прошлого опыта.

Прошлый опыт позволяет человеку быстрее и лучше освоиться с предметом, но одновременно усиливает и субъективную сторону восприятия [Там же, 74].

Относительная независимость сознания человека от окружающего

внешнего мира обуславливается неразрывной связью сознания и мозга, прошлым опытом человека, что и предопределяет в известной мере субъективные стороны в отражении человеком мира [Там же, 24].

Мозг не просто перерабатывает действующие в данный момент раздражители, но и сочетает их со следами прежних воздействий на нервную систему [Там же, 37].

На уровне логического отражения человеком объективного мира субъективная сторона обусловлена прежде всего сложившимися логическими формами, а также предшествующим знанием. В историческом процессе развития науки относительная самостоятельность познания связана со всем накопленным в прошлые эпохи идейным материалом: теориями, гипотезами, нерешенными задачами, внутренней логикой развития науки, что превращает познание в познание конкретного субъекта (независимо от того, субъект какого уровня познания имеется в виду), т.е. налагает на познание печать субъективности [Там же, 32].

Предметы могут восприниматься сквозь призму социальных потребностей различных классов [Там же, 75].

Характер -отражения окружающего мира в известной степени зависит от физических качеств индивида.

Одни и те же объективные свойства предметов различные люди ощущают несколько по-разному, в зависимости от особенностей своей индивидуальной физической организации (например, при музыкальном слухе или при его отсутствии) [Там же, 60].

Одни и те же явления воспринимаются по-разному разными людьми или одним и тем же человеком при разных обстоятельствах. Это явление носит название апперцепции и свидетельствует о наличии субъективной стороны у восприятия [Там же, 70].

На уровне чувственного отражения действительности субъективность обусловлена главным образом особенностями нервной системы субъекта, строением его нервно-мозгового аппарата (при этом следует принять во внимание как индивидуальные, так и рядовые особенности), прошлым опытом, состоянием организма в данный момент и т.д. [Там же, 32].

Закономерности человеческого мышления остаются в целом в пределах субъективной диалектики.

Процесс познания совершается по законам, не зависящим от сознания и воли человека, в этом проявляется объективная сторона субъективной диалектики. Вместе с тем, существуя независимо от воли человека, закономерности мышления остаются в целом в пределах субъективной диалектики [Там же, 90].

Таким образом, марксистская философия признает, что объективное и субъективное существует в тесном единстве.

Образ существует лишь как образ предмета. В итоге он объективен и субъективен одновременно [Там же, 32].

Субъективное и объективное в ощущениях существует в тесном единстве [Там же, 60].

Познание зависит не только от объекта, но и от субъекта.

Субъективные моменты в **познании** (в том числе и эмоциональный тон) обуславливаются и поддерживаются относительной самостоятельностью познания, которая свидетельствует о зависимости познания не только от объекта, но и от субъекта.

Материалистическое решение вопроса требует рассматривать познавательную деятельность субъекта как отражение объекта, ее этапы как отражение движения объекта, как расчленение объекта в соответствии с его внутренней структурой и воссоздание объекта как целого в его объективных связях и отношениях [Там же, 100].

В связи с прогрессом познания мира сфера субъективного не только не исчезает, но наоборот увеличивается. Наряду с расширением объективного содержания знаний увеличивается также и сфера субъективного.

Творческая сторона отражения и роль субъективных моментов усиливается при образовании представлений. Активность субъекта проявляется здесь в обобщенном характере представлений [Там же, 80]. Наличие субъективного момента в познании способствует усовершенствованию органов чувств. Показания органов чувств углубляются и совершенствуются деятельностью человеческого разума и проверяются практикой [Там же, 70].

Характер трудовой деятельности человека обуславливает разнообразие форм слуха: существует технический, тембровый и музыкальный слух [Там же, 74].

Сознание в некоторой степени может отрываться от своего непосредственного источника и приобретать черты особого субъектного явления. Если ощущения, с которых начинается движение к знанию, непосредственно связывают сознание с внешним миром, то на уровне представления сознание как бы отрывается от своего непосредственного источника и явно приобретает черты особого субъектного явления [Там же, 28].

Однако субъективные моменты в познании, непосредственно зависящие от субъекта, все же в конечном счете определяются определенными объективными причинами. Поэтому самостоятельность познания лишь относительна, а опосредствованность познания (осуществляющегося через субъекта) не исключает его объективного содержания [Там же, 32—33].

ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ

Большинство лингвистов и философов придерживаются той точки зрения, что человеческое мышление может совершаться только на базе языка. Сторонники этого направления выдвигают целый ряд аргументов, которые им представляются особо важными.

Абстрактное человеческое мышление, или, как они иногда называют, подлинное мышление, может существовать только на базе языка. Чистых мыслей, обособленных от языка, не существует. Абстрактное мышление без слов невозможно. Звуковой комплекс является создателем понятия. До возникновения звуковой оболочки никаких понятий быть не могло. Звуковому комплексу приписывается функция фиксирования понятия. Понятие без фиксирования не могло бы **существовать** и рассыпалось бы как неплотное облако. Чувственному отражению действительности совершенно чуждо обобщение.

Нетрудно понять, что все доводы вербалистов, т.е. ученых, утверждающих, что мышление может происходить только на базе языка, довольно уязвимы. Абстракция не обязательно существует на базе языка, поскольку существуют разные типы абстракции, в том числе и неязыковые. Существуют также понятия, так называемые авербальные понятия, не связанные с обязательным существованием звукового комплекса. Поэтому приписывание звуковому комплексу функции фиксирования понятия является по своей сущности не только не точным, но и неверным. Неверно также утверждение, что всему чувственному совершенно чуждо обобщение.

Поэтому широко распространенный тезис о существовании мышления только на базе языка вряд ли можно считать правильным.

Гораздо больше оснований, по нашему мнению, имеет противоположная точка зрения. Эта группа лингвистов и психологов, признавая словесное мышление, допускает возможность мышления без языка. Вот что пишут по этому поводу И.М. Соловьева и **Ж.И. Шиф**: "Трудно согласиться с тем взглядом, который полностью отделяет мышление от прочей познавательной деятельности человека и противопоставляет его всем другим видам психической деятельности. Успехи психологической науки вынуждают подвергнуть сомнению гипотезу о полной независимости и самостоятельности интеллектуальной деятельности. Следует усомниться в том, что реализация мышления возможна лишь в строго очерченных пределах, включающих совершенно особый психический материал."

Тезис о том, что осмысленность прочих психических процессов всегда и исключительно обязана включением со стороны обособленно стоящего мыслительного аппарата, также вызывает сомнения. Мышление не только и не просто вносится в память, деятельность памяти способна приобретать характер мышления. Не следует, однако, исключать возможность такой динамики, которая является по своему качеству мышлением. Все более накапливаются доказательства в пользу понимания мышления как своеобразного динамического процесса, который может осуществляться различным психическим материалом, происходить в любой "психической среде", во всякой "области психики".

Правилен, по нашему мнению, взгляд, рассматривающий мышление как познавательную деятельность, усматривающий в мышлении высшую ее форму. Мышление характеризуется не изоляцией от других компонентов познавательной деятельности, но и их охватом, своеобразным сочетанием и взаимодействием между ними. Мышление осуществляется не только в сфере абстрактно логического познания, но и в сфере познания чувственного, а в пределах последнего осуществляется материалом образов восприятия, понятия и воображения.

Придавая большое значение абстрактно-логическому мышлению, мы не забываем, что мышление имеет и другие виды, осуществляемые посредством иных форм отражения. При этом всякий анализ мышления обнаруживает, что качественные различия форм отражения действительности, осуществляемые психикой человека, отнюдь не препятствуют их взаимосвязи и кооперации при решении мыслительных задач, а напротив, весьма часто содействуют их успешному разрешению" [Соловьева, Шиф 1962, 335—336].

На точке зрения признания разных видов мышления стоял также психолог С.Л. Рубинштейн: "Теоретическое мышление, раскрывающее закономерности своего предмета, — замечает С.Л. Рубинштейн, — является высоким уровнем мышления. Но было бы совершенно неправильно сводить мышление в целом исключительно к теоретическому мышлению в абстрактных понятиях" [1957, 362—363].

По мнению Л.С. Выготского, "речевое мышление не исчерпывает ни всех форм мысли, ни всех форм речи. Есть большая область мышления, которая не будет иметь непосредственно отношения к речевому мышлению. Сюда следует отнести раньше всего, как указывает Бюлер, инструментальное и техническое мышление и вообще всю область так называемого практического интеллекта, который только в последнее время становится предметом усиленных исследований" [Выготский 1934, 95].

По-видимому, элементарное практическое мышление признавал также И.П. Павлов. «Мышление обезьяны, — говорил И.П. Павлов, — "ручное", его вы видите глазами в ее поступках, в действии» [Павл среды. 1949].

"Содержанием языка, — замечает А.Г. Руднев, — является жизнь мысли", язык же в свою очередь представляет собой "только основной элемент мышления, но не единственный. Отличие мышления от

языка состоит в том, что мышление имеет в качестве своей чувствительной основы не только язык, но и ощущения, восприятия, представления, которые возникают в процессе воздействия природы на органы чувств человека в процессе практической деятельности людей. Это значит, что язык и мышление не тождественны, что ощущения, восприятия, представления, порожденные воздействием вещей внешнего мира на органы чувств, и составляют, по мнению **И.П. Павлова**, первую сигнальную систему. Они не только представляют собой базу для мыслительного процесса глухонемых, но и используются в той или иной степени всеми людьми" [1959, 6—7].

Современная психология ясно показывает, что изготовление самого примитивного орудия невозможно без наличия мышления, совершенно сознательного, а не инстинктивного использования опыта, установления целого ряда причинных связей, обобщений и умозаключений. "Умозаключение, — справедливо замечает **И.В. Копнин**, — возникает из потребностей трудовой деятельности человека, специфическая особенность которой заключается в том, что в сознании человека еще до начала труда имеется предварительно готовый результат его. Прежде чем произвести вещь, он идеально воспроизводит весь производственный процесс от начала до конца. Этот процесс невозможен без **умозаключения**" [1955, 22].

Отсюда следует, что, не умея мыслить, люди не могли трудиться.

Интересны высказывания **Б.П. Ардентова** о соотношении языка и мышления. "Если в мысли непременно все должно быть одето словом, то получается, что мыслить — это говорить про себя, а говорить — это мыслить вслух. Значит, в мысли может возникнуть то, что уже есть в языке; чего нет в языке, то не может появиться в мысли (ведь без слова оно не может существовать в сознании). Таким образом, язык ограничивает мышление, является для него оковами. И тогда вообще непонятно, как в языке могут появляться новые слова, новые формы и т.д., т.е. непонятно, как может прогрессировать язык. Мышление в своем движении опережает язык, — иначе вообще был бы невозможен прогресс человечества. В мышлении создан образ, а в языке нет соответствующего слова для его обозначения (еще доказательство возможности существования в мысли чего-то, что не одето словом)" [Ардентов 1965, 29—30].

Наименование предмета совершенно немислимо без предварительного, хотя бы самого элементарного знания данного предмета. В связи с этим хотелось бы привести замечания **Д.Н. Кудрявского**: "Отвлечение слова предполагает многократное повторение однородных восприятий, которые человек научился отождествлять. Общее представление может быть создано только тогда, когда человек уже научился в каждом новом восприятии, например, данного дерева, находить общее со всеми прежними восприятиями других деревьев. Общее представление всегда является сознательным или бессознательным выводом из целого ряда однородных восприятий. Все это несомненно указывает на то, что созданию слова предшествует: 1) долгий опыт и 2) классифицирующая работа ума" [1912, 36].

Большое значение для обоснования тезиса о появлении мышления

до возникновения языка имеет признание мышления у животных. Наличие мышления у животных признавал Ф. Энгельс: **"Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование..., анализ..., синтез"** [Маркс, Энгельс, т. 20, с. 537]. Такого же мнения придерживался и И.М. Сеченов: **"У животных, помимо прирожденной машинообразной умелости производить известные действия, часто замечается умение пользоваться обстоятельствами данной минуты, чего нельзя объяснить иначе как сообразительностью животного, его умением мыслить"** [1947, 417].

Подобное высказывание можно найти и в работах Л.С. Выготского. "В опытах Келлера мы имеем совершенно ясное доказательство того, что зачатки интеллекта, т.е. мышление в собственном смысле слова, появляются у животных независимо от различия речи и вовсе не связано с ее успехами. Изобретение обезьян, выражающееся в изготовлении орудий и применении обходных путей при разрешении задач, составляет совершенно несомненно первичную фазу в развитии мышления, но фазу доречевую... Мышление и речь имеют поэтому генетически совершенно различные корни" [Выготский 1934, 76—77].

"Нужно понимать, — говорит И.П. Павлов, — что в коре может иметь место группированное представительство явлений внешнего мира, т.е. форма конкретного мышления, животного мышления без слов" [Павл. среды 1949, 3].

"Различие между интеллектом животного и человека, — замечает П.Ф. Протасеня, — состоит не в том, что люди мыслят, а животные нет. Мыслят в известных пределах и животные. Как раз это животное мышление предшествует человеческому целые миллионы лет" [1958, 27].

Явное несогласие с теорией о существовании мышления только на базе языка выражает Б.П. Ардентов. "Против тождества языка и мышления уже говорит тот факт, что в ходе филогенеза человека (его исторического развития как особого вида животных) мышление предшествует языку; язык появляется позже, одновременно с сознанием, высшим этапом развития мышления. Человек *alali* уже обладал всеми методами формальной логики, имел богатый жизненный опыт, и в момент самого появления мышление куда было богаче по наличию образов, понятий и их связей и т.д., чем язык по своим возможностям выразить их словом уже в силу своей примитивности. И этот приоритет мышления над языком сохраняется и в дальнейшем, до наших дней: в мышлении, в самой практике, происходит непрерывное накопление нового, которое не всегда находит в языке нужные средства для его выражения.

«Что мышление — это практическая человеческая деятельность (Маркс) — не тождественно языку, доказывает и то, что в той его части, которая совершается автоматически, т.е. состоит из привычных, неоднократно повторяемых условных рефлексов, мышление человека обходится без языка. Например, обычное одевание утром: "Вот я должен встать, взять в руки пиджак, причем взять именно таким,

а не иным образом, просунуть правую руку в правый рукав, а затем левую руку в левый рукав, обдернуть полы, застегнуть и т.д.” — мы просто совершаем эти действия. И даже можем при этом разговаривать о предметах, не имеющих к одеванию пиджака никакого касательства» [1965, 30—31].

Нам представляется, что утверждение о полиморфности человеческого мышления более близко к истине. Человеческое мышление фактически представляет комплекс его различных типов.

СЛОВЕСНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Словесное мышление, или мышление при помощи языка, присуще любому народу. Хронологически это, несомненно, более поздний тип мышления, которому предшествовали различные авербальные типы мышления, сохранившиеся в настоящее время.

Развитие человеческого **мышления** обладает одной очень интересной специфической особенностью. Эта особенность состоит в том, что с развитием более высоких видов мышления, в частности мышления теоретического, генетически более ранние виды наглядного мышления не вытесняются, а преобразовываются, превращаясь в высшие формы наглядного мышления. Развитие мышления не сводится к тому, что над генетически более ранними примитивными видами мышления надстраиваются другие, генетически более поздние и сложные. В силу неразрывной внутренней связи всех сторон мышления между собой и со всей личностью и ее сознанием в целом, генетически более ранние виды в процессе развития сами поднимаются на высшую ступень [Сеченов 1947, 368]. Поэтому такие типы мышления, как образное, предметное и техническое, проявляются также и в процессе мышления современного человека.

Появление словесного мышления было вызвано необходимостью в общении, поскольку авербальные типы мышления не коммуникативны. Общение людей вообще невозможно без знаков. Для того, чтобы мысль одного человека стала достоянием другого человека, она должна быть при помощи звуковых знаков облечена в чувственно воспринимаемую форму. Без знаков нет общения. **”В** слове и в языке необходимо должен быть материальный момент. Словесный знак должен быть материальным. В противном случае язык не мог бы выполнять своих функций, и прежде всего свою коммуникативную функцию. Человек воспринимает внешний мир через ощущения, которые есть результат превращения энергии внешних раздражений в факт сознания. Поэтому мысли человека, чтобы быть переданными, должны получить материально чувственное **выражение”** [Мальцев, 1969, 93-94].

Другой отличительной особенностью словесного мышления должна быть линейность речи. Все элементы речи как бы выстраиваются в один ряд, в одну линию. Это необходимо для обеспечения ясности высказывания. Всякие иные комбинации, например объемные, совмещающие и т.п., такой ясности не могли бы обеспечить, и понимание речи оказалось бы затруднительным.

По сравнению с авербальными формами мышления содержание словесного мышления должно быть выражено более подробно.

Всякое языковое выражение предназначено прежде всего для другого человека. Нужно выразить свою мысль в языковой форме так, чтобы слушающий понял. Необходимость создания языковых моделей естественных ситуаций требует **объективизаций** отдельных свойств предметов и отношений. В нашем сознании они отделяются от их естественных носителей, находят отдельные выражения в словах и формах языка или в смысловых аналогах этих форм. По этой причине в каждом языке количество слов намного превосходит количество самостоятельно существующих явлений действительности. Такие понятия, как **"теплота"** или "твердость", "справедливость", "высота", "близость", "даль" и т.п., отдельно в природе не существуют.

Теплота является производным определенного состояния молекул и неотделима от самого тела, где это состояние происходит. То же самое следует сказать и о твердости. Справедливость может проявляться в поступках, представлять известный комплекс норм и т.д., но отдельно существующего предмета, который мы могли бы назвать справедливостью, в окружающем нас мире также не существует.

Широко распространено мнение о том, что каждое слово обобщает. Однако способность слова к большей генерализации огромного количества фактов не должна затемнять другое: слову одновременно присуща способность к дроблению предметов и явлений действительности.

Живая **действительность** в языке преобразуется. Все дробится на отдельные как бы изолированно, или дискретно, существующие элементы, многие из которых на самом деле отдельно вообще не существуют. Иначе и быть не может, так как отсутствие непосредственного созерцания требует определенной замены, известного объяснения, конструирования его содержания.

Словесное мышление является, по-видимому, самой совершенной формой мышления. Оно предназначено для коммуникации и возникло по этой причине. Существует также скрытая форма словесного мышления, или проговаривание про себя.

АВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ

Там, где не возникает необходимости в коммуникации, человек часто использует различные авербальные формы мышления. Использование этих форм мышления отчасти стимулируется тенденцией к экономии физиологических затрат, поскольку все авербальные типы мышления действительно требуют меньшего количества физиологических затрат.

ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Это такой тип мышления, когда в качестве основных элементов мышления выступают образы предметов внешнего **мира**. Мышление этого типа могло быть внеситуативным. Вероятнее всего оно сводилось к воспроизведению в **памяти** цельных конкретных ситуаций

или их фрагментов, а также людей, животных, находящихся в рамках этих ситуаций. Этот тип мышления основывается исключительно на действии памяти. Все здесь воспринимается в естественной связи.

Мышление, протекающее на основе образов, также логично. П.Ф. Протасеня совершенно справедливо замечает: "Не только человеческое мышление логично, когда оно оперирует понятиями, но логично в известном смысле и мышление высших животных, протекающее на основе образов, отражающих отдельные свойства и признаки предметов, в результате воздействия явлений мира на их органы чувств" [1958, 42].

Образное мышление присуще каждому человеку, но чаще им пользуются представители определенных профессий — художники, композиторы, режиссеры, писатели и т.п. Некоторые исследователи приписывают такой тип мышления животным и уверяют при этом, что вне конкретной обстановки такое мышление вообще не могло проявляться.

"У обезьян, — замечает Е.В. Шорохова, — не образуются общие понятия вне конкретной обстановки... Мышление у животных конкретно образно. Абстракция и обобщение у животных существует только в конкретной их деятельности" [1952, 341].

"Различие между человеком и животным, — пишет А.Г. Спиркин, — состоит в том, что животное **мыслит о том, что оно видит, слышит и ощущает**" [1957, 58]. Вряд ли это возможно. Ведь животное обладает памятью. Если бы обобщенные образы вещей не фиксировались в памяти, то и наглядно-ситуативное мышление было бы в таком случае невозможно. Кроме того, все эти заявления совершенно парадоксальны. Ведь животное в конкретной обстановке имеет дело с конкретными единичными предметами. Откуда же у них возникает обобщенный образ этих предметов?

ПРАКТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Особенности этого типа мышления очень хорошо пояснил С.Л. Рубинштейн. Он в качестве особого вида выделяет так называемое практическое мышление. "Под практическим мышлением обычно понимают мышление, совершающееся в ходе практической деятельности и непосредственно направленное на решение практических задач в отличие от мышления, выделенного из практической деятельности, направленного на разрешение отвлеченных теоретических задач, лишь опосредственно связанных с практикой... Могут быть разные случаи проявления практического мышления; в одних случаях практическое, т.е. мышление, включенное в практическую деятельность, должно по характеру тех задач, которые ему приходится решать, использовать и результаты отвлеченной теоретической деятельности. Это сложная форма практического мышления, в которое теоретическое мышление входит в качестве компонента" [Рубинштейн 1957, 105—106]. Могут быть такие случаи, когда "для решения задачи в ходе практической деятельности отвлеченное теоретическое мышление и не требуется:

встречаются такие элементарные задачи, для разрешения которых нужно только сориентироваться в данной наглядной ситуации. В таких случаях практическое мышление, т.е. мышление, включенное в практическую деятельность и направленное непосредственно на решение частных практических задач, принимает форму наглядно-действенного мышления.

Наглядно-действенное мышление — это элементарная форма практического мышления, направленная на разрешение элементарных практических задач" [1957, 365—366].

Практическое мышление является одним из наиболее распространенных типов мышления, возникших еще в глубокой древности. Наглядным ее примером может быть ориентировка на местности. Наш далекий предок — первобытный человек, еще не владевший речью, прекрасно ориентировался на местности. Основанием для такой ориентировки служило знание данной местности. Здесь не требовалось знания слов и их значений. Все действия человека выражались в осмысленных движениях. Он знал, где и что находится, он знал, каким путем нужно идти к определенному месту, что нужно делать, если попадется какое-либо животное, каким способом можно его убить, содрать С него шкуру и ее использовать.

Практическое мышление, как особый вид мышления, не исчезло и в настоящее время. Можно привести немало примеров осуществления практического мышления. Женщина вяжет чулок. Она не употребляет при этом никаких слов и не строит никаких предложений. Она только знает, как вязать чулок. В процессе вязания ее мышление выражается в осмысленных движениях. Абсолютно то же самое происходит, когда шофер сидит за рулевым колесом и управляет машиной. Он при этом не подбирает никаких слов и не строит предложений. Он знает, каким путем нужно ехать. Все его мышление здесь выражается в осмысленных движениях. Подобный тип мышления наблюдается, когда человек чинит или собирает какой-либо прибор, молотит хлеб, добывает уголь, занимается охотой или рыбной ловлей. Вообще этот тип мышления присущ любому трудовому процессу.

АВЕРБАЛЬНО-ПОНЯТИЙНОЕ мышление

Так называемое **лингвокреативное** мышление способно создавать слова-понятия или формы, содержание которых может далеко не охватывать объема понятия, существующего в действительности.

Тем не менее у каждого говорящего на том или ином конкретном языке всегда имеется понятие, которое может быть не выражено специальным словом. Есть, например, языки, где нет глагольного вида. Глагольный вид или совершенно не выражается или выражается крайне нерегулярно и непоследовательно. Между тем носитель данного языка очень хорошо представляет, что означает действие законченное и незаконченное. В языке коми есть специальный глагольный суффикс, обозначающий действие, совершающееся на некоторое время, например *личкыштлис* 'он надавил, подержал

некоторое время и опять надавил'. В китайском языке подобных суффиксов нет. Но это опять-таки не означает, что у китайца нет абсолютно никакого представления о подобных действиях.

История самых различных языков показывает, что в глубокой древности предложения не имели связующих средств. Одно предложение непосредственно следовало за другим и каждое предложение выглядело как главное. Однако отсутствие формально выраженной связи между предложениями опять-таки не означает, что у людей не было понятия логической связи предложений, понятия логической неравноценности предложений. В двух самостоятельных предложениях: *Я живу в доме, дом стоит на берегу реки*, второе предложение, несомненно, выступало **как** определение первого (*Я живу в доме, который стоит на берегу*).

Поэтому мы с полным правом можем говорить о наличии так называемых понятийных категорий.

РЕДУЦИРОВАННОЕ МЫШЛЕНИЕ

"Понятиями, — замечает П.А. Сотникян, — мы мыслим лишь в научной области, в обыденной **жизни мы мыслим** типичными **образами**" [1968, 92].

"**При** мышлении у нас образ вещи **может** сворачиваться и разворачиваться. Когда я в более или менее сложной форме мыслю обычную для меня мысль, то образ этой **вещи бывает** в свернутом виде, однако вполне достаточном для **мышления; например**, когда я говорю: "Мой отец помог мне получить среднее образование", то образ моего отца мыслится совершенно сокращенно, так что лишь какой-либо штрих из его внешнего облика, например его характерный взор, оказывается достаточным для мышления. Мы мыслим свернутыми образами, когда мысль для нас привычна... В обыденном мышлении мы не нуждаемся в **развернутом образе, так как и свернутые образы** или сгустки оказываются достаточными для мышления или неточного привычного различия одной **вещи** от другой... **Развернутый образ** выступает у нас, когда **мы нуждаемся в каком-либо** доказательстве при объяснении" [Там же, 87].

"Если же наше **мышление не нуждается в таких объяснениях и доказательствах**, то **наши образы могут не всплывать в развернутом виде**, они могут **сократиться до минимального сгустка, вполне достаточного для понимания сказанного**" [Там же, 142].

"Содержание также **может сокращаться, но тут сокращение будет состоять лишь в том, что вместо развернутого содержания появится сгусток этого содержания, или даже в сознании выступает не весь сгусток, а лишь часть его, да плюс к тому это выступающее в сознании содержание может не раскрываться, а оставаться как бы в скобках**, оставая в сознании то, что здесь мы имеем дело с чем-то определенным, отличным от других вещей" [Там же, 41].

Примером типа сокращенного мышления может быть так называемая сокращенная **форма внутренней речи. Вот некоторые ее характеристики.**

С синтаксической стороны эта форма речи крайне отрывочна,

фрагментарна и сокращена по сравнению с внутренней речью. Для нее характерно упрощение синтаксиса, минимум синтаксической расчлененности, высказывание мысли в сгущенном виде, значительно меньшее количество слов. Эта речь производит впечатление чрезвычайной фрагментарности и неразвитости. Во внутренней речи этого типа содержатся не столько слова, сколько трудноуловимые намеки на них, выражаемые в каких-то элементах артикулирования. Слова здесь представляют конденсированное выражение смысловых групп. Говорят, что в данном случае даже нет слов в их грамматическом значении, а лишь некоторые элементы артикулирования, которые являются носителями общего смысла [Соколов 1968, 101].

Эллиптична в известной мере также и разговорная речь. "Особенность структуры устной диалогической речи, — замечает А.Р. Лурия, — является то, что она допускает значительную грамматическую неполноту. Отдельные части грамматически развернутого высказывания могут опускаться и подменяться либо подразумеваемой ситуацией, либо включенными в речь жестами, мимикой, интонациями. Это явление хорошо известно в языкознании под названием эллипсисов или элизий, иначе говоря, опускания отдельных элементов развернутой речи" [1979, 305].

МЫШЛЕНИЕ, ОСНОВЫВАЮЩЕЕСЯ НА КОНЕЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ДЕЙСТВИЙ

Этот своеобразный тип мышления в практической жизни встречается довольно часто. Предположим, человек идет и видит раздавленного на полотне железной дороги человека. Человек может сразу понять, что здесь произошло и мысленно представить весь ход возможных действий: человек по неосторожности пошел по железнодорожному полотну, по какой-то причине не слышал шума приближающегося поезда, предупредительного гудка или окрика машиниста. Он предполагает, что колеса локомотива нанесли какие-то серьезные повреждения, приведшие к смерти пострадавшего. Мышление здесь также может быть авербальным. Вид раздавленного человека может вызвать просто последовательную картину действий, которая хранится в памяти человека как воспоминание чего-то подобного, виденного им в прошлом.

Примерно то же самое испытывает человек, увидевший вместо своего дома обугленные развалины. Он также представляет, что здесь могло быть: дом мог кто-нибудь поджечь или он мог загореться от оставленного невыключенным утюга, или от искры топившейся в доме печки и т.п. Он может представить, как из дома стал выходить дым и пламя, толпу суетящихся около дома людей, не сумевших потушить пожар, так как пожарные приехали слишком **поздно и т.п.**

СМЕШАННЫЙ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Вообще было бы неправильно думать, что при мышлении человек каждый раз пользуется только каким-нибудь типом мышления. По всей видимости, мышление человека характеризуется совокупным участием разных типов мышления.

Человек широко использует словесное мышление, когда он имеет дело с собеседником или определенной массой слушающих людей, или когда он стремится точно передать содержание высказывания кому-либо, причем все это может быть изложено даже в письменной форме.

Необходимо иметь в виду, что словесное мышление является наиболее совершенным типом мышления.

В обыденной жизни человек обычно пользуется различными типами мышления, причем **вс** эти типы не исключают друг друга, а взаимно дополняют.

О ЛИНГВОКРЕАТИВНОМ МЫШЛЕНИИ

Большинство философов и лингвистов относятся к идее о существовании лингвокреативного мышления отрицательно.

"Различая логические и семантические формы мышления, — замечает **П.В. Чесноков**, — борясь против их отождествления, не следует впадать в противоположную крайность и доходить до их метафизического разрыва, до их отнесения к разным сферам мыслительной деятельности — языковой и надязыковой, что было присуще психологическому направлению в языкознании (**А.А. Потебня** и др. и в последнее время частично проявилось в концепции двух сфер преломления действительности при ее отражении — сферы мышления и сферы языка) [ссылка на книгу "Общее языкознание" 1970, **80—81**]. Логические и семантические формы **существуют** в неразрывном единстве, как две стороны единого процесса организации мысли, протекающего в одной сфере языкового мышления" [**Чесноков**, 1977, 62].

Здесь все привязано к неизменному и незыблемому тезису: "Мышление может совершаться только на базе языка". Между тем многочисленные совершенно конкретные факты из истории различных языков заставляют предполагать наличие лингвокреативного мышления.

В отличие от других типов мышления, лингвокреативное мышление имеет двоякую направленность. Оно, с одной стороны, отражает окружающую человека действительность, с другой самым тесным образом связано с наличными ресурсами языка. При создании новой языковой единицы человек всегда что-то использует уже существующее в данном языке. Было бы неправильно предполагать, что для обозначения новых понятий или каких-либо отношений между понятиями язык прибегает к каким-то новым композициям фонем, к поискам еще не использованных словосочетаний. Обычно для этих целей используются уже существующие. При этом каждое новое понятие оказывается в той иной мере связанным с каким-то другим.

Создание слов на базе лексического материала собственного языка уже с самого начала предполагает какую-то связь вновь созда-

ваемого слова с каким-то другим, уже существующем в данном языке словом. Этот тезис очень хорошо подтверждают этимологические исследования.

Создание нового слова почти всегда связано с наличием в языке какого-то другого слова, в чем легко убедиться при анализе приводимых ниже примеров.

Немецкое *Hase* 'заяц' связано с названием цвета, ср. др.-нем. *hasan* 'серый', др.-англ. *hasu* 'серо-коричневый'; рус. *заяц* образовано от корня *ghei/ghoi* 'скакать, летать'. В венгерских диалектах встречается слово *fuies* 'заяц' *otfill* 'ух'. Венг. *czillag* 'звезда' этимологически связано с удмуртским глаголом *чиляны* 'блестеть', ср. также коми-зыр. *чиль* 'искра'. Нем. *Stern* 'и лат. *Stella* 'звезда' связаны с индоевропейским глагольным корнем **ster* 'рассыпать, распространять', тат. *йолдыз* 'звезда', по-видимому, содержит звуко-символический элемент *йол(д)*, изображающий сверкание, мерцание, который также содержится в таких словах, как *ялк(ын)* 'пламя', *ялт-ырау* 'блестеть', тур. *yıldırım* 'молния'; др.-инд. *nakSatram* 'луна', вероятно, из *nakt-ksatra* 'господствующий над ночью'; лит. *begti* 'бежать', ср. рус. *бегу* из **bhegu*; гр. *σκότος* 'темнота', др.-ирл. *scath* гот. *skadus*, др.-англ. *scath*, др.-в.-н. *scato* 'тьнь'; гр. *ἐρχομαι* 'приходить', др.-перс. *rasatiy*, совр. перс. *rasad*, др.-инд. *rechati* 'достигать', гр. *κλέπτω* 'воровать', лит. *slepti* 'прятать'; гр. *ἔλος* 'болото', др.-инд. *sarah* 'бассейн, пруд'; гр. *λάμπω* 'блестеть', лат. *lapa* 'основной факел', прус. *lopis*, лит. *lepsna*, лат. *lespi* 'пламя', ст.-сл. *lep* 'блестящий, хороший'; др.-инд. *atma* 'душа', нем. *Atem* 'дыхание'; гр. *ἔρπω* 'ползать', др.-инд. *sarpah* 'земля', гр. *τῆξιος* гот. *saul* 'солнце' от и.-е. корня *sau* 'светить'; гр. *πέτομαι* 'летать', галл. *eth* 'птица' *pet-no*; лат. *latus* 'широкий' < **stlātos* букв. 'постланный'; лат. *lucus* 'роща' < **loukos*, лит. *lauka* 'поле', т.е. нечто более освещенное; лит. *mergus* 'гагара' от *mergo* 'нырнуть'; польск. *chowai* 'сберегать', нем. *schauen* 'смотреть'; польск. *bialy* 'белый', др.-инд. *bha-mi* 'светить'; чеш. *drevo* 'дерево', рус. *дерево*, лат. *durus* 'твердый', др.-инд. *dhruvah*, зенд. *drva* 'твердый', гр. *δρῦς* 'дуб' и т.д.

Нетрудно заметить, что создание слов и форм в различных языках мира обнаруживает зависимость двоякого рода. С одной стороны, это создание зависит от наличия в окружающем нас мире соответствующих предметов и явлений, с другой стороны, оно зависит от наличия слов и форм в данном языке, которые могли бы послужить базой для образования новых слов и их форм. В авербальном типе мышления такой зависимости нет, поскольку **авербальное** мышление не зависит от наличия знаков. Результаты проявления лингвокреативного мышления во многом зависят от наличия конкретного языкового материала.

Отличительная особенность создания языка состоит в том, что практически язык никогда не создается на пустом месте. Он создается всегда при наличии некоторого количества слов и форм, оставшихся от предыдущего состояния. Этот остаток обладает двумя характерными особенностями: с одной стороны, он играет роль материальной базы для создания в языке нового, с другой стороны, он в известной степени ограничивает сам процесс лингвосозидательного мышления, ставя его в определенные условия. Наличный языковой материал

может в известной степени накладывать известное ограничение при создании новых слов и грамматических формул.

В русском языке невозможно создание настоящего времени типа английского Present Continuous Tense, например: I am working 'Я работаю в данный момент'. Этому мешает, во-первых, отсутствие в русском языке форм настоящего времени глагола *быть*. Во-первых, употребление причастия настоящего времени в предикативной позиции для русского языка не типично. Исчезновение категории рода в русском языке если полностью не исключено, то во всяком случае сильно затруднено. В русском языке не мог бы возникнуть особый падеж партитив, как это имеет место в финском и **якутском** языках. Обычно партитив исторически возникает из аблатива, который в русском **язык** отсутствует. Единственной базой для его возникновения мог бы быть род. падеж, который, между прочим, может иметь такое значение. Ср. *купил хлеба, попил воды* и т.д. Однако непартитивные значения у род. падежа в системе русского языка занимают слишком большое место. Поэтому для создания особой формы партитива в русском языке нет достаточных условий.

Во многих тюркских языках распространен аффикс относительных прилагательных *-лы*, ср. ног. *тавлы* 'гористый', кум. *бултлу* 'облачный', туркм. *гарлы* 'снежный', тат. *айлы* 'лунный', тур. *telli* 'струнный', чув. *вайла* 'сильный'. Этот суффикс возник в результате переосмысления аффикса совместного падежа *-лы:г*. В русском языке относительное прилагательное не могло бы быть образовано таким образом, поскольку в русском языке нет совместного падежа.

В татарском и многих других тюркских языках существуют сложные глаголы, состоящие из деепричастия основного глагола, сочетающегося с формами различных вспомогательных глаголов, которые и придают глаголу видовую характеристику, ср. тат. *йотып жибәрде* 'он проглотил' (**букв.** 'глота послал*'), *төзеп куды* 'он разложил' (**букв.** 'раскладывая поставил'), каз. *оқып шықты* 'прочитал' (**букв.** 'читая вышел'), *жанып кетті* 'он сгорел' (**букв.** 'горя ушел*'), башк. *Кыуып сьгарды* 'он выгнал' (**букв.** 'гоня извлек*'), чув. *вёссе кайрё* 'он улетел' (**букв.** 'летя ушел*'), тув. *чедип келди* 'он пришел' (**букв.** 'достигая пришел'), хак. *күрөп салды* 'сгреб' (**букв.** 'гребя положил*'), туркм. *бегенип гитти* 'обрадовался' (**букв.** 'радуясь ушел*'). В грузинском языке подобные сложные глаголы не могли бы возникнуть, поскольку в грузинском языке нет деепричастия.

В кабардинском языке очень мало местных падежей и послелогов с пространственным значением. Это объясняется тем, что роль окончаний местных **падежей** и послелогов с пространственным значением в кабардинском языке могут выполнять глагольные префиксы: *Бдзэжьсеир псым хэ-сц* 'Рыба в воде находится'. В этом предложении функцию **местн.** падежа заменяет префикс *хэ-*, имеющий значение 'внутри': *Тхымьир столым те-лыц* 'Книга на столе лежит'. Глагольный префикс *те-* в данном случае имеет значение 'сверху, на' и заменяет послелог *на-* и суперэссив, т.е. падеж, означающий 'на чем-либо': *Ар къалэм хуз-кIуащ* 'Он к городу пошел'. Глагольный префикс *хуз-* имеет значение '*к'. Он заменяет возможный направ. падеж

или послелог с тем же значением. Таким же свойством обладают и некоторые глагольные суффиксы, ср.: *Пхьэр бгым кьнрешэ-х* 'Дрова с горы везут'. Это объясняется тем, что в адыго-абхазских языках, к которым принадлежит кабардинский, наблюдается очень сильная тенденция превратить глагольную форму в специальный комплекс средств указания на другие части речи. Поэтому семантические аналогии предлогов или послелогов располагаются не перед именами существительными или после них, а помещаются в самом глаголе.

В тюркских языках была довольно сильна тенденция к созданию специальных форм определенного настоящего времени. Эта тенденция не во всех тюркских языках проявлялась в одинаковой степени, но в некоторых языках, в особенности в тюркских языках Средней Азии и Сибири она проявлялась достаточно наглядно. По значению эти времена до некоторой степени напоминают английский Present Continuous Tense. В их образовании также принимали участие вспомогательные глаголы. Однако по причине отсутствия в тюркских языках форм настоящего времени глагола-связки **'быть'** были использованы другие глаголы. Наиболее часто используются четыре вспомогательных глагола — *-ят-* 'лежать', *тур-* 'стоять', *отур-* 'сидеть', *йур-* 'ходить', например: ног. *бара ятырман* 'я иду (в данный момент)', кирг. *жазып жатамын* 'я пишу (в данный момент)', тур км. *алып дурмен* 'я беру (в данный момент)', каз. *жазып отырмын* 'я пишу (в данный момент)', узб. *ёзиб юрибман* 'я пишу (в данный момент)' и т.д. Эти же глаголы используются и для образования прошедшего времени, ср. каз. *келе жатыр едим* 'я приходил (иногда)', алт. *уренип турдым* 'я учился (тогда)' и т.д.

Отличительная особенность китайского языка заключается в неоформленности частей речи. Неоформленность частей речи находится в прямой зависимости от небольшого количества типов слов, абсолютного преобладания односложных слов и общей скудности дистинктивных средств связи. В этих условиях язык бывает вынужден использовать одно и то же слово в роли разных частей речи. Если в языке отсутствуют оформленные части речи, то усиливается полисемантность слов. Эта особенность также характерна для китайского, вьетнамского, индонезийского и других языков того же структурного типа. Закрепление определенных морфологических показателей за отдельными разрядами слов в языках этого типа сильно бы сковывало их маневренность.

Наиболее типичной особенностью языков эргативного строя является отсутствие формы вин. падежа. Причина этого явления, по-видимому, заключается в том, что отсутствие специального суффикса вин. падежа компенсируется наличием специальных показателей объекта в составе глагольной формы. В языках, имеющих эргативную конструкцию, страдательный залог обычно отсутствует. **Основной** причиной этой взаимосвязи, по всей видимости, являются особенности грамматического строя языков, имеющих эргативную конструкцию. В этих языках имеются два падежа, способных выполнять роль субъекта действия — это эргатив при переходном глаголе, а абсолютный при непереходном. Типология различных языков ясно показывает,

что в страдательной конструкции падеж подлежащего никогда не получает никаких особых показателей и по форме бывает равен именительному, ср. рус. *Дом строится плотниками*. Совершенно естественно, что и в языках эргативной конструкции в случае появления страдательного залога падеж подлежащего должен был быть неоформленным падежом, т. е. он совпал бы по форме с падежом абсолютным. Но в языках эргативного строя абсолютный падеж и без того имеет две функции. Он выступает не только как субъект действия при непереходных глаголах, но и как объект действия при переходных глаголах. В случае возникновения страдательного залога абсолютный падеж получил бы еще третью функцию — быть падежом подлежащего в пассивной конструкции. Такой **полисемантизм**, безусловно, мог бы создать лингвотехнические затруднения. Кроме того, он мог бы нарушить четкое противопоставление функций эргативного и абсолютного падежей. Эти лингвотехнические затруднения и несклонность разговорной речи к употреблению пассивных конструкций не создавали стимулов для появления страдательного залога в языках эргативного строя.

Многие уральские языки характеризует обилие суффиксов многократного действия. Разгадку этого явления найти нетрудно. Все ученые убеждены, что в уральском праязыке не было именных классов, как это имеет место в африканских языках. Форма им. падежа ед. числа представляла чистую основу и не содержала никаких формативов, указывающих на принадлежность какого-либо существительного к определенному именованному классу. Несмотря на это в современных уральских языках обнаруживаются многие реликты так называемой собирательной множественности. Можно указать приблизительно десять классов *-a(-ja)*, *-c. -i(-j)*, *-k(-kk)*, *-l*, *-m*, *-n*, *-r*, *-i*, *-t*. Можно предполагать, что каждый суффикс собирательной множественности обозначал особый класс предметов, который отличался от других классов предметов особыми признаками. В настоящее время трудно сказать, какие это были признаки. При этих обстоятельствах каждый суффикс играл двойную роль: он обозначал собирательную множественность и одновременно сигнализировал о наличии в языке классов собирательной множественности. Понятие коллективной множественности существовало не в абстрактном смысле, а относительно конкретного класса собирательной множественности. Позднее некоторые показатели собирательной множественности были переосмыслены как суффиксы многократного действия.

Особенностью языка суахили, как и всех других языков, принадлежавших к семейству языков банту, является плеоназм формативов, обладающих одним и тем же значением. Отношения принадлежности в суахили передаются при помощи притяжательной частицы *a*, оформленной местоименным показателем того класса, к которому относится имя, обозначающее предмет обладания [Мячина 1960, 23]. Таким образом, отношение принадлежности (одно и то же по своей сущности) может быть выражено в суахили различными формами. Это объясняется тем, что притяжательная частица **-a**, сливаясь с показателями различных классов, образует многочисленные фонетические разновидности.

Употребление абсолютного падежа в роли прямого дополнения при переходных глаголах в эскимосском языке связано с наличием показателя объекта в самой форме переходного глагола.

Значение предлогов часто зависит от значения падежей. В индоевропейских языках некоторые предлоги управляют вин. падежом, ср. рус. *в город, в лес*; лат. *in urbem* 'в город'; рус. *из леса, из города, в городе, в селе* и т.д. Это происходит от того, что имена существительные, сочетающиеся с предлогами, некогда представляли формы местных падежей. Вин. падеж был некогда в индоевропейских языках направ. падежом, ср. лат. *Romam ire* 'идти в Рим', др.-инд. *gramam gacchami* 'иду в деревню', а род. падеж в ряде случаев развился из **отлож.** падежа. Поэтому предлоги повторяли значение тех падежей, с которыми они сочетались.

Выбор необходимых строевых элементов при создании языковых единиц при лингвокреативном мышлении происходит стихийно.

В марийском и мордовском языках произошла нейтрализация некогда существовавших в этих языках серии внутрнеместных и внешнеместных падежей. Показатели отдельных серий, которые прежде имели только одно значение, получили со временем два значения и в результате такого процесса различие двух серий в этих языках утратилось, ср. **эрзя-морд.** *совась кудос* 'вошел в дом' и *озась эземс* 'сел на лавку'. Таким образом показатель *с*, который некогда обозначал серию внутрнеместных падежей, получил также значение показателя серии внешнеместных падежей — *озамс эземс* 'сесть на лавку'. Нейтрализация этих двух серий в мордовском и марийском языках объясняется тем, что формально серии не были достаточно противопоставлены друг другу. Показатель серии внешнеместных падежей *л* в мордовских языках фактически отсутствовал, в марийском языке он не создавал достаточно четкого противопоставления.

Другая особенность лингвокреативного мышления состоит в том, что оно заново членит мир. Первое членение мира осуществляется еще до возникновения языка. Рецепторы человека воспринимают различные раздражения, идущие от различных предметов материального мира. Представление о предметах и явлениях окружающего мира у человека возникают еще в доречевой стадии.

При создании слов языка человек начинает членить окружающий мир заново. Сказанное легко уяснить при анализе приводимых ниже примеров. Слово *занят* в русском языке означает, что в данном случае отсутствует понятие пустоты или бездеятельности, например: *Комната занята; Я сегодня занят на работе* и т.д. Айглийский язык не довольствуется этим общим понятием занятости и допускает более дробное членение этого понятия, например: */ am busy today* 'Я сегодня занят'; *Are you engaged?* 'Вы заняты?' — Так можно спросить у шофера такси. *The place is occupied* 'Место **занято**' и т.д. Такое деление имеет известное фактическое оправдание, поскольку занятость шофера это несколько иная занятость по сравнению с занятостью чиновника в учреждении. Один язык довольствовался более общим пониманием занятости, а другой пошел по пути обозначения более конкретных особенностей занятости.

Понятие старости при чисто визуальном его представлении может быть связано с понятием многолетия, ухудшением состояния, изношенности. Татарское слово *карт* означает 'старый', но по сравнению с русским словом *старый* его значение более узкое. Оно применимо только к человеку и другим одушевленным предметам, например *карт кеше* 'старый человек'. Если речь идет о старом доме, то нужно сказать *иске өй*. Здесь также можно найти логическое обоснование. Изношенность старого дома — это нечто иное по сравнению с физическим ослаблением человека, наступающим в связи с его возрастом. Один язык в данном случае довольствуется более общим пониманием старости, тогда как другой выражает это понимание более детализованно.

Человек может плыть на лодке вверх по течению и вниз по течению. Русский язык в данном случае не делает никаких различий. В том и другом случае употребляется глагол *плыть*. Однако в коми-зырянском языке это различие проводится. Глагол *кывтны* в этом языке означает 'плыть по течению', а *катны* — 'плыть против течения'.

Любой народ достаточно хорошо понимает, что значит обменивать одну вещь на другую. Это действие в венгерском языке выражается глаголом *czerelni*. Однако венгр не может употреблять этот глагол при обмене денег одного государства на деньги другого государства. В этих случаях употребляется глагол *bevaltani*.

В северных русских говорах слово *гора* отличается большей объемностью значения по сравнению со словом *гора* русского литературного языка. В этих говорах *горой* может быть назван холм, высота которого не достигает одного километра.

В русском языке производится четкое различие между такими делениями суток, как вечер и ночь. Английский язык, в особенности язык Америки, такого различия не делает. Слово *night* может обозначать 'вечер' и 'ночь'.

Семантический объем слова *джужыд* в коми-зырянском языке больше семантического объекта слова *высокий* в русском языке. Слово *джужыд* означает не только 'высокий', но и 'глубокий (о воде)'.

Бывают случаи, когда один народ особо называет какой-либо предмет, тогда как другой не обращает на него никакого внимания, ср. нен. *варнась* 'бежать (о небольших животных и птицах)', *лорц* 'крупная кочка', *пухуворць* 'состариться (о женщинах)', *ёё* 'желудок хищной рыбы', *ёнг* 'часть шеи у основания черепа', *ёсерота* 'река с низкими берегами, местами поросшими травой, покрытыми лужами, озерами, болотцами', *ямд* 'ветвь хвойного дерева', *эвенк.* *ирбэ* 'период нереста карасей; *иркукта* 'период, когда ягоды еще не созрели', *калтан* 'чум, закрытый крышкой наполовину', нен. *лорин* 'тающий весной лед', вост.-хант. *мур* 'снег на ветках деревьев' и т.д.

Часто такая специфическая лексика зависит от рода занятий человека. "Из окружающего ненцев природного мира, — замечает Н.М. Терещенко, — особо обозначены только те предметы и явления, которые имеют отношения к их практической деятельности и **быту**" [Терещенко 1955, 931]. Так имеется большое количество слов, свя-

занных с производственными и поло-возрастными названиями оленей, например: *ты* 'домашний олень (общее название)', *хабт* 'кастрированный олень', *бык сидесь* 'двухгодовалый олень', *сырэй* 'двухгодовая важенка', *хабтарка* 'бесплодная важенка' и т.д. [Там же]. Наряду с глаголом *хане(сь)* 'охотиться, промышлять', существует длинный ряд глаголов более узкого конкретного содержания. Глаголы эти обозначают, какой зверь или какая птица или рыба являются предметом охоты, в какое время года и каким способом охота производится. Например: *носинзь* 'охотиться на песцов', *тёнанзь* 'охотиться на лисиц', *пинизь* 'охотиться на горностаев' [Там же, 930]. Специально обозначаются различные виды снега и льда: *идебя* 'глубокий, рыхлый, незатоптанный снег', *хаб луй* 'пушистый, только что выпавший снег', *ингнем* 'хрупкий зернистый снег под настом', *ябтий* 'твердый снег', *нир* 'затверделый снег на поверхности льда' и т.д. [Там же, 931]. В ненецком языке нет различных видовых названий для цветущих растений, которых в летнее время очень много в тундре [Там же, 932]. Особо обозначаются различные виды болот, различные по своей форме или размеру сопки, кочки, берега водоемов и др. [Там же, 932].

Вряд ли можно категорически утверждать, что каждое слово какого-либо языка представляет результат особого членения мира. Во многих случаях определить очень трудно, если не невозможно. Возьмем ряд слов, принадлежащих различным языкам, но имеющих одно и то же значение, например 'река': англ. *river*, н.-гр. *ποταμός*, удм. *шур*, тат. *елга*, эрзя-морд. *лей*, фин. *joki*. В чем здесь заключается особое членение мира, сказать трудно.

Гораздо большее различие в области лексического состава языков мира создают довольно многочисленные случаи семантической деривации слов. В этой области могут быть значительные расхождения. Неодинаковость семантического объема слов различных языков мира создает главным образом неодинаковая деривация, что можно пояснить на конкретных примерах. Ср.: як. *кун* 'солнце, день, время'; сев.-осет. *ком* 'рот, пасть, ущелье', *наст* 'дыра, колесо, отделение'; рум. */и/та* 'сердце, душа, сердцевина', *broasca* 'лягушка, врезной замок', *scdarta* 'кора, переплет'; голл. *beer* 'медведь, кредитор', *rag* 'спина, обух'; сербо-хорв. *време* означает 'время, погода'; мар. *йогаиш* 'течь, падать, сыпаться'; исп. *arana* 'паук, люстра, сеть для ловли птиц, публичная женщина, блок', *abierto* 'открытый, прямой, незащищенный, расточительный, самовольный', *egg* 'яйцо, мина', *muffler* 'кашне, глушитель', *dull* 'тупой, вялый'; удм. *вандыны* 'резать, пилить', груз. *бунеба* 'природа, характер'; хинди *an kma* 'желание, надежда, связь, отношение', араб. *arak* 'спирт, сок, пот', *an* 'честь, манера, способ, воля, клятва', *him* 'холодный, зима, холод, снег'; нем. *trauen* 'верить, венчать', *Messe* 'ярмарка, кают-компания, обедня'; удм. *гыж* 'ноготь, копыто'; перс. *zahp* 'яд, отравка, горе, гнев'; *дарбанд* 'засов у дверей, горный проход, леса на стройке, застава, широкая короткая улица'; араб. *bab* 'дверь, глава, раздел, источник дохода', *daira* 'круг, область, сессия, учреждение'; дат. *dinning* 'зыбь, эхо', *flyde* 'течь, плавать'; узб. *тамга* 'клеймо, герб, печать'; аз. *кызыл* 'красный, золотой'; алб. *cfurk* 'вилы, скорпион', *gi* 'грудь, бухта'; яп. *ho* 'колос, острие копья, гребень волны', *кару*

'жать, косить, стричь, подрезать'; курд. *шах* 'ветвь, приток (реки), глава, часть', *бьрин* 'стричь, пилить, резать, рубить, кроить'; бур. *арга* 'способ, прием, умение, сноровка, навык'; фр. *punaise* 'клоп, канцелярская кнопка', англ. *clear* 'очищать, устранять препятствие'; тат. *күз* 'глаз, ушко иголки'.

Нередко говорят, что возможность объединения различных значений в рамках одного звукового комплекса создает обусловленность значений слов контекстом. "Только в связной речи мы можем узнать, имеется ли в виду при слове *завернуть* — покрыть со всех сторон, упаковать (например, книгу в бумагу), или, вертя, закрыть, завинтить (например, кран), или загнуть, отогнуть, подвернуть в сторону (например, рукав), или, двигаясь, направиться куда-нибудь в сторону (например, за угол) или же зайти мимоходом (например, зайти к приятелю)" [Булаховский 1953, 28—29].

Что здесь в действительности происходит? В мышлении человека фактически образуются новые понятия. Возникает потребность в их наименовании. Используя различные ассоциативные связи, человек в данном случае использует не какие-то новые звуковые комплексы, а довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами. Здесь важно то, чтобы вновь возникшее понятие имело какую-то ассоциативную связь со старым понятием. Сказанное можно пояснить на конкретных примерах. В голландском *rag* означает 'спина' и 'обух'. Можно предполагать, что первоначально *rag* имело только одно значение 'спина'. Когда возникла необходимость в создании звукового комплекса для наименования обуха, то человек заметил, что обух имеет нечто общее со спиной. Он также обозначает тыльную часть. Поэтому для названия обуха был использован звуковой комплекс, имеющий значение 'спина'. В данном случае создавалось определенное лингвотехническое неудобство. А как же различить эти одинаково звучащие слова? Неудобство устранялось контекстом. В контексте нетрудно определить, к чему конкретно данный звуковой комплекс относится. Испанское слово *agana* 'паук' имеет также значение 'люстра'. Когда возникла необходимость в обозначении люстры, то было подмечено, что люстра чем-то напоминает паука. Она распластана и может иметь торчащие в разные стороны выступы. Поэтому слово *agana* 'паук' и было использовано для названия люстры. Соотнесенность звукового комплекса *agana* легко определялось в контексте.

Лингвисты нередко утверждают, что контекст будто бы создает новые значения слов. Это мнение целиком ошибочное. Ничего нового контекст создать не может. Контекст имеет часто дейктическую функцию. Он показывает только ту ситуацию, в которой тот или иной предмет и связанное с ним понятие может участвовать. Он указывает на сферу связей данного предмета, например, в двух предложениях: *Я сразу узнала его по старой карточке* и *Занесите эту книгу на карточку*. В первом предложении слово *карточка* связано с глаголом *узнавать*. Основанием для узнавания может быть только фотографическая карточка. Определение связи предмета здесь достаточно определенно указывает на конкретный предмет.

Во втором предложении указана другая связь. Заносить что-либо можно на каталожную карточку. Значит, здесь идет речь о совершенно другом предмете. Эти два понятия существуют в голове человека независимо от контекста. Контекст только на них указывает.

Чем объясняется необычайное разнообразие звуковых оболочек слов в различных языках мира? Это разнообразие в значительной степени зависит от особенностей ассоциации. Ассоциация в некотором отношении случайна и произвольна. Мы не можем заранее определенно сказать, какую ассоциацию использует человек при создании слова. Сравним такие слова, как рус. *окно*, сербо-хорв. *прозор*, исп. *ventana*, н.-греч. *παράθυρα*. Значение у всех этих слов одно и то же 'окно'. Однако в основе их лежат совершенно разные ассоциации. Рус. *окно* связано с словами *око* 'глаз', сербо-хорв. *прозор* этимологически связано с русским глаголом *взирать*, т.е. *смотреть*, тогда как исп. *ventana* связано с лат. *ventus* 'ветер', н.-греч. *παράθυρα* 'окно' **букв.** 'то, что находится около двери'.

Это явление имеет свои причины. Каждое слово и каждая форма в любом языке создаются вначале каким-либо отдельным индивидом. Это происходит оттого, что создание определенного слова или формы требует определенной инициативы, которая в силу целого ряда психологических причин не может одновременно возникнуть у многих людей сразу.

Кроме того, у разных индивидов, находящихся в различных точках земного шара, ассоциации не могут быть одинаковы, хотя возможность случайных **конвергенций** не исключена. Этим между прочим объясняется такое интересное явление, как отсутствие единой внутренней формы в различных языках мира. Русское слово *плотник* связано этимологически с глаголами *плотить* и *плести*, тогда как гр. *τέκτων* 'плотник' этимологически связано с глаголом 'тесать'.

Лингвокреативное мышление принимает участие также в процессах изменения языка. Интересно отметить, что оно может при этом подвергаться влиянию законов языкового знака и разного рода чисто психологических процессов, способствующих изменению языка, что ведет к известной алогичности. В коми-зырянском языке некогда существовало слово *тыл*, означавшее 'огонь'. Казалось бы, никакой необходимости в исчезновении этого слова не было. Однако это слово исчезло и заменилось новым словом *би*. Это произошло по видимому, оттого, что *тыл* 'огонь' очень напоминал слово *тыл* 'ветер'. Для **того** чтобы избежать омонимии в коми-зырянском языке, возникло новое название для огня — *би*.

В области создания новых способов связи между словами или новых грамматических категорий лингвокреативное мышление главным образом направлено на подыскание новых способов языкового выражения или на улучшение лингвотехники.

Косвенные падежи в вульгарной латыни и в индийских пракрытах подвергались интенсивным процессам падежного синкретизма. В результате образовалась всего два падежа — прямой (именительный) падеж и косвенный. Косвенный падеж с лингвотехнической точки зрения крайне неудобен. Многие значения здесь фактически

выражались одной и той же формой. Чувствовалась необходимость в создании какой-то новой системы выражения падежных отношений. И этот способ был найден. Падежные отношения стали выражаться предложениями. Фактически здесь сменился способ выражения падежных отношений. В интеллектуальной сфере человека ничего нового при этом не прибавилось. В древнеанглийском языке было несколько суффиксов мн. числа имен существительных. Мн. число выражалось суффиксами *-as*, *-u*, *-a*, *-an*. Исторически наиболее устойчивым оказался суффикс *-as* как наиболее четкий и фонетически устойчивый по сравнению с другими окончаниями [Аракин 1988, 151]. Здесь нашла свое осуществление тенденция к выражению одинаковых или близких значений одной формой.

В древнерусском языке некогда различались специальные глагольные времена — аорист, перфект, имперфект и плюсквамперфект. В современном русском языке эти глагольные времена уже не различаются. Одной из главных причин, способствующих исчезновению указанных времен, было, несомненно, развитие категории вида. Возможность выражения совершенного действия иными языковыми средствами делала ненужным существование особого прошедшего времени аориста, а также имперфекта. Здесь **также** произошло лишь изменение способов выражения категории вида.

В финском языке когда-то, как и во многих других финно-угорских языках, глагольные виды четко не различались. Видовое значение глагола нередко определялось контекстом. В более позднее время финский язык нашел способ выражения видовых отношений. Если глагол имеет дополнение в партитиве, то он выражает незаконченное действие, если он имеет дополнение в вин. падеже, то действие выступает как законченное.

Арабский язык в более древнюю эпоху своего существования имел только два глагольных времени — перфект, например *katabu* 'я написал', и имперфект *aktubu* 'я писал'. Эти времена первоначально имели видовое значение, но не **временное**. Что касается их способности выражать отношение действия к определенному временному плану, то в данном случае вышеуказанные времена были полисемантическими. Так, например, имперфект мог иметь значение настоящего, будущего и прошедшего времен. Это коммуникативное неудобство потребовало создания дополнительных средств: присоединение к формам перфекта частицы *qad* способствовало более четкому отграничению собственно перфекта, например: *qad kataba* 'он уже написал'; присоединение префикса *sa-* к формам имперфекта: *sa-naktubu* 'мы напишем, будем писать' дало возможность более четко выразить будущее время; употребление форм перфекта от вспомогательного глагола *ka* 'быть' в соединении с формами имперфекта, например *kana jantubu* 'он писал', дало возможность более четко выразить прошедшее длительное. В данном случае осуществилась тенденция к выражению разных значений разными формами.

В латинском языке было несколько типов перфектов, например, перфект с показателем *-s*: *dixi (diksi)* 'я сказал', *duxī (dukxi)* 'я привел', перфект с удвоением типа *tetendi* *я **натянул**', *dedi* 'я **дал**', перфект с

показателем -v: *delevi* 'я разрушил', перфект на -ui типа *domui* 'я укротил' и т.д. В современном испанском языке этого разнобоя уже нет. Испанское прошедшее время *preterito perfecto simple*, являющееся прямым наследником латинского перфекта, не содержит такого количества типов образования и отличается относительным однообразием.

Иногда причиной изменения являются психологические причины. В индоевропейском языке-основе 1-е лицо ед. числа имело два типа окончаний: так называемые тематические глаголы имели окончание *o*, атематические глаголы — *-mi*. Позднее в ряде индоевропейских языков это различие было устранено. Окончание атематических глаголов *-mi* полностью вытеснило окончание *-o*, ср. др.-арм. *berem* 'несу', совр. болг. *гледам* 'я смотрю', сербо-хорв. *невам* 'я пою', *носим* 'я несу', ирл. *buailim* 'я ударяю'.

Направление движения от какого-нибудь предмета выражалось в древнеармянском языке особым падежом аблативом, который в ед. и мн. числе имел различные окончания, например, ед. ч. *get-oi* 'от реки' — мн. ч. *get-oc* 'от рек', *tan-e* 'от дома' — *tan-c* 'от домов'. В восточном диалекте возникло стандартное окончание аблатива *-c*, употребляющееся в ед. и мн. числе, ср. *antar* 'лес', *antaric* 'из лесу' и *antarnar-ic* 'из лесов'.

Нередко случается, что то, что человеку дано в опыте, может не иметь специального обозначения в языке. Ниже мы приводим несколько таких примеров.

Проанализируем в этом плане английский пример: *Fresh footsteps in the thin snow told him that some one had already been there before him* (Nerdling 198) 'Свежие следы на мелком снегу говорили, что кто-то здесь был до него'. Совершенно очевидно, что говорящий не видел, что кто-то здесь был до него. Он делает такое заключение на основании следов, оставленных на снегу. Однако в английском языке неочевидность никакими языковыми средствами специально не выражена, хотя сам говорящий знает, что он может утверждать о наличии чего-либо на основании косвенных признаков.

Между тем существуют языки, где неочевидность действия почти регулярно выражается языковыми средствами, ср. в татарском: *Шул бинада Толстой укыган* 'В этом доме (бу кв. 'в здании') учился Толстой', аз. *Айвазовски Петербург ассамлыг академий асында охумушдур* 'Айвазовский учился в Петербургской академии художеств'. Сообщение о Толстом и Айвазовском в данном случае производится на основании исторических документов. Неочевидность действия выражена формами перфекта. Перфект на *-ган* и на *-мыш* обладают способностью выражать действие, непосредственным очевидцем которого говорящий не был. Однако и в языках этого типа правило может нарушаться, ср. тат.: *Егет суны алыт килде. Китеру белэн, бу суны алтын балык йорган тазга салдылар. Балык алтын суда сүзгә башлагач, булм тагын да яктырыбрак китте* (из татарской сказки) 'Парень принес воду. Когда он ее принес, эту воду налили в таз, где держали золотых рыбок. Когда золотые рыбки стали плавать в воде, в комнате стало еще светлее'. Поскольку этот пример взят из народной сказки, то все действия, о которых сообщается в сказке, для рассказчика яв-

ляются неочевидными. Тем не менее в этом отрывке нет ни одной совершенной формы. Это означает, что в целях придания рассказу живости, рассказчик абстрагировался от факта неочевидности действия. Он говорит о событиях так, как будто видел их собственными глазами.

В ненецком языке есть особое наклонение — аудитив, которое обычно употребляется в тех случаях, когда говорящий сообщает о наличии действия по его акустическим признакам. Например, если говорящий, находясь в одной комнате, слышит, что в соседней комнате хлопнула дверь, он может сказать: "Кто-то вошел в комнату" и употребить глагол в форме аудитива. Русский обычно не придает акустической характеристике действия никакого значения, считая ее совершенно лишней, абстрагируясь от нее. В русском языке нет особого глагольного времени перфекта. Но в речи может встретиться глагольное время, имеющее все признаки перфекта, например: *заснул, получил* и т.д. Человек постоянно видит и наблюдает, что действие в одних случаях может длиться, в других оно достигает предела и прекращается. В его голове складывается представление об этих двух типах действий, совершенно независимо от того, создались ли в языке специальные языковые средства для выражения совершенного и несовершенного **видов**.

Наличие специальных языковых средств очень часто заменяет контекст. Можно даже априорно сказать, что при описании чего-либо будет гораздо чаще выражаться действие, не достигшее предела. Наоборот, при сообщении о чем-то сделанном будет чаще выражаться результат действия.

О КОМПЕНСАЦИИ НЕДОСТАТКОВ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Лингвокреативное мышление создает элементы языка стихийно и могут быть случаи, когда оно что-либо пропускает, т.е. оставляет невыраженным. Возникает вопрос, чем могут быть компенсированы недостатки лингвокреативного мышления.

Выясняется, что в сознании разных народов, находящихся на одинаковой ступени развития, нет резких различий в количестве понятий. У **Б.В. Беляева** есть очень интересное высказывание: "Не каждый народ может иметь в своем мышлении все без исключения понятия, которые имеются у других народов. Нет таких понятий, которые могли бы быть усвоены одним народом и не могли бы быть усвоены другим народом. Если же мы говорим здесь о том, что для разных народов характерны различия в некоторых понятиях, то под этими понятиями следует иметь в виду лишь те, которые выражаются одним словом на том или другом языке. Например, во французском языке имеется слово *cuire*, которым выражается определенное понятие. У русского же народа точно такого же понятия, выраженного одним словом, нет. Но отсюда отнюдь нельзя делать вывода о том, что русский человек никогда не может иметь такого понятия. Но как только такое понятие образуется в мышлении русского человека, оно сейчас же, конечно, приобретает и языковую оболочку, только в ка-

210

честве последней придется брать не одно слово (за отсутствием такового), а несколько слов, именно "приготовлять что-либо с помощью огня". Точно также и наоборот: русское слово и соответствующее ему понятие *сутки* не имеет во французском языке однословного эквивалента, но это вовсе не значит, что французы также и не могут иметь в своем мышлении понятия суток. Французы могут иметь и имеют понятие *сутки*, но словесно оно у них выражается не словом, а словосочетанием *vingt quatre heures* (двадцать четыре часа). Следовательно, надо помнить, что речь идет не вообще о всех возможных понятиях, а только о некоторых, которые скрываются за некоторыми отдельными словами. Само собой разумеется, что общечеловеческие понятия одни и те же у всех народов земного шара, независимо от того, выражаются ли одним словом или несколькими словами" [1954, 209—210].

Это замечание безусловно верно. Понятия действительно могут существовать на базе нескольких слов. Слово *атолл* в "Советском энциклопедическом словаре" (М., 1980) объясняется следующим образом: "Коралловое сооружение, имеющее форму сплошного или разорванного кольца, окружающего мелководную лагуну"; *крепость*: "Укрепленный пункт (город), подготовленный к круговой обороне и длительной борьбе в условиях осады" [Там же, 659].

Предположим теперь, что в русском языке не было бы слов *атолл* и *крепость*. Наличие этих описаний было бы вполне достаточно для образования в сознании человека отдельных понятий.

Таким образом, путем описания в любом языке может быть создано любое понятие, хотя оно до сих пор не было выражено отдельным словом или специальной формой. Значение ненецкого слова *мора* может быть передано описательно 'весенний, незатвердевший рог оленя', хантыйское слово *вонсь* передается как 'массовый подъем рыбы вверх по реке', коми-зырянская глагольная форма *личкыштыс* может быть объяснена описательно как 'быстро надавил, некоторое время подержал и снова опустил'. Все это говорит о том, что в человеческом сознании помимо понятий, выраженных отдельными словами и их формами, существуют понятия, образующиеся на словосочетаниях. Возникает вполне законный вопрос, чем же объясняется тот непреложный факт, что у людей, находящихся на одинаковых ступенях развития, количество понятий в основном оказывается одинаковым. Одинаковые понятия у людей создаются на ступени чувственного восприятия действительности.

Для многих современных лингвистов, психологов и философов характерна явная недооценка первой сигнальной системы. Органы чувств дают нам более богатую информацию о мире по сравнению с тем, что дает нам язык. Ведь каждое понятие возникает из восприятия, но восприятие есть результат познания человеком предмета или явления в целостности, во всей совокупности конкретных свойств. Здесь не может быть каких-либо сокращений и упущений.

В сознании любого народа естественно представление о разделении человеческой руки на части: кисть руки и то, что следует за ней. Не будет большой беды, если в данном языке естественное де-

ление руки будет выражено разными словами, ср. нем. *Hand, Arm*, а в другом оно выражено не будет, ср. рус. *рука*. Естественное деление руки было усвоено и русским и немцем на ступени восприятия. Поэтому невыраженность в языке фактически не означает какой-либо пустоты в сознании. Наше сознание поэтому состоит не только из понятий, выраженных отдельными словами, их формами и отдельными словосочетаниями, но оно включает целостные образы предметов, совершенно независимо от того, как они членятся в отдельных языках.

Немец разделяет два слова — *Finger* 'палец на руке' и *Zähe* 'палец на ноге'; *Knochen* 'кость животных' и *Grate* 'кость рыбы'. В языке коми существует общее название озера *ты* и *вад* — для озера, берега которого представляют плавающий дерн. Усвоение этих понятий для русского не представляет никакого труда. Русский хорошо знает, что пальцы на руках и пальцы на ногах имеют известные различия, он знает это благодаря своему опыту, хотя в языке особые наименования для пальцев на руках и для пальцев на ногах могут отсутствовать. Русский также знает, что кости животных и кости рыб далеко не одинаковы по строению, форме и размеру. По своему опыту он хорошо знает, что это такое. Русский средневропейской части СССР не создал в своем языке специального слова для названия озера с топкими берегами, но в своей жизненной практике он знает, что такие озера существуют.

Приходится признать наличие в человеческом сознании понятийных категорий. Некоторые наши языковеды высказывали сомнения относительно возможности существования понятийных категорий, поскольку они являются как бы внеязыковыми категориями, а человеческое мышление, по мнению этих языковедов, осуществляется только на базе языка. В действительности здесь нет никакой опасности. Понятийная категория представляет результат **человеческого** опыта, что может быть подтверждено вполне наглядными примерами. В китайском и японском языках **мн.** число предметов чаще всего выражается факультативно. Исключение могут представлять только личные **местоимения** и некоторые одушевленные имена существительные. Однако отсюда нельзя делать вывод, что у японцев и китайцев нет никакого понятия о множественности неодушевленных предметов. Это понятие им дано в опыте. Точно так же неправоммерно было бы делать вывод, что в сознании людей, языки которых не различают грамматической категории вида, совершенно отсутствует понятие действия, достигнутого предела, и действия, не достигнутого предела. Эти понятия также даны в опыте.

Недостатки лингвокреативного мышления устраняются, когда человек начинает пользоваться невербальными способами мышления. Например, когда человек пользуется образным мышлением, в его голове происходит смена различных образных сцен, картин образов.

То же самое происходит и при так называемом практическом мышлении, в основе которого лежит хорошо усвоенный навык. Он хорошо представляет последовательность трудовых действий и конечный результат своего труда. В результате мышление в данном случае превращается в мышление, выражающееся в осмысленном **движении**.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ЯЗЫКЕ

Наличие противоречий в языке признается всеми лингвистами, но сама проблема остается малоизученной. Нет специальных работ, в которых бы на основе анализа конкретного лингвистического материала была раскрыта сущность противоречий в языке, детально изучен механизм действия в языке универсального закона о диалектическом развитии путем преодоления противоречий, закона о единстве и борьбе противоположностей. Имеющиеся высказывания часто носят слишком общий характер.

Так, Г.В. Колшанский правильно формулирует следующее положение: **"Рассматривая** противоречия языка, необходимо прежде всего отметить глобальный характер противоречий, присущих языку как таковому в целом и всем звеньям системы и структуры языка в **отдельности"** [Колшанский 1972, 36]. И далее: **"Кардинальным** противоречием языка можно считать противоречие между его формой и содержанием, которое является диалектическим противоречием" [Там же, 38].

Здесь напрашивается ряд других вопросов. При общей постановке вопроса создается впечатление, будто форма и содержание в языке находятся в постоянном противоречии, тогда как многие противоречивые явления самим языком преодолеваются. Кроме того, вопрос о форме и содержании в языке является особо трудным вопросом, поскольку многое здесь не укладывается в привычные нам представления о взаимоотношении формы и содержания.

"Противоречие между формой и содержанием, — пишет далее Г.В. Колшанский, — не могло остаться незамеченным лингвистами. Примечательна в этой связи попытка С.О. Карцевского определить эти факторы и представить их в виде ассиметричного дуализма языкового знака, благодаря которому происходят все языковые изменения" [Там же, 33]. Но ассиметрия языкового знака не является реальным выражением противоречий. Сама по себе она является причиной всех изменений в языке.

Другим кардинальным противоречием является противоречие единичного и общего. "Слово само по себе безотносительно всем другим его конкретным свойствам функционирует в языке только как это единство единичного и общего, и это свойство способно раскрывать внутреннюю противоречивость каждого высказывания" [Там же, 45]. "Важнейшим противоречием грамматической структуры языка на уровне предложения является объединение в структуре предложения таких

качеств, как единичность существования грамматической формы и бесконечная наполняемость ее каркаса. Существенным признаком предложения в этом отношении является его способность объединять единичность и общность как внутренний признак высказывания" [Там же, 48—49].

Прежде чем говорить о противоречии в языке, необходимо определить, что мы называем противоречием и как мы его понимаем. "Неотъемлемым свойством диалектического противоречия, — как правильно замечает Т.П. Ломтев, — является деятельное внутреннее соотношение противоположностей" [1972, 57]. Недаром классики марксизма говорили, что ядром материалистической диалектики является закон единства и борьбы противоположностей. Следовательно, в **единстве** противоположностей всегда должен быть элемент борьбы, который будет наличествовать до тех пор, пока данное противоречие не будет устранено.

Диалектические противоречия всегда разрешаются, и их разрешением является приведение в соответствие одной стороны с той стороной, которая представляет собой ведущую противоположность [Там же].

"В диалектическом противоречии всегда есть ведущая сторона; в единстве производственных сил и производственных отношений ведущей являются производственные силы общества, развитие одной из сторон — поражение не в смысле уничтожения одной стороны и сохранения другой, а в том смысле, что в одной стороне уничтожаются свойства, не совместимые с развившимися свойствами другой ведущей стороны. Установление общественного характера производственных отношений означает поражение частно-собственнического характера производственных отношений" [Там же].

Диалектическое противоречие немыслимо без единства противоположных сторон явления. Раздвоение единого и познание противоречивых частей его ... есть *суть* диалектики [Ленин, т. 29, с. 316].

"Вопрос о противоречиях в развитии языка, — справедливо замечает Т.П. Ломтев, — привлекал внимание многих исследователей, которые находили различные противоречия в развитии языка и по-разному их формулировали...

Все формулировки диалектического противоречия, которые предлагаются этими учеными, страдают существенными недостатками: во-первых, остается **невыясненным**, в чем заключается само противоречие, какие свойства одной стороны противоречия требуют изменений в другой стороне; что в речи противоречит языку; что в речи противоречит мышлению и т.д., во-вторых, остается открытым вопрос о том, как должно разрешаться противоречие, что должно потерпеть поражение в языке или речи, что должно возникнуть в языке, чтобы было преодолено противоречие" [Там же, 59—60].

Т.П. Ломтев предлагает следующую формулировку диалектического противоречия в развитии языка: "Основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возни-

кающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями" [1953, 79]. Однако и это определение противоречия не свободно от серьезных недостатков. Но противоречия возникают только в процессе поступательного развития языка. Они не могут возникнуть и в тех случаях, когда язык не обнаруживает явных признаков поступательного развития. Как видно, понятие противоречия в языке нуждается в существенных уточнениях.

Особо трудным вопросом является вопрос о понятии противоречия в диалектике.

"В спорах о противоречии, — замечает А.А. Сорокин, — накопилось много путаницы и недоразумений, и прежде всего это относится к определению, что такое противоречие. Широко распространено представление, согласно которому диалектика под словом противоречие имеет в виду совершенно иное, нежели традиционная логика, что речь идет о разных вещах, и поэтому между логикой (в традиционном смысле этого слова) и диалектикой нет и не может быть никаких споров и расхождений по поводу противоречия и его роли в мышлении, во всякой деятельности человека".

"Признание того, что диалектические противоречия есть какие-то особые противоречия, отличные от тех, о которых говорит логика, приводит к тому, что сама диалектика из теории общих определений действительности и мышления о ней превращается в рассуждения о некоторых особых формах ее существования, в частности не о противоречии вообще, а об особом диалектическом противоречии" [1979, 69—97]. Дальнейшие рассуждения А.А. Сорокина по данному вопросу сводятся к следующему.

Аристотель (а вслед за ним и вся традиционная логика) не отрицает того, что люди часто противоречат друг другу и себе самим, но в факте противоречия он видит только свидетельство ошибочности рассуждений, его несоответствие действительности (которая сама по себе не противоречива) и ничего более. **Диалектика** — это учение о противоречии в самой сущности предметов. При этом под "противоречием" имеется в виду то же самое, что и в традиционной логике, идущей от Аристотеля [Там же, 98].

Противоречия, о которых говорит диалектика, — это вовсе не какой-то особый класс (или род) противоречий, принципиально отличный от "противоречий", о которых говорит логика, а одна и та же реальность. Но это не означает, что понимание этого "одного и того же" в обоих случаях одинаково [Там же, 98—99]. Расхождения между диалектическим и недиалектическим пониманием противоречий начинаются с объяснения того, каким образом возникают противоречия в составе знания, что является их причиной и какво должно быть наше сознательное отношение к факту их появления [Там же, 102]. Если старая логика рассматривает противоречия как результат недостаточной строгости рассуждения, как что-то случайное и внешнее по отношению к логическим нормам и их реализации, то диалектика утверждает, что противоречие возникает с необходимостью при самом строгом соблюдении всех исторических развитых норм мышления, его появление не зависит от чьей-либо воли. Противоречия, исто-

рически выявляемые в науке, носят объективный характер, суть выражения противоречий самой действительности [Там же, 107].

Все эти рассуждения А.Н. Сорокина требуют все же некоторых пояснений.

Традиционная логика в известном смысле права, когда она утверждает, что противоречия могут быть результатом неправильного мышления.

Нельзя забывать, что познание осуществляется людьми, которые в силу недостаточности соответствующих фактов, несовершенства техники, эксперимента, процесса измерения и т.п. могут делать неверные обобщения, образовывать понятия, связывать их в систему неудовлетворительным **образом**” [Диалектика и логика 1962, 21, 39].

Так, утверждение некоторых тюркологов, будто бы причастные и деепричастные обороты в тюркских языках это те же придаточные предложения — ошибочно, поскольку причастные и деепричастные обороты не могут самостоятельно выступать как предложения и не имеют формы предложения.

Диалектические противоречия не являются результатом неправильного мышления. Они представляют свойства предметов и явлений окружающего нас мира. Хорошо известно, что поступательному развитию языка противостоит тенденция к сохранению существующего положения. Здесь явное противоречие. Но это противоречие никак не является результатом ошибочного человеческого мышления. Оно существует в языке объективно.

Противоречия могут возникать на всех уровнях языка и во всех его сферах. Как известно, основная функция языка состоит в том, что язык является средством общения людей. В истории языка могут происходить такие случаи, когда структура языка и наличные средства общения не совсем соответствуют его роли как средства общения, в какой-то мере затрудняют общение. Тогда возникают противоречия. Единство противоречивых сторон состоит в том, что они существуют и в то же время происходит борьба, целью которой является приведение в соответствие наличных ресурсов языка с потребностями общения. Потребности общения здесь представляют ведущую противоположность.

Революционирующая сила потребностей общения возникает не только тогда, когда язык развивается. Она может возникнуть в любой момент жизни языка, т.е. всякий раз, когда возникает конфликт между средствами выражения и самим выражением. Средства выражения должны быть пригодны для всех случаев общения. В результате борьбы противоположностей противоречие снимается, но могут в языке быть такие периоды, когда язык существует, но противоречие еще не преодолено. Все сказанное о противоречиях можно легко понять, если проанализировать приводимые ниже конкретные языковые примеры.

НЕПРЕОДОЛЕННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

В современном азербайджанском языке существуют придаточные предложения, вводимые союзом *ки*. Этот союз может вводить придаточные предложения самых различных типов: определительные и дополнительные придаточные предложения, придаточные предложения времени, места, образа действия, цели и т.д. Эта особенность присуща турецкому и некоторым другим тюркским языкам, а также персидскому. Семантическая нерасчлененность союза *ки* несомненно является коммуникативным недостатком. Не исключена возможность того, что в будущем этот коммуникативный недостаток будет преодолеваться, но в настоящее время он пока не преодолен.

Грамматическое чередование в сфере глагола, хорошо наблюдаемое в индоевропейских языках, в германских языках обнаруживало тенденцию к исчезновению в связи с появлением так называемого дентального претерита. Грамматическое чередование все более и более устранялось и многие сильные глаголы перешли в слабое спряжение [Прокош 1954, 195]. Это и понятно. При единстве функций существовала сильная контрастность самих способов выражения. Однако эта контрастность полностью не преодолена.

В развитии языков по причине различных фонетических преобразований может возникнуть гипертрофия отдельных звуков. Так, например, в современном чувашском языке необычайно распространены редуцированные гласные *à* и *ë*. В **среднеобском** диалекте хантыйского языка очень большое распространение имеет смычный согласный *т*, в марийском и португальском языках наблюдается совершенно явная гипертрофия спиранта ш.

Г.К. Цыпф установил: каждый язык должен иметь достаточное разнообразие различных по своему характеру гласных, согласных и других фонемных единиц. Ни один звук не может иметь стопроцентной частотности [Zipf 1935, 77]. Любая фонема будет лишней, если ее будет содержать каждое слово. Каждая фонема должна иметь верхний порог терпимости. Если она перейдет этот порог, она будет ослабевать [Там же, 111].

Учитывая эту закономерность, можно сделать вывод, что всякая гипертрофия фонем представляет их ненормальное состояние. Это состояние не только ненормальное, но и противоречивое, поскольку всякая гипертрофия фонем значительно снижает дистинктивные возможности языка. Однако в вышеуказанных языках эти противоречия не преодолены.

Вместе с тем в различных языках можно наблюдать случаи, когда противоречия преодолеваются.

ПРЕОДОЛЕННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Большинство противоречий в языке так или иначе преодолевается. Известно, что в древнерусском языке было довольно много прошедших времен, включая аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Некоторые из этих времен имели видовые значения.

Со временем, когда в русском языке стали развиваться виды и

их иные способы выражения, прежние способы различения видовых значений путем употребления специализированных в видовом отношении времен стали лишними и избыточными, что привело к перестройке существующих глагольных времен, в результате чего в русском языке утвердилось фактически только одно прошедшее время на -л, развившееся на базе старого перфекта.

Большое число латинских падежей подверглось в вульгарном латинском языке редукции до такой степени, что остался им. падеж как *casus rectus* со своими старыми функциями и винительный в роли косвенного падежа с функциями родительного, дательного, винительного и отложительного. Система склонения, включающая два падежа, еще была живой в старофранцузском и старопровансальском, но в период раннего и позднего средневековья эти падежи здесь исчезли, так что в новофранцузском и новопровансальском остался только один падеж — косвенный падеж и различение чисел при помощи флексии.

Синтаксические функции двухпадежной системы можно лучше всего показать на примере старофранцузского, где им. падеж сохранил синтаксические функции латинского им. падежа. Форма вин. падежа, превратившегося в косвенный падеж, заменяет функции следующих латинских падежей: род. падежа (*la chambre son pere* 'Комната его отца'), 2) дат. падежа (*li nom Joiose l'epée fut donner* 'Имя ЖоЙоз было дано мечу'), 3) вин. падежа прямого дополнения (*enfant nos done* 'Дай нам ребенка'), 4) вин. падежа с предлогами (*puis ad escolle le misi* 'Потом заставил его ходить в школу'), 5) аблатива места, времени, образа действия (*qu ulez vos ceste part querant? 'Что вы ищите в этом деле?', cct an 'в этом году', nu pie 'босиком'*), 6) аблатива после предлогов (*en icest siecle nen at parfait amor* 'в этом мире нет настоящей любви').

"Множество функций превращают косвенный падеж в неясный падеж. Способность различения форм становится перенапряженной. Тенденция выражать синтаксические функции с помощью предлогов становится общероманской" [Lausberg 1972, 18—19].

Те же процессы имели место и в истории новоиндийских языков. В среднеиндийских языках формы флективных падежей как в склонении личных местоимений, так и в склонении других местоимений и имен постепенно отмирают. Формы некоторых падежей либо совсем исчезают из употребления, как, например, формы отделительного падежа, либо совпадают с формами других падежей.

Каждый язык, чтобы быть полноценным средством общения, должен обладать достаточным набором **дистинктивных** средств. Недостаточное количество этих средств в каком-либо языке уже создает противоречие, которое язык пытается устранить.

Финский язык имеет по сравнению с другими индоевропейскими языками довольно скудную систему согласных. Он стремится устранить этот недостаток тем, что создает более длинные слова. В гавайском языке имеется всего 12 фонем, которые представляют S гласных: *a, e, i, o, u* и 7 согласных: *l, k, l, m, n, p, w* [Judd 1949, 6]. Таким образом, система гавайского консонантизма является более скудной, чем консонантная система финского языка. Длинные слова встречаются в га-

вайском языке довольно часто, ср., Например, гав. *manamanalima* 'палец', *ohelohelo* 'пестрый', *holoholona* 'животное' и т.д. Очевидно, длина слова компенсирует в этих случаях недостаток согласных. Интересно отметить, что в абхазском языке, имеющем 56 согласных и 6 гласных, также преобладают длинные слова.

Небольшое количество типов слогов, имеющихся в языке, также сильно снижает его дистинктивные возможности. К языкам этого типа относится китайский и некоторые языки Юго-Восточной Азии. Чтобы устранить этот недостаток, в них используется целый ряд средств. В роли различительного средства начинают выступать тоны. Китаисты давно заметили зависимость в китайском языке между небольшим количеством слогов и развитием тонов как средств дифференциации слогов (в современном китайском языке 414 разных слогов, а с учетом тонов — 1324). Возникновение тонов выступает в этих слогах как средство компенсации недостаточности дистинктивных средств, характерных для языков, имеющих односложные слова.

Другим средством увеличения арсенала дистинктивных средств является словосложение. Эта особенность является типичной для некоторых языков Юго-Восточной Азии — китайского, вьетнамского и др. Обычно она бывает следствием неразвитости суффиксов в языках этого типа. Кроме того, словосложение, как и тоны, используется как средство компенсации недостаточности дистинктивных средств языка.

Существует связь между отсутствием склонения и спряжения и отсутствием оформленных частей речи. Такая зависимость очень хорошо прослеживается в некоторых языках, например в древнекитайском, вьетнамском, тайском и др., где отсутствие склонения и спряжения сопровождается неоформленностью частей речи. Неоформленность частей речи в понимании индоевропеистики находится в прямой зависимости от небольшого количества типов слов, сложных слов и общей скудности дистинктивных средств языка. В этих условиях язык бывает вынужден использовать одно и то же слово в роли разных частей речи. Необходимо также отметить, что односложные слова являются полисемантическими. Эта взаимозависимость особенно ярко проявляется в китайском и вьетнамском языках. Полисемантизм наряду с другими явлениями (тоны, многосложные слова) выступает как средство увеличения дистинктивных возможностей языка.

Древние абсолютные обороты в современном коми-зырянском языке могут заменяться придаточными предложениями русского типа, например *Шонді петігӧн, ме локті гортӧ* (букв. 'солнце взойдя, я пришел домой') может быть заменено на *кор шонді петіс, ме локті гортӧ* 'Когда солнце взошло, я возвратился домой'. Сочетание из двух предложений, связанных временным союзом *когда* (*кор*), представляет более стройное синтаксическое построение по сравнению с абсолютным оборотом, формально не связанным с главным предложением.

По сравнению с прошедшим временем маркированность настоящего времени обычно бывает выражена менее ярко. Очень часто настоящее время образуется путем непосредственного присоединения личных

окончаний к основе глагола, ср., например, фин. *tule-n* 'я прихожу' (основа на *-e*), *sano-n* 'я говорю' (основа на *-o*), *anna-n* 'я даю' (основа на *-a*), *istu-n* 'я сижу' (основа на *-u*), *туу-n* (основа на *-и*) и т.д.

Примерно в том же состоянии находится саамский язык. В норвежско-саамском языке личные окончания присоединяются непосредственно к основе глагола, ср. *viekkat* 'бежать' (основа на *-a*), *viegam* 'я бегу', *boattet* 'приходить' (основа на *-e*), *boatte-p* 'мы приходим', *doalvo-t* 'вести' (основа на *-o*), *doalvo-m* 'я веду', *doalvo-k* 'ты ведешь' и т.д.

К этому типу можно отнести также ненецкий язык. Ненецкий язык, как финский и саамский языки, отличается большим разнообразием глагольных основ.

При образовании настоящего, или, как его иногда называют, неопределенного времени, своеобразие основ в известной мере сохраняется, например: *лахана(сь)* 'разговаривать' (основа *лахана-*) — *лахана-дм* 'я разговариваю', *сянако(сь)* 'играть' (основа *сянако-*) — *сянаку-дм* 'я играю', *хонё(сь)* 'спать' (основа *хон'о-*) — *хоны-дм* 'я сплю' и т.д.

Типологически сходное состояние наблюдается и в других языках. Например, в латинском языке настоящее время имело разные основы, ср. *orna-s* 'ты украшаешь', *dele-s* 'ты уничтожаешь', *pusis* 'ты наказываешь' и т.д. В древненемецком личном окончаниям настоящего времени могли предшествовать неодинаковые гласные, указывающие на окончание глагольных основ, ср., например, *nimi-t* 'он берет', *salbo-t* 'он мажет' и *habe-t* 'он имеет'.

Совершенно естественно, что подобные системы форм настоящего времени технически неудобны, поскольку в данном случае настоящее время не имеет особого показателя.

В ряде языков наблюдается ярко выраженная тенденция к устранению этого коммуникативного недостатка. В марийском языке она выразилась в уменьшении количества основ. В настоящем времени в этом языке выступают только две основы — основа на *-a* и основа на *-e*.

Процесс изменения количества основ иногда заканчивается созданием однотипной парадигмы настоящего времени. Так было, например, в истории немецкого языка. Если в древненемецком гласные, предшествующие личному окончанию, могли быть разными, то к началу новонемецкого периода устанавливаются одинаковые личные окончания, независимо от времени, наклонения и типа спряжения.

Тенденция к созданию специфической характеристики настоящего времени наблюдается во многих языках.

Так, например, в ненецком языке, характеризующемся, как было показано выше, большим разнообразием глагольных основ, у некоторых из них перед личным окончанием появился так называемый соединительный гласный *a*, напоминающий собой показатель настоящего времени, точнее аориста, ср. *ядэрць* 'ходить' (основа *ядэр-*) — *ядэрнга-дм* 'я хожу', *минзь* 'идти' (основа *мин-*) — *минга-дм* 'я иду'. Однако этот намечающийся показатель времени не достиг степени полного обобщения.

Настоящее время в венгерском языке не имеет специального показателя. Однако в ряде венгерских глаголов в настоящем времени

появляется показатель *-s (sz)*, например *hi-sz-ünk* 'мы верим' от *hinni* 'верить', *te-sz-ünk* 'мы делаем' от *tenni* 'делать' и т.д.

Конечным этапом этого процесса является образование особого показателя настоящего времени. Так, например, в эрзя-мордовском языке личные окончания, по-видимому, первоначально присоединялись непосредственно к основе глагола: *карма-н* 'я начинаю', *вано-н* 'я смотрю', *моле-н* 'я иду'. В дальнейшем, очевидно, все типы спряжения глаголов уподобились одному типу с исконными основами на *-а*. Поэтому формы типа *вано-н* 'я смотрю', *моле-н* 'я иду' стали звучать как *ванан*, *молян*. Конечный гласный основ на *-а* был переосмыслен, таким образом, как специальный показатель настоящего времени. В удмуртском языке показатель настоящего времени *-ськ* восходит к уральскому многократному суф. *-śk*. Раньше этого показателя в удмуртском языке не было и настоящее время формально совпадало с будущим временем.

В чулымско-тюркском языке исчезло наиболее распространенное во **всех** тюркских языках прошедшее время на *-ды* типа татарского *алды* 'он взял'. Его заменило прошедшее время на *-ган*.

В чулымско-тюркском языке настоящее время строится по модели:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>аладым</i> 'я беру*' и т.д.	<i>аладыбыс</i>
2 л. <i>аладын</i>	<i>аладыннар</i>
3 л. <i>алды</i>	<i>алды(лар)</i>

Эта форма настоящего времени была очень похожа на форму настоящего времени с показателем *-ды*:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>алдым</i> 'я взял' и т.д.	<i>алдык</i>
2 л. <i>алдын</i>	<i>алдыннар</i>
3 л. <i>алды</i>	<i>алды(лар)</i>

Близость этих форм создавала, очевидно, известные коммуникативные неудобства, и форма прошедшего времени на *-ды* была утрачена.

Противоречия между потребностями общения и различными средствами языка в общевосточном славянском склонении выступало как противоречие между единством назначения единицы внутрипадежного противопоставления в системе склонения и множественностью ее дифференциальных признаков.

В системе форм противоречащими сторонами являются единство назначения падежной единицы и множественности ее дифференциальных признаков. Отношение между этими противоречащими сторонами не может быть константным, оно содержится в самом себе источник необходимости своего преобразования. Внутрипадежные противопоставления имеют константный характер. Устранению подлежит не сама единица (поскольку она имеет константный характер, т.е. падеж как таковой, а множественность его дифференциальных признаков; существование единицы внутрипадежного противопоставления в общевосточном славянском языке обладало свойством необходимости (поскольку

сохраняется падежная система), тогда как множественность ее дифференциальных признаков не обладала этим свойством. Существование средства назначения одной падежной системы вызывает необходимость устранения множественности ее дифференциальных признаков. Тем самым в процессе исторического развития языка возникла задача преодоления рассматриваемого противоречия между тождеством назначения одного падежа и множественностью его дифференциальных признаков [Ломтев 1972, 62—63].

Древние краткие **и** и **і** в славянских языках, в том числе и в древнерусском, превратились в редуцированные. Фонетический закон в данном случае действовал по своей особой линии. Создалось такое положение, когда редуцированные **ь** и **ь** стали попадать под ударение, например **дѣску** (вин. п. ед.ч.), **стѣкла** (им. пад. мн.ч.), **дѣчи** (дочь), **сѣн** 'сон', **дѣнь** 'день'. Результат действия этого фонетического закона, т.е. превращение кратких **и** и **і** в редуцированные, пришел в явное противоречие с тенденцией к облегчению произношения, поскольку ударение и редуцированный характер звука — не особенно удобосочетаемые явления: ударение не только не ведет к редукции гласного, но, наоборот, стремится ее в известной мере уничтожить. Это противоречие в древнерусском языке было разрешено. Сильные редуцированные, т.е. редуцированные, находящиеся под ударением, с течением времени превратились в гласные полного образования. В народном древнерусском произношении редуцированное **ь** совпало с **о**, например **сон** и **сѣн**, а редуцированное **ь** — **е**, например **день** (д'эн) из **дѣнь**.

В индоевропейском языке некогда существовали слоговые носовые и плавные /, г, **т**, **н**. По-видимому, они в какой-то мере затрудняли произношение и по этой причине исторически оказались неустойчивыми.

Около слоговых носовых и плавных **l**, **r**, **т**, **η** в различных индоевропейских языках возникали так называемые пазвуки, в результате чего образовывались сочетания, составленные из гласного и сонантов /, **r**, **m**, **n**. Ср., например, рефлекс индоевропейского архетипа **ulko** 'волк' в древних и современных индоевропейских языках: гот. **wulfs**, лат. **lupus**, др.-гр. **λύκος**, рус. **волк** и т.д.

В истории русского языка у основ муж. рода на **о** фонемы флексий им. и вин. падежей ед. числа совпали: им.п. **orbös** > **rabь** и вин. п. **orbôm** > **rabь**, в результате чего падеж субъекта и падеж объекта перестали различаться. Таким образом создалось определенное противоречие, ибо различать эти два падежа было необходимо. Возникновение необходимости в различении падежа субъекта и падежа объекта объясняется и тем, что русский язык имеет свободный порядок слов. Это значит, что место, которое занимает слово, не **содержит** указания на его синтаксическую функцию. Так, например, в предложении **Мать любит дочь** слово **мать** является субъектом действия (им. п.), но может быть и объектом действия. Поскольку в этих двух функциях могли выступать только одушевленные имена существительные, то создание особого род. падежа для одушевленных имен существительных муж. рода, например **Жена уважает мужа** способст-

вовало хотя бы частичному устранению нежелательной омонимии форм им. и вин. падежей [Васă 1970, 117—118].

Древний исх.-местн. падеж в тюркских языках имел окончание *-та/-та, -да/-да*. Отличительная его особенность состояла в том, что он имел два основных значения — 1) указывал на местонахождение, 2) движение *от/из* чего-либо. Выражение одним и тем же формантом создавало определенное затруднение. Со временем оно было разрешено. Возник специальный исх. падеж на *-дан*. Старый падеж на *-та* стал обозначать только местонахождение.

В латинском, а также в греческом языках существовал особый оборот, так называемый *accusativus cum infinitivo*, ср. лат. *Video fratrem epistulam scribere* 'Я вижу, что брат пишет письмо'. Инфинитив в латинском языке когда-то был формой *местн.* падежа и приведенная выше фраза когда-то означала: 'Вижу брата в процессе писания письма'. Затем эта форма *местн.* падежа приобрела значение инфинитива. Образовался довольно неудобный способ выражения сказуемого фактически придаточного предложения. Этим объясняется тот факт, что в современных романских языках и новогреческом *accusativus cum infinitivo* почти исчез.

Древняя система числительных в тюркских языках не отличалась особой стройностью. Некоторые числительные, как *алтмаиш* 'шестьдесят', *йетмиш* 'семьдесят' содержали элемент *-миш*, который, по видимому, должен означать *десять*, но этимологически он с названием десяти был не связан. Другие числительные, например *кырк* 'сорок', *отыз* 'тридцать', не имели никаких обозначений для десятка.

В ряде тюркских языков, по-видимому, уже позднее образовалась новая система обозначения десятков. Они стали образовываться по схеме — единица первого десятка + *он* 'десять', ср. шор. *алт-он* 'шестьдесят', *четт-он* 'семьдесят', *сегиз-он* 'восемьдесят', *тогуз-он* 'девятьносто', тув. *уч-он* 'тридцать', *турт-он* 'сорок'. Эта система, несомненно, представляет *лингвотехническое* улучшение, поскольку состав числительного, обозначающего определенное число десятков, стал более прозрачен.

Утрата звуков или чрезмерное расширение степени распространенности какого-либо звука может также вызвать кризисное состояние языка.

Древние индоевропейские гласные *e* и *o* в древнеиндийском и иранском языках превратились в *a*. Общий объем гласного в этих языках сильно увеличился. Надо полагать, что это обстоятельство нанесло известный ущерб арсеналу различительных средств указанных языков. Необходимо было в какой-то мере компенсировать утраченные *e* и *o*. Эта компенсация была осуществлена за счет монофтонгизации древних дифтонгов. Так, например, дифтонг *ai* > др.-инд. *ē*, ср. гр. *αἶψα* 'жгу' — др.-инд. *ēdhah* 'топливо', гр. *φέξεται* — др.-инд. *bharatē* 'его несут'; дифтонг *ei* > др.-инд. *ē*, ср. др.-инд. *dēvah* — др.-лат. *deivos* 'класс', лат. *deus*, лит. *dievas* 'бог'; др.-инд. *ēti* — гр. *εἶσι*, лит. *eiti* 'идет' и т.д.; дифтонг *oi* > др.-инд. *ē*, ср. гр. *οἶδα* — др.-инд. *vēda* 'я знаю'; дифтонг *au* > др.-инд. *ō*, например, лат. *augeo* 'умножаю', др.-инд.

ōjah 'сила'; лат. *sausas* — др.-инд. *sōsah* 'сухой'; дифтонг *eu* > др.-инд. *ō*, ср. др.-инд. *ōsami* — гр. *εῦω* лат. *uro* < *euso* 'гореть'; дифтонг *ou* > др.-инд. *o*, ср. лит. *laukas* 'поле', лат. *lucum* < *loukom* 'роща', др.-инд. *lokaḥ* 'свободное место, пространство'.

Очень интересной с этой точки зрения является история вокализма и консонантизма чувашского языка. Древнее *a* в начальном слоге слова превратилось здесь в *у* через промежуточную ступень *o*, ср. чув. *турт-* 'тянуть', но тат. *тарт-*, чув. *нуç 'голова'*, но тат. *баш* и т.д. После этого превращения общий объем *a* в чувашском языке в известной степени сократился. Эта утрата была компенсирована превращением древнего *ä* в *a*, ср. др.-чув. *кăч* 'вечер' — совр. чув. *кас*, др.-чув. *кан* 'форма' — совр. чув. *кан*. Древнее *u* в чувашском языке перешло в редуцированное *э*, ср. чув. *нĕл-и* тур. *bil-mek* 'знать*', чув. *нĕр* и тур. *bir* 'один*'. Таким образом *u* в чувашском утратилось. Однако эта утрата была компенсирована тем, что древнее *e* сузилось в *и*, ср. ног *бет* 'лицо', но чув. *нут*. Древнее *y* в чувашском языке превратилось в редуцированный гласный, ср. тур. *du r-ma* к 'стоять' — чув. *тăр-*, тур. *buç* 'лед' — чув. *нăр* и т.д. Любопытно, что в чувашском языке появилось новое *y* из древнего *o*, ср. тур. *yol* 'дорога' — чув. *çул*, тур. *уок* 'нет' — чув. *çук* и т.д.

Стремление к открытию закрытого слога вызвало появление в общеславянскую эпоху гласных *ö* и *ë*, развившееся из первоначальных общеиндоевропейских сочетаний *o*, *a*, *u*. *e* с носовым гласным *n* и *m*. Кроме носовых гласных в славянских языках в древнее время, как известно, существовали гласные неполного образования *ь* и *ѣ*. Эти редуцированные гласные со временем в истории русского языка также утратились. Причины их утраты нельзя считать фонологическими. Редуцированные в так называемой сильной позиции, или под ударением, превратились в гласные полного образования по причине трудной совместимости таких явлений, как редуцированный характер гласного и ударение. Все эти процессы в конечном счете привели к довольно сильному уменьшению количества гласных в русском языке. Оскудение арсенала различительных средств в языке вызвало тенденцию к их пополнению. Следствием этой тенденции явилось образование пар твердых и мягких согласных.

Довольно хорошо известен факт, что утрата различий по долготе и краткости гласных часто связана с возникновением противопоставления бывших долгих и кратких гласных по качеству. Общеславянский язык унаследовал из индоевропейского языка гласные фонемы, различающиеся качеством, долготой и краткостью. Эти количественные различия гласных с течением времени были утрачены. На славянской языковой почве они заменились качественными различиями по артикуляции. Если бы качественные различия не возникли, то количество **дистинктивных** средств в языке могло бы в значительной степени уменьшиться.

Языки, имеющие небольшое количество гласных, компенсируют этот недостаток значительным количеством согласных и наоборот. В языках мира существует определенная взаимозависимость между системой гласных и согласных. Если резко уменьшается количество различных

типов согласных, то этот **недостаток** компенсируется увеличением количества типов гласных и дифтонгов. Наглядным примером может служить финский язык, в котором скудость системы согласных компенсируется развитием системы гласных и дифтонгов. В пермских языках гласных значительно меньше, чем в прибалтийско-финских языках, но по количеству согласных пермские языки превосходят прибалтийско-финские.

В некоторых языках Кавказа, например в абхазском, слабое развитие системы гласных компенсируется очень большим количеством согласных. Арабский язык имеет всего лишь три гласных **a**, **o** и **i**. Недостаток гласных компенсируется за счет развития согласных, в особенности если учесть, что значение слова заключено в его трехбуквенном корне. Большое количество согласных необходимо для увеличения дистинктивных возможностей языка. Богатством согласных отличаются все семитские языки.

Превращение старого **ч** в **с** в башкирском языке вызвало, по всей видимости, избыток **с**, нарушивший распределение спирантов в башкирском языке. Начальное **с** затем превратилось в **А**, ср. тат. *сары*, **башк.** *Нары* 'желтый', тат. *сандугач* 'соловей' — башк. *һандугас* и т.д. Конечное древнее **с**, а также **с** в интервокальном положении перешли в межзубное **с**, ср. тат. *ис* — башк. *иҫ* 'чувство, сознание, память'; тат. *кис* — башк. *киҫ* 'режь'; тат. *исэн* — башк. *иҫэн* 'здоровый' и т.д.

Древние **индоевропейские** падежи и глагольные формы, обремененные большим количеством значений, находились в известном противоречии с некоторыми **законами** человеческой психики, особенностями **физиологической** организации человека. Значение, выраженное особой формой, легче воспринимается, чем конгломерат значений. Совершенно естественно, что рано или поздно должен произойти взрыв этой технически недостаточно совершенной системы, и он произошел. Аналитический строй языка, сменивший предшествующий ему синтетический строй, технически более совершенный.

Различные исследования показывают, что синтаксис в древние времена не имел той упорядоченности, которая отличает синтаксис современных высокоразвитых языков.

Так, например, в древнерусском языке сохранялась еще нерасчлененная структура сложного предложения, сущность которого заключалась в нанизывании предложений одного за другим. Позднее начали возникать и подчинительные предложения, в которых придаточное связывалось с главным при помощи союзов. Древнерусские подчинительные союзы были многозначными. Так, союз *яко* мог присоединять придаточные дополнительные, придаточные следствия, придаточные причины и придаточные сравнительные. Такой же многозначностью обладали и другие союзы, например *что*. Развитие шло по линии уточнения значения подчинительных союзов и союзных слов, по линии закрепления за ними одного конкретного значения. Система выражения мыслей в современных языках стала более стройной и упорядоченной [**Истрина** 1923].

Система времен в классическом тибетском языке содержала много

коммуникативных недостатков. Каждое время имело особую, не всегда четко образуемую основу. Прошедшее время могло иметь префикс *B-*, например *sgom-pa* 'размышлять, думать' — *B-sgoms* 'я размышлял, думал', *gčog-ba* 'ломать' — *b-cag* 'я сломал' и т.д., но этот префикс мог появляться и у будущего времени, например *rgal-ba* 'пересекать' — *b-rgal* 'я пересекал' и *b-rgal* 'я пересеку', *sgom-pa* 'думать' — *b-sgans* 'я думал' и *b-sgan* 'я буду думать'. Префикс *b-* иногда мог вообще отсутствовать, например *jog-pa* 'устанавливать' — *jogs* 'я установил', *mñed-pa* 'тереть' — *mñes* 'я тер', *dpag-ba* 'рассматривать' — *dpags* 'я рассматривал'.

Кроме того, у разных времен основы могли совпадать, ср. *spon-ba* 'покидать' — прош. вр. *spans* 'я покидал', буд. вр. *span* 'я покину', *skoñ-ba* 'завершать' — *b-skans* 'я завершил', *b-skan* 'я завершу'.

Нет ничего удивительного в том, что еще в классическом тибетском языке возникла целая система перифрастических времен, вызванная тенденцией к устранению этих коммуникативных недостатков.

В различных языках существует и другая тенденция — тенденция к выражению одинаковых или близких значений одной формой.

Приведем некоторые примеры. Известно, что у основ муж. рода на -о в латинском, греческом, славянских и балтийских языках им. падеж мн. числа имел окончание -о/, ср. гр. οἴκοι 'дома', лат. *populoi* 'народы' и т.д. Это окончание не было исконным. Оно было перенесено по аналогии из местоименной формы, ср. гр. τοί, лат. *quoi* 'которые' от *qui* 'который', гот. *ƿai*. Исконным окончанием мн. числа существительных основ на о было первоначально -es, которое в результате стяжения с конечным гласным основы о- образовало окончание -os, ср. его рефлекс в др.-инд. *asvah* 'лошади' от *asvah* 'лошадь', гот. *wulfos* 'волки', от *wulfs* 'волк' и т.д. Руководствуясь этими данными, можно предполагать, что такие слова, как лат. *populus* 'народ' и гр. λύκος 'волк' некогда имели формы им.п. мн.ч. *populos* и λυκοῦς. После перенесения окончания -οι из местоименной сферы возникли новые формы им.п. мн.ч. *populoi* (позднее *populi*) 'народы' и *lukoi* (орф. λύκοι) 'волки'. Окончания -ös и -οι были абсолютно одинаковыми по функции. В данном случае произошло простое выравнивание по аналогии тождественных по функции формантов. Направление движения от какого-нибудь предмета выражалось в древнеармянском языке особым падежом — аблативом, который в ед. и мн. числе имел разные окончания, например ед.ч. *get-oç* 'от реки' — мн.ч. *get-iç* 'от рек'. В восточном диалекте возникло стандартное окончание аблатива, употребляющееся в ед. и мн. числе, ср. *antar* 'лес' — *antar-ic* 'из леса', *anantar-ner-iç* 'из лесов'.

В каждом языке существует тенденция к выражению разных значений разными формами. Эту тенденцию иногда называют отталкиванием от омонимии.

Арабский язык в более древнюю эпоху своего существования имел только два глагольных времени — перфект, например *katabtu* 'я написал', и имперфект *aktubu* 'я писал'. Эти времена первоначально имели видовое значение, но не временное. Что касается их способности выражать отношения действия к определенному временному плану, то в этом отношении вышеуказанные времена были полисемантическими. Так, например, имперфект мог иметь значение настоящего, будущего

и прошедшего времени. Это коммуникативное неудобство потребовало создания дополнительных средств. Так присоединение к формам перфекта частицы *qad* способствовало более четкому ограничению собственно перфекта, например *qad kataba* 'он (уже) написал'. Присоединение префикса *sa-* к формам имперфекта дало возможность более четко выразить будущее время. Наконец, употребление форм перфекта от вспомогательного глагола *kana* 'быть' в соединении с формами имперфекта, например *kana jaktubu* 'он писал', дало возможность более четко выразить прошедшее длительное.

Однако бывают и противоположные случаи, когда количество глагольных времен в языке резко уменьшается, например, в истории русского языка система прошедших времен, включающая четыре прошедших времени, упростилась до одного. Однако здесь были особые причины.

Одной из главных причин образования полисемии слов является метафоризация. При сохранении внешней звуковой формы слово становится полисемантическим. Ср., например, слово *нос* — название части человеческого тела и передней части судна, а также мыса в географических названиях. Акад. В.В. Виноградов рассматривает полисемию как своеобразное разрешение противоречия между ограниченными ресурсами языка и беспредельной конкретностью опыта. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий [Виноградов 1947, 15]. Метафоризация оберегает язык от непомерного разрастания словарного состава, способствуя в этом отношении общей тенденции к экономии языковых средств.

Возможность объединения различных значений в рамках одного звукового комплекса создает обусловленность значений слов контекстом. Только в связной речи мы можем узнать, означает ли слово *завернуть* — покрыть со всех сторон, упаковать (например, книгу в бумагу), или, поворачивая, закрыть, завинтить (например, кран), или загнуть, отогнуть, подвернуть в сторону (например, рукав), или, двигаясь, направиться куда-нибудь в сторону (например, за угол), или же зайти мимоходом (например, к приятелю). Из контекста вполне ясно, например, идет ли дело о фотографической карточке: *Я сразу узнала его по старой карточке*, или о визитной карточке: *Он успел набросать на карточке только несколько слов приглашения на товарищеский ужин*, или о карточке для картотеки: *Занесите эту книгу на карточку* и т.п. [Булаховский 1953, 28—29].

Трудно перечислить способы разрешения различных противоречий, которые могут существовать в различных языках мира. Иногда в качестве таких способов могут выступать различного рода переосмысления. Словосочетания *уборка урожая*, образованное по формуле *дом отца*, представляет явное искажение действительности, так как в данном случае выступает в роли объекта действия, выраженного словом *уборка*. Есть языки, выражающие действительность более точно, ср. тат. *урман кису* 'рубка леса' (**букв.** 'лес (вин.п.) рубка'). Однако в русском языке объект действия, по-видимому, рассматривается как признак.

Глаголы *умываться*, *улучшаться* и *драться* в русском языке выражают разные действия. Глагол *умываться* показывает, что действие переходит на субъект действия лишь частично со стороны другого субъекта, поскольку данный субъект имеет свой объект действия, уже к нему самому не относящийся. Глагол *улучшаться* показывает, что в субъекте действия происходят какие-то процессы, ведущие к его изменению. Глагол *строиться* показывает, что потенциально возможный субъект действия фактически стал объектом другого действия, ср. *Дом строится плотниками*. Наличие одинаковой формы у всех этих четырех глаголов объясняется тем, что здесь обобщено свойство этих глаголов — указывать, что действие во всяком **случас** так или иначе распространяется на субъект.

Примеры, иллюстрирующие наличие в языках непреодоленных и преодоленных противоречий, приводилось только в целях ясности изложения. В действительности возникновение противоречий и их преодоление является перманентным процессом.

Если оценивать слова и их формы в отношении их устойчивости, то каждое слово окажется состоящим из участков напряжения и участков ослабления. Причины возникновения участков ослабления, равно как и участков напряжения, могут быть самыми различными. Сами звуки языка в зависимости от их свойств могут быть сильными и слабыми. Значительную роль играют различные просодические средства, например ударение. Определенные внутренние процессы все время создают различные участки напряжения, а противоположно действующие силы стремятся их ослабить. То же самое наблюдается также в области морфологии и синтаксиса.

Нельзя представлять дело таким образом, что уничтожение одного противоречия каким-либо способом полностью устраняет на данном участке все противоречивое. Неоднократно наблюдаются случаи, когда определенный способ устранения противоречия одновременно создает новое противоречие. Как известно, полисемия в значительной мере способствует тенденции к экономии, уберегая язык от чрезмерного разрастания словарного состава. В то же время полисемантическое слово воспринимается труднее. По этой причине в языках наблюдается обратная тенденция, ведущая к разгрузке полисемантических слов путем создания вместо одного слова нескольких слов.

Тенденция к устранению зияния может привести к нарушению четких границ между морфемами. Род. падеж ед. числа от гр. *ἄνθρωπος* 'человек', принадлежащего к основам муж. рода на *-ο*, имеет форму *ἄνθρώπου* 'человека'. Эта форма восходит к *anthropo-so*. В результате утраты интервокального *s* и слияния двух гласных *ο* ли показатель основы *ο* в форме *anthropo* утратился.

Некоторые лингвисты асимметрию лингвистического знака называют противоречием. На самом деле никакого противоречия здесь нет. Комплекс звуков, наделенный значением, ничего не имеет общего с природой того предмета, который он обозначает. Поэтому асимметрия языкового знака никакого вреда языку не приносит. Вместе с тем язык, лишенный знаков, оказался бы не в состоянии выполнять свою основную функцию — быть средством общения людей, поскольку мысли

человека, чтобы быть переданными, должны получить материально чувственное выражение.

В.Г. Колшанский кардинальным противоречием языка называет противоречие между его формой и содержанием [Колшанский 1972, 38]. По указанным соображениям такого противоречия также в языках не может быть. Противоречие между формой и содержанием может возникнуть только тогда, когда содержание и форма органически связаны между собой. Противоречие между базисом и надстройкой в обществе возникает обычно тогда, когда характер надстройки перестает соответствовать характеру базиса. Между звуковым комплексом и его содержанием такого органического соответствия нет, поскольку звуковой комплекс может наполняться любым содержанием.

Наконец могут быть случаи, когда противоречие в целом для языка полезно и в устранении не нуждается.

Всем известно, что язык исторически развивающееся явление. Язык изменяется. На протяжении многих тысяч лет язык может измениться до такой степени, что его современное состояние может стать непохожим или мало похожим на его первоначальное состояние. Этот факт является достаточно хорошо известным. Однако слишком быстрое и интенсивное изменение языка может стать пагубным для самого языка.

Поэтому язык не только исторически изменяется. Он одновременно оказывает сопротивление какому бы то ни было изменению, стремится сохранить существующее в данный момент состояние. Эта тенденция не представляет чего-либо странного и необычного. Она порождается самой функцией общения. Говорящий на том или ином языке заинтересован в том, чтобы окружающие его поняли. Всякое внезапное и быстрое изменение языка несет в себе опасность превращения его в недостаточно удобное и пригодное средство общения, и, наоборот, стремление сохранить систему привычных и коммуникативно отработанных языковых средств общения предохраняет язык от этой опасности.

В чем заключается основная причина возникновения диалектических противоречий в языке? Основная причина заключается в сложности человеческого языка. Фактически человеческий язык состоит из различных сфер. В каждой сфере действуют специфические законы и тенденции. Противоречие возникает тогда, когда действие закона одной сферы сталкивается с противоположно направленным законом другой сферы.

ЛИТЕРАТУРА

К РАЗДЕЛУ "РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ В ОТОБРАЖЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА"

- Ленин **В. И.** Поли. собр. соч. Т. 29. М., 1962.
- Маркс **К. и Энгельс Ф.** Соч. Т. 23. М., 1960; Т. 26. М., 1962—1964; Т. 33. М., 1964.
- Абдуразаков **М.А.** Грамматическая структура простого предложения: (на материале типологического сравнения французского, русского и узбекского **синтексиса**). Ташкент 1978.
- Аракин **В. Д.** Таитянский язык. М., 1981.
- Бакаев **Ч.Х.** Курдский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. I.
- Баранников **А. П.** Краткий грамматический очерк хинди // Бескровный В.М. Хинди-русский словарь. М., 1959.
- Баринова **А.Н.** Учебник вьетнамского языка. М., 1965.
- Баскаков **Н.А.** Алтайский язык. М., 1958.
- Бондарко **А.В.** Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бубрих **Д.В.** Историческая морфология эрзянского языка. Саранск, 1953.
- Бубрих **Д.В.** Историческая морфология финского языка. М.; Л., 1955.
- Вентцель **Т.В.** Цыганский язык. М., 1964.
- Вентцель **Т.В.** Цыганский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. I.
- Виноградов **В.С.** Грамматика испанского языка. М., 1965.
- Володин **А.П. и Жукова А.Н.** Ительменский язык // Языки народов СССР. Л., 1968. Т. 5.
- Гаджиева **Н.Э.** Основные пути развития синтаксиса тюркских языков. М., 1973.
- Галкин **И.С.** Историческая грамматика марийского языка. Ч. I. Морфология. Йошкар-Ола, 1964.
- ГАЯ — Грамматика абхазского языка: Фонетика и морфология. Сухуми, 1968.
- Гецадзе **И.О.** Очерки по синтаксису абхазского языка. Л., 1979.
- ГКЧЛЯ — Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1970.
- ГКЯ — Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- ГМЯ — Грамматика мордовских языков. Саранск, 1980.
- Голетиани **Г.Г.** Сопоставительная грамматика русского и грузинского языков. Тбилиси, 1970. Ч. I.
- Горгониев **Ю.А.** Грамматика кмерского языка. М., 1966.
- Горелов **В.И.** Грамматика китайского языка. М., 1974.
- ГОЯ — Грамматика осетинского языка. М., 1963.
- Гринберг **А.Л.** Татский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. I.
- ГРЯ — Грамматика русского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1952.
- ГРЯ — Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Часть первая. М., 1960.
- ГРЯ — Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
- ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
- ГСЯЛЯ — Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.
- Гудков **В.П.** Сербохорватский язык. М., 1969.
- Джеиранишвили **Е.Ф.** Рутульский язык // Языки народов СССР. М., 1967. Т. 4.
- Дьяконов **И.М.** Языки древней Передней Азии. М., 1967.

- Жирков Л.И.* Краткая грамматика аварского языка // *Жирков Л.И. Аварско-русский словарь.* М., 1936.
- Жирков Л.И.* Табасаранский язык. М.; Л., 1948.
- Жуктенко Ю.А., Дужилов А.В.* Фризский язык. Киев, 1984.
- Звегинцев В.А.* Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
- Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф.* Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А.* Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Керимова А.А.* Белуджский язык // *Языки народов СССР.* М., 1966. Т. 1.
- Климов Г.А.* Очерки общей теории эргативности. М., 1973.
- Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш.* Учебник арабского языка. М., 1969.
- Константинова О.А.* Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.
- Константинова О.А., Лебедева Е.П.* Эвенкийский язык. М.; Л., 1953.
- Корлэтяну Н.Г.* Молдавский язык // *Языки народов СССР.* М., 1966. Т. 1.
- Короткое Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солнцев В.М.* Китайский язык. М., 1961.
- Котинова Н.И.* Категория наклонения в грузинском языке. Тбилиси, 1960.
- Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В.* Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
- Кумахов М.А.* Убыхский язык // *Языки народов СССР.* М., 1967. Т. 4.
- Леонтьев А.А.* Папуасские языки. М., 1974.
- Линдсей В.М.* Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948.
- Лурья А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Льюис Г. и Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Магоматов А.А.* Агульский язык // *Языки народов СССР.* М., 1967. Т. 4.
- Мазур Ю.Н.* Корейский язык. М., 1960.
- Мазур Ю.Н.* Склонение в корейском языке. М., 1962.
- МГУЯ** — Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары, 1957.
- Мейланова У.А.* Лезгинский язык // *Языки народов СССР.* М., 1967. Т. 4.
- Мельничук А.С.* Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // *ВЯ.* 1970. N 1.
- Меновицков Г.А.* Эскимосский язык. Л., 1960.
- Меновицков Г.А.* Алеутский язык // *Языки народов СССР.* М., 1968. Т. 5.
- Морев А.Н., Плам Ю.А., Фомичева М.Ф.* Тайский язык. М., 1961.
- Муркелинский Г.Б.* Лакский язык // *Языки народов СССР.* М., 1967. Т. 4.
- Мячина Е.Н.* Язык суахили. М., 1960.
- Орвидене Э.К.* Учебник литовского языка / 3-е изд. Вильнюс, 1975.
- Охотина Н.В.* Язык зулу. М., 1961.
- Пашков Б.К.* Маньчжурский язык. М., 1963.
- Пирейко Л.А. Талышский* язык // *Языки народов СССР.* М., 1966. Т. 1.
- Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Расторгуева В.С.* Краткий очерк персидского языка // *Миллер Б.В. Персидско-русский словарь.* М., 1953.
- Роббек В.А.* Виды глагола в эвенском языке. Л., 1982.
- Ромбандеева Е.М.* Мансийский язык // *Языки народов СССР.* М., 1966. Т. 3.
- Руденко Б.Т.* Грамматика грузинского языка. М.; Л. 1940.
- РРС* — Румынско-русский словарь / Под ред. М.В. Сергиевского и К.А. Марцишевской. М., 1941.
- Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика **индо-европейских** языков. М., 1974.
- Садецкая А.С.* Практический курс румынского языка. М., 1962.
- Саидов М.* Краткий грамматический очерк аварского языка // *Саидов М. Аварско-русский словарь.* М., 1967.
- Севертян Э.В.* Аффиксы **глаголообразования** в азербайджанском языке. М., 1962.
- Семенова М.Ф.* Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. Рига, 1966.
- Скорик П.Я.* Грамматика чукотского языка. Л., 1977. Ч. 2.
- СКЯ* — Современный коми язык. Сыктывкар, 1955.

- СКЯ — Современный казахский язык Алма-Ата, **1962**
СМЯ — Современный марийский язык Морфология Йошкар-Ола, 1964
Соболевский С И Древнегреческий язык М , **1948**;
Соболевский С И Грамматика латинского языка М , **1948**;
Талибов Б Б Грамматический очерк лезгинского языка // Талибов Б Б Лезгинско-русский словарь М , **1966**
Талибов Б Б **Цахурский** язык // Языки народов СССР М , 1967 Т 4
Терещенко Н М Очерк грамматики ненецкого языка Л , 1947
Терещенко Н М Краткий грамматический очерк ненецкого **языка** // Ненецко-русский словарь М , **1965**
Теселин А С Яванский язык М , 1961
Тодаева Б Х Грамматика современного монгольского языка М , 1951
Хакулинен Л Развитие и структура финского языка, **М., 1953**. Ч I
Холодович А А Очерк грамматики корейского языка М , **1954**
Церетели К Х Современный ассирийский язык М , 1964
Цибахишвили Г К К вопросу о глагольной префиксации в русском языке и грузинском языках // Тр Тбилисского ун-та 1959 Т 83
Чикобава А С Картвельские языки // Языки народов СССР М , 1967 Т 4
Шагиров А К Кабардинский язык // Языки народов СССР М , 1967 Т 4
Шафеев Д А Краткий грамматический очерк афганского языка // **Зидин Г Б** Русско-афганский словарь М , 1955
Шахматов А А Из трудов по русскому языку Учение о частях речи М , 1952
Шкурдин С В Категория залога в русском и казахском языках Автореф дис канд филол наук Алма-Ата, 1957
Эйнтрей Г И Албанский язык Л , 1982
Юшманов Н В Строй арабского языка Л , **1938**
Юшманов Н В **Амхарский** язык М 1959
- Anderson J D* A manual of the Bengali language Cambridge, 1922
Ariste P Grammar of the **votic** language **Blomington** 1967
Baric H **Istorija arbanškog jezika** Sarajevo 1959
Basels de Clement **Sintaxis historica** de la lengua **latina** Barcelona 1948
Baumann E Lehrbuch der indonesischen Sprache (Bahasa Indonesia) Wiesbaden 1967
Block J La formation de la langue marathe P 1919
Brockelmann C Syrische Grammatik Leipzig **1968**
Bucă M **Gramatica istorica a limbii ruse** **Timisoara** 1970
Collinder B Comparative grammar of the **Uralic** languages Uppsala **1960**
Geiger W **Die Sprache der Balutschen** // **Grundriss** der iranischen Philologie 1901 Bd **1**
Abt 2
Horn P Neupersische Schriftsprache // Grundriss der iranischen Philologie 1901 Bd **1**
Abt 2
Jensen **Altermenische** Grammatik Heidelberg 1959
Klima O **Sežert S** **Mluvnice hebrejštiny a aramejštiny** Bratislava 1956
Martin B **Die** deutschen Mundarten Marburg 1954 I
Meillet A Esquisse d'une grammaire **comparee** de l'**armenien** classique Vienne 1903
Muer K H Der Untergang der Deklination **im** Bulgarischen Heidelberg 1920
Panzer B Der **slavische** Konditional **Munchen** 1967
Rossini C Lingua **tigrina** Roma **1940** I
Rothe V **Einfuhrang in die** historische Laut und Formlehre des **Rumanischen** Halle (Saale) 1957
Schleicher A Zur vergleichenden **Sprachwissenschaft** Bonn **1948**
Simonov S **Die** ungarische Sprache Geschichte und Charakteristik Strassburg **1907**
Tauh V Structural tendencies **in** Uralic languages The Hague 1966
Vma\ MA *Thomas B A* The Basis and essentials of **Wlckh I** **1953**

К РАЗДЕЛУ "ПРОЦЕССЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ
И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В ЯЗЫКАХ"

- Абдуллаев** З Г Очерки по синтаксису даргинского языка М, 1971
- Асланов** А М Иберийско-кавказский субстрат в закатальских говорах азербайджанского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков Баку, 1966
- Балкаров** Б Х Адыгские элементы в осетинском языке Нальчик, 1965
- БАРС — Большой англо-русский словарь М, 1972 Т 1
- Бахтин** Н Б Некоторые особенности **русско-алеутского** двуязычия на Командорских островах // ВЯ 1985 N 5
- Гаджиева** Н З Тюркоязычные ареалы Кавказа М, 1979
- Гамкрелидзе** Т В, **Иванов** В В Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический язык праязыка и **протокультуры** Тбилиси, 1984 Т 1
- Гукасян** В Об одном случае замены эргативного падежа при **переходном** глаголе именительным в нижском диалекте удинского языка // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков Нальчик, 1977
- Горький** М **Ломань** кедьга Саранск, 1955
- Дресслер** В Об объяснительной силе естественной морфологии // ВЯ 1986 N 5
- Езоров** В Г Чавашла выросла словарь Шупашкар, 1954
- Зимняя** И А Психологические основы обучения иностранным языкам М, 1979
- Керимов** И А Кайтакский диалект кумыкского языка Автореф дис канд филол наук М, 1953
- Климов** Г А **Алексеев** М Е Типология кавказских языков М, 1980
- Козинский** И Ш, **Соколовская** Н К О соотношении актуального членения и синтаксического членения в синхронии и диахронии // Восточное языкознание грамматическое и актуальное членение предложения М, 1984
- Крюков** М В Система родства китайцев М, 1972
- Кузьмина** И Б, **Немченко** Е В Синтаксис причастных форм в русских говорах М, 1971
- Кузьмина** И Б, **Немченко** Е В История причастий // Историческая грамматика русского языка Морфология Глагол М, 1982
- Леонтьев** А Н Проблемы развития психики / 3-е изд М, 1972
- Лотман** Ю М Роман А С Пушкина "Евгений **Онегин**" Комментарий Л, 1980
- Лурия** А Р Язык и сознание М, 1979
- Майтинская** К Е Заимствованные служебные слова в финно-угорских языках // Symposium **sacculare Societatis Fenno-ugricae**, (Memoir de la **Societe Fenno-Ougrienne**, 185) Helsinki, 1983
- Мирчев** К Българският език през вековете София 1964
- Михеева** М С Основные особенности грамматической системы сереговского говора // Учен зап Коми гос пед. ин-та Сыктывкар, 1960 Вып 8
- Морев** Увулярные согласные в селькупском языке // **Fenno-ugristica** Tartu 1976
- Павилёнис** Р Е Проблема смысла Современный логико-философский анализ языка М, 1983
- Панчвидзе** В Н Грамматический анализ удинского языка Автореф дис д-ра филол наук Тбилиси, 1949
- Пауль** Г Принципы истории языка / Пер с нем М, 1960
- Рамstedт** Г И Введение в алтайское языкознание М, 1957
- Серебренников** Б А О некоторых зональных особенностях развития уральского вокализма // Acta **linguistica hungarica**, 1965 Т XV
- Серебренников** Б А Вероятностные обоснования в компаративистике М, 1974
- Серебренников** Б А О путях превращения одного микротипа в другой микротип (на материале **марийского** языка) // **Историко-типологические** исследования по финно-угорским языкам М, 1978
- Серебренников** Б А Материалистическом подходе к явлениям языка М, 1983
- Степанов** Г В Испанский язык в странах Латинской Америки М, 1963
- Степанов** Ю С Исторические законы и исторические объяснения // Гипотеза в современной лингвистике М, 1980
- СОКЯ — Структурные общности кавказских языков М, 1978
- Тенишев** Э Р **Саларский** язык М, 1963
- Трубинский** В И Очерки русского диалектного синтаксиса Л, 1984

Успенский БА Филологические разыскания в области славянских древностей М , 1982

ФЭС — Философский энциклопедический словарь М , 1983

Цыхун ГА Типологические проблемы балканославянского языкового ареала Минск, 1981

Шалапина ЗМ Семантические элементы, семантические отношения и их взаимосвязь в системе элементарных семантических единиц // Представление знаний и моделирование процессов понимания Новосибирск, 1980

Шнирельман ВА Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе М , 1982

Barnhart C L Steinmetz S Barnhart R K Dictionary of New English 1963—1972 N Y , 1975

Bever T G Langendoen D T The interaction of speech perception and grammatical structure in the evolution of language // Linguistic change and generative theory / Eds R Stockwell, R Macauley Bloomington, 1972

Briere E An investigation of phonological interference // Language 1966 Vol 42 N 2

Briere E Campbell R Soemarmo S A need for the syllable in contrastive analysis // J of verbal learning and verbal behaviour 1968, 7, 4

Caraman P Une influence roumain sur les langues slovaque et tchèque // Logos semantikos B , N Y , Madrid, 1981 Vol 5

Chatterji K The origin and development of the Bengali language Calcutta, 1926

Clark R Aspects of Proto-Polynesian syntax Auckland, 1976

Goldman I Ancient Polynesian society Chicago, 1970

Hamp E On the disappearing English relative particle // Akten der salzburger Fruhlingstagung fur Linguistik 1975 Bd 1

Huttar G L Sources of Greole semantic structures // Language 1975 Vol 51 N 3

Huttar G L Some Kwa-like features of Djuka syntax // Studies in African linguistics 1981 Vol 12 N 3

Kont K Kaandsonaline objekt laanemeresoome keeltes Tallin, 1969

Lehmann W Proto-Indo-European syntax L , 1972

Lighfoot D Principles of diachronic syntax Cambridge, 1979

Lockwood W B Indo-European philology, historical and comparative L , 1969

Nadkarni M Bilingualism and syntactic change in Konkani // Language 1975 Vol 51 N 3

Quirk R Greenbaum S Leech F Svartvik J A grammar of contemporary English L , 1972

Sahlins M D Social stratification in Polynesia Seattle, 1958

Sandfeld K Linguistique balkanique P , 1930

Sharpe P Spanish borrowing into Aymara clothing vocabulary // The Aymara language in its social and cultural context / Ed M J Hardman Gainesville, 1981

Slobin D The origin of grammatical encoding of events // Syntax and semantics 15 Studies in transitivity Eds P Hopper, S Thomson N Y , 1982

Tauh V Structural tendencies in Uralic languages L , The Hague, 1966

Traugott E The history of English syntax L , 1972

Wagner H Des Verbum in den Sprachen der britischen Inseln Tubingen, 1959

К РАЗДЕЛУ "ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ЯЗЫКЕ, НО НЕ ИМЕЮЩИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ОТРАЖЕНИЮ КАРТИНЫ МИРА"

А глендорф А Очерк истории французского языка М , 1959

Андронов М С Дравидийские языки М , 1965

Аракин В Д Очерки по истории английского языка М , 1955

Баранников А П Хиндустани (хинди и урду) М , 1956

Баранникова Л И Вариативность языковых систем и проблема типологических вариантов // Вариативность как свойство языковой системы (Тезисы докладов) М , 1982 Ч I

Бернштейн С Б Очерки сравнительной грамматики славянских языков М , 1961

Бирюков Б В О некоторых философско-методологических сторонах проблемы значения звуковых выражений // Проблемы знака и значения М , 1969

Богуславский М Слово и понятие // Мышление и язык М , 1957

- Бодуэн де Куртене И А* Об общих причинах звуковых изменений // Бодуэн де Куртене И А Изб труды по общему языкознанию М , 1963
- Будагов Р А* Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка // ВЯ 1972 N 1
- Вандриес Ж* Язык М , 1937
- Вессен Э* Скандинавские языки М , 1949
- Вольф Е М , Никонов Б А* Португальский язык М , 1965
- Гак В Г* Языковая вариативность в свете общей теории вариативности как средство языковой системы // Вариативность как свойство языковой системы (Тезисы докладов) М , 1982 Ч 1
- Гарибян А С* Армянская диалектология Ереван, 1953 (на арм языке)
- ГКЧЛЯ — **Грамматика** кабардино-черкесского литературного языка М , 1957
- Горский Д П* Вопросы абстракции и образование понятий М , 1961
- Драгунов А А* Исследования по грамматике современного китайского языка М , Л , 1952
- Дьяконов И М* Языки древней Передней Азии М , 1967
- Елкина Н М* Старославянский язык М , 1960
- Есперсен О* Философия грамматики М , 1958
- Жаров Б С* Датское произношение Л , 1969
- Жирмунский В М* Диалектология немецкого языка М , Л , 1956
- Жирмунский В М* История немецкого языка М , 1965
- Жзэй Л* Татар диалектологи **ясэ**, Казан, 1967
- Завадовский Ю Н* Арабские **диалекты**, Магриба М , 1962
- Иванов В В* Историческая грамматика русского языка М , 1964
- Иванова Л Г , Мартынова Н А , Хонкасало Э И* Испанский язык на Кубе М , 1971
- Ильиш Б А* История английского языка М , 1968
- Кайыпбергенов Т* Каракалпак кызы Нокис, Казан, 1965
- Карцевский С* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // **Звегинцев В А** История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях М , 1965 Ч 2
- Катагощина Н А* Особенности фонологической системы современных иберо-романских языков, португальского, каталанского и испанского М , 1970
- Кузьмин В П* Принцип системности в теории и методологии К Маркса М , 1976
- Курилович Е* О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике М , 1965 Вып 4
- КГИЛМ — Курс де грамматикэ историка лимбий молдовенешть Кишинэу, 1964
- Кутуй Г* Сайланма **эсэрлэр** Казан, 1947
- Леонтьев А А* Папуасские языки М , 1974
- Линдсей В М* Краткая историческая грамматика латинского языка М , 1948
- Льюис Г и Педерсен Х* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков М , 1954
- Мартине А* Принцип экономии в фонетических изменениях М , 1960
- Медведев Ф П* **Історична** грамматика украшськой мови **Харьків**, 1955
- Мейе А* Общеславянский язык М , 1951
- Мячина Е Н* Язык суахили М , 1960
- Нарский И С* Проблема значения, **"значение"** в теории познания // Проблемы языка и значения М , 1969
- ОЯ — Общее языкознание М , 1970
- Оранский И М* Иранские языки М , 1963
- Охотина Н В* Язык зулу М , 1961
- Петров Н Е* О содержании и объеме языковой модальности Новосибирск, 1982
- Поливанов Е Д* Введение в языкознание Л , 1928
- Поливанов Е Д* Где лежат причины языковой эволюции // Поливанов Е Д Статьи по общему языкознанию М , 1968
- Поппе Н Н* Грамматика письменно-монгольского языка М , Л , 1937
- Прокош Е* Сравнительная грамматика германских языков М , 1954
- РСР — Румынско-русский словарь / Под ред М В Сергиевского и К А Марцишевской М , 1941
- Рясянен М* Материалы по исторической фонетике тюркских языков М , 1955
- Сергиевский М В* История французского языка М , 1932
- Сергиевский М В* Введение в романское языкознание М , 1952

- Сеченов **И. М.** Избр. философские и психологические произведения. М., 1947.
- Смирницкий А. И.** История английского языка. М., 1965.
- СМЯ — Современный марийский язык. Йошкар-Ола, 1961.
- Солнцев **В. М.** Языковой знак и его свойства // ВЯ. 1978. N 2.
- Солнцев **В. М.** Вариативность как общее свойство языковой системы // ВЯ. 1984. N 2.
- Сорвачева **В. А.** Краткий грамматический справочник поддиалектам коми-зырянского языка // Словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Соколова **М. А.** Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.
- Спирки А. Г.** Формы абстрактного мышления на ранних ступенях развития человека // ВФ. 1954. N 5.
- Стеблин-Каменский М. И.** История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
- Стеблин-Каменский М. И.** Древнеисландский язык. М., 1955.
- Тодаева **Б. Х.** Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.
- Торсуев **Г. П.** Фонетика английского языка. М., 1950.
- Филичева Н. Н.** История немецкого языка: Курс лекций. М., 1953.
- Хакулинен **Л.** Развитие и структура финского языка. М., 1953.
- Церетели **К. Г.** Современный ассирийский язык. М., 1964.
- Шарбатов **Г. Ш.** Современный арабский язык. М., 1961.
- Шаховской **В. И.** Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.
- Ширзиев **М. Ш.** Азербайджанские диалектологические записки. Баку. 1962.
- Юшманов Н. В.** Строй арабского языка. Л., 1938.
- Antkowski F.** La chronologie de la monophthongaison des **diphthonges** dans les langues **indo-européennes**. Poznan, 1956.
- Baudiš Z.** **Struktura jazyků** indoevropských. Bratislava, 1932.
- Benzing **J.** Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956.
- Blank **H.** Communal dialects in Baghdad. Cambridge, 1964.
- Brandenstein **W., Mayerhofer M.** Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Braune **W.** Abriss der althochdeutschen Grammatik. Halle (Saale), 1953.
- Bräuer H.** Slawische Sprachwissenschaft. 1. Einleitung und Lautlehre. B., 1961.
- Brockelmann B.** Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. B. 1908, Bd. 1.
- Brugmann K.** Vergleichende Grammatik der **indogermanischen** Sprachen. **Strassburg**, 1904.
- Buck C. D.** Elementarbuch der **oskisch-umbrischen** Dialekte. Heidelberg, 1905.
- Buck C. D.** The Greek **dialects**. Chicago, 1955.
- Burrow **Th.** The Sanskrit language. L., 1954.
- Collinder **B.** Survey of Uralic languages. Uppsala, 1957.
- Collinder B.** Comparative Grammar of the Uralic languages. Uppsala, 1960.
- Coteanu J.** Elemente de dialectologie a limbii romane. Bucuresti. 1961.
- Curtius **G.** Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig, 1869.
- Dauzat **A.** La vie du langage. P., 1922.
- Ficzy **G.** Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.
- Delbrück B.** Einleitung in das Sprachstudium. Leipzig, 1884.
- Dobson W. A. C.** Early Archaic Chinese. Toronto, 1962.
- Ekwall E.** Historische neuenglische Laut- und Formenlehre. B; Leipzig, 1914.
- Endzelin **J.** Lettische Grammatik. Riga, 1922.
- Fleuriot L.** Le vieux breton. P., 1964.
- Frei **H.** La grammaire des faits. P., 1929.
- Fromm **H., Sadeniemi M.** Finnisches Elementarbuch, I. Grammatik. Göttingen, 1956.
- EI** — Enciclopedia italiana. 1936. **XXXI**
- Gabelenz **Georg von.** Die Sprachwissenschaft, Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1901.
- Grandgent Ch. H.** From Latin to Italian. Cambridge, 1927.
- Griera **A.** Dialectologie catalana. Barcelona. 1919.
- Horma O.** Fincka dialekter. Stockholm, 1970.
- Horn P.** Neupersische Schriftsprache // Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg, 1901. 1—2. Abt.
- Horn W.** Sprachkörper und Sprachfunktion. Leipzig, 1923.
- Huber H. J.** Katalanische Grammatik. Heidelberg. 1929.
- Itkonen E.** Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966.

Jahagirdar R.V. An introduction to the comparative philology of **Indo-Aryan** languages. Puna. 1932.

Jespersen O. Language, its **nature**, development and origin. L. 1925.

Judd H.P. The Hawaiian language. Honolulu. 1949.

Kalitsunakis J. Grammatik der neugriechischen Volkssprache. B. 1963.

K ask A. Easti **keele** ajalooline **grammatika**. Tartu, 1967.

Kent R.G. Old **Persian**. new Haven, 1953.

Kettunen L. Lounavepsä **häälikajalugu**. II. Vokaalid. Tartu. 1922.

Kettune L. Suomen lähisukukielten **luonteenomaiset** piirteet. Helsinki. 1960.

Kieckers E. Historische lateinische Grammatik. I. Teil. **Lautlehre**. München. 1930.

Kienle R. von. Historische Laut- und Formenlehre des Deutschen. Tübingen. 1960.

Klemensiewicz Z. *Lehr-Splawinski T.* *Urbanczyk S.* **Grammatyka** historyczna języka polskiego. **Warszawa**, 1964.

Martin B. **Dic** deutsche Mundarten. Marburg. 1954. Bd. 1.

Maurer Th. **Henrique**. Grammatica du latin vulgar. Rio de Janeiro. 1959.

Mathews W. Cockney. Past and Present. A short history of the Dialect of London. L. 1938.

Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'**armenien** classique. Vienne. 1903.

Papp I. **Unkarin** kielen historia. Helsinki. 1968.

Passy P. **Étude** sur les changements **phonétiques** et leurs caractères généraux. P. 1891.

Poppe N.N. Introduction to **mongolian** comparative studies. Helsinki. 1955.

Poppe N.N. Das Jakutische // Philologiae **turcicae** fundamenta. Wiesbaden. 1959. T. 1.

Poppe N.N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden. 1960. Tl. 1.

Regula M. Historische Grammatik des Französischen. Bd. 1. Lautlehre. Heidelberg, 1955.

Rheinfelder H. Altfranzösische Grammatik. 1. Teil. Lautlehre. München. 1963.

Roland G.K. Old Persian. New Haven. 1953.

Roth W. Einführung in die Laut- und Formenlehre des Rumänischen. Halle. 1967.

Schleicher A. Die deutsche Sprache. Stuttgart, 1849.

Shrijnen J. Einführung in das Studium der indogermanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1921.

Thumb A. Handbuch der **neugriechischen** Volkssprache. **Strassburg**, 1910.

Vicento Garcia del Diego. Manual de la **dialectologia** espanola. Madrid. 1959.

Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // Сов. **финно-угроведение**. 1972. Т. 8.

Voretzh K. Einführung in das Studium den altfranzösischen Sprache / 7. Aufl. Halle. 1951.

Wenck G. Japanische Phonetik. Wien. 1954. Bd. I.

Wright J. Comparative grammar of the Greek language. Oxford. 1912.

К РАЗДЕЛУ "ОБ ИММАНЕНТНЫХ ЗАКОНАХ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В ЯЗЫКЕ"

Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 29.

Маркс К. *Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, 37.

Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1979.

Дегтярева Т.А. Пути развития современной лингвистики. Кн. 3. Структурализм и принципы марксистского языкознания. М., 1964.

Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. М., 1977.

Друянов Л.А. Место закона в системе категорий материалистической диалектики. М., 1981.

Жаров В.С. Датское произношение. М., 1969.

Журмунский В.М. Немечкая диалектология. М.; Л., 1956.

Злобина В.Е. К проблеме лексической интерференции в карельском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3.

Иванова Л.Т. *Мартынова Н.А.* *Хонкасало Э.И.* Испанский язык на Кубе. М., 1971.

МД — Марксистская **диалектика**. Ташкент, 1982.

Панфилов В.З. Философские **проблемы** языкознания. М., 1977.

Филин Ф.П. Советское языкознание. Теория и практика // ВЯ. 1977. N 5.

Chatlerji G. **Indo-Aryan** A Hindi / 2. ed. Calcutta, 1960.

Grammont M. Traité de phonétique. P. 1950.

Vasmer M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. **Heidelberg**, 1955. Bd. 2.

К РАЗДЕЛУ "ОБЩЕСТВЕННОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В СОЗНАНИИ"

- Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 18.
Марк К. Энгельс Ф. Соч. Т. 13, 19, 20.
- Беритов И.С.* О физиологических механизмах поведения высших позвоночных животных // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1957. N 2.
Геворкян Г.А. О роли абстракции в познании. Ереван, 1957.
Келле В.Ж., Ковальон Н.Я. Общественное сознание. М., 1966.
Кольцова М.М. Обобщение как функция мозга. Л., 1967.
Кондаков Н.И. Логика. М., 1954.
Кузьмин В.Ф. Объективное и субъективное. М., 1976.
Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
Михайлова И.Б. Чувственное отражение в современном научном познании. М., 1972.
Новик И.Б. К вопросу о специфике человеческого сознания // Учен. зап. Молотовского гос. ун-та им. **А.М** Горького, 1957, Т. X. Вып. 3.
Орлов В.В. Особенности чувственного познания. Пермь, 1962.
Панфилов В.З. К вопросу о соотношении языка и мышления // Мышление и язык М., 1957
Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1946.
Сеченов И.М. Избр. философские и психологические произведения: М., 1947.
Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971.
Формы общественного сознания. М., 1960.
Шорохова ЕВ. Проблема сознания как **комплексная** проблема современной науки // Проблема сознания и закономерности его развития: Материалы симпозиума. Новосибирск, 1966.

К РАЗДЕЛУ "ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ"

- Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20.
- Аракин В.Д.* Очерки по истории английского языка. М., 1955.
Ардентов Б.П. Мысль и язык. Кишинев, 1965.
Беляев Б.В. О слове и понятии // Учен. зап. 1-го МГПИ иностр. языков. М., 1954.
- Т. VIII. Экспериментальная фонетика и психология речи.
Булаховский Л.А. Введение в языковедение. М., 1953. Ч. П.
Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л., 1934.
Копнин ИВ. Формы мышления и их роль в познании. М., 1955.
Кудрявский Д.Н. Введение в языковедение. Юрьев, 1912.
Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
Мальцев В.П. Значение и понятие // Проблема значения в лингвистике и логике. М., 1963.
Мячина Е.Н. Язык суахили. М., 1960.
Павловские среды. М.; Л., 1949. Т. III.
Протасяня П.Ф. О словесном мышлении как специфической особенности познания // **Научн.** труды по философии Белорусского гос. ун-та им. **В.И.** Ленина, 1958. вып. 2.
Рубинштейн С.А. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.
Руднев А.Г. Проблемы формы и содержания в языке. Л., 1959.
Сеченов И.М. Избр. философские и психологические произведения. М., 1947.
Советский энциклопедический словарь. М., 1969.
Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
Соловьева И.М., Шиф Ж.П. Развитие образного мышления у глухонемых и плохо слышащих школьников // О психическом развитии глухих и нормально слышащих детей. М., 1962.
Сотникян П.А. Основные проблемы языка и мышления. Ереван, 1968.
Спиркин А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. М., 1957.
Терещенко Н.М. Краткий грамматический очерк ненецкого языка // Ненецко-русский словарь. М., 1955.

Чесноков П. В. Неогумбольдтианство /, Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.

Шорохова Е. В. Учение И. П. Павлова о сигнальных системах / Учение И. П. Павлова и философские проблемы психологии. М., 1952.

К РАЗДЕЛУ "О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ЯЗЫКЕ"

Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 29.

Булаховский Л. А. Введение в языкознание. М., 1953. Ч. II.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. Диалектика и логика. Формы мышления. М., 1962.

Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка в I Новгородской летописи. Л., 1923.

Колшанский Г. В. Проблема противоречий в структуре языка // Энгельс и языкознание М., 1972

Ломтев Т. П. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // ВФ. 1953. N 5.

Ломтев Т. П. Внутренние противоречия как источник исторического развития языка // Энгельс и языкознание. М., 1972.

Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.

Сорокин А. А. О понятии противоречия в диалектике // Диалектическое противоречие. М., 1979.

Busa M. Gramatică istorică a limbii ruse. Timişoară, 1970.

Judd H. P. The Hawaiian Language. Honolulu; Hawaii, 1949.

Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. III. Formenlehre. B.; N.Y., 1972.

Zipf G. K. The psycho-biology of language: An introduction to dynamik philology. Boston, 1935.

РЕЗЮМЕ

Настоящая книга "Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление" является органическим продолжением труда "Роль человеческого фактора в языке. "Язык и картина **мира**" (М.: Наука, 1988).

Начальные разделы этой книги посвящены той же основной теме "**Выражение** картины мира в языке", но специально рассматривается грамматический строй различных языков мира. Автор приходит к интересному выводу: в языках мира нет стремления к созданию особо сложных грамматических категорий и грамматических правил. Все языки мира стремятся создать сравнительно несложную, но достаточную для нужд языковой коммуникации систему. Особо рассматривается проблема заимствований в различных языках, поскольку все заимствования производятся людьми. Было бы ошибочно думать, что абсолютно все в языке предназначено для выражения картины мира. В языке совершается немало процессов, не имеющих прямого отношения к непосредственному выражению картины мира. Это процессы, связанные с тенденцией к экономии физиологических затрат, с тенденцией к улучшению и совершенствованию средств языкового выражения, к восстановлению средств, необходимых для коммуникации и т.п. Все эти процессы находят в книге довольно подробное описание.

Последователи марризма, как известно, полностью отрицали роль внутренних законов, действующих в языке. В особом разделе книги специально доказывается, что внутренние законы в языке действительно существуют и внутренний закон языка может быть совершенно не связан с общественными законами, например закон языкового знака. Отрицание существования в языке внутренних законов представляет явный пережиток марризма.

Язык тесно связан с мышлением, хотя и не тождествен ему. Поэтому в книге рассматриваются также и некоторые законы мышления. Автор подробно останавливается на проблеме "Роль субъективного в отражении человеком окружающего мира". В философии нередко наблюдается неправильное понимание субъективного, когда субъективное трактуется как нечто, искажающее правдивое отражение человеком окружающего мира. Между тем роль субъективного в отражении окружающего мира огромна. В любом отражении

всегда присутствует известная доля субъективного, и правильное понимание объективного без элементов субъективного было бы невозможно. Эта проблема нуждается в специальном рассмотрении и объяснении.

Наконец, в предлагаемой книге специально раскрывается такая категория марксистской диалектики, как противоречие. О противоречиях в языке говорилось очень много, но, к сожалению, этот вопрос не получил до сих пор достаточной ясности.

Очень немногие лингвисты знают, в чем заключаются противоречия в языке и каковы их основные особенности. Разумеется, здесь идет речь о так называемых диалектических противоречиях, а не о противоречиях, создаваемых рассудком человека.

Особое значение в книге имеет **раздел** о преодоленных и непреодоленных противоречиях. Источником противоречий обычно является столкновение тенденций, действующих в различных сферах языка.

Предлагаемая книга разрешает много различных проблем, без уяснения которых трудно получить более или менее правильное представление о языке и роли в нем человеческого фактора.

SUMMARY

The present book "Role of the human factor in language. Language and thinking" is an organic continuation of the work "Role of the human factor in language. Language and picture of the world" (Moscow, **Nauka**, 1988).

The initial parts of this book are devoted to the same basic theme "The expression of the picture of the world in language", but the grammatical structures of different languages of the world are considered specially. The author comes to an interesting conclusion: there is no tendency in the world languages to create extremely complex grammatical categories and grammatical rules. All languages of the world tend to create a relatively **non-complex**, but sufficient for the needs of linguistic communication system. The problem of borrowings in different languages is given special attention because all the borrowings are done by people. It would be a mistake to think that everything in language is intended for the expression of the picture of the world. There are lots of processes in language which have no direct relation to the immediate expression of the picture of the world. There are processes connected with the tendency to the economy of the physiological expenditure, with the tendency to the improving and perfection of linguistic means of expression, to the restoring the means indispensable for communication and so on. All these processes are described in detail in the book.

As is generally known the followers of N.Ya. Marr completely refuted the role of inner laws of language. The author proves in a separate part of the book that the inner laws really exist in language and the inner law of the language can be completely disconnected with the social laws, e.g. the law of a linguistic sign. The refutation of the inner laws in language is the obvious remnant of Marr's theory.

Language is closely connected with thinking though is not identical with it. Therefore some other laws of thinking are also analysed in the book. The author treats the problem "Role of the subjective in the man's reflection of the surrounding world" in detail. One can often observe the wrong interpretation of the subjective when the subjective is treated as something distorting the true reflection by man of the surrounding world. Whereas the role

of the subjective in the reflection of the surrounding world is great. A certain amount of the subjective is always present in any reflection and the true understanding of the objective without the elements of the subjective would be impossible. This problem needs a special study and explanation.

Finally, such category of **marxist** dialectics as contradiction is specially analysed in this book. The contradictions in language were talked a lot but unfortunately this question was not yet made clear.

Very few linguists know what the contradictions in language consist in and what their peculiarities are. It deals with the so called dialectic contradictions, of course, but not with the contradictions created by the human brain.

A part of the book on the solved and unsolved contradictions is of special importance. The collision of tendencies found in the different spheres of language is usually a source of contradictions.

The offered book solves a lot of different problems, it would be difficult to get more or less proper notion of the language and the role of the human factor in it without the solution these problems.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- абх. — абхазский
авар. — аварский
авест. — авестийский
аз. — азербайджанский
алб. — албанский
алт. — алтайский
англ. — английский
араб. — арабский
арам. — арамейский
арм. — армянский
ассир. — ассирийский
атт. — аттический диалект греческого
афг. — афганский
башк. — башкирский
болг. — болгарский
брет. — бретонский
бур. — бурятский
валл. — валлийский
венг. — венгерский
вепс. — вепсский
вост.-сир. — восточносирийский
вост.-хант. — восточнохантыйский
вьет. — вьетнамский
гав. — гавайский
галл. — галльский
гег. — гегский
г.-мар. — горно-марийский
голл. — голландский
гомер. — гомеровский (греческий)
гр. — греческий
гот. — готский
груз. — грузинский
дат. — датский
др.-англ. — древнеанглийский
др.-арм. — древнеармянский
др.-в.-н. — древневерхненемецкий
др.-герм. — древнегерманский
др.-евр. — древнееврейский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-нем. — древненемецкий
др.-перс. — древнеперсидский
др.-тюрк. — древнетюркский
евр. — еврейский
зап.-сир. — западносирийский
зэнд. — зендский
и.-е. — индоевропейские
индонез. — индонезийский
ирл. — ирландский
исп. — испанский
ит. — итальянский
каб. — кабардинский
каб.-черк. — кабардино-черкесский
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
карел. — карельский
кат. — каталанский
кирг. — киргизский
кимр. — кимрский
К Калп. — каракалпакский
коми-зыр. — коми-зырянский
КОМИ-ЯЗЬВ. — коми-язьвинский
кор. — корейский
кум. — кумыкский
курд. — курдский
лат. — латинский
лезг. — лезгинский
лив. — ливский
лит. — литовский
литер. — литературный
лтш. — латышский
луг.-мар. — лугово-марийский
манс. — мансийский
мар. — марийский
мокша-морд. — мокша-мордовский
молд. — молдавский
монг. — монгольский
нан. — нанайский
нар. лат. — народная латынь
н.-в.-н. — нижневерхненемецкий
н.-гр. — новогреческий
нем. — немецкий
нен. — ненецкий
норв.-саам. — норвежско-саамский
н.-перс. — новоперсидский
осет. — осетинский
оск. — оскский диалект латинского
перс. — персидский
п.-монг. — письменный монгольский
польск. — польский

порт. — португальский
прасл. — **праславянский**
прус. — прусский
рум. — румынский
рус. — русский
саам. — саамский
сакс. — саксонский
санск. — санскрит
сев.-осет. — североосетинский
сербо-хорв. — сербо-хорватский
сир. — сирийский
слав. — славянский
слов. — словенский
совр. англ. — современный английский
совр. **болг.** — современный болгарский
совр. гр. — современный греческий
совр. перс. — современный персидский
ср.-англ. — среднеанглийский
ср.-в.-н. — **средневерхненемецкий**
ст.-порт. - старопортугальский
ст.-сл. — старославянский
ст.-фр. - старофранцузский
тадж. — таджикский
тамил. — тамильский
тат. — татарский
тел. - телеутский

тосск. — **тосскский**
тув. — тувинский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
удм. — удмуртский
фин. — финский
фр. — французский
хант. — хантыйский
хак. — хакасский
цыг. — цыганский
чеш. — **чешский**
чигил. — **чигильский**
чув. — чувашский
чук. — чукотский
швед. — **шведский**
шор. — **шорский**
эвенк. — эвенкийский
эрзя-морд. - эрзя-мордовский
эск. **эскимосский**
эст. - **эстонский**
эфиоп. — эфиопский (амхарский)
южно-ам. - южноамериканский
южно-вепс. — южновепсский
южно-эст. - **южноэстонский**
як. — якутский
яп. **японский**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Роль грамматического строя в отображении языковой картины мира	S
Грамматические формативы, не выражающие отношений между словами	6
Имя существительное	6
Имя прилагательное	9
Выражение множественного числа	10
Именные классы	11
Категории принадлежности	13
Категория определенности	14
Категория лица	14
Обозначение способов протекания действия (вид и акционсарт)	14
Наклонения	23
Грамматические формативы, выражающие отношения между словами	30
Падежные формативы и их семантические аналогии как наиболее показательный пример выражения отношений между словами	33
Выражение времени	47
Залог	51
Синтаксис	57
О несравности выражения грамматических значений	65
Процессы заимствования и взаимовлияния в языках	68
Общие замечания	68
Некоторые основные понятия	78
Лексические заимствования	80
Грамматические заимствования и влияния . структурные элементы, служебные слова	86
Процессы, происходящие в языке, но не имеющие непосредственного отношения к отображению картины мира	93
Процессы, вызываемые тенденцией к экономии физиологических затрат	93
Тенденции к улучшению языкового механизма	114
Тенденция к компенсации коммуникативно необходимых языковых элементов	124
Тенденция к созданию симметричной системы фонем	125
Процессы, обусловленные особенностями человеческой речи	131
Об имманентных законах, действующих в языке	148
Общественное и индивидуальное сознание. Проблема объективного и субъективного в сознании	162
Типы мышления	188
Словесное мышление	192
Авербальные формы мышления	193
Образное мышление	193
Практическое мышление	194
Авербально-понятийное мышление	195
Редуцированное мышление	196
Мышление, основывающееся на конечных результатах действий	197
Смешанный характер человеческого мышления	198
О лингвокреативном мышлении	198
О компенсации недостатков лингвокреативного мышления	210
О противоречиях в языке	213
Непреодоленное противоречие	217
Преодоленное противоречие	217
Литература	230
Принятые сокращения языков и диалектов	244

CONTENTS

Preface	3
Role of the grammatical structure in the reflection of the linguistic picture of the linguistic picture of the world	5
Grammatical formants which do not express the relations between words	6
Noun	6
Adjective	9
Expression of plurality	10
Nominal classes	11
Category of possessivity	13
Category of definitness	14
Category of person	14
Expression of the ways of action proceeding (aspect and actionsart)	14
Moods	23
Grammatical formants which express the relations between words	30
Case formants and their semantic analogies as the most striking example of expressing relations between words	33
Expression of time	47
Voice	51
Syntax	57
Irregularity in expressing of grammatical meanings	65
Processes of borrowing and interaction in languages	68
General remarks	68
Some basic notions	78
Lexical borrowings	80
Grammatical borrowings and influences structural elements, syntactic words	86
Processes in language having no immediate relation to the reflection of the picture of the world	93
Processes caused by the tendency to the economy of the physiological expenditure	93
Tendencies to the improvement of the language mechanism	114
Tendencies to the compensation of the language elements indispensable for the communication	124
Tendencies to creation of the symmetric system of phonemes	125
Processes determined by the peculiarities of human speech	131
On the immanent laws acting in language	148
Social and individual consciousness. The problem of the objective and the subjective in consciousness	162
Types of thinking	188
Verbal thinking	192
Nonverbal forms of thinking	193
Image-bearing thinking	193
Practical thinking	194
Nonverbal-notional thinking	195
Reduced thinking	196
Thinking based on the ultimate results of actions	197
Mixed character of the human thinking	198
On the linguistic creative thinking	198
On the compensation of the defects of the linguistic creative thinking	210
On the contradictions in language	213
Unsolved contradiction	217
Solved contradiction	217
Literature	230
Received abbreviations of languages and dialects	244

Научное издание

**Серебренников
Борис Александрович**
**РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА
В ЯЗЫКЕ
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Художник *Н. Н. Смагин*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *М. К. Серегина*
Корректор *З. Д. Алексеева*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 38317

Подписано к печати 25.05.88. Формат 60X90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная N 1. Гарнитура Тайме
Печать офсетная
Усл.печ.л. 15,5. Усл.кр.-отг. 15.9. Уч.-изд л. 18.8
Тираж 3900 экз. Тип.заг. 302
Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "**Наука**"
117864 ГСП-7. Москва В-485. Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография
издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12